

МИР ШПИОНАЖА

Анатолий Терещенко

КОНТРРАЗВЕДКА: ОХОТА ЗА КРОТАМИ

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ
www.argumenti.ru • ВЫХОДИТ ПО ЧЕТВЕРГАМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге ветерана спецслужб А. С. Терещенко идет речь о предателях из числа разведчиков, о мотивах страшной и позорной для разведчика мимикрии, о том, как этих Иванов, забывших о присяге и не помнящих родства, вычисляли военные контрразведчики. В книге показана конкретная работа специалистов контрразведки последних лет существования нашей общей Родины — СССР. Автор размышляет о политике, роли личности в истории, показывает фрагменты событий 1991 и 1993 годов, похоронивших веру в чистоту власти, и дает их оценку.

- Анатолий Терещенко
  - Слово об авторе
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Слово памяти о первом начальнике
  - Тень абвера
  - Послесловие

Анатолий Терещенко
Контрразведка. Охота за «кротами»

Слово об авторе

Терещенко Анатолий Степанович после окончания в 1967 году Высшей школы КГБ при СМ СССР служил в органах военной контрразведки. С 1974 по 1992 год работал в центральном аппарате 3-го Главного управления КГБ СССР.

С 1984 по 1992 год руководил подразделением, личный состав которого оперативно обслуживал Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба Вооруженных сил (ВС) СССР.

О доблестной и опасной службе военных разведчиков, своеобразной интеллектуальной элите армии, написаны сотни книг. Они достойны добрых слов. Бойцы незримого фронта вписали своей службой — подвигом золотые страницы в историю Отечества.

Но в семье, как говорится, не без урода: среди офицеров ГРУ попадались предатели, отдавшие душу дьяволу за тридцать сребреников.

О мотивах этой страшной и позорной для разведчика мимикрии, о том, как этих Иванов, забывших о присяге и не помнящих родства, вычисляли военные контрразведчики, и ведет автор разговор в своей очередной книге «Контрразведка. Охота за «кротами». Она явилась результатом существенных дополнений и переработки книги «Оборотни из военной разведки».

Анатолий Терещенко — один из непосредственных организаторов и участников многих оперативных разработок.

Чтобы избежать яканья, придать повествованию динамику, а сюжету — простор, автор решил вести разговор от имени Николая Семеновича Стороженко.

Успехи чекистов в разоблачении вражеской агентуры в 1970-1990-х годах недавно ушедшего от нас тяжелого века с двумя мировыми войнами, одной гражданской и предательским развалом СССР говорили о высоком мастерстве оперативных работников и четком взаимодействии различных подразделений КГБ СССР. В этой книге автор говорит с теплотой и о своих коллегах — участниках тех памятных событий.

Терещенко А.С. — почетный сотрудник органов госбезопасности, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы. Он член-корреспондент Всемирной академии наук комплексной безопасности РФ, автор пяти поэтических книг: «Полесские волошки», «Огня пугливый луч», «Офицерская честь», «Лирика. Я вслушиваюсь в листьев благовест» и «Мудрилки», а также прозы — «Оборотни из военной разведки», «Смерш в бою», «Наследники Смерша», «Взорванный век» (трилогия), «Под

псевдонимом Зорич», «Маршал военной разведки», «Абакумов. Жизнь, Смерш и смерть», «Чистилище Смерша. Сталинские «волкодавы», «Император ГРУ» в соавторстве с А.А. Вдовиным и др.

Произведения Терещенко А.С. публиковались в антологиях и альманахах — «Поэзия-2000», «Московские зори», «Москва… как много в этом звуке», «Я помню чудное мгновенье…», «Лубянка», «Радонеж» и др. Его стихи печатались в центральных газетах и журналах.

Автор опубликовал в газетах и журналах СССР, России и Украины более ста публицистических статей.

Член Союза писателей России
Дмитрий Алентьев

Предисловие

Есть преступления, которые не искупаются, — это измена Родине.

П. Буаст

Родину, как и мать, не выбирают. Она дается с рождения. Большая Родина, что бы кто ни говорил, начинается с Малой, и душа их пишет с большой буквы. С той Родины, где родился, где прошло твое детство, где живут или жили родители и дальние предки, где впервые почувствовал себя сильным, способным защитить родное и близкое — родню, друга, отчий дом, родную землю.

Нам дороги родители, милы дети и внуки, близки родственники и друзья. Но все представления о любви к ним соединены в одном слове — Отчизна!

«Какой честный человек, — говорил Цицерон, — станет колебаться умереть за нее, если он может принести этим пользу». К сожалению, новые времена внесли немало корректив в этот афоризм.

Не приемлю политиков-временщиков, заботящих только о своем благополучии, путающих власть с бизнесом, казну с собственным карманом. А ведь сила патриотизма напрямую зависит от веры людей в добропорядочность и честность, смелость и спокойствие своих венценосцев, слова которых должны органически вплетаться в дела, направленные на процветание державы.

Для военных людей, соединяющих слово и дело в единый узел, главной является защита государства от внешних посягательств. Для военных же контрразведчиков — это прежде всего обеспечение безопасности частей и подразделений, их мозговых центров — штабов всех степеней — и борьба с вражескими акциями иностранных разведок по внедрению своей агентуры в войска.

Автору этих строк в течение более четверти века довелось заниматься оперативной деятельностью в системе военной контрразведки. Большая часть службы была отдана контрразведывательному обеспечению ГРУ Генштаба ВС СССР — одному из основных объектов первоочередных устремлений ЦРУ США. С 1970-х по 1990-е годы военным чекистам удалось выявить и обезвредить ряд агентов вражеских спецслужб из числа советских военнослужащих. Все без исключения это были люди, шедшие на предательство из корыстных соображений.

События, излагаемые в книге, основаны на документальных материалах. Однако по оперативным и этическим соображениям фамилии некоторых героев и антигероев, а также названия мест событий изменены. Они обозначены звездочками.

Цель написанного — не только популяризация высокого профессионального уровня коллег, оболганных сегодня «четвертой властью». Главное — это предупреждение о том, что, пока существуют государства, независимо от «теплоты» отношений их руководителей между собой, будут активно функционировать разведки, использующие на полях невидимых сражений самые передовые технологии и достижения человеческого разума. Автор этих строк сделал все что мог, чтобы воскресить в памяти поединки военной контрразведки со спецслужбами США в удаляющиеся 1980-е годы. Кто может, пусть сделает лучше.

Тешить себя иллюзиями о паритетном сокращении усилий «больше знать о партнере» — величайшее заблуждение. Помешать же иностранным разведкам в поисках государственных секретов — важнейшая задача контрразведывательных органов любого государства.

В книге показана конкретная работа военных контрразведчиков последних лет существования нашей общей Родины — СССР. Автор размышляет о политике, роли личности в истории, показывает фрагменты событий 1991 и 1993 годов, похоронивших веру в чистоту власти.

К сожалению, за годы «реформаторства» много шансов наладить нормальную жизнь было упущено. Своего пути в лечении социальных болячек мы не искали, а всё надеялись на забугорного «терапевта». Но такие «эскулапы» помогали только в разоружении армии и откачке природных ресурсов. К счастью, надо было некоторым политикам пройти десяток лет, чтобы согласиться, что заокеанские «доктора» носят с собой не только лекарства, но и яды.

Добить былое величие сверхдержавы, с которой считался весь мир, — вот главная задача радетелей российского благополучия в области «свобод и демократии». Эти кукловоды через своих послушных марионеток уже натворили много такого, что народам России придется разгребать десятилетиями для восстановления прежнего уровня человеческого бытия.

Трижды прав великий философ современности Александр Зиновьев, сказавший, что «перестройщики» и «реформаторы» причинили зла простым людям во сто крат больше, чем сталинисты.

История России — это история почти что постоянно осажденной крепости. Войны изматывали и закаляли ее

одновременно. Подумайте только — с 1365 по 1893 год, т. е. за пятьсот с лишним лет, Россия, по подсчетам историков, 305 лет провела в войнах. Победить врагов помогали дух, вера и государственная организованность. Сегодня Россия только собирается с мыслями и готовится к делам, которых невпроворот от недавнего «демократического» безумия.

Часто люди задают вопрос: чем же отличается шпион от разведчика? На этот вопрос когда-то точно ответил американский исследователь «полей сражений на невидимых фронтах» Курт Зингер. В частности, он сказал:

«Все вражеские агенты — это шпионы, все наши — разведчики». Так же часто рассуждаем и мы, только с обратным знаком.

Не столько от власти, сколько от самого народа зависит качество нашей жизни сегодня и в будущем. Именно народ должен нанимать власть и не просить, а жестко требовать от нее положительной отдачи. Работать на это должны мы все, чтобы могли честно сказать словами А. Твардовского:

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать, не трусить,
Верным быть народу.
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду,
А если —
То и жизнь отдать.

Только так мы можем выстоять в годину тяжелейших испытаний, выпавших на плечи униженной Отчизны, разрубленной недалекими политиканами-нехристями на кровоточащие куски и ввергнутой в экономический хаос.

Выстоять во имя будущего великой Родины — добрая и значимая цель!

Глава первая
Учебные будни

Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться.

Демокрит

Служба в армии во все времена была почетна и престижна. Недаром люди еще недавно смотрели с недоверием на тех, кого не брали в армию. В период же ельцинского безвременья, к сожалению, оценки ратного труда поменялись до наоборот. Армия по вине политиканов находилась на заклании. Офицер по зарплате сравнялся с дворником!!! Слава Богу, сегодня вектор заботы о защитниках Родины развернут в нужном направлении.

А не позорно, что еще не так давно народ едва отстоял у правящей «Единой России» свое знамя Победы, как выяснилось, что чинуши из «слуг народа» замыслили заменить более 2 тысяч боевых знамен некими пестрыми флажками с орлами, крестами, «рыночным гламуром». Видите ли, им не понравились символы победного стяга — звезда с серпом и молотом. Но победители присягали на верность Родине и народу в минувшую войну именно этому Знамени. Они еще живы, а потому получается, что власть плюнула в их сторону. Правда, скоро чиновники-либералы поняли, что с символами, окропленными кровью павших защитников России, шутить опасно. Что ж для слуг миллиардеров ветераны — это уже отработанный материал…

Жарким июньским днем 1963 года, отслужив три года срочной службы и оставив ставший родным полк во Львове, Николай Стороженко прибыл в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Высшую школу КГБ при СМ СССР.

До службы бредил небом — хотелось стать летчиком. Непременно истребителем. Зачитывался книгами о героях-летчиках, строил и поднимал в небо модели самолетов. Все ученические тетради и учебники у него были изрисованы винтокрылыми машинами. Пришло время — подал документы в училище ВВС, но заболел. Пока находился в больнице, завершились вступительные экзамены. Пришлось поступить в педучилище физического воспитания, благо с детства серьезно увлекался спортивной гимнастикой — готовил себя к профессии летчика: свободно крутил «солнышко» на перекладине, почти

держал «крест» на кольцах, освоил связку «рондат — фляк — сальто» в акробатике.

А ведь в провинциальном городке Сарны, затерявшемся в болотистом Полесье, где Николай рос, не было ни тренеров, ни хороших снарядов, ни спортивных залов. Ребята — любители этого вида спорта — сами добывали программы, переписывали их в блокноты и самостоятельно разучивали гимнастические элементы и связки.

С этим багажом на уровне второго спортивного разряда он поступил в училище. Кумирами той поры для него были Виктор Чукарин, Валентин Муратов, Альберт Азарян, Борис Шахлин и другие прославленные мастера гимнастического многоборья. Фотографии этих спортсменов красовались на стенах комнаты в общежитии, на крышках картонных чемоданчиков с металлическими уголками, заполняли листы фотоальбомов. Гимнастике он даже посвятил несколько юношеских стихотворений.

В армии продолжал заниматься этим видом спорта в СКА. Здесь же познакомился со старшим лейтенантом Ищенко, офицером — перворазрядником по акробатике. Он оказался особистом — сотрудником Особого отдела КГБ по Прикарпатскому военному округу (ПрикВО), к тому же земляком. Молодежь завидовала его мастерству в прыжках. На одной из тренировок офицер спросил неожиданно: «Коля, когда у тебя заканчивается служба? Какие планы?»

— В этом году. Собираюсь поступать на журфак Львовского университета, — искренне ответил Николай.

— А что дальше? В лучшем случае ты станешь собкором районной газетенки или преподавателем в школе. Тебе нужно повидать мир, небось, кроме Украины, нигде не был. А ведь есть возможность посмотреть Россию, а там, если повезет, то и заграницу, — загадочно произнес офицер.

— Юрий Иванович, о чем речь?

— А не поступить ли тебе в Высшую школу КГБ? По моим наблюдениям, из тебя получится оперативник. Работа интересная, ответственность — государственная. Попробуй… Тут и материальная сторона: вечный студент для родителей, согласись, тяжелая ноша.

— Вообще-то верно. Если бы не родители, то на четырнадцать рублей стипендии я бы не прожил. Да еще при таких физических нагрузках. Тренировки пожирали уйму калорий.

— Что ты мне это говоришь?! Я ведь такую же школу прошел — испытал на своем горбу. Ну вот, а ты хочешь вновь сесть на шею старикам. Подумай, но думай недолго. Жду ответа на

следующей тренировке. Я тебе добра желаю.

* * *

Когда Николай принял окончательное решение, то написал родителям. Отец неожиданно приехал в часть, а когда узнал, где сын собирается учиться, то развел руками:

— Жаль, хотел тебя видеть машинистом локомотива. но неволить не буду. Нужное дело — защитник Родины. Твой дед был героем-казаком. Брат деда — офицером в армии Самсонова. Оба смело дрались в Первую мировую, защищая Отчизну, которой присягали на верность. Имей в виду — у чекистов меч обоюдоострый, он сшибал головы врагам настоящим и мнимым. Сколько попадало под его острие невиновных — только бог знает. Я пережил то страшное время. Будь справедлив и щедр на доброту. Не забывай в человеке людское, когда придется решать судьбы людей. Верь в людей, но вера без дел мертва.

Николай был поражен словами никогда не говорившего на серьезные темы отца, окончившего всего четыре класса сельской школы. Жизненный опыт — пережитые коллективизация и репрессии тридцатых годов, вся война от звонка до звонка в паровозной будке, не защищавшей от осколков и пуль, участие в Сталинградской эпопее, потери товарищей — воспитал в нем порядочность и смелость, терпимость и деловитость, умение сказать правду в глаза…

И вот она, желанная Москва, которой «в детстве кто не бредил». Сразу же с Киевского вокзала, закинув вещмешок на плечи, Николай отправился на Красную площадь увидеть Кремль — живую историю и место, с которого начиналась и начинается столица страны.

Память в воспоминаниях почему-то переместила его в недавнее, но уже прошлое, когда он, сильный и стройный, по приглашению судьи шел в белом шерстяном трико гордой походкой к спортивному снаряду. Вспомнились тренировки в армейском спортклубе (СКА) ПрикВО, где практически случайно решилась его судьба.

Сданы вступительные экзамены. На темно-зеленой гимнастерке появились курсантские погоны. Учеба шла по накатанной колее — лекции, семинары, практические занятия. Гимнастику не бросил. Сначала возглавил команду гимнастов на факультете, а затем и всего вуза. Это были упражнения для тела, но нужно было что-то и для души. Вскоре организовалась группа энтузиастов: вместе ходили по музеям, на выставки, в театры и

кино. Особенно любили вечера поэзии.

На первом же курсе Николай записался в центральную библиотеку страны — Ленинку, — которую посещал каждую субботу. Копался в редких книгах, открывал забытые имена поэтов, искал ответы на философские вопросы. Это был ренессанс души.

Когда он прочитал только что вышедшую поэму Егора Исаева «Суд памяти», то, не имея возможности приобрести книгу, сидел целую ночь, переписывая произведение в тетрадь, — так тронули и понравились звонкие звучанием и глубокие смыслом строки мастера стихотворного слова.

Учеба в Москве обогащает любого, пытливые умы с периферии — вдвойне. Шестидесятые годы были годами расцвета поэзии, диспутов-дуэлей между «физиками и лириками». Часто проходили поэтические вечера, собиравшие в основном студенческие массы. Молодежь увлекалась творчеством Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Ю. Друниной, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского и других.

В памяти Николая до сих пор четко запечатлелся большой вечер во дворце культуры «Крылья Советов», где в течение двух часов стихи читал фронтовик Эдуард Асадов. Он был любимцем студенчества. Подобные вечера являли собой настоящие праздники души с радостью живого общения с кумирами. Любители стихов тех лет охотились за сборниками «День Поэзии». Читались эти альманахи с превеликим удовольствием…

И в то же время шла серьезная подготовка к будущей работе. Знакомясь со специальной литературой об операциях, проведенных чекистами в разное время, особенно в военное время, приходилось восторгаться умом и хладнокровием оперативников, вязавших тончайшие сети разработок, в которые попадали опытные агенты противостоящих спецслужб, создававших осиные гнезда в стране.

По мере знакомства с материалами о действиях ЦРУ и ФБР США приходилось все глубже понимать сущность глобальных планов наших противников и политику двойных стандартов Запада.

Во все времена разведки и контрразведки оберегали государственную власть, стояли на страже незыблемости державных устоев, закрепленных конституциями. Что же касается КГБ, то это была единственная организация, которую боялись наши враги. Кроме того, она сохранила в себе бескорыстное служение тому государственному строю, который ее создал. Она защищала идеи социализма, единство многонационального государства и существующие законы. И в этой организации была

особая система подбора кадров — отбирались для службы в органах в трудовых и армейских коллективах лучшие.

В противовес КГБ СССР существовало ЦРУ США.

«Если мы хотим понять природу ЦРУ, — говорил ветеран американского рабочего движения, отнюдь не коммунист, но человек, верящий в демократию без кавычек, бывший постоянный представитель Всемирной федерации профсоюзов при ООН Э. Демайо, — мы должны прежде всего понять социально-экономическую систему, породившую это ведомство. Наше общество покоится на эксплуатации многих теми немногими, кто владеет и управляет средствами производства, создающими богатство нации, и финансовыми институтами — источниками ее жизненной силы.

Эти всемогущие немногие, располагающие громадными экономическими ресурсами, управляют политической жизнью страны. Они представляют теневое правительство страны, принимающее основные решения, которые передаются для реализации официальным исполнительным и законодательным органам через своих пособников, занимающих ключевые посты во всем федеральном аппарате…

Выступающий против ЦРУ бросает вызов самому могущественному ведомству государственной власти».

Еще одно толкование о роли ЦРУ в системе государственной власти Николай нашел в книге «Невидимое правительство», написанной журналистами США Д. Уайзом и Т. Россом. Они отмечали, что сейчас в Соединенных Штатах два правительства. Одно из них видимое, другое — невидимое. Первое — это правительство, о котором американские граждане читают в газетах, а дети узнают из учебников. Второе — сложный скрытый механизм, проводящий политику США в холодной войне.

Отход Н. Хрущева от власти «по состоянию здоровья» породил среди слушателей множество слухов. Особенно поражало стремление новых властителей кремлевского трона затоптать в грязь вчерашнего вождя, которому чиновничья челядь, окружавшая его, еще недавно готова была лизать башмаки, что и он делал в отношении Сталина и его сподвижников, в числе которых был и сам.

— Неужели мы такая дикая нация, что не можем спокойно принимать кабинеты, кресла, папки с делами, столы без показа грязного белья? — разоткровенничался как-то с Николаем его друг Виктор Тимофеев. — Так гадко от этого на душе. Как не вспомнить тут Талейрана! Предательство — это верх злодейства.

— Ты прав, Виктор, — поддержал Стороженко коллегу, — только неблагородный человек способен в глаза хвалить, а за

глаза хулить. Но с другой стороны — злословил Хрущев в адрес Сталина, в чьей команде был «верным сталинцем» до последнего. Так что «по делам вашим вам и воздастся». Как говорится, злые люди походят на мух, которые ползают по человеческому телу и останавливаются только на его язвах. А вообще-то ни один человек, охаивающий покойника, не бывает счастливым. По существу Хрущев — политический труп. Со временем судьба посмеется и над новоиспеченным генсеком. Да, у справедливости в России медленная скорость, а к законности длинная и ухабистая дорога.

Слушателей часто привлекали для несения нарядов на Красной площади в дни государственных праздников. На ленинском пантеоне, в мраморной коробке которого покоилась мумия — тело вождя, топтались и толпились государственные мужи и дамы, бегали с цветами и подарками дети. И никому не приходило в голову, что это шаманство оскорбительно традициям православия. Революционный обычай отменил и христианскую мораль, и традиции славянства, давно порвавшего с язычеством.

С годами при Брежневе постепенно утихала критика в адрес Сталина, но Николай искал и искал — в спецлитературе, в беседах с живыми участниками событий тех лет — ответ на вопрос: Сталин ли только открыл счет репрессиям? Кто и что его спровоцировало на это? Было ли что-то подобное до него?

Открывались пласты трагедий ленинского периода: от бандитского уничтожения царской семьи, подавления Кронштадтского восстания и до расстрелов восставшего тамбовского крестьянства и храброго поэта Н. Гумилева, не уронившего офицерской чести. Все четче просматривались шаги второго после Ленина чиновника в большевистском ареопаге Л. Троцкого по травле С. Есенина, а затем его физического устранения.

Геноцид против российской интеллигенции с отправляемыми «пароходами умников» за границу, террор против многовековой культуры православия и насаждение безверия просматривались во многих документах. Эти материалы проливали свет на острые вопросы, волновавшие пытливые умы. Приходило осознание того, что марксистско-ленинские молитвы придуманы для таких людей, которые не могут мыслить самостоятельно и никогда не ведают возвышенного состояния души.

Чем дальше и глубже шло постижение контрразведывательного ремесла на лекциях и практических занятиях, тем больше оно убеждало Николая в правильности выбранной профессии с юридическим уклоном.

Органы не случайно называются во многих странах органами

государственной безопасности, потому что они, так должно быть, защищают интересы страны и народа.

«Закончу учебу, — думалось ему, — уеду в какой-нибудь глухой гарнизон и стану настоящей грозой шпионов».

То были наивные мечты человека с курсантскими погонами. Разве мог он предвидеть, что через какой-то десяток лет придется действительно встретиться лицом к лицу с первым живым «кротом» — агентом иностранной разведки с погонами советского старшего офицера.

Три года учебы пробежали быстро. Остался год до выпуска. Весной на предпоследнем курсе пришла любовь. Первое свидание с Людмилой Николай назначил у памятника Маяковскому. Шли по улице Горького по направлению к Белорусскому вокзалу. Легко и вдохновенно читал своей спутнице стихи Есенина, Бунина, Фета, Языкова — пахучие, звонкие, нежные. Потом Коля осмелел и стал декламировать свое стихотворение, посвященное милой даме. Когда закончил и посмотрел на подругу, то увидел в ее васильковых глазах жемчужины душевной росы — она прослезилась…

В августе они расписались. Потом была свадьба, даже две: одна в Москве, другая на Полесье. На московских посиделках собрались человек десять самых близких друзей в малюсенькой комнате громадной коммуналки. Молодоженам вручили скромные подарки. При передаче настенных часов сослуживец Александрин щекотливо заметил:

— Примите, дорогие Николай и Людмила, наш подарок. Пусть эти часы идут и идут. Они остановятся только в двух случаях: кончится завод у них или у кого-то из хозяев. Так пожелаем, чтобы они долго-долго не останавливались!

Кто думал тогда за свадебным столом, что слова окажутся пророческими! Ровно через двадцать лет часы и сердце Людмилы остановились одновременно. Но это было все потом, а пока — последние каникулы и выпускные экзамены…

Глава вторая
Лейтенантские погоны

Мы стали суровей и строже…

П. Комаров (из песни)

Тихо в комнате. Звонко тикают подаренные на свадьбе часы с золочеными стрелками. По телевизору передают в записи фрагменты концерта Муслима Магомаева. Лейтенант Стороженко пришивает на мундир первые офицерские погоны. Завтра получение диплома и вручение «поплавка».

«Кто думал, что из глубинки, — рассуждал Николай, — я приеду в далекую и высокую Москву и закончу чекистскую академию?»

Пела душа, горели радостью глаза. Он стал примерять форму, заглядывая в зеркало, — нравился строгий офицерский покрой…

Спортивный зал Школы на Ленинградском проспекте. В строю — общевойсковики, авиаторы, моряки, пограничники, связисты. Командование вручает дипломы о высшем юридическом образовании и дорогие каждому военному белые академические ромбики с красной звездочкой и золотистым гербом великой страны.

По традиции выпуск обмыли в ресторане. Вернулся Коля домой рано — ждали жена и крохотная дочурка. Жена взяла в руки диплом, внимательно прочла его и тихо промолвила:

— Поздравляю. диплом жизненный, даже гражданская специальность есть — юрист-правовед! Закончишь службу, пойдешь на наше закрытое предприятие юрисконсультом.

— О чем ты, Люсьен, — так он ее ласково величал, — служба ведь только начинается. Может, и диплом не пригодится — времени ох как много.

— Пролетит оно быстро. То, что впереди, кажется бесконечно далеким, а оглянешься — пролетело, как одно мгновение. Мама моя так часто говорит. Старики это хорошо знают. А что касается значка, то он по-мужски скромный и в то же время по-военному красивый…

* * *

Вскоре лейтенант Стороженко получил предписание убыть в

распоряжение начальника военной контрразведки ПрикВО. Людмила с дочерью еще некоторое время должна была оставаться в Москве, предварительно дав согласие, что поедет туда, куда пошлют мужа. За столицу она не держалась.

Перрон Киевского вокзала. Поезд Москва — Львов тронулся. Николай прижал нос к холодному стеклу окна вагона — надо хоть как-то рассмешить прослезившуюся супругу с дочуркой на руках. Вокзал уплывал медленно, смещая влево провожающих. И вот уже исчезла из поля зрения Люда. Поезд стремительно набирал скорость.

Встретили молодого специалиста на месте тепло. Однако начальник отдела генерал-майор Николай Кириллович Мозгов, узнав, что прибывший офицер пишет стихи, совсем не зло, а с улыбкой заметил:

— Нашей службе стихоплеты не нужны. Не та работа. Я ищу для первого сектора ра-бо-тяг, — последнее слово он умышленно разбил по слогам, — думающих только об оперативной работе — трудной и неблагодарной. Так что пока забудь о стихах. Не забудешь — тебя забудет служба. Мы тебя взяли в очень ответственный участок — штабной. Не каждый и с опытом попадает в такое подразделение. Мы же верим, что справишься с работой.

Тут же расспросил о семье и по-отечески распорядился устроить лейтенанта как положено. Такой прием поначалу обескуражил Николая. Но начальник отдела кадров полковник Михаил Петрович Забродин, как бы оправдываясь за недипломатичность начальника, признался, что тоже балуется стихами, а в отношении генерала заметил: «Не переживай, это очень справедливый человек, чекист-трудоголик».

Николаю он порекомендовал не афишировать хобби и начал подробно рассказывать об особенностях работы и поведения офицера-контрразведчика в частях.

Пройдет много-много времени — лейтенант станет полковником, двадцать лет проработает в центральном аппарате военной контрразведки, встретится с живыми шпионами, уволится со службы, станет членом Союза писателей СССР, напишет много статей и с десяток книг, а Михаил Петрович отойдет в мир иной — и вдруг в совете ветеранов Департамента ВКР в Москве ему передадут одно из стихотворений, написанных Забродиным. Называлось оно «Память о мужестве»:

Кое-кто призывает сейчас
Позабыть боевые награды.
Поучает безнравственно нас,

Что в войне было много бравады?!
В рефератах ученых иных
Полководцев в шеренгу не строят.
Очень рано забыли о них,
Потеряли в период застоя!
Кое-кто до абсурда дошел,
Заявляя: войну проиграли…
Драгоценный металл стал тяжел,
Не нужны ордена и медали.
Как опасны кощунство и бред,
Убить веру в величье событий,
Эти домыслы — подлинный вред,
Всплеск совсем непонятных амбиций.
Видно, тем, кто такое твердит,
Без труда доставались награды.
Иль не помнят заветы солдат,
Много раз их уже повторяли:
«В бой ходили не ради наград,
За Отечество головы клали…»
И пускай и сейчас, и всегда
На груди ветерана-солдата
Горят орден, медаль и Звезда,
Храня память и мужество свято!

Михаил Петрович Забродин. 1992 г.

Не будем вдаваться в литературные достоинства и слабости стихотворения, вникнем в его духовный смысл. Он высок!

Слушал лейтенант полковника Забродина внимательно. Николаю сразу же понравился этот мягкий и рассудительный человек, подавший руку на крутом пути к неизвестной практике.

— У вас будет хороший наставник — майор Деев Дмитрий Николаевич, — сказал он, прощаясь с Николаем.

Молодой лейтенант получил в оперативное обслуживание гарнизон с радиотехническим полком ПВО сухопутных войск, отдельную роту сопровождения воинских грузов, штабную роту и гараж командующего войсками округа, а также окружные медицинские склады в городе Буске.

Рабочее место действительно определили в кабинете с майором Деевым. Он являлся фронтовиком, участвовал в разоблачении агентуры абвера, был награжден орденами и медалями за ликвидацию шпионов в действующих частях на фронте и в тылу. Майор был человеком преданным своему делу, откровенным и прямым. Начальство его побаивалось за крутой

нрав, готовность пойти в атаку на любого обидчика, с какими бы погонами он ни ходил. Говорили, что на партийных собраниях от него доставалось даже начальникам с лампасами.

И все же Деев не спешил откровенничать с молодым оперативным работником. Недели три он приглядывался к нему, а потом разговорился, да так, что его монолог показался слушающему спрессованной лекцией. Затронув проблемы контрразведки, он настолько приземлил лейтенанта, что тому на некоторое время показалась бессмысленной его текущая работа в гарнизоне по поимке шпиона.

— Пойми вот что: в наше время американцам не хватит ни денег, ни сил, чтобы навербовать много агентуры в частях. Во время войны, правда, немецкая военная разведка абвер пыталась пролезть в некоторые штабы наших частей. Но тогда до Генштаба немцам было трудно добраться. Понимаешь, существует так называемая мишенная система. Это принцип работы разведки — бить прицельно в «десятку», получая стратегическую информацию. А твой полк — где-то на краю мишени. Твои солдаты и офицеры их не интересуют, хотя те могут и клюнуть, но встанет вопрос связи. Это самое слабое звено в цепи «разведчик — агент» и наоборот. Генштаб в масштабе всей армии — это и есть «десятка».

В стране несколько таких объектов: ЦК КПСС, депутатский корпус, сотрудники МИДа, Совмина, Госплана, офицеры разведки и прочее. Мы же с тобой занимаемся вопросами помощи командованию в защите секретов, пресечения возможностей хищения оружия и боеприпасов. Армия — гарант стабильности государства.

Почему с нами считаются другие страны? Потому, что мы сильны. Потеряем силы — уроним уважение в мире. Я уже заканчиваю службу, но хочу, чтобы ты понял: военная контрразведка была, есть и будет, пока существует государство и его армия…

Зазвонил телефон. Деев стремительно протянул руку, и в его огромной ладони застыла черная эбонитовая «гантель» старомодного телефонного аппарата, стоявшего здесь, наверное, с первых послевоенных лет.

— Здравствуйте. Буду рад встретиться. Согласен. Да, в 18.30 у памятника Мицкевичу. Прекрасно. До встречи.

Николаю было понятно, что выходил на срочную связь кто-то из негласных помощников, но Дмитрий Николаевич, будто это было обычное дело, продолжил:

— Благополучие армии у нас зависит не от общества, а исключительно от вождей. Те, кто поймет важность нашей

службы, будут защищены от неприятных неожиданностей. Вот послушай. — С этими словами он полез в карман, достал записную книжечку в потертой кожаной обложке и стал медленно читать:

«Верьте мне: анализируя исходы военных баталий, невольно пришел к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбы многих сражений, сколько это проклятое и невидимое оружие, называемое шпионами».

Эти слова произнес не философ, раздумывающий в тиши кабинета о роли личности в истории, не правительственный чиновник, считающий армию нахлебницей народа, не писатель — рафинированный миротворец-пацифист, не знающий, для чего в государстве живет особой жизнью армия, а великий полководец. Кто бы, ты думал?

— Наполеон, — последовал ответ.

— Верно. Француз прекрасно понимал, что без пронырливости и ловкости своего агента Шульмейстера он не одержал бы блестящих побед в 1805 году. Ульм и Аустерлиц были в такой же степени результатами стратегического гения, как и негласной деятельности имперского шпиона Карла Шульмейстера. Генерал Савари, у кого был на связи Карл, представил своего верного агента Наполеону словами:

«Вот, ваше величество, человек, состоящий сплошь из одних мозгов, без сердца». Наполеон благосклонно усмехнулся в ответ, но никакой новой награды Шульмейстер не получил, а он так мечтал стать кавалером ордена Почетного легиона!

У Наполеона поначалу было своеобразное отношение к разведчикам и шпионам. Он говорил: «Шпион — это естественный предатель» — и не ставил их заслуги на одну доску с заслугами офицеров и генералов армии.

Так поступал и Сталин — ни одному разведчику и контрразведчику при жизни не дал Героя Советского Союза.

Кстати, ты знаешь, куда он был внедрен? — задал вопрос Деев и тут же сам на него ответил: — Советником руководства Генштаба и шефа австрийской разведки генерала Мака, который ждал от Шульмейстера «объективных данных по французским войскам». Карл добывал такие материалы. Более того — случай уникальный в истории, — специально для Мака по распоряжению Наполеона в одном экземпляре издавалась французская газета, в каждом номере которой публиковались статьи и заметки, подтверждающие информацию Шульмейстера о бедственном положении французской армии. Карл обставлял добычу этой газеты «опасностью быть разоблаченным и большими

трудностями». Доверчивый Мак читал газетные полосы и охотно верил тому, во что хотел верить!

Стотысячная армия австрийцев была рассеяна французами в три недели до прихода русских отрядов. Вот так, дорогой!

Сегодня противник интересуется секретами в верхах. Разоблачение «крота» — бывшего полковника ГРУ Пеньковского — тому пример. Ты думаешь, сейчас нет Пеньковских в нашем Генштабе?.. (Как в воду смотрел — уже тогда «рылся» в секретах ГРУ Генштаба майор Поляков, о котором пойдет речь ниже.)

После этих слов Дмитрий Николаевич как-то горько поморщился, словно его одолел кратковременный озноб, и вновь продолжил:

— А мы ищем агентов там, где их в мирное время никогда не будет: в отделении, взводе, роте… А надо искать прежде всего в Москве. Туда в первую очередь направлены следы разведок Запада. Там больше всего кандидатов для вербовки. Они ведут борьбу тайно, такой же тайный заслон противнику и мы должны поставить. А на деле что получается? Хрущев сначала ошельмовал институт негласных помощников, а отсюда до сих пор нет глубоко продуманной правовой основы подобных отношений. Мы чего-то стесняемся, стыдимся того, что открыто делают наши друзья и враги. Шпионаж на пользу своей страны считается у них высшей формой проявления патриотизма.

Говорят, было перепроизводство «сексотов и стукачей» в период сталинского правления и они, дескать, являлись основным генератором репрессий. Нет, их не было вообще как таковых, а использовались шкурники, завистники, обиженные, а не патриоты державы. Шла борьба за власть двух политических линий Троцкого и Сталина. А чубы трещали у простого народа. То же самое происходит и сегодня. Есть среди нашей агентуры честные люди, их большинство, но, с другой стороны, если приглядишься — найдешь людей, ищущих выгоды. Ничего, опыт — дело наживное. Только недостаток его вызывает уверенность в себе. Опыт — самый лучший учитель, только плата за обучение слишком велика…

Помолчав немного и бросив рассеянный взгляд на кусты, осыпанные пушистым снегом, Дмитрий Николаевич достал из трофейного портсигара сигарету «Памир» и стал ее разминать, видно, по старой привычке, как папиросу. Прикурил от бензиновой зажигалки, сделанной неизвестным умельцем из винтовочной гильзы, затянулся глубоко, с явным удовольствием и, выпустив сизое колечко дыма, опять потянулся к своей записной книжке. Взял ее, полистал, почмокал губами и промолвил:

— Послушай еще одну быль. Фуше, министр полиции при Бонапарте, в своих мемуарах так писал о важности шпионажа в подготовке императора к сражениям: «Лошади, которые везли золото французского банка к будущим полям сражений в Австрии для оплаты секретных агентов, имели большее значение, чем стремительная и отважная конница Мюрата». Вот так, дорогой мой, Наполеон думал о победах своей армии. Он понимал толк в силе невидимого оружия, хотя разведчиков несильно жаловал.

* * *

Долго еще сидели в кабинете два оперативника — молодой лейтенант и пожилой майор. Последнему хотелось выговориться, а первый с удовольствием слушал его рассуждения и особенно короткие истории фронтового периода о захвате «языков», оперативных «играх в эфире», фильтрационной работе, борьбе с лесными бандами бандеровцев в послевоенный период.

Николаю хотелось слушать и слушать ветерана, потому что это был не отредактированный спич на партсобрании, а какая-то живая правда, правда о невыдуманной жизни. И каждый раз, когда он возвращался из гарнизона, молил Бога, чтобы застать Деева в кабинете.

Оформляя информацию от негласного источника, Деев каждый раз комментировал:

— Сынок, не разменивайся на мелочи. Если взял документ, то он должен продвинуть решение какого-то конкретного оперативного вопроса, а бумажка ради бумажки — это глупость, которая может кончиться даже преступлением. Есть у нас еще специалисты по отбору «мелочевки». Грош цена таким чекистам. Ты думай, как не навредить конкретному человеку. И тому, кто сигнализирует, и тому, о ком этот сигнал. При таком подходе можно пропустить главное.

Руководство 1-го сектора Особого отдела КГБ округа требовало конкретных результатов. В отчетных «простынях» у многих офицеров зияли пустотами графы о проведении «профилактик». Оперативники понимали всю абсурдность втягивания их в круг такого рода «воспитательных бесед». Удовлетворение приходило на учениях, где проигрывались боевые условия работы. Но полигонные занятия скоро заканчивались.

Приходя домой, Николай делился с женой неудовлетворенностью от служебной деятельности. Домой — понятие условное, своей квартиры не было, жена не работала, так

как нянчилась с маленькой дочуркой. Цены в городе кусались. Спасали харчи с родного Полесья от родителей.

Прошло полтора года. Чем дальше приходилось вникать в службу, тем все чаще появлялось желание покинуть оперативную работу, за которую Николая даже хвалили на совещаниях. Однако обязанности перед семьей, гордость за принадлежность к офицерскому корпусу и стремление дойти до цели, охотничий инстинкт заарканить все же шпиона сдерживали запальчивость молодого оперативного работника.

Беда была одна — быт заедал. Квартиру надо было освобождать — приезжал хозяин. Но к счастью, вскоре нашелся выход — открылась вакансия с поездкой за границу. Стороженко направили в Южную группу войск (ЮГВ).

Перед отправкой в Венгрию Николая пригласил к себе в кабинет начальник военной контрразведки округа генерал-майор Мозгов. Николай Кириллович почти в извинительном тоне заметил, что не смог добыть жилье, а потому решил направить его как хорошо зарекомендовавшего себя офицера за границу. Расчет один — набравшись опыта, вернуться снова во Львов. А в конце добавил:

— Спасибо за службу. Я в тебе не ошибся. Значит, и поэты могут хорошо работать!

30 декабря 1969 года Николай с семьей поездом Москва — Будапешт выехал к новому месту службы. На львовском перроне лейтенанту вспомнились слова отца, сказанные им накануне отъезда за границу: «Сынок, береги свой авторитет, офицерскую честь — ты теперь защитник Родины за ее пределами».

С одной стороны, эти слова казались на первый взгляд каким-то штампом. Но Николай знал, что они могли родиться только в искренней душе работяги. Работяги — машиниста паровоза с посиневшей от порезов осколками антрацита кожей на руках. Он был верен Отчизне не столько словом, сколько делом.

Сидя в купе, чета Стороженко обсуждала туманные перспективы неизвестной службы.

— Коля, прости за глупый вопрос. Тебя оставят в Будапеште или направят на периферию? — поинтересовалась супруга.

— Какой Будапешт? Далеко не все лейтенанты начинают службу с европейских столиц. Таких офицеров, как я, без роду и племени, посылают в глухие гарнизоны. Так что готовься, дорогая, жить почти что в зоне — за колючей проволокой или бетонным забором.

Поезд остановился на станции Чоп. Тут меняли вагонные тележки, переводя их под узкую западную колею. В Чопе, последнем населенном пункте СССР на этой границе, можно было

потратить оставшиеся рубли. Николай обежал близлежащие магазины и на резервные 11 0 рублей набил доверху полиэтиленовый пакет…

Свисток — и поезд тронулся, медленно приближаясь к мосту через реку Тиса. В коридоре стали скапливаться пассажиры.

— Чего это люди всполошились? — испуганно заметила Людмила.

— Сейчас поймешь. Возьми копейки, бросим на счастье в реку. — Николай приспустил раму, и в образовавшуюся щель полетели три семейные монетки.

— Ну, Коля, теперь нам повезет.

— Должно, Люсьен…

А поезд продолжал лететь навстречу ветру, поднимая за собой пелену сухой, снежной пыли, нередко горлопаня пронзительным свистком перед станциями и переездами.

Проезжая крупные железнодорожные узлы, Николай, как потомственный железнодорожник, обратил внимание на обилие паровозов. В отличие от советских пассажирских, зеленых и синих, здесь все были черные. Он узнавал знакомые марки — узкие «германки» и широкие «венгерки», проходившие на наших железных дорогах в послевоенное время соответственно сериями 52-ТЭ и ТМ.

На первых отец бил рекорды по вождению тяжеловесных товарных составов, на вторых — водил пассажирские поезда.

Ход раздумий прервало экстренное торможение. Послышался грохот, а потом поднялся крик и началась беготня по вагону. Как выяснилось, на неохраняемом переезде застрял советский танк, возвращающийся с учений, — заглох двигатель. Минут через десять его тросом стянула другая машина.

Это была первая встреча военного контрразведчика с проблемами пребывания «ограниченного контингента советских войск» на территории Венгрии.

Поезд медленно подплывал к восточному вокзалу венгерской столицы. На перроне, к огромному ликованию жены, семейство Стороженко встретил автобусом знакомый по львовскому периоду службы комендант отдела майор Усанов.

Глава третья
На рубеже двух систем

В крепкой дружбе наша сила,
Дружбе слава и хвала.

Р. Бернс

— Здравствуй, Венгрия! — прошептал Николай.

Гордость наполнила молодого оперативника от слов, сказанных полковником Забродиным перед поездкой в Южную группу войск:

«Николай Семенович, ты едешь на защиту наших рубежей — в передовой эшелон обороны стран Варшавского договора. Твоя часть в случае чего первая примет на себя возможный удар противника и будет сковывать его до подхода основных сил. Ты получил во Львове небольшой опыт — используй и развивай его за границей. Верю, что удача и успех подружатся с тобой. Пусть чекистское счастье повернется к тебе лицом. Это тоже важно в нашем деле!»

А еще Николаю вспомнились слова генерала Мозгова, как всегда, коротко оценившего работу перед отъездом: «Спасибо за службу. Я в тебе не ошибся. Значит, и поэты могут хорошо работать!»

31 декабря 1969 года Стороженко прибыл в отдел военной контрразведки — Особый отдел КГБ по ЮГВ — и сразу же получил предписание принять артиллерийский полк, расположенный в поселке Фертед недалеко от австрийской границы.

Полк был укомплектован пушками и тяжелыми гаубицами, поэтому пришлось осваивать новую материальную часть. Командир полка полковник Николай Соленый принял нового особиста несколько настороженно. От предшественника Николаю стало известно, что командир любит чарку, поэтому комполка посчитал, что вслед за «комиссарским» глазом прибыл дополнительный контроль — чекистский.

Время показало, что командир — порядочный человек, профессионал высокого класса. В нем была, что называется, «военная косточка» — любил и жалел солдата. Офицеры говорили, что он снарядами может рисовать: цель накрывал с

первого же выстрела без всяких «вилок». Прошел всю войну в расчете знаменитых «сорокапяток», а закончил военное лихолетье командиром отдельного дивизиона 152-миллиметровых гаубиц. Победу встретил в майорских погонах с пятью орденами и десятком медалей на груди. Имел несколько ранений. Служба его помотала по Союзу.

— Что я тебе скажу, — как-то в одной из первых бесед заметил командир, — занимайся своим делом. Иностранцев, желающих знать, что делается у нас за забором, здесь полно. Из достопримечательностей — музей графа Эстерхази, у которого служил когда-то композитор Гайдн. Есть в селе две корчмы, которые посещают почти все офицеры гарнизона с семьями. Я иногда, когда на душе тяжко, тоже захожу. Сразу тебе признаюсь: жена у меня тяжело больна.

Воцарилась гнетущая тишина с молчанием двух офицеров — полковника и лейтенанта.

«Зачем откровенничает командир? Не собирается ли в чем-то упредить меня?» — подумал Николай.

— Ты у замполита был? — спросил неожиданно полковник.

— Нет, товарищ полковник.

— Ну, ты зайди, зайди к нему…

Стороженко представился замполиту подполковнику Гусаченко. Встретил он с порога словами:

— Товарищ лейтенант, вы солдат партии, боец ее вооруженного отряда, это обязывает нас работать в связке. Прошу меня первого информировать обо всех событиях негативного плана в гарнизоне.

— Товарищ подполковник, — прикинулся непонимающим оперработник, — когда я ехал сюда, меня инструктировали, что все информационные материалы мне необходимо докладывать своему непосредственному начальнику в соединение — подполковнику Левшину.

— Не горячитесь… К словам замполита и начальника политотдела прислушиваются все офицеры, в том числе и ваш начальник, входящий в состав парткомиссии дивизии. Я вижу, вы не понимаете роль политработников в армии. Не забывайте, что Леонид Ильич Брежнев — выходец из когорты партийных бойцов. Комиссаров он поддерживает.

— Такого правового института уже давно в Советской армии нет.

— Замполиты — это их последователи!

— Комиссары приставлялись к спецам-командирам, офицерам царской армии. Сейчас же командный состав все коммунисты, — усердствовал в отстаивании своей точки зрения

Стороженко.

— О, у вас, как я вижу, замашки энкавэдиста… Вы полагаете, что чекисты вновь встанут над партией Ленина?

— А они никогда не стояли. Много честных сотрудников госбезопасности тоже заплатили жизнями за доверчивость или неприятие «законов джунглей», которые навязывались сверху. Партийные органы руководили ЧК…

Неприятный осадок оставила первая встреча с замполитом, пытавшимся, по всей видимости, расправиться руками военного контрразведчика с командиром полка. Первое время «комиссар» приглашал Николая на чашечку кофе — помириться и заодно выяснить обстановку в полку. Он любил ковыряться в «грязном белье» офицерских семей, и оперативник однажды не выдержал:

— То, что вы предлагаете мне делать, выходит за рамки моей компетенции. Сейчас другие люди в органах, иные задачи поставлены нам руководством КГБ. Условия заграницы требуют от нашей службы заниматься контрразведкой. Не ждите, что я буду собирать для вас информацию о том, кто, когда и с кем ночевал, посетил корчму и прочее.

Замполит выслушал оперработника, краснея и ерзая в кресле, но попытался возразить:

— Пойми же, ты, мы с тобой бойцы партии, роль которой изо дня в день повышается, — переходя с «ты» на «вы» и обратно, продолжал настаивать подполковник. Он готов был разглагольствовать еще, но Николай уважительно остановил его, сославшись на срочную работу.

Чекист действительно назначил встречу на 18.30 с начальником штаба 3-го дивизиона, который на полигоне несколько раз фиксировал автомашину с западногерманскими номерами. Водитель производил фотографирование. Майор Сидоров передал контрразведчику номер автомобиля и описал внешность иностранца и его действия. Эти материалы срочно были переданы венгерским сотрудникам госбезопасности. Через неделю коллега Николая с венгерской стороны майор Иштван Ковач сообщил, что установленный по номеру машины немецкий турист Густав Шрам задержан в районе режимного объекта Венгерской народной армии (ВНА) под Будапештом при попытке скрытого фотографирования.

Это был первый успех молодого контрразведчика. Помогли друзья — так тогда назывались венгерские коллеги. Взаимодействие по линии госбезопасности обеспечивало лучшее понимание друг друга в решении общих задач.

Тем временем события в полку разворачивались стремительно. Нарастал кризис власти. Не без помощи замполита

командиру полка Николаю Соленому предложили уволиться…

Вскоре он сдал дела молодому энергичному подполковнику Ванюшкину, быстро сколотившему вокруг себя здоровый коллектив. Он был одинаково требователен к себе и подчиненным. Большим подспорьем новому командиру в деле приведения гарнизона в божеский вид стал приезд в полк выпускника Академии тыла и транспорта майора Литвинова — трудолюбивого и энергичного офицера. Впоследствии он дорос до первого заместителя начальника Тыла ВС СССР в звании генерал-полковника.

Командир полка стоял возле курилки, окруженный офицерами штаба части. Начальник тыла оживленно размахивал руками. Как показалось Стороженко, подходившему к собравшимся офицерам, речь могла идти о каком-то ЧП.

— Надежда вот на кого, — вдруг кивнул головой Ванюшкин в сторону оперативника.

— Здравия желаю, доброе утро, — взяв под козырек, поприветствовал новоиспеченный старший лейтенант собравшихся офицеров.

— Утро в небе доброе, а вот на душе оно хмурое, — обронил комполка.

Выяснилось, что ограблен гарнизонный магазин.

— Я информировал комдива и военного прокурора, — сообщил Ванюшкин, — но ты знаешь, что силенок у следователей маловато. Когда «пинкертоны» прибудут — неизвестно. Надо действовать по горячим следам. Да, чуть было не забыл, попроси помощи у своих коллег.

Вечером Николай срочно встретился с двумя своими помощниками и получил первичную информацию. А через два часа он уже беседовал с рядовым Николаенко, у которого обнаружились некоторые предметы пропажи из военторговского магазина. Солдат признался, что ему их подарил рядовой Куциев. Дальше уже никаких версий ни выдвигать, ни проверять не надо было…

* * *

Стороженко находился в кабинете, когда ему позвонил венгерский коллега — начальник контрразведки Шопронского погранотряда майор Ласло Хегедюш — и сообщил, что из-за снежных заносов три заставы остались без хлеба, а на станции Петехаза вторые сутки стоит занесенный снегом поезд с пассажирами из Австрии. Пограничники пытались пробиться к

составу на своем грузовике — безуспешно.

Зайдя в кабинет к командиру полка, Стороженко коротко изложил суть проблемы.

— Надо направить гусеничную технику. Как не помочь друзьям в беде? Евгений Петрович, — обратился он к начальнику штаба полка майору Шевцову, — дайте команду зампотеху и начальнику автослужбы.

Советский гарнизон поделился запасами хлеба и сухарей с терпящими бедствие местными пограничниками. В сторону же застрявшего поезда дополнительно направилось несколько гусеничных тягачей и мощных «Уралов» с солдатами. Кроме того, бойцы прихватили с собой термосы с горячим чаем.

По возвращении раскрасневшиеся армейцы оживленно делились впечатлениями с товарищами. Оказалось, в поезде, кроме венгров, в двух вагонах ехали австрийские и немецкие туристы. Командир дивизиона доложил Ванюшкину о выполненном задании, и тот, расчувствовавшись, патетически произнес:

— Люди живут поступками, а не идеями. Ваш поступок лучше всяких слов спецпропаганды. Спасибо за службу.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил подчиненный.

Прошел месяц, и на стол оперработнику легла информация о недостаче нескольких секретных документов в штабе полка. Заместитель начальника штаба майор Сергей Петренко в течение недели искал шесть документов.

Версий было много. Дивизионное начальство требовало от Николая чуть ли не ежечасно докладывать о ходе и результатах поиска.

— Задействуйте все силы и средства. Очертите круг лиц, соприкасавшихся с документами. Я должен получить ответы на вопросы: когда это произошло, кто и как мог похитить или утерять? Вы поняли меня, товарищ старший лейтенант? — раздраженно требовал всегда спокойный начальник особого отдела дивизии подполковник Николай Васильевич Левшин, обращаясь к Стороженко.

К поисковым мероприятиям были подключены почти все негласные источники, сосредоточенные в штабе полка. На очередной встрече агент «Овод» сообщил, что один из ящиков «секретки» из-за ветхости Петренко распорядился оставить в штабной машине, находившейся в автомастерской для покраски.

Петренко еще раз заверил начштаба полка, что тщательно проверил второй раз все ящики. Документов нигде не было. Как же он был удивлен, когда документы все же были обнаружены в одном из «проверенных» им ящиков…

* * *

Дислокация гарнизона в нескольких километрах от австрийской границы требовала дополнительных усилий от оперативника. Самовольщики, дезертиры, особенно беглецы с оружием и боекомплектом, доставляли немало хлопот контрразведчикам в любое время суток. Главное, нельзя было допустить прорыва участка венгеро-австрийской границы.

Это случилось в марте. Дули холодные ветры с австрийских Альп. В 3.15 ночи внезапно зазвонил телефон: дежурный по Особому отделу КГБ ЮГВ передал указание руководства принять срочные меры в связи с уходом с поста рядового М. с автоматом и 60 патронами.

Стороженко о случившемся ЧП поставил в известность дежурного по венгерскому погранотряду. Вообще беглецы вели себя по-разному, но спокойно, а этот, прорываясь к границе и встретив венгерских пограничников, открыл по ним огонь из автомата. Убив одного из преследовавших и ранив сторожевого пса, преступник оторвался на некоторое время от пограничного наряда и почти достиг контрольно-следовой полосы (КСП).

Взобравшись на стог сена, он видел, как цепью шли его соотечественники — такие же, как и он, солдаты. Шли вместе с венгерскими пограничниками и полицейскими. Выждав удобный момент, беглец нажал на спусковой крючок. После первой же очереди упали замертво наш солдат и мадьярский полицейский. Цепь залегла. Преступник прекратил стрельбу. Но стоило кому-нибудь приподняться, как пули вспарывали землю. Операция длилась около полутора часов. Последнюю точку в этой трагедии поставил снайпер из армейского БТРа…

* * *

Не прошло и года командования полком Василия Викторовича Ванюшкина, как в гарнизоне вспыхнула очередная свара. Замполит стал собирать очередную «компру», теперь уже против нового командира. Вмешался командующий войсками ЮГВ генерал-полковник Борис Петрович Иванов. Прибыв в гарнизон, он выслушал сначала одну сторону, а затем другую. Переговорил с офицерами штаба полка, а после обеда пригласил к себе старшего лейтенанта Стороженко.

Войдя в кабинет и представившись, Николай не мог оторвать взгляда от орденских планок. На груди генерала горела Золотая Звезда Героя Советского Союза.

— Товарищ Стороженко, я не случайно приехал в гарнизон. Наверное, уже обо всем знаешь. От вашей службы разве что скроешь, — заулыбался он. — Хочу выяснить природу конфликта между замполитом и новым командиром полка…

Оперативник был объективен. Через неделю зарвавшегося «комиссара» перевели в гарнизон с меньшим объемом служебных обязанностей.

В этот же период Николай пытался «вычислить» военнослужащего, который, по данным венгерских пограничников, приезжая на карьер за песком, каждый раз интересовался участком границы, проходившим вдоль озера Ферте. Солдата интересовало, судя по сигналу, инженерное оборудование на КСП в районе застав Мексикопусто. Он якобы рисовал схему подходов к вероятному месту прорыва. Рисовал на отдельном листе, который спрятал в записную книжку. Приметы солдата давались размытые.

День за днем собирались данные. Дело в том, что в связи со строительством жилого дома гарнизонные машины часто ходили за песком. В числе рабочих команд надо было искать объект оперативной заинтересованности. Не исключалось, что неизвестный планировал прорваться через КСП с автоматом в руках, что привело бы к тяжелым последствиям. Оперативные мероприятия шли активно, но результатов, к сожалению, не давали.

Начальник военной контрразведки дивизии Н.В. Левшин взял под личный контроль работу по этому сигналу. Приезжал неоднократно, помогал словом и делом. Успех пришел символично в День Победы — 9 мая. В одной из бесед с агентом «Гром» Стороженко получил данные на неприметного солдата — гарнизонного фотографа. Раскрыть его планы не представляло больших сложностей. Обнаружился и листок со схемой вероятного прорыва границы. Однако планам потенциального беглеца не суждено было сбыться. Его задержали и отправили в Будапешт для дальнейшего разбирательства.

Надо отметить, что новый замполит подполковник Мурзин тоже помог оперативнику в вычислении потенциального преступника. Об этом человеке у Николая остались самые добрые воспоминания.

Накануне очередных учений с выездом на Хаймашкерский военный полигон Стороженко решил провести операцию по дезинформации. Доложил начальству, но оно почему-то молчало, по-видимому, не желая брать на себя ответственность в даче санкции, а может, по другим причинам.

Тогда все свои действия Николай согласовал с командиром

полка. В ствол 152-миллиметровой гаубицы умельцы вбили бревно, сварили металлический каркас, сшили брезентовый чехол — получилось орудие непонятного калибра. Цель — приманка для чересчур «любопытных». Протянули эту «каракатицу» до полигона и обратно. Получен был неплохой результат. По данным венгерских контрразведчиков, на приманку попались несколько иностранцев, которых друзья серьезно подозревали в причастности к агентуре противника.

За успехи в работе по делу оперативной проверки и предотвращению измены Родине руководство Особого отдела КГБ по ЮГВ представило материалы в Москву о награждении старшего лейтенанта Стороженко медалью «За боевые заслуги». Скоро в отдел пришла телефонограмма о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1971 года он награжден этой правительственной наградой. Медаль привез в гарнизон заместитель начальника Особого отдела КГБ по ЮГВ полковник Кузнечиков. Командир полка построил на плацу личный состав, где в торжественной обстановке и была вручена Стороженко награда.

* * *

Через год Стороженко перевели в соседний гарнизон на капитанскую должность. Он приступил к работе в мотострелковом полку, но тоже на границе с Австрией в городе Сомбатхее. Начальник так и сказал:

— Ты у меня специалист по приграничью. Сам бог велел принять такое хозяйство…

В новом полку теперь у него был напарник — старший лейтенант А. Танцура. Вдвоем работать было легче. Здесь тоже установились теплые деловые и личностные отношения с местными пограничниками и командованием полка.

Во время изучения оперативной обстановки внимание Николая привлекли бывшие советские гражданки, вышедшие замуж за иностранцев. Одни из них были разведены, другие зарегистрировали новые браки и мотались по заморским городам и весям. Естественно, ими не могли не заинтересоваться западные разведслужбы.

Одна особа привлекла внимание капитана Бодрова, который познакомился с ней случайно. Стали встречаться, дело дошло до постели. Она жила в роскошном особняке, купленном новым мужем-американцем. Зная, что Бодров — москвич и может уехать в столицу, она, по всей видимости, не без подсказки мужа или его

«друзей» крепко «ухватилась» за офицера.

«Неожиданный» приезд супруга, встреча с ним и особенно беседа так напугали донжуана, что тот прибежал к контрразведчику. Он долго умолял оперативника не докладывать об амурных похождениях командованию. Решили поиграть с американцами. Для этого подключались специалисты из Будапешта и Москвы…

В Сомбатхее Николай получил самое звездное звание — восемь звезд капитана, — которое обмыли с друзьями-коллегами россиянами и венграми.

Глава четвертая
Место службы — Лубянка

Первая ступень всякого творчества есть самозабвение.

М. Пришвин

Время летело быстро. Хотя философы и говорят, что оно имеет только направление, не имея ни начала, ни конца. Время произошло от времени.

Весной 1974 года в гарнизоне работала инспекторская проверка, учиненная Центром. Представители 3-го Главного управления КГБ остались довольны работой капитана Стороженко и предложили должность в столице. Николай дал согласие.

Военно-транспортным самолетом его доставили на военный аэродром Чкаловский. Речь шла о «сватанье» — беседе с недавно назначенным начальником военной контрразведки генерал-лейтенантом Николаем Алексеевичем Душиным.

«Так вот она какая, Лубянка, внутри! — удивился Николай, поднимаясь на седьмой этаж дома № 2. — Сколько интересных событий здесь происходило — и героических, и кровавых!»

Сначала с ним переговорил начальник отдела, затем его заместитель. После этого направили в приемную, где пришлось ожидать свидания с шефом около часа. И вот порученец предложил зайти в кабинет.

Встретил капитана Стороженко высокий горбоносый генерал с «гакающим», как ему показалось, южным говорком. Сначала подумалось — не земляк ли? Николая поразили размеры кабинета.

«И зачем ему такое футбольное поле?» — невольно промелькнуло у Николая. Беседа началась с дежурных вопросов: какие дела и сигналы вел, имелись ли негласные помощники из числа старшего офицерского состава, в чем заключались особенности оперативной обстановки в гарнизонах, что закончил. В конце спросил об увлечениях…

Отвечал Стороженко достойно, хотя несколько и волновался — с начальством такого уровня, тем более, как говорили, проработавшего в аппарате ЦК КПСС, не встречался. Коварно-неожиданный вопрос последовал в завершающий момент разговора.

— А вы справитесь, если дадим вам в обслуживание Главное

управление кадров Минобороны СССР?

Офицер по-армейски коротко отчеканил.

— Должен. Справлюсь, товарищ генерал!

Это была его ошибка. Но он, пришедший из войск, не понимал никаких подтекстов, не владел эзоповщиной, не знал «бархатного» языка — говорил прямо, как думал. А как думал, так бы и делал. Ответ по форме не понравился вчерашнему зам. завсектором ЦК КПСС. Беседа закончилась. Генерал скривился, потом чмокнул губами и отправил капитана к кадровикам. Куратор отдела по кадрам подполковник Федин принял его через несколько часов:

— Что же ты, пацан, подвел меня? Как ты ответил Душину на предложение принять ГУК?

Непонятно, чего было больше в этом наскоке кадровика — страха за свою репутацию или сопереживания за фиаско оперативника, — на голом месте поскользнулся. Однако, к его чести, он тут же стал инструктировать «провинившегося», что надо было сказать дипломатично: постараюсь оправдать ваше высокое доверие мне, а поэтому приложу все свои силы, чтобы с помощью старших товарищей побыстрее освоить вверенный мне объект.

— Ну что же, поеду снова в ПрикВО, — ответил Стороженко.

— Не горячись. В тебе что-то генералу понравилось.

— Я не девица, чтобы нравиться мужику, — выпалил с досадой Николай.

— У-у, хохол упрямый. Спрячь горячность. Все будет нормально…

Через двое суток после «сватанья» на Лубянке Стороженко вернулся в полк, который ему стал еще дороже.

Однако скоро пришлось расстаться с гарнизоном, так как шифротелеграммой он откомандировывался в распоряжение начальника военной контрразведки Союза. На сдачу дел начальник дал неделю…

* * *

В Москву семья Стороженко прибыла поездом. Вещи шли контейнером. Поселились у родственников. Законную площадь пообещали дать через пару месяцев. Но прошло почти два года, прежде чем Николай получил ордер на первую в жизни свою квартиру.

В оперативное обслуживание дали один из институтов МО СССР. Объект был «голый» — помощников почти не было. Задачу

поставили жесткую — в течение нескольких месяцев наладить четкий контрразведывательный процесс. Основание — проявление интереса ЦРУ к новому институту. Эти данные были получены советской разведкой.

«Вот она, «десятка» деевской «мишенной системы». Не было бы счастья, да несчастье помогло, что судьба меня определила на такой объект», — искренне говорил сам себе Николай.

Пугало только одно: если до этого он соприкасался с обветренными лицами пушкарей, танкистов, мотострелков, то здесь ему пришлось общаться с военно-технической интеллигенцией, обладавшей высоким культурным уровнем. «Белые воротнички» Советской армии — так их называл начальник института генерал-майор авиации Олег Рукосуев. На объекте проходили службу бывшие «засвеченные» военные разведчики, специалисты главных штабов, полиглоты, доктора наук, генералы и адмиралы.

Первоначальную робость Николай заглушил своим кратким обетом: «Справлюсь! Я обязан справиться!»

Среди сотрудников института были лица, попавшие в разное время в поле зрения западных спецслужб. Одних противник тщательно изучал, к другим же осуществлял вербовочные подходы, но они отвергли западных радетелей благополучия, третьи скрывали подобные случаи и по возможности «прятались от света», а четвертые могли и попасться на крючок.

В середине 1970-х годов в очередной раз была запущена утка о том, что американские спецслужбы якобы 80 % конфиденциальной информации вытягивают из открытых источников — газет, журналов, брошюр и книг. Мода есть мода. Увлеклись этой идеей и в СССР. Росли объемы наработок в информации, шедшей на самый верх. У специалистов возникал вопрос: если в ведущих странах Запада существует жесткая цензура на публикацию режимной информации, а оно так и было, то все, что поглощает институт, может оказаться для советского руководства дезинформацией, отредактированной западными спецслужбами.

Стороженко и его коллеги на совещаниях били тревогу. Их поддерживал начальник подразделения подполковник Николай Петрович Петриченко — высокообразованный офицер, с энциклопедическими знаниями человек. До работы в органах КГБ служил в морской пехоте на Черноморском флоте. Он мог постоять за подчиненного, в борьбе за правду шел тараном на ложь. Терпеть не мог лодырей и блюдолизов, зато к трудягам относился предельно внимательно, активно продвигал их по службе. Стороженко считал за счастье, когда тот вызывал его к

себе. Минуты общения с человеком большой души и интеллекта вдохновляли его. Для Николая это был второй Деев.

На всю жизнь запомнился случай, ставший и укором, и уроком. Дело в том, что вышестоящее начальство в угоду партийным директивам перед очередным партсъездом потребовало от оперсостава усиления профилактической работы с лицами, высказывавшими так называемые нездоровые политические суждения. Петриченко критически относился к таким нововведениям, усматривая в них элементы перерождения военной контрразведки в охранку.

Как-то Стороженко попутал бес. Получив материал о том, что одна из машинисток в кругу сослуживцев в резкой форме критиковала социальную политику Брежнева и его «серого кардинала» Суслова, он доложил об этом начальнику.

Петриченко внимательно, как это делал обычно, выслушал (слушать он умел и научил Николая), а потом тихо сказал:

— Товарищ капитан, представьте на мгновение, что этой женщиной была бы ваша мать или жена. Как бы вы поступили? Разве не правда, что зарплаты в семьдесят рэ хватает только на худой прокорм? А как быть со всем остальным? Я думаю, машинистка имела право, моральное право, высказать свое мнение по поводу условий жизни. Давайте договоримся: больше подобных материалов не докладывайте. Не мелочитесь, не надо, вы же рождены для честной и чистой работы — у вас это получается. Занимайтесь своим де-е-лом, — последнее слово он умышленно растянул для акцента и, улыбнувшись, крепко пожал руку: — И пожалуйста, не обижайся.

* * *

Офицеры С. Безрученков, А. Вдовин, А. Золотухин, В. Кондратов, Н. Кожуханцев, А. Моляков, В. Перец, А. Семин, В. Филиппов и другие, окружавшие Стороженко в период становления его на новом месте, были исключительно порядочными людьми. Эти мужики отличались высоким порогом долга, профессионализма и искренне верили в победу добра над злом. Они были мастерами своего дела.

Но были и такие, кто рос по службе с помощью «телефонного права» и «отцовских лифтов». Росли неприятные блюдолизы и активные тихони. Во 2-м отделении 1-го Отдела Главка, возглавляемом Петриченко, таких не было. Там трудились «шахтеры» военной контрразведки.

У мусорных урн, превращенных в своеобразные курилки,

офицеры часто спорили по такому вопросу: органы госбезопасности — это вооруженный отряд партии или нет?

— Какой мы боевой отряд, — в сердцах брякнул один из сослуживцев. — Мы должны быть ответственными не перед партийным чиновничеством, а перед народными депутатами, перед Верховным Советом, перед советской, а не партийной властью.

О роли засилья партаппаратчиков в органах безопасности, порой мешающих объективности и росту профессионализма, честно сказал в своей небольшой, но яркой книге «Записки контрразведчика» фронтовик, генерал-майор Вадим Удилов, бывший заместитель начальника управления КГБ СССР по линии контрразведки, с которым Стороженко пришлось общаться по службе. Вот его слова:

«Обстановка в госбезопасности не изменилась даже во времена хрущевской оттепели. Наоборот! Партийная элита решила покрепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты, теперь уже КГБ, назначались партийные и комсомольские деятели… За ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом пониже на должности заместителей или начальников управлений. Они создавали угодный верхушке режим и в конце концов добились того, что в Положении об органах госбезопасности говорилось: «КГБ — это инструмент КПСС».

Во времена Брежнева вместо поиска кадров по деловым качествам возобладал принцип подбора по родственным связям и личной преданности. Видимо, так было надежней!»

И дальше он утверждал в книге, что в органах КГБ, особенно во внешней разведке, собралось сынков именитых отцов видимо-невидимо!.. Что же делали в это время руководители и сотрудники КГБ — чистые профессионалы? Тех, кто критически оценивал обстановку и имел собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы. Другая часть сотрудников, видя все эти перекосы, как только могла потихоньку противилась им, потому что для многих таких «и шапка не по Сеньке» была. Это отражалось на качестве работы.

* * *

Выходя как-то от секретаря-машинистки, Стороженко в коридоре случайно столкнулся с начальником отделения. Петриченко пригласил в кабинет.

— Садись. В ногах правды нет. Ну как, институт не надоел?

— Нет, что вы! Коллектив нравится, отношение с командованием — норма. Работается легко. Аппарат свой сколотил. Идет отдача — может, и шпиона найду, — короткими фразами «отстреливался» подчиненный.

— Тебе надо расти. Принимай у майора Молякова информационные подразделения ГРУ. Ты уже пообтерся среди информатики. Эта же работа связана с большими секретами, а значит, велика вероятность выхода на шпиона.

— Я даже не знаю, как быть. Так неожиданно…

— Все перемещения в нашей службе неожиданные.

— Справлюсь ли? Там полно генералов, а я привык.

Договорить начальник не дал:

— Адаптировался ведь к ученым, привыкнешь и к лампасам. Главное — не робей перед их важным видом. Они такие же, как и все. Это вчерашние твои артиллеристы и мотострелки, которые преуспели в армейской карьере — стали военными дипломатами. Языковая подготовка, правда, у них высокая. Некоторые владеют в совершенстве несколькими иностранными языками.

Объект оказался намного сложнее, чем полагал капитан. Тесного делового взаимодействия между руководителями военной разведки и контрразведки в то время не было из-за капризности начальства. Руководители ГРУ нередко скрывали факты вербовочных подходов спецслужб противника к отдельным своим офицерам за рубежом, вынуждая военных контрразведчиков тратить оперативное время на установление этих фактов и фактически действуя параллельно. На это уходило много времени, сил и средств. Руководство военной контрразведки КГБ смотрело на ГРУ свысока. Мешал человеческий фактор — амбиции. Но кто был Душин, а кем являлся Ивашутин?! У второго и опыта, и авторитета было больше.

А вот оперативные офицеры с той и другой стороны понимали, что гордыня мешает общему государственному делу.

* * *

Чекисты получали все новые и новые данные об активизации работы ЦРУ и других разведок стран НАТО по отношению к личному составу ГРУ за рубежом. Дела оперативного учета росли как грибы. Почти у каждого работника второго отделения в производстве были сигналы, дела оперативных проверок (ДОП), а у некоторых дела оперативных разработок (ДОР), у каждого более

двух десятков негласных помощников и такое же примерно количество доверенных лиц, работа с которыми требовала полной самоотдачи.

В своей основе сотрудники второго отделения 1-го отдела 3-го Главного управления представляли собой золотой фонд военной контрразведки. Это была кузница профессионалов — охотников за шпионами («кротами», «оборотнями» и пр.), а ГРУ для них представляло ту «десятку», куда целился и всегда будет целиться противник. Оперативники, работавшие в ГРУ, активно взаимодействовали и с подразделениями внешней контрразведки ПГУ КГБ, которым в то время руководил разрекламированный и обласканный «демократами» первой волны конфликтный генерал Олег Калугин. Кстати, сегодня Калугин проживает в США — сбежал и приторговывает там, как коробейник-офеня, секретами. Есть все основания считать, что он был завербован американцами.

Как-то Стороженко зашел на доклад к Петриченко и неожиданно стал свидетелем его резкого разговора по телефону с каким-то генералом. Как потом выяснилось, это был Калугин. Разговор шел о проколах его подразделения в обеспечении безопасности военных разведчиков за рубежом.

— Вы почему поганите людей? Кто вам дал право нарушать принципы конспирации? С вашими капризными неучами наши люди не хотят работать. Я хочу, чтобы вы наконец поняли, что мы вместе делаем одно общее дело. Всё, не надо мне никаких оправданий.

Положив трубку, он с досадой произнес:

— Ну совсем зажрались блатные… Откуда у них будет ответственность? Их же все боятся потревожить. Грязная все же эта личность — Калугин, — в сердцах проговорил начальник отделения.

* * *

Время неумолимо отсчитывало генсеку последние дни. Сообщение о кончине Л. Брежнева пришло неожиданно, ноябрьским утром. По коридорам Лубянки даже заходил анекдот.

— Случилось землетрясение.

— Где и когда?

— В Москве в квартире Леонида Ильича со стула упал мундир с наградами.

Состоялся скоротечный траурный митинг, а через несколько дней главой страны стал Юрий Владимирович Андропов,

деятельность которого в народе в целом оценивалась положительно. Сотрудники воодушевились. Стрелка внутриполитического барометра поползла в сторону наведения порядка с перспективой реального реформирования в области экономики, активизации борьбы с преступностью, чего и требовали простые граждане. Арест нескольких милицейских генералов-взяточников (сегодня бы их назвали «оборотнями»), снятие с должности шефа МВД говорили о том, что новый генсек на правильном пути. Потом выяснилось, что ошибок было много и у руководства КГБ и ЦК КПСС, и у Андропова.

Перегибы по вине местных властей, а может, и с целью компрометации политики Андропова — незаконные задержания праздношатающихся в рабочее время, — к сожалению, были. И все же люди вдохнули свежесть перемен к лучшему после брежневского благополучия, названного застоем. Страна заметно стала подниматься.

Андроповская попытка государственной стабилизации, к сожалению, не увенчалась успехом — слишком короткий срок был определен судьбой этому политику. После его ухода из жизни начался трагикомический спектакль, в котором роли играли люди, далекие от высокого профессионализма в деле государственного строительства.

* * *

Личный состав отделения жил напряженной жизнью — ему было не до политики. Это были люди, увлеченные сложной работой контршпионажа и действительно «живота не жалеющие ради безопасности страны». Головы пухли от планов контрразведывательных операций. Именно в это время Стороженко назначили сначала заместителем, а потом и начальником легендарного 2-го отделения, которым недавно руководил Петриченко. Это радовало. Продолжение традиций старших поколений воодушевляло в работе. Отделение разрасталось. Скоро оно насчитывало более тридцати человек. У начальника появились два заместителя.

Оперативники трудились в напряженной обстановке. Но уже тогда проявились нездоровые тенденции — уравниловка делала свое черное дело. Лодыри, трусы, блатники, окунувшись в «прелести» работы агентуристов, старались лечь «на крыло», чтоб улететь в другие, вспомогательные подразделения. Они не желали работать там, где был постоянный риск — от зари до зари. Платили ведь всем одинаково, только работалось по-

разному. Дело доходило до того, что на совещаниях оперативники прямо ставили вопрос: когда им поднимут оклады? Однако никто не реагировал на требования чекистских «шахтеров». Чиновничий же аппарат КГБ жил беспроблемно: высокие оклады, спецталоны, спецпайки, персональные машины, по рангам дармовые дачи. Оперативникам давалась одна привилегия: более половины из них получали компенсацию за единые проездные билеты, остальные ждали очереди. О дачах и личных машинах никто не думал — не было ни денег, ни времени.

Поздним вечером в тиши кабинета Стороженко работал над планом очередной операции по ДОП. Неожиданно открылась дверь, и в проеме появилась седая голова начальника соседнего отделения подполковника Анатолия Зыкова.

— Николай, ты знаешь, я сидел сейчас над бумагами и размышлял: как же мы разрослись. Пятое управление занимает уже целое здание, а толку от него никакого. Только вырос его начальник Бобков. Охранка есть охранка, но обеспечит ли она безопасность страны в лихолетье? Не думаю. А дежурных служб сколько развелось с полковничьими должностями?! Нас, агентуристов, в этом здании 10–15 %, остальное — «интеллигенция», мягко говоря.

— Ну, допустим, не все. Есть нужные подразделения, без которых мы не обойдемся. А ты что, раньше об этом не знал?..

— Нет, просто никогда не задумывался. Ходил на службу и считал, что я самый обеспеченный человек. Печально, что прозрел только теперь. У меня ведь была прекрасная специальность. Я краснодеревщик, — разоткровенничался Зыков.

— Я тоже обожаю дерево, определяю породы по запаху. Люблю читать текстуру отшлифованных досок, кольца на поперечных срезах. В свое время даже написал такие строки:

Люблю рубанок и пилу,
И запах свежей стружки,
Гору опилок на полу,
Глоток воды из кружки.
Я в срезе веток узнаю
Историю их роста…

* * *

Приход Горбачева к власти встретили с надеждой на

перемены к лучшему. Единственное, что настораживало, так это перемывание косточек мертвым генсекам — недавним друзьям — и откровенное заигрывание перед Западом.

Однако перестройка не только не облегчила жизнь миллионам тружеников, а наоборот, ухудшила и без того трудную жизнь. Только на четвертом году своего позорного правления Горбачев наконец остановил шнек чудовищной жертвенной машины в Афганистане. По его указанию были выведены советские войска, из этой горной страны с гордым народом, где в огне непонятной войны гибли наши парни.

Экономика все больше скатывалась к обрыву. Распоясались западные разведки в вербовочной работе. Всплеск особой враждебности испытывали на себе сотрудники военной разведки. Разгорались угли межнациональных конфликтов. Сокращение ракетного вооружения больше походило на одностороннее разоружение в угоду заокеанским покровителям. Нарастало шельмование армии и органов КГБ. Топорное использование войск в Тбилиси и Вильнюсе, Риге и Баку для решения политических задач, а затем бессовестное открещивание от дачи санкций Горбачева и Шеварднадзе породило в обществе недоверие к власти, больно ударило по авторитету силовых ведомств. Генсек партией практически не руководил, а руководил кто-то другой этим разрушительным процессом.

Специалисты КГБ, готовя аналитические сообщения наверх, не скрывали правду о состоянии страны, но информация игнорировалась. Руководство военной разведки и контрразведки приглашало Горбачева на крупные оперативные совещания — он не приходил. Создавалось впечатление, что председатель КГБ Чебриков поддерживает Горбачева, а личный состав стоит от этого где-то в стороне. На одном совещании в КГБ Горбачев все же поприсутствовал — прослушал доклад и удалился. Вот тогда многие из сотрудников госбезопасности поняли, что судьба страны его не интересует, он к ней безразличен…

* * *

В кабинете зазвонил телефон. Стороженко снял трубку. — Моляков, зайдите ко мне.

Начальник отдела сообщил Стороженко о присвоении ему звания полковника. Но на душе Николая особой радости не было. Чем дальше уводила перестройка страну от реальностей, тем чаще начальник отделения размышлял: «Кто виноват в бедламе? Почему он произошел? К чему мы и идем и куда придем?»

В оперативной библиотеке Николай взял книгу с выдержками из «Послевоенной доктрины США» в изложении Аллена Даллеса. Открыл сборник и сразу же нашел то, что искал. Прочитал раз, второй — и стало страшно неуютно на душе: все идет по сценарию Запада. Даллес писал:

«Посеяв в СССР хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить… Мы найдем единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы, искусства мы вытравим их социальную сущность, отчуждим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением тех процессов, которые происходили в глубинах народных масс.

Литература, театры, кино, пресса — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства, мы будем всячески додерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, предательства, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху, незаметно, но активно и постоянно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности; бюрократизм и волокиту возведем в добродетель. Честность и порядочность будем осмеивать, они никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие, будут догадываться или даже понимать, что происходит».

«Неужели этого хотят и наши вожди? Значит, они перерожденцы?! — подумал Стороженко. — Разве в идеях социализма только ошибки прошлого? Не могли же люди без объединяющей духовной силы создать столько материальных ценностей, превратить недавнюю страну с сохой в сверхдержаву? Да и дружба народов, пусть порой и наивная, все же была не пустым звуком. Перестройку (свою ли?) Горбачев назвал «революцией в революции». Такого термина в истории нет, ибо в революции ее антиподом может быть только контрреволюция…»

Надо отметить, что перестройка с ее дешевым лозунгом построения социализма с человеческим лицом самым отрицательным образом повлияла на контрразведывательную деятельность.

Во-первых, был огульно ошельмован в очередной раз институт негласных помощников — основа в работе любой спецслужбы. Вчера еще честно помогавшие люди избегали встреч с оперативным составом, что сразу же было уловлено иностранными разведками. Они стали работать напористее и наглее.

Во-вторых, и до этого скудное финансирование оперативных подразделений упало до такого уровня, что делились даже проездные билеты, сократился парк оперативных машин, урезались деньги на финансирование отдельных оперативных операций.

В-третьих, военные контрразведчики почувствовали, что генсек лукавит, уходя от решений сложных государственных вопросов, проявляет неискренность, подставляя военных.

В-четвертых, утечка режимных данных нередко шла на таком высоком уровне, что оперативникам нечего было и думать о перекрытии ее каналов.

И наконец, службу начали покидать разочарованные опытные работники, профессионалы высокого класса, меняя скромные кабинеты Лубянки на роскошные апартаменты в офисах зарождающегося олигархического бизнеса и банков.

Это потом, когда стали открываться материалы перестроечного времени, стало совсем ясно, что с Горбачевым играл Запад по своим правилам.

В газете «День» № 22 за 1993 год были опубликованы четыре снимка и текст:

«Эти снимки принадлежат парижскому агентству «Гамма». Они сделаны фотографом Ефимом Абрамовичем, как утверждают, агентом КГБ. Время снимков — начало 1970-х годов, место — Сицилия, о чем свидетельствует знаменитый фонтан с колесницей в Палермо. На снимках Раиса Горбачева. В то же время в Сицилии на встрече молодых политиков присутствовал и ее супруг — М.С. Горбачев, недавний комсомольский работник, а потом партийный лидер Ставрополья. Именно в это время завязались связи будущего «перестройщика № 1» с политической элитой Запада, намечались контуры особых отношений Горбачев — Тэтчер.

Мало что известно об этой сицилийской встрече и о другой, подобной же. Но, по-видимому, эти контакты послужили стартом политики «нового мышления», которая кончилась исчезновением

СССР».

Надо отметить, что Горбачев в бытность секретарем по сельскому хозяйству мог открыто контактировать с американцами. Так, 4 сентября 1981 года он принимал Дж. Кристала, как указывалось в официальном сообщении, специалиста по сельскому хозяйству и общественного деятеля. В середине ноября 1983 года такого рода контакт повторился.

Как писал А.П. Шевякин в книге «Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств»:

«Особое внимание в нашей литературе обращают на знаковую попытку выйти на связь с М.С. Горбачевым со стороны американцев незадолго до старта «перестройки».

Весной 1984 года — примерно за год до захвата Горбачевым власти — в Женеве в ходе конференции по разоружению руководитель советской стороны Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР В. Исраэлян получил приглашение со стороны американского коллеги Льюиса Филдса, только что вернувшегося из Вашингтона, встретиться «на нейтральной почве». По словам Исраэляна, встреча состоялась «…в одном из загородных ресторанов». В конце встречи Филдс предложил советскому дипломату пройтись после обеда.

«В Вашингтоне хотели бы установить серьезный, деловой контакт с кремлевским руководством, — начал Филдс. — И вице-президент Буш готов встретиться с одним из новых советских лидеров во время своего визита в Женеву. Встреча должна носить строго конфиденциальный характер». На мой вопрос, имеют ли американцы конкретно кого-нибудь из советских лидеров в виду, Филдс однозначно ответил, что вице-президент хотел бы встретиться с Михаилом Горбачевым как наиболее вероятным будущим лидером Советского Союза.

У меня сразу же возник вопрос, почему это важное предложение делается через меня, а не по нормальным дипломатическим каналам — через наше посольство в Вашингтоне или американское в Москве. Филдс вразумительного ответа дать не смог, сказав, что лишь выполняет полученное поручение…

Тем временем в середине апреля в Женеву прибыл Буш. Его выступление на конференции по разоружению было намечено на 18 апреля, а накануне мне на квартиру позвонил (советник генерального секретаря ООН, директор ряда «международных» центров, член масонского клуба «Магистериум» (Москва, 1993 г. — *Авт.)* Садрудин Ага-хан и таинственно сообщил, что 17-го вечером со мной хотел бы встретиться «наш общий друг».

Беседу мы начали втроем. Буш кратко коснулся главной цели

своего визита в Женеву. Когда Ага-хан покинул нас и мы с Бушем остались вдвоем, он сразу же перевел разговор на возможность проведения неофициальной советско-американской встречи. В качестве своего собеседника как будущего советского лидера он назвал только одну фамилию. «Вашим следующим лидером будет Горбачев», — уверенно заявил он. Эти слова врезались мне в память.

Через неделю в Москве при первой же встрече с министром доложил ему о предложении Буша. Громыко внимательно выслушал, не прерывал и не задал ни одного вопроса. Когда я закончил доклад, наступило тягостное молчание. Министр смотрел куда-то в сторону от меня и о чем-то напряженно думал. Затем, обернувшись ко мне, он сказал: «Ну, как там у вас дела на конференции по разоружению?» Я понял, что разговор закончен». (Израэлян В. Несостоявшаяся встреча //Аргументы и факты, 1991, № 25.) Горбачев часто беседовал с видными деятелями Запада с глазу на глаз, стремился уединяться, разговаривать на улице и без своих переводчиков. Такие беседы были у него с папой римским, Бушем, Колем и другими их представителями. 24 января 1991 года к Горбачеву напросился на встречу посол США Мэтлок. Разговор состоялся без переводчика. Таким образом, несанкционированные контакты или беседы без свидетелей со стороны главного «перестройщика» стали чуть ли не нормой.

По этому поводу генерал-лейтенант госбезопасности Н.С. Леонов, депутат IV созыва Госдумы, говорил:

«Во всем мире принято составлять подробную запись беседы, если вел ты ее в качестве официального лица или госчиновника. Какие аргументы приводили обе стороны, какие обязательства мы на себя взяли — это ведь не частности. Первыми, кто нарушил эту практику, были Горбачев и Шеварднадзе. Они начали вести переговоры, содержание которых не фиксировалось в записях.

Они часто прибегали к услугам не своих, а чужих переводчиков. О чем шла речь на подобных переговорах, у нас в стране никто не знал. В ходе таких переговоров они свободно могли брать со стороны нашего государства обязательства, никого не ставя об этом в известность». (Морозов М. Кремлевские секреты хорошо идут под водочку// Комсомольская правда, 4 февраля 1997.)

* * *

Но вернемся к чекистскому ремеслу.

Работа любой контрразведки — это прежде всего

коллективный труд, хотя он конспиративно детализован и индивидуален. Это мозаика, где каждый фрагмент укладывается в определенное место, совокупность которых и создает законченный узор — результат творческого труда коллектива и личности. А еще деятельность контрразведки сравнима со звучанием оркестра, в котором трудно выделить отдельный инструмент. В коллективе второго отделения каждый играл, причем профессионально, на своем инструменте в общем слаженном оркестре.

Поэтому эта книга не о Стороженко, а о процессе становления большинства честных и чистых чекистов — военных контрразведчиков, прошедших через горнило испытаний своего времени. Их работа канула в Лету, оставив заметный след в патриотическом деле защиты Родины — борьбе не с мнимыми врагами страны, а глубоко законспирированными агентами иностранных разведок, вставших, как правило, на путь предательства, как правило, из-за корыстных соображений.

О том, какие наработки по вскрытию «оборотней в погонах» были в багаже второго отделения 1-го отдела военной контрразведки КГБ СССР, и пойдет дальше речь.

Глава пятая
«Иуда» разоблачен

Нельзя быть злодеем другим, не будучи и для себя негодяем.
Подлость универсальна.

Б. Пастернак

Первым учебным материалом при работе Стороженко в центральном аппарате военной контрразведки, поднимающим желание трудиться по-серьезному в поиске «крота», была аналитическая справка по делу оперативной разработки (ДОР) — «Бумеранг», по которому проходил фигурант под псевдонимом «Иуда», разоблаченный американский шпион, сотрудник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба ВС СССР подполковник Попов П.С.

Дело в том, что на занятиях по чекистской подготовке молодым оперативникам, прибывшим недавно в отдел, его руководитель полковник Ермолаев Иван Авраамович настоятельно рекомендовал глубоко «проутюжить» эти материалы.

— Нужно много учиться, чтобы немного знать, но знать глубоко, — часто говорил начальник подразделения. — Не ленитесь читать с лупой то, о чем потом будете писать.

Он конечно же имел в виду планирование операций по вычислению предателей в погонах.

Но начнем всё по порядку.

Попов Петр Семенович родился в крестьянской семье на тверской земле. Был участником Великой Отечественной войны, которую закончил в должности порученца при энкавэдэшном генерале Серове И.Н. Именно по рекомендации этой одиозной личности он и попал на службу в ГРУ.

В 1951 году Попова направляют на работу в Центральную группу войск (ЦГВ), находившуюся в Австрии, и назначают стажером в легальную резидентуру ГРУ с задачей подбора кандидатов на вербовку среди иностранцев.

Через год в стране пребывания у него завязывается любовный узел с австрийкой Эмилией Коханек, по всей видимости, подставой ЦРУ. Жена Попова с двумя детьми в это время проживала у своих родителей в городе Калинине (Тверь).

Австрийская пассия требовала не только внимания к себе, но

и приличных денежных затрат. Зарплаты не хватало на утехи, а поэтому шел поиск дополнительного финансового источника. Проблема, где достать деньги для расходов на любовницу, как тень, преследовала офицера. И однажды он решился…

Сразу же после бурно проведенного новогоднего праздника в обществе любимой дамы — 1 января 1953 года — он выходит на вице-консула США в Вене с настоятельной просьбой познакомить его с кем-либо из сотрудников американской разведки. Такая просьба советского офицера, естественно, не могла «заржаветь» у американцев.

Вскоре на Попова вышел кадровый сотрудник ЦРУ США Джордж Кайзвальтер. Выслушав россиянина, янки сразу же «взял быка за рога». А бык оказался молочной коровой, которую можно и нужно было доить. Предателю дали кличку «Грэлспайс». Оборотень сразу начал активно действовать.

За период своей работы на американцев в Австрии Попов выдал сначала четырех офицеров советской военной разведки. Потом у новоиспеченного «крота» пошло-поехало, как по накатанной дорожке. На тайных встречах он сдает адреса конспиративных и явочных квартир, на которых принимает свою агентуру. Вычислить ее теперь никакого труда для американцев не составляет. Но он продолжает усердствовать, сообщая фамилии своих помощников из числа иностранцев.

Перед самым отъездом в СССР его «послужной список» предательства существенно пополнился. Американцы уже располагали сведениями, полученными от своего агента, на более восьмидесяти офицеров советских спецслужб.

Кроме того, оборотень передал церэушникам данные о структурных изменениях в центральном аппарате ГРУ, о системе обучения офицеров военной разведки, а также обобщенные данные секретного характера по другим военно-политическим вопросам…

* * *

В 1954 году его отзывают в Москву, чтобы направить в другое место службы — в ГДР, где он пробыл до 1958-го.

За годы службы в Германии у Попова появилась шпионская матерость. Он считал себя агентом со стажем, который знал, где, что и как искать и как уйти из-под чекистского колпака. Основными технологическими приемами по добыванию секретной информации в Группе советских войск в Германии были опросы военнослужащих, ознакомление с режимными

материалами и присутствие на крупных совещаниях с участием командования группы войск и представителей Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

На таких совещаниях он максимально сосредотачивался, включаясь в процесс запоминания. Слуховой памятью бог его не обидел, как не обделил и зрительной. Дома он воспроизводил все то, что слышал и видел и что нужно было американцам, тщательно фиксируя на бумаге выуженные сведения.

Следует заметить, что Попов в совершенстве владел навыками стенографии. Их он активно использовал в преступных целях, на чем и попался. Дело в том, что советская разведка получила копию одного шпионского донесения, в котором «оборотень» сообщил в ЦРУ о содержании оперативного совещания.

Естественно, военные контрразведчики стали искать «крота» в первую очередь среди присутствовавших на этом совещании офицеров и генералов. Всего сквозь сито оперативного разбирательства надо было просеять более тысячи человек, участников совещания. Но, как говорится, в постоянном и кропотливом труде — надежда! А потом, за что возьмешься с трудолюбием, все заблестит. И заблестело.

Анализ шпионской «шпаргалки» показал, что, по всей вероятности, она писалась не с магнитофонной ленты, а со стенографического текста. Специалисты-эксперты тоже склонялись к этой версии. Теперь возникла задача найти лиц, присутствовавших на совещании и знающих стенографию. Через неделю военные контрразведчики обладали списком дюжины таких офицеров. Потом уже методом исключения вышли на Попова, продавшего товар американцам…

* * *

В качестве агента под псевдонимом «Грэлспайс» Попов шел, не боясь быть изобличенным, на личные встречи с представителями американских спецслужб, в данном случае ЦРУ. Именно на таких встречах он передавал собранную секретную информацию, получая за нее предательские сребреники. Все это продолжалось вплоть до его откомандирования в Москву в 1958 году.

Интересно заметить, что в это же время в советскую столицу прибывает в качестве атташе административно-хозяйственного отдела посольства США Рассел Аугуст Лэнжелли. В аэропорту его встречал вместе с «чистыми» дипломатами установленный

разведчик ЦРУ господин Римстэд, работающий под «крышей» первого секретаря посольства. Насторожило оперативников то, что он первым подошел и поприветствовал прибывшего соотечественника. Этот, казалось бы, маловажный на первый взгляд штрих о возможной принадлежности нового сотрудника посольства к спецслужбам США был взят оперативниками на заметку.

Стали внимательно присматриваться к образу жизни и деятельности американца. Но он своим поведением не выдавал связи с разведкой. Вечерами после работы новый сотрудник совершал безобидные прогулки по городу, изучая достопримечательности столицы. Посещал театры, музеи, выставки. Нередко с семьей выезжал в Подмосковье и любовался его красотами.

Создавалось впечатление, что другие проблемы, выходящие за рамки его компетенции как хозяйственника, его не интересуют, что он «чистый» дипломат, заботящийся только о работе, семье, своем здоровье и культурном отдыхе.

Однако через некоторое время Лэнжелли ломает рамки дипломатичной благопристойности и вместе с посольским коллегой — атташе по экономическим вопросам Уинтерсом — начинает бродить по местам, далеким от культурных очагов и достопримечательностей столицы.

Служба наружного наблюдения не раз фиксировала их вместе в глухих уголках парков и скверов, на стройках, у детских площадок и в проходных дворах. Подозрительно крутились они у ресторанов и баров, не заходя туда, где можно было бы перекусить или выпить по чарочке столичной водки.

Как бается в нашей пословице, их сам черт лычком связал — с кем поведешься, от того и наберешься. Все это, пока что косвенно, говорило о том, что Лэнжелли не тот, за кого себя выдает, что, по всей вероятности, он связан со спецслужбой и приехал в Москву для проведения агентурной работы. Подозрения усилились, когда чекисты получили объективные данные на партнера Лэнжелли по совместным прогулкам — Уинтерса.

Он оказался кадровым разведчиком с узкой специализацией — работа против граждан Советского Союза. В послужном списке у него были интересные этапы: служил в военно-морской разведке США, изучал русский язык в разведцентре в Колорадо, а затем прошел курс обучения в Русском институте Колумбийского университета. Сразу же после окончания учебы его взяли на службу в ЦРУ.

* * *

Дальнейшее наблюдение за Лэнжелли показало, что он тоже «рыцарь плаща и кинжала». Его связь с разведкой доказывалась конкретными действиями. Он стал активно проверяться, пытаясь вскрыть за собою «хвост» наружного наблюдения и при необходимости благополучно оторваться от него.

Так, 21 января 1959 года Лэнжелли с утра покинул посольство на автомашине. Покатался по Москве, заехал в магазин и купил модную тогда среди москвичей цигейковую шапку. А вечером вместе с женой, которая села за «баранку», направился из посольства домой в сторону проспекта Мира, где они проживали.

На маршруте Лэнжелли снова тщательно проверялся: голова крутилась, как волчок. Цель — вскрыть за собой возможную слежку. Для этого он использовал разные ухищрения: приказывал жене резко менять скоростной режим на шоссе, начинать движение в последний момент при переключении светофора на красный цвет, перестраиваться и т. д. Когда машина оказалась в правом крайнем ряду на проспекте Мира и попала в пробку, он вышел из автомобиля в московской шапке и, смешавшись в толпе с возвращающимися с работы москвичами, направился в сторону метро. Жена одна повела машину дальше.

Лэнжелли вошел в метро и доехал до станции «Проспект Мира». Создавалось впечатление, что он не собирается выходить. Но когда двери вагона стали закрываться, он придержал правой ногой одну из створок и выскочил на платформу. Походил по станции, все время озираясь и поглядывая на часы. Где-то в районе 19.45 американец покинул метро и внешне спокойно направился к автобусной остановке, при этом тоже старательно проверяясь.

Ровно в 20.00 возле остановки появился офицер в звании подполковника. Лэнжелли и незнакомец как бы пошли в одном направлении, затем поравнялись и сразу же разошлись. Могло показаться, что это совершенно случайная встреча, но на то и щука, чтобы карась не дремал, — бдительность и профессионализм сотрудников наружного наблюдения позволили зафиксировать кратковременный контакт. Американец и офицер обменялись какими-то небольшими предметами.

Перед чекистами встала в данной ситуации главная проблема — надо все сделать даже ценой потери из-под контроля американца, чтобы установить советского офицера. А подполковник, пройдя еще десятка два метров, вдруг развернулся и подошел опять к остановке и на автобусе доехал до гостиницы

«Останкино».

Теперь для оперативников уже не существовало особых трудностей выяснить личность офицера. Незнакомец оказался подполковником Советской армии Поповым Петром Семеновичем, прибывшим в Москву из Калинина.

Вскоре контрразведчики уже располагали первичными установочными данными о том, что офицер недавно прибыл из Группы советских войск в Германии (ГСВГ), где служил по линии ГРУ. В 1958 году он был откомандирован в СССР за «неслужебную связь с австрийской гражданкой» и отчислен из военной разведки.

Попова направили в распоряжение отдела кадров штаба Тыла ВС СССР. Семья его проживала, как уже говорилось, в городе Калинине, а он в дни приездов в столицу коротал время в облюбованной им гостинице.

* * *

Сразу стало ясно, что стандартно подходить к изучению этого опытного в делах разведки офицера через агентуру или доверенных лиц оперативники не могли. Он бы быстро обнаружил проявленный к нему интерес. Поэтому решено было с учетом зафиксированного подозрительного контакта Попова с установленным американским разведчиком — агентуристом — круглосуточно контролировать его поведение силами наружной разведки, особенно при поездках по Москве. Упор делался на выявлении возможного использования им для связи с американцами почтового канала как в столице, так и в Калинине.

Подключили и силы радиоконтрразведки, что сразу принесло некоторую подвижку в изучении объекта оперативной заинтересованности. Анализ передаваемых шифровальных сообщений радиоразведывательным центром ЦРУ США из Франкфурта-на-Майне показал, что начиная с января 1959 года эти сообщения постоянно шли для неизвестного агента, вероятнее всего, осевшего в пределах Москвы или Московской области. Передачи велись в 22.00 по субботам и в 6.30 по воскресеньям.

Но все же главной удачей контрразведчиков был перехват письма, отправленного из Москвы в Калинин на имя

Попова от имени некоего Смирнова. Обстоятельное исследование почтового вложения специалистами показало, что в письме имеется тайнописный текст. В нем Попова благодарили за высокое качество собранных и переданных им (в ЦРУ. — *Авт.)* материалов, и ставились очередные задачи по сбору секретной информации. Интересовались янки и новым местом службы

офицера. Тексты и конверт сфотографировали. Тайнопись чекисты прочитали и «спрятали» снова под открытое письмо, которое тут же отправили адресату.

Живя в Калинине в ожидании назначения на новый участок службы, Попов часто общался с офицерами-«секретоносителями» местного гарнизона, что свидетельствовало о вероятном сборе им очередной порции товара — шпионской информации — для продажи своим заморским хозяевам.

В феврале 1959 года он снова приехал в Москву и остановился в прежней гостинице. Сначала Попов пообщался с офицерами отдела кадров штаба Тыла МО, а потом заехал в ГРУ. Чувствовалось, что эти контакты не случайны, что таким образом он «ошкуривает» своих будущих и старых коллег, выуживая секреты у болтливых говорунов.

Учитывая, что чекисты уже располагали прямыми уликовыми доказательствами его не только причастности, но и активизации в работе на ЦРУ, и в целях минимизации ущерба стране и ее вооруженным силам решено было в очередной приезд в Москву задержать офицера-«оборотня».

* * *

19 февраля 1959 года он был арестован. В ходе личного обыска у подполковника Попова контрразведчики обнаружили: в записной книжке домашний телефон Лэнжелли, пароли для вызова на личные встречи, шесть листов специальной копировальной бумаги, блокнот, в котором при помощи тайнописи был записан текст очередного агентурного донесения американцам.

Одновременно провели обыск и на квартире Попова в городе Калинине, в ходе которого нашли и другие предметы шпионской экипировки.

В частности, в укромном месте хранились: инструкция по способам связи агента с разведывательным центром на территории США как в условиях Москвы, так и заграницы. Нашли план односторонних радиопередач «центр — агент», шифровальный и дешифровальный блокноты, проявитель тайнописных текстов на бумаге и другие предметы, свидетельствующие о связи советского офицера с американской разведкой.

Попов был обескуражен внезапным задержанием. И понимая, что чекисты его выследили, как зверя, и теперь многое знают о его преступной деятельности, на первом же допросе предатель

сознался.

«Колоть» шпиона на противоречиях в дальнейших показаниях не пришлось. Он заявил, что начал работать на американцев в качестве агента ЦРУ с начала 1953 года. Пошел на связь из корыстных соображений. Рассказывал все подробно, как собирал секретную информацию, где и кому ее передавал. Сомнений в его откровенности у чекистов за время первых допросов не было. Именно это обстоятельство позволило подвести контрразведчиков к мысли о возможности проведения оперативной игры с американской спецслужбой, которая, естественно, не должна была знать о факте задержания своего агента.

Нужно было сделать все, чтобы янки поверили — агент работает активно и ему можно доверять. Такая игра позволяла бы не столько дурачить противника, сколько, а это самое главное в таких ситуациях, перехватывать разведывательные устремления ЦРУ к военно-политической проблематике.

Попов признался, что в 1958 году, накануне отпускной поездки на родину, он встречался с Лэнжелли на территории Восточной Германии. Американский разведчик проинструктировал его тогда о способах двухсторонней связи. Упор делался на проведение личных контактов, особенно в первые месяцы их работы в Союзе, а потом постепенном переходе на использование тайников.

Со слов Лэнжелли, он подобрал ему ряд безопасных мест для личных встреч — это детская площадка в Сокольниках, музыкальный магазин на Петровке, общественный туалет на Пушкинской площади, в ресторанах «Астория» и «Арагви», в Центральном детском театре и у входа на станции метро «Проспект Мира».

По телефону Попов мог связаться с американцем в Москве в любое время, а лучше после 19.00, звоня ему на квартиру. На этой же встрече разведчик ЦРУ передал своему агенту адреса заграничных «почтовых ящиков», по которым он всегда мог отправить собранные материалы, зашифровав их или спрятав в письме с использованием тайнописи через «письма-прикрытия».

Планом операции при проведении оперативной игры с церэушниками предусматривалось такое объяснение длительного отсутствия агента в Москве: он теперь, дескать, служит в одной из режимных частей Алапаевского гарнизона, что на Урале. На операцию по игре чекисты отводили срок не более года.

За этот период нужно было помочь руководству ГРУ вывести из-под удара раскрытых Поповым нелегалов и отправить их в страны, где они могли бы чувствовать себя на первых порах в относительной безопасности. Нужно было также быстро

среагировать и на выданных агентом противнику советских офицеров военной разведки, отправив их в Союз по экстренной замене.

Но все же самым главным моментом в оперативной игре было то, чтобы американец не разочаровался в агенте, заброшенном на периферию. Необходимы были такие дезинформационные материалы, которые бы заставили Лэнжелли держаться за своего источника и верить в его возвращение на службу в Москву.

* * *

Накануне встречи, согласно плану по связи, Попов позвонил на квартиру Лэнжелли и спросил паролем: «Боря дома?» Последовал ответ: «Вы ошиблись, это американский дом». Эти пароль и отзыв означали, что они встречаются в 20.00 в первую среду у означенного ресторана.

18 марта 1959 года Попова вывезли из следственного изолятора и конспиративно доставили на квартиру вблизи ресторана «Астория» под эскортом опытных оперативников.

А в это время сотрудник наружного наблюдения сообщил в штаб операции, что Лэнжелли в 19.30 вместе с женой выехали на автомашине из дома. К двадцати часам они оказались уже у вышеупомянутого ресторана.

Надо заметить, что подъезд ресторана чекисты заранее оборудовали скрытой камерой визуального наблюдения, которая четко зафиксировала, как американцы вышли из автомобиля, как муж подал руку жене. Не осталась незамеченным и одна существенная деталь — нежно обнимая супругу, он быстрым движением левой руки вынул из ее жакета небольшой предмет.

Попов по условиям встречи стоял уже у телефона-автомата в небольшом коридорчике. Когда американец закрыл за собой входную дверь, в руку советского гражданина перекочевала небольшая коробочка, а Лэнжелли получил от Попова другую. Произошел мгновенный обмен «сувенирами». Такое конспиративное действо могли зафиксировать только высокие профессионалы своего дела.

В переданной информации Попов сообщал в ЦРУ, что получил должность командира батальона отдельной части в городе Алапаевске. К сожалению, выезжает к месту службы один — семья остается в Калинине. Этот элемент легенды должен был оправдывать периодичность его приездов с далекого Урала в Калинин и Москву.

Лэнжелли передал Попову блокнот с заданием по сбору

сведений подготовки советских вооруженных сил к возможным боевым действиям в связи с обострением «берлинского вопроса». Также американец просил собрать информацию по межконтинентальным баллистическим ракетам (МБР) и местам базирования стартовых площадок для их запуска.

В пакете, помимо заданий, находились: новый адрес «почтового ящика» американской разведки в Западной Германии и «гонорар» — 20 000 рублей.

Вторая встреча прошла 23 июля 1959 года опять же в «Астории». Попов передал «собранную» информацию, которую с нетерпением ждали американцы с учетом остроты предыдущего задания, а Лэнжелли вручил офицеру пакет с новым заданием и 15 000 рублей.

В этом задании, в частности, говорилось:

«Можно отвечать на вопросы по номерам, т. е. в ответе ссылаться на номер вопроса и давать информацию минимальным количеством слов. Нам полезно знать, от кого или как Вы получили сведения, например от человека определенной специальности, из проходивших через Ваши руки документов и т. п.»

Следующая встреча прошла 18 сентября 1959 года в ресторане «Арагви». Опять же, согласно плану по связи, Попов позвонил после 19.00 на квартиру Лэнжелли и спросил: «Федор дома?» Отзыв был, как и прежде: «Вы ошиблись, это американский дом», что означало, что встреча произойдет в 20.00 в первое воскресенье.

На этом свидании разведчика с агентом Лэнжелли вручил Попову пакет с 20 000 рублей и измененные данные по условиям связи. Дело в том, что к этому времени семья американского «дипломата» переехала на другую квартиру и у него теперь был новый номер домашнего телефона.

Шпион же в своем донесении информировал, что в настоящее время находится в отпуске в Калинине и запланировал встретиться с коллегами из военной разведки и крупным специалистом в области ракетостроения. Называлась фамилия ученого, которого знали и американцы.

* * *

С учетом того, что за время оперативной игры были выведены из-под удара все нелегалы, которых выдал Попов, и заменены

засвеченные им офицеры ГРУ в зарубежных резидентурах, у чекистов не было больше смысла дурачить янки. А вот задержать американца с поличным представлялось с оперативной точки зрения реальным и целесообразным.

15 октября 1959 года Попов вызвал Лэнжелли на очередную встречу на 9.00 следующих суток в автобусе маршрута № 107.

16 октября шпион приехал в район встречи на «такси». Лэнжелли в 8.45 вышел из новой квартиры на Кутузовском проспекте. Встретившись на остановке и обменявшись взглядами, они сели в отъезжающий автобус, плотно заполненный пассажирами, среди которых были и оперативники. Попов сразу же прошел вперед, за ним устремился американец, сопровождаемый «бдительными гражданами». Как только разведчик поравнялся со своим агентом, он тут же передал ему пакет. Шпион в свою очередь сунул американцу небольшой конверт с «собранной информацией». По договоренности Попов дал оперативникам сигнал об окончании операции по связи и обмену материалами.

При выходе из автобуса на одной из остановок они были задержаны сотрудниками оперативной группы КГБ СССР.

— На каком основании?.. Я гражданин Соединенных Штатов Америки… Я — дипломат, вы ответите за этот беспредел, — бормотал трясущимися губами побледневший американец.

Но когда ему предъявили некоторые фото— и кинодокументы, где он был запечатлен в «боевой» работе со своим агентом, Лэнжелли сразу же понял, что пойман с поличным. В висках застучало, он то краснел, то бледнел, мысль волчком крутилась в воспаленном мозгу, как лучше выйти из этого дурацкого положения. И он сам себе посоветовал — надо сдаться, и попросил связаться со своим консулом.

Уже через трое суток с клеймом «персона нон грата» по протесту МИД СССР Лэнжелли с семьей покинул пределы нашей страны, в которую приехал как враг. Карьера американского разведчика была серьезно подмочена.

Попова же ждал суд, потому что без правовой оценки преступной деятельности его нельзя было как бы то ни было наказывать.

Как и во все времена, нравственные уроды, которые из корыстных побуждений перебегали на сторону противника или шли в тайное услужение ему, чтобы предавать своих коллег по тяжелому и опасному цеху, каким являлась разведка, заслуживали одного позорного слова — предатели. Степень осуждения таких оборотней всегда во все времена и во всех странах была по справедливости жесткой.

Глава шестая
«Янг» под колпаком контрразведки

Низкий человек знает только выгоду…

Конфуций

О предательстве полковника Олега Пеньковского Стороженко впервые узнал на лекции по оперативной подготовке в Высшей школе КГБ. Но разве мог предполагать, что пройдет некоторое время и он окажется в том подразделении, офицеры которого принимали активное участие в разоблачении матерого шпиона в недрах ГРУ под кличкой «Янг».

В литерных (аналитических) делах того времени еще было много материалов о предателе, поэтому Николай внимательно знакомился с ними, понимая, что опыт, наработанный старшими товарищами, пригодится в дальнейшем. Он не ошибся, считая, что опыт учит понимать, что невероятное не всегда ложно, и что опыт хорош, если за него не заплачено слишком дорого. Именно для того, чтобы в дальнейшем не платить дорого за возможные ошибки в деле поиска «кротов», он и корпел над интересными делами.

Военная карьера Пеньковского даже на первый взгляд была довольно необычной. После окончания в 1939 году Киевского военного училища его направляют в войска. Он участвовал в советско-финской войне. С июня 1941 года начал контактировать с военной разведкой РККА. Некоторое время, с 1944 по 1945 год, являлся офицером связи — порученцем будущего главного маршала артиллерии С. Варенцова. В 1945-м Олег Пеньковский, двадцатишестилетний подполковник, по рекомендации Варенцова и маршала Конева был принят в Военную академию им. Фрунзе. В наградном листе Пеньковского значились пять боевых орденов, включая редкий «штабной» орден Александра Невского. В этом же 1945 году подполковник женился на 17-летней дочери генерала Д.А. Гапановича, начальника политуправления и члена Военного совета МВО. После появления первого ребенка — дочери — он получил, по всей видимости, не без помощи тестя шикарную квартиру в элитном по тем временам доме. В карьерном росте племянника, очевидно, принимал участие и его дядя, в будущем генерал армии — В.А. Пеньковский.

В 1948 году он оканчивает Военную академию имени М.В. Фрунзе. Там овладел азами английского языка и намеревался поступить в престижную Высшую военно-дипломатическую школу (ВВДШ). Но получился облом — Пеньковского не приняли, не помогло и вмешательство тестя. Служба в Москве после «Фрунзенки» началась в центральном военкомате МВО. В начале 1949 года не без помощи маршала Конева и его зама — генерала Маландина — он зачисляется слушателем ВВДШ. В первых числах февраля 1950 года Пеньковский получил звание полковника.

На банкете, где почетный гость Иван Конев, бросив три полковничьи звезды в бокал с водкой, провозгласил тост «за одну большую генеральскую звезду» одного из самых молодых полковников в стране.

В 1953 году Пеньковский завершил учебу в ВВДШ, потом она будет называться Военно-дипломатической академией, и был направлен в Главное разведывательное управление Генштаба ВС СССР, но там с самого начала службы не сумел найти ключи к новым сослуживцам. Репутация выскочки быстро утвердилась за молодым полковником. От него начальство постаралось избавиться.

С 1955 года его назначают на должность исполняющего обязанности военного атташе СССР в Турции. Вместе с женой он вылетел в Анкару. Деловых и товарищеских отношений с коллегами и посольскими работниками у него не сложилось. Пеньковских считали высокомерными людьми, в свою очередь супруга и.о. ВАТ пренебрежительно называла своих коллег «колхозниками».

В январе 1956 года в Анкару из Кабула перевели генерал-майора Н.П. Савченко (Рубенко) и назначили его ВАТ СССР и руководителем резидентуры ГРУ в Турции. С новым руководством у Пеньковского тоже не сложилось деловых отношений, и он, пытаясь отомстить своему начальнику за «глупость и грубость» в своей работе, донес на него в Москву через каналы КГБ. В ноябре 1956 года все руководство ВАТ было отозвано в СССР. Пеньковский понял, что такой его поступок не прибавит «пера в его шляпу» в системе ГРУ.

Тогдашний начальник управления кадров ГРУ генерал Смоликов обрисовал положение Пеньковского так:

«Дорогой мой Олег Владимирович, не так важно, кто прав, а кто виноват. Важно, что уважаемый Николай Петрович Савченко уже был генералом, а вы, простите меня, только полковник. И вряд ли кто-либо из наших с вами начальников-генералов захочет после этого инцидента пригласить вас к себе в отдел. А неволить кого-либо не в наших правилах».

Итак, Пеньковский не сумел перерасти генеральского порученца, который поселился в нем навсегда.

В 1958 году он не без помощи Варенцова направляется на ракетные курсы при Военно-инженерной академии им. Дзержинского. 23 апреля 1959 года Пеньковскому исполнилось 40 лет. Его служебные амбиции не были полностью удовлетворены, хотя в мае того же года Пеньковский получил диплом с высшими оценками по всем дисциплинам и был отмечен как лучший выпускник курса. После окончания курсов его опять направляют в ГРУ. Офицера определили на работу в Управление внешних сношений Госкомитета по координации научно-исследовательских работ (УВС ГККНИР) при Совете министров СССР. По его мнению, это было прикрытое добродетелью выдавливание его из центрального аппарата ГРУ и конец карьерному росту.

Что же касается УВС ГККНИР, оно напоминало в это время старорежимную «богадельню», куда прибивался весь хлам секретных служб, имитирующих важную государственную работу. Это было время армейского скепсиса в результате существенного сокращения Вооруженных Сил

СССР как результат хрущевской «политической пластики» в духе «веселого душегуба». «Юмористом с кастетом в руках» называли его импровизированные шаги во внутренней и внешней политике некоторые острословы.

Появился скепсис и у разведчиков, сдобренный профессиональной «деформацией» в связи с постоянной «облученностью» спецслужбистов, их сталкиванием с изнанкой жизни.

В ноябре 1960-го полковник Пеньковский предложил свои услуги ЦРУ. Американцы отнеслись к поступку советского офицера, как к подставе. Никак не прореагировали они на его письмо. Тогда в апреле 1961 года он повторил свои намерения английской разведке МИ-6. Несмотря на британский снобизм, разведка Ее Величества отреагировала достойно…

* * *

Документы свидетельствовали, что, будучи по натуре авантюристом, Пеньковский вел двойную жизнь. Одна была фальшивая, показная, другая — реальная, подлинная. Из этих двух ипостасей он хотел иметь выгоду в виде зарплат, подарков, перспектив роста. Он был бонвиваном, гулякой, лебезил перед начальством, умел показать мокрую спину при минимальных

затратах собственных сил. Некоторые сослуживцы принимали его угодничество как человеческую доброту, а карьеризм — как служебное рвение. Нередко успехи сослуживцев выдавал за свои…

Несмотря на суетливость и нетерпеливость, как отзывался о нем англичанин Эндрю Мортон, он почти всегда жил так, как будто бы в его распоряжении находился геологический запас времени или песочные часы, которые можно опять перевернуть после того, как прошел еще один год, — запас песка казался постоянным. Пеньковский был склонен переоценивать свой реализм. Кроме того, он усвоил привычку многих чиновников его уровня сардонически реагировать на абсурдный характер и сюрреалистический стиль советских бюрократических лабиринтов.

На одном из занятий по чекистской подготовке, которое вел полковник И.А. Ермолаев — начальник 1-го отдела 3-го

Главка КГБ, участник операции по разоблачению шпиона, был поднят вопрос о личностных качествах «крота».

— И все же, какие главные черты, по вашему мнению, выделяли Пеньковского среди офицеров? — спросил у начальника на этом занятии капитан Стороженко.

— Качество личности, — повествовал чекист, — ее совокупный психологический портрет. К сожалению, у нас мало изучается, и не им измеряется роль человека в коллективе. Порой руководство оценивает работника, создавшего себе репутацию удобными словами, а не реальными делами. Не случайно в личных делах многих офицеров, в том числе и офицеров разведки, лежали характеристики-близнецы с одной стандартной концовкой: «…предан социалистической Родине, Коммунистической партии. хранить секреты умеет» и прочее. Так было и с Пеньковским.

Даже у оперативника, обслуживавшего подразделение, в котором трудился будущий шпион, были на него разрозненные данные, но он не смог свести их в единый психологический портрет.

Объективно же этот портрет сложился только в ходе следствия. В нем есть такие мазки: человек умный, обладает организаторскими способностями, одновременно тщеславен и честолюбив, обожал, когда его замечали, постоянно искал высокопоставленных покровителей и через них всякий раз пробивал карьеру. Даже женитьбу на дочери известного генерала подчинил своему пути к успеху по службе. Крепкой семьи не создал и действовал, сообразуясь с собственной логикой авантюриста. Была у него еще одна характерная черта —

постоянно подчеркивал свою близость к высокопоставленному начальству.

— А как и когда вышли на него? — поинтересовался кто-то из офицеров.

— Первые подозрительные признаки косвенного характера появились у оперативника тогда, когда стали поступать данные о проявлении им повышенного интереса к секретам, выходящим за пределы его должностных обязанностей. Таких сигналов было несколько — их посчитали тогда чисто субъективными данными. Но когда поступило сообщение, что при работе с секретными документами он закрывает на замок дверь кабинета, чекисты стали пристальнее присматриваться к полковнику.

* * *

30 декабря 1961 года сотрудники наружного наблюдения засекли подозрительную встречу жены английского дипломата Анны Чизхолм с неизвестным мужчиной в подъезде дома № 4 по Арбатскому переулку.

При выяснении личности им оказался советский гражданин, офицер ГРУ Генштаба ВС СССР Олег Пеньковский. С этого времени и началась активная работа по сбору улик на предателя. Было установлено, что Пеньковский вне службы вел разгульный образ жизни, а для этого требовались деньги, и деньги немалые. О его времяпрепровождении ходили легенды. Он любил расслабиться в ресторанах и кафе с нужными ему людьми то ли для «ошкуривания» объекта беседы для получения от захмелевшего болтуна секретных сведений, то ли это было рыцарское ухарство в щебетании с дамой сердца. Однажды Пеньковский так назюзюкался, что, сидя за столиком в ресторане с очередной жрицей любви, в знак подчеркнутого уважения к даме снял с ее ножки туфлю, налил туда шампанское и, подняв тост за здоровье присутствующей, выпил из этого «бокала».

— Браво, браво! — закричала публика, редко видевшая такое проявление чувства кавалера не первой свежести к молодой особе.

При таком прожигательстве жизни полковничьей зарплаты, естественно, не хватало, поэтому еще в конце 1960 года он пытался установить преступную связь с иностранной разведкой. Для этой цели он подготовил письмо с предложением своих услуг. Легальных контактов для встречи с иностранцами у него было достаточно, так как он работал от ГРУ в Госкомитете по координации научно-исследовательских работ. Это письмо он

передал одному иностранцу в американском клубе в Москве. Однако янки отнеслись настороженно к намерениям советского офицера.

Надо заметить, что в то время начальник контрразведки ЦРУ США Д. Энглтон не очень доверял инициативникам из социалистического лагеря, предлагавшим добровольно свои услуги американской разведке, боясь подстав со стороны «коварного и всесильного» КГБ.

Тогда Пеньковский решил пойти другим путем — связать свою судьбу с англичанами. Скоро удобный случай представился. В декабре 1960 года в Москву вместе с делегацией английских специалистов прибыл под личиной бизнесмена разведчик Грэвилл Винн. Из разговора с ним полковник понял, что это тот тип, перед которым можно открыться и попытаться выйти на разведчиков Великобритании. Они быстро подружились.

Когда в апреле 1961 года, в последний день пребывания Винна в Москве, друзья прогуливались по Красной площади, Пеньковский неожиданно заявил, что располагает рядом сведений, которые любой ценой должны быть переправлены на Запад.

А находясь на представительском ужине в ресторане гостиницы «Националь», Пеньковский более подробно рассказал Винну о себе, о службе в ГРУ Генштаба и о своем желании сотрудничать с английской разведкой. Там же он передал тщательно запечатанный конверт, содержавший полный отчет о всей своей предыдущей деятельности и ряд секретных документов, для того чтобы убедить СИС в искренности своих намерений.

А 20 апреля того же года Пеньковский в составе советской торговой делегации отправлялся на 16 суток в Лондон. Теперь он вез с собой во внутреннем кармане пиджака шестнадцать страниц убористо написанного текста с ТТД трех новейших ракет…

Вместе со специалистами начальник ГРУ отправил в страну «детей Альбиона» и свой родственный довесок. В аэропорту Шереметьево генерал Серов, одетый в модный по тем временам светло-серый габардиновый плащ и такого же цвета шляпу, подозвал руководителя делегации Пеньковского и предупредил:

— С вашей «командой» поедут в Англию моя жена и дочь Светлана. Хотелось бы, чтобы их присутствие в делегации прошло под сурдинку не только для англичан, но и для ваших командировочных… Олег Владимирович, будь добр, присмотри за женщинами. Заграница — не дома, чего не бывает, сам понимаешь. И ты поспокойнее, суетиться не надо и побольше достоинства.

Потом он подозвал стоявших в стороне дам и отрекомендовал им благодетеля:

— А это Олег Владимирович, вот познакомьтесь, будет вашим начальником. Слушайтесь его во всем! Он вам все покажет в Лондоне и вокруг. И купить все поможет, сами понимаете.

И действительно, в Лондоне ему удалось «уговорить» жену генерала взять у него деньги на траты. Мадам согласилась, пообещав: «Мой муж вернет вам все, что вы решитесь на нас потратить».

У Пеньковского голова шла кругом от дел: служебных, туристических, магазинных и шпионских.

То было время хрущевского балагана. Как писал в документальном романе «Они умирают в начищенных ботинках» англичанин Эндрю Мортон — знаток Пеньковского с позиций Лондона, — это был период пышного расцвета подношений. В центральных аппаратах министерств и ведомств, в том числе и ГРУ, ожили старинные манеры начинать любое дело по-восточному, с одаривания начальства.

«Машинистке секретного отдела причитался английский шоколадный набор, секретарше босса — «Шанель № 5», охране — нож «Золинген», зажигалка «Ронсон», темные очки «Пайлот». Столоначальникам — авторучка «Паркер», галстук с имперским единорогом или коронами, теннисный инвентарь «Макинтайр» или словари Вебстера. Командному составу полагались (уже без ограничений в цене) немецкие ружья, фотоаппараты или сервиз «Цвибельмюстер», швейцарские часы «Лонжин», японские транзисторы или шведский хрусталь.

Детям и внукам лидеров привозились автомобильные аксессуары, пластинки, книги Бердяева, Сергея Булгакова и Розанова. Все категории одариваемых интересовались порнографией…»

Кроме того, проявляли живой интерес партчиновники и военные к «тлетворному искусству» — пластинкам с песнями Лещенко, Вертинского, Реброва и др.

Для этого были нужны деньги, и большие деньги. Где он их брал, остается нам только догадываться. Явно свои не тратил!

И еще он усвоил одну истину: хочешь ездить за границу — вози подарки, иначе пошлют другого.

Каждый вечер, завершив свои официальные дела, Пеньковский выскакивал из гостиницы «Маунт ройял» и направлялся на конспиративную квартиру, где встречался с высокопоставленными чинами английской и американской разведок СИС и ЦРУ. Беседы продолжались до глубокой ночи. Их особенно интересовали те девять месяцев, которые он провел в

Военной академии имени Ф.Э. Дзержинского, изучая ракетную технику.

Там он и был завербован, получив кличку «Янг». Вербовку закрепили письменным обязательством — подпиской о тайном сотрудничестве.

Тут же в номере ему была поставлена задача по сбору политической, военной и экономической информации. Заморские хозяева передали ему чувствительный транзисторный приемник для прослушивания шифрованных радиопередач, блокнот с шифрами и кодами, средства для нанесения и проявления тайнописи, миниатюрный приемник «Минокс», фотопленки и другие предметы шпионской экипировки. Все это он, вернувшись в Москву, спрятал дома в оборудованном тайнике письменного стола. С этого рубежа оборотень начал активно «работать» в ГРУ против ГРУ и всей страны.

* * *

Для легализации контактов с советскими гражданами англичане приглашали в свое посольство специалистов. Часто на таких приемах бывали и сотрудники Госкомитета по науке и технике. Получал подобные приглашения и

Пеньковский, но не для развития внешнеторговых контактов, а совсем для других целей — шпионских. Там тоже присутствовал англичанин Г Винн.

Во время вояжей по роду службы в европейские столицы Пеньковского тренировали, как собаку для охоты. На конспиративных квартирах его обучали (занятия шли по несколько часов), как советскому военному разведчику стать первоклассным шпионом. В то же время «доили» — выпытывали все то, что хранилось им в памяти. А хранил он много, так как собирал товар для продажи. Выслуживаясь перед хозяевами, Пеньковский однажды в порыве явного бахвальства заявил:

«Взорву в Москве все что угодно — выполню любое задание».

В частности, как писали газеты, он сделал предложение, которое и сегодня потрясает нормально мыслящих людей. Показав на карте Москвы двадцать девять мест, где располагались главные военные, политические и государственные учреждения страны, он вызвался в день «Х» по сигналу ЦРУ и МИ-6 заложить в близлежащих магазинах страны, на почтах, в подъездах жилых домов атомные «бомбы-малютки» с часовым механизмом. По его предложению они должны быть установлены на одно и то же время с таким расчетом, чтобы до срабатывания он сам успел

уехать.

Обосновал эту сумасбродную идею своими глубокими познаниями в военном деле. Шпион всячески старался убедить американских разведчиков в необходимости этого теракта.

Даже известный противник инициативников — предателей из Советского Союза — начальник контрразведки ЦРУ Энглтон, оценивая в те дни надежность шпиона, назвал его «анархистом и человеком с причудами, который по какой-то причине пытается втянуть нас в войну с Россией».

Неуравновешенный и амбициозный Пеньковский был готов лично уничтожить миллионы своих соотечественников.

Для снятия стресса ему предлагали секс с разного рода проститутками, работавшими на английскую разведку. От такого отдыха он, естественно, не отказывался. Шпион понимал, что это тоже своеобразная плата за его нервное перенапряжение, за невосстановленные, погибшие нервные клетки в ходе переживаний на опасной тропе предательства. О низости и скотстве своих поступков он не задумывался, мечтал только о деньгах, больших и скорых деньгах и о том, чтобы быстрее их потратить.

О фактах обширных связей «рыжего», своего дружка Пеньковского, с женщинами легкого поведения подробно расскажут на процессе свидетели — его собутыльники по пьяным оргиям Рудовский и Финкельштейн.

В один из визитов в Лондон неожиданно Винн пригласил Пеньковского в гости в свой дом. Советский офицер впервые видел быт британского дома снаружи и внутри. Увитые багряным плющом стены дома, ярко-зеленый, как мох, дерн на лужайках. Во дворике стоял стойкий аромат чайных роз. Горел камин, потрескивая дровами с запахом смолки. За раскрытыми окнами жужжали пчелы. Стройная жена Винна Шейла для приличия поинтересовалась родителями гостя.

— Отец погиб на фронте, а мать жива, — ответил полковник.

Вино в графинах скоро испарилось за частыми тостами, но гостю, сидевшему в шотландском клетчатом кресле, не хотелось уходить. Камин манил и притягивал к себе, успокаивая возбужденную его натуру…

* * *

За время заграничных поездок «крот» передал противнику 106 экспонированных фотопленок, в которых было более пяти тысяч кадров. Это были материалы секретного характера,

полученные разными путями на шпионской стезе.

А теперь к вопросу его «засветки». Из материалов судебного разбирательства установлено: как уже говорилось, впервые Пеньковский попал в поле зрения органов советской контрразведки в конце 1962 года. Согласно плану по связи, шпион должен был передать часть собранных им секретных материалов при личной встрече жене английского дипломата Анне Чизхолм на Цветном бульваре, где она часто гуляла с детьми. Коробка конфет, в которой находились четыре фотопленки, была передана в качестве «угощения» детям англичанки на лавочке одной из детских площадок, куда якобы случайно забрел Пеньковский.

Этот подозрительный факт, как уже говорилось, и был зафиксирован сотрудниками наружного наблюдения. Затем уже все действия подозреваемого в шпионаже и его встречи с иностранцами контролировались чекистами, что позволяло не только разоблачить матерого шпиона, но вскрыть его связи с разведчиками США и Великобритании, работавшими легально под «крышами» соответствующих посольств в Москве.

А их, этих преступных связей, было много, прямо или косвенно обеспечивающих безопасность работы Пеньковского и Винна в столице. Это прежде всего сотрудники посольства Англии А. Рауссел, Г. Кауэлл, его жена П. Кауэлл, Р. Чизхолм и его жена А. Чизхолм, Д. Варлей, Ф. Стюарт и сотрудники посольства США А. Дэвисон, Х. Монтгомери, Р. Карлсон, Р. Джэкоб и В. Джонс.

В 1962 году в ходе агентурно-оперативных мероприятий был получен визуально еще один серьезный уликовый факт. Оперативники зафиксировали момент фотографирования Пеньковским в квартире на подоконнике каких-то документов, что дало еще одно основание подозревать его в причастности к разведке противника. Надо отметить, что такую «процедуру с бумагами» он проделывал несколько дней подряд.

Участник тех событий И.А. Ермолаев пояснил, что наблюдение за шпионом велось из окна противоположного дома. «Уже тогда, как видите, уровень спецтехники позволял не только фиксировать манипуляции подозреваемого в шпионаже с листами машинописного текста, но и четко определить содержание его работы с неизвестным фотоаппаратом. Как потом выяснилось, это была шпионская мини-фотокамера «Минокс». Сомнения после этого рассеялись — перед нами был явный шпион».

22 октября 1962 года после получения санкции от генерального прокурора Пеньковский был арестован при выходе из здания Госкомитета по координации научно-исследовательских работ. В ходе обыска в его квартире чекисты

обнаружили тайник с арсеналом шпионского снаряжения: шифры, коды, средства тайнописи, два фотоаппарата «Минокс», микрофотопленки, машинописные листы секретных документов. На столе стояла пишущая машинка, на которой он перепечатывал некоторые записи для того, чтобы легче читались тексты — шпионские донесения — хозяевами в разведцентрах США и Великобритании, и радиоприемник, на котором прослушивались радиопередачи по линии «центр — агент».

Тогда же была изъята и инструкция, по которой он обучался и действовал в личине оборотня. В частности, в ней давались такие рекомендации по радиосвязи:

«Мы считаем, что этот способ имеет большие преимущества с точки зрения безопасности… Вам очень важно натренироваться, чтобы вы могли узнать и записать цифры при передаче… Для этого нужно просто регулярно практиковаться».

Более детально говорилось о тайниках:

«Они будут оставаться основным способом для посылки сообщений и материалов вами. Для оперативности этого способа нам необходимы описания тайников, обещанные вами. Вам придется в будущем находить и другие. При выборе тайников имейте в виду, что они должны находиться в местах, нормально доступных иностранцам. Мы считаем, что будет лучше, если мы будем заранее согласовывать день и час, в который вы будете заряжать условленный тайник, чтобы мы могли его сразу же опустошить, не дожидаясь сигнала…»

Дальше в шести пунктах шло подробное разжевывание технологии работы с тайниками.

* * *

Спустя некоторое время полковник юстиции в отставке В. Смольников в статье «Неотвратимое возмездие» напишет, что во исполнение этих инструкций «…Пеньковский с рвением приступил к выполнению заданий иностранных разведок. Он фотографировал технические отчеты и другие секретные материалы, выуживая данные военного характера у своих знакомых военнослужащих, фиксировал те сведения о советском вооружении, которые он получил во время службы в армии».

На следствии, а затем на суде Пеньковский признался, что

преступную связь с английской и американской разведками он установил исключительно из корыстных соображений — не хватало денег на развлечения с собутыльниками и женщинами легкого поведения.

Наглядней всего характеризует авантюризм шпиона его письмо руководству КГБ при СМ СССР, написанное на третий день после ареста.

«Прошу вас оказать мне доверие и помочь реабилитироваться и вернуться в наше общество и в свою семью ценой огромнейшей пользы, которую я сейчас еще имею возможность принести. Я смогу вырвать у врага гораздо больше сведений и материалов, нежели передал.

Это реально с точки зрения сложившихся в настоящее время условий, что является моей жизненной целью. Не превращайте меня в труп — это будет подарком врагу. Забросьте меня туда, где меня ждут. Большего вреда я уже не принесу, и вы ничем не рискуете.

Беру на себя следующие условия: если изменю своему обещанию и буду присылать некачественные материалы или «дезу» — уничтожьте семью, да и со мной вы можете всегда расправиться. Но этого не будет. В горячем стремлении принести сейчас реальную пользу Родине — моя сила.

Помогите искупить преступление.

О. Пеньковский. 25.X.1962».

Он был предателем — и страхи его были страхами предателя. Подонок отдавал на заклание даже семью — жену, дочерей и мать — ради сохранения своей подлой жизни.

* * *

Как уже ранее упоминалось, Пеньковский вышел на англичан через Г. Винна. Так кто же этот господин? Грэвилл Винн родился в Англии в 1919 году в семье инженера, работавшего на шахтах Среднего Уэльса. После окончания школы получил высшее образование. В начале войны был призван в армию по всеобщей мобилизации и служил в одном из подразделений военной разведки. По завершении военного лихолетья решил заняться бизнесом. Вначале коммерческая деятельность не заладилась — не хватало средств и опыта. В это время, по всей вероятности, ему подставила плечо английская разведка. Не без помощи «Интеллидженс сервис» он основал две компании — «Грэвилл

Винн лимитед» и «Мобайл Экземишенз лимитед».

Именно будучи представителем этих и ряда других фирм, Винн мотался по странам Европы. Бывал он и на территории Советского Союза. Английская разведка стала активно с ним работать начиная с 1955 года, понимая, что его деятельность — это прекрасная «крыша» для операций по связи.

Он проходил шпионскую подготовку на специальных курсах. Обучался вскрытию «хвостов» — наружного наблюдения противной стороны за собой, — работе с тайнописными текстами, по подбору тайников, кодированию, запоминанию фотографий советских граждан, интересующих английскую разведку.

Таким образом, он становится профессиональным разведчиком, использующим легальные возможности для проведения подрывных акций на территории СССР как главного противника в ходе холодной войны.

На суде было установлено, что Винн, выполняя задание спецслужбы, намеревался направить в Москву несколько фургонов, согласовав это мероприятие с Госкомитетом по координации научно-исследовательских работ, для демонстрации фильмов, показа диапозитивов и чтения лекций на техническую тематику. В одном из фургонов был устроен тайник, в котором Пеньковского планировали вывезти на Запад в случае непредвиденной ситуации, как это сделали потом с другим предателем-разведчиком ПГУ КГБ, другим Олегом — Гордиевским.

На том же процессе разоблаченный шпион показал, что он, боясь за свою шкуру, неоднократно ставил вопрос гарантий своей безопасности в случае осложнения обстановки. Американцы и англичане «обещали» разные варианты оставления СССР вплоть до побега на подводной лодке, рыболовецкой шхуне или на самолете. Рисовать подобные варианты спасения спецслужбы великие мастера, но им нужней действующий агент, а о провалившемся нет никакой заботы. Это закон джунглей — слабый пусть погибает, найдем нового дурака таскать каштаны из костра.

Специалисты из английской разведки в Лондоне изготовили для своего агента фальшивый паспорт с тем расчетом, что в случае опасности он должен был перейти на нелегальное положение и находиться в определенное время в условленном месте. Эта забота иностранных разведчиков так растрогала шпиона, что он отправил в Центр письмо такого содержания:

«Мои друзья!

Получил ваше письмо с паспортом и описанием к нему…

Крепко жму ваши руки, большое спасибо за заботу обо мне, я всегда чувствую вас рядом с собою.

Ваш друг. 5 сентября 1962 года».

Пеньковскому же обещали звание полковника английской и американской армий, ответственную должность в разведке этих стран, оклад в несколько тысяч долларов. По тем временам это была внушительная сумма. Кстати, находясь в одной из командировок в Лондоне, он на конспиративной квартире даже примерял полковничью форму американской армии. Это были только обещания.

Пеньковского спецслужбы лицемерно хвалили, но вывозить за границу не спешили. Им казалось, что он еще мало поработал на них.

На вопрос председательствующего суда о том, как оценивали его работу иностранные разведчики, работавшие с ним, Пеньковский ответил:

— Мне говорили, что я провожу большую работу, и высоко оценивали ее как с точки зрения объема, так и с точки зрения важности полученных материалов. По их оценке можно сказать, что я работал не зря.

* * *

Стороженко не раз обращался как к оперативным, так и к следственным материалам по делу о Пеньковском не только для расширения собственного чекистского кругозора, но и для проведения занятий с личным составом подразделения в дальнейшем. Это был уникальный опыт разоблачения матерого шпиона, и этот опыт ветеранов нельзя было потерять.

То, как работали оперативники на последней фазе дела по Пеньковскому, видно из содержания протокола следственного эксперимента для подтверждения правильности показаний шпиона о способе использования тайника № 1.

«В ночь на 2 ноября 1962 года на столбе № 35 на Кутузовском проспекте в Москве была сделана ранее описанная Пеньковским метка. В это же время в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице был заложен тайник в виде спичечной коробки, обмотанной медной проволокой, при помощи которой она крепилась к костылю, поддерживающему отопительную батарею.

В коробку было вложено донесение, изъятое у Пеньковского при аресте. Подъезд был оборудован специальной аппаратурой,

позволяющей видеть и фотографировать действия человека, изымающего содержание тайника.

В 8 часов 50 минут были набраны номера телефонов, названных Пеньковским, а в 9 часов 20 минут у столба с меткой появился помощник военно-воздушного атташе посольства США в Москве А. Дэвисон. Он дважды прошел мимо столба, внимательно осматривая его. В 15 часов 15 минут в подъезд дома № 5/6 по Пушкинской улице зашел человек, который в момент изъятия содержимого тайника был задержан сотрудниками органов безопасности.

При проверке документов этот человек оказался сотрудником американского посольства в Москве Р. Джэкобом».

Эксперимент лишний раз подтвердил, что Пеньковский — реальный, действующий агент иностранной разведки, что с ним противник сотрудничает четко и профессионально.

* * *

А теперь об ущербе, нанесенном стране шпионом. Он был огромен по своим политическим, военным и экономическим масштабам. Надо отметить, что это был период становления наших Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Разворачивались на несение боевых дежурств межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Режим секретности в то время по этому роду войск был жесткий, потому что это были особо охраняемые секреты нашего нового поколения оружия, обеспечивающего гарантированную безопасность страны, надо сказать, и до сих пор.

Пеньковский через свои связи в центральном аппарате Министерства обороны СССР по крупицам собрал и выдал данные о некоторых местах расположения этого грозного оружия с привязкой к конкретной местности, а также отдельные планы по строительству новых шахтных колодцев для МБР.

Военному ведомству пришлось срочно менять не только планы оснащения РВСН ракетной техникой, но и «уходить» с отдельных, уже готовых боевых позиций. Стоили эти мероприятия государству, понятно, не один миллион рублей.

Огромный вред «Янг» нанес противовоздушной обороне (ПВО) страны, выдав святая святых — отдельные элементы системы опознавания, так называемой свой — чужой. Пришлось и тут казне советского государства тратить колоссальные средства на латание появившихся брешей при восстановлении режимных

мер.

Кроме того, Пеньковский «проинформировал новое свое руководство» о структуре центрального аппарата военной разведки по состоянию на 1960–1961 годы, руководителях ГРУ и отдельных офицерах, работающих в резидентурах за рубежом, местах дислокации некоторых НИИ, доктринальных сведениях о стратегическом и тактическом использовании нелегальной разведки. Этим самым он не только сковал и дезорганизовал деятельность разведаппаратов военной разведки за границей, но и практически бросил отдельных вчерашних коллег под жернова контрразведки противника.

Вместе с тем он передал секретные сведения о военной политике страны — стратегических планах СССР, о направлениях в развитии новейших видов оружия, в частности лазерного…

Всего за полтора года работы он передал 5000 кадров фотопленки с различными данными шпионского характера.

Ущерб стране, нанесенный предательством оборотня в погонах военного разведчика, действительно был огромен, и в то же время следует заметить, что если бы чекисты не обезвредили его, то негативные последствия были бы во много крат больше и опаснее для боеготовности Советской армии. Не случайно последовали суровые санкции против военных руководителей, которые пусть косвенно, но были виновны в том, что Пеньковский как шпион состоялся и что ему в ряде случаев удавалось через болтунов выкачивать секретнейшую информацию о наших вооруженных силах.

Были сняты с должностей и разжалованы до звания генерал-майоров начальник ГРУ генерал армии И. Серов, главный маршал артиллерии С. Варенцов. Серьезно наказали ряд других генералов и офицеров.

11 мая 1963 года Военная коллегия Верховного суда СССР огласила приговор изменнику Родины О. Пеньковскому и Г. Винну. Суд приговорил Пеньковского к ВМН — расстрелу, а Винна — к 8 годам лишения свободы. Суд также вынес частное определение о незаконной деятельности ряда сотрудников посольств США и Великобритании в Москве.

А 17 мая того же года центральные газеты опубликовали сообщение:

«Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о помиловании Пеньковского О.В., приговоренного Военной коллегией Верховного суда СССР за измену Родине к смертной казни — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение».

Так закончилась операция контрразведчиков по разоблачению шпиона, нацеленного спецслужбами противника на длительную работу. Сколько предатель принес бы еще вреда стране. Одному Богу только известно. Ясно, что много! Но «крот», или, если называть современным сленгом — «оборотень», был обезврежен.

Необходимо отметить гуманную сторону КГБ в работе по предателю. Семью попытались оградить от негативного воздействия общественного мнения. Им помогли сменить фамилию, место жительства и прочее. Старшая дочь продолжала работать в одном из аналитических подразделений КГБ. Из всех членов семьи в предательство Пеньковского не могла поверить только его мать, добрая русская женщина, посещавшая его в тюрьме в простой повязанной вокруг лица косынке.

* * *

Разоблачением шпиона был нанесен ощутимый удар по ЦРУ и МИ-6.

За относительно быстрый провал шпиона после его вербовки слетели со своих должностей и непосредственные руководители агента в американской и английской разведках. А чтобы хоть как-то реабилитироваться перед своим правительством, разжечь антисоветские настроения и опорочить Советский Союз, ЦРУ неуклюже состряпало фальшивку под названием «Записки Пеньковского», изданную в ноябре 1965 года отдельной книгой. Их написали по указанию ЦРУ бывший сотрудник журнала «Лайф» Фрэнк Гибни и перебежчик из СССР Петр Дерябин.

В ней от начала и до конца сплошная блефонада. Даже буржуазная печать поставила под сомнение наличие рукописи шпиона, считая, что только человек с отключенным сознанием, а проще, круглый дурак, может поверить в существование подобного виртуального дневника с рассуждениями о советской политике на уровне 1965 года, то есть спустя два с половиной года после судебного процесса.

По этому поводу бывший сотрудник ЦРУ Пол Плэкстон в одной из статей журнала «Уикни ревью» писал:

«Утверждение издателей «Записок…» о том, что Пеньковский передал рукопись на Запад еще осенью 1962 года, звучит нелепо, так как он, зная, что за ним внимательно следят, не стал бы подвергать себя опасности разоблачения».

А еще один осиновый кол забил издателям «Записок.»

известный «специалист по русскому вопросу» Зорза из английской газеты «Гардиан». Он тоже воспринял эту книгу как фальшивку и обратился в ЦРУ за ее русским текстом. Однако, как пишет Зорза, «штаб американской разведки не смог предъявить оригинала».

Вот и вся «правда» о Пеньковском и его несуществующих «Записках…». Хотя таких «правд» до сих пор всплывает много. Некоторые авторы переворачивают события по Пеньковскому с ног на голову, понимая, что для рекламы можно использовать и дешевый авторитет подобным «открытием».

Так предатель Резун, он же Виктор Суворов, написал при активной помощи консультантов-разведчиков из МИ-6 в Англии, а издал в России очередную «свою» книгу под названием «Кузькина мать». Она возвращает читателя к временам Карибского кризиса. Если кратко, то книга о том, что третью мировую войну предотвратил человек, который в бывшем СССР, да и в современной России считается английским и американским шпионом, предателем Родины — это Олег Пеньковский. Комментировать не хочется этот детский лепет взрослых дядей, настроенных враждебно к России.

В 2010 году появился еще один «бестселлер» контрразведчика Анатолия Максимова «Главная тайна ГРУ», в котором он утверждает, что Пеньковский жив, так как был двойным агентом, работая против американцев. Автор приобрел эту книгу и дал почитать своим коллегам, в том числе и участвовавшим в оперативных операциях и следствии по Пеньковскому. Ответ один — очередной бред!

Глава седьмая
«Тигр» ломает когти

Ни один плут не настолько глуп, чтобы не найти основание для своих подлостей.

Т. Корнер

1971 год. Это был первый год службы Стороженко в центральном аппарате военной контрразведки, на знаменитой Лубянке, с которой связаны и подвиги в работе честных, порядочных чекистов, и преступления злодеев, выполнявших злую волю тиранов и партийных царедворцев.

В этих стенах, с одной стороны, разрабатывались планы по локализации заговора иноземного врага молодой России Б. Локкарда, нейтрализации британского шпиона С. Рейли и террориста Б. Савинкова, расследовалось дело об убийстве английскими оккупационными властями 26 бакинских комиссаров. Отсюда отправлялись на задание командир отряда особого назначения «Победители» Д. Медведев и его легендарный разведчик Н. Кузнецов. А с другой стороны — готовились материалы для сомнительных с правовой точки зрения процессов над так называемыми врагами народа и прочее. В застенках лубянских казематов в одинаковых условиях сидели и жертвы, а потом и их палачи. Эту тему достаточно глубоко разработал А. Солженицын. И все же светлых дел с позиций организации борьбы со шпионажем было больше.

Именно здесь Николай надеялся встретиться с конкретным делом на живого шпиона в «десятке» деевской «мишенной системы». Скоро этот случай, хотя и косвенно, для чекиста с периферии представился.

Суть вопроса в том, что коллеги из соседнего подразделения совместно с территориальными органами госбезопасности вели ДОР на подозреваемого в проведении шпионской деятельности военнослужащего. Так как сил и опыта по таким делам у них было недостаточно, их руководство обратилось за помощью к тогдашнему начальнику второго отделения подполковнику В.С. Филиппову, который подключил к этому делу профессионалов-разработчиков.

После реализации дела они рассказывали личному составу отделения некоторые особенности поиска агента ЦРУ США — так

сказать, для науки, расширения оперативного кругозора, что стало большим подспорьем для дальнейших удачных стартов военных контрразведчиков на тропе поиска отщепенцев — предателей в армейских погонах.

Но всё по порядку…

* * *

Под чекистским колпаком оказался молодой человек, на которого сделала ставку американская разведка. Речь шла о старшем инженере лаборатории физики плазмы одного из московских вузов — некоем Александре Нилове, который с 1972 года находился в длительной заграничной командировке в Алжире. Там он по контракту работал в Национальном институте нефти, газа и химии в небольшом городке Бумердесе.

За границей Нилов быстро завязал знакомства с иностранцами. Близких друзей среди соотечественников у него не было. Для Александра они — «совки», «рабочие лошадки», а он, как сам себя считал, — голубых кровей и белой кости. Они скучны, со стандартным мышлением, заботятся даже за бугром о какой-то советской нравственности. Совсем иное он наблюдал в поведении иностранцев — раскованы в беседах и поступках, коммуникабельны, без комплексов.

«Иностранцы, — рассуждал на досуге молодой человек, — почему-то мне ближе становятся с каждым разом после общения с ними».

Но тут надо пояснить, откуда взялась такая переоценка отношения к людям. Дело в том, что у Нилова возникло чувство — его сердце воспылало страстной любовью к очаровательной перуанке с американским паспортом по имени Глория. Они стали встречаться все чаще и чаще. Девушка так пленила его, так вскружила голову, что у пылко влюбленного зародились планы жениться на иностранке, а затем выехать для постоянного проживания в США…

Ах, если бы знал Александр, что его давно опекали сначала англичане, а затем американцы, а Глория не кто иная, как «медовая ловушка», — элементарная подстава ЦРУ. Но, к сожалению, он, ослепленный высоким и святым с его стороны чувством, не догадывался о возможности такого поворота событий, хотя мог и должен был предвидеть, что в ходе знакомств и «зачисток» дружественных контактов с ним затевается коварная игра. Идет его приручение через стандартное и старое как мир профессиональное изучение, а если образно сказать, то началась

охота: развешиваются красные флажки и ленточки из фольги, ставятся капканы, копаются ямы-ловушки. С позиции охотников жертва была обречена.

Почти все его «импортные друзья» — инженеры, дипломаты, преподаватели, бизнесмены — прямо или косвенно были связаны со своими спецслужбами. Каждый помогал им в условиях заграницы как и чем мог. Одни — как разведчики, — прикрытые всевозможными «крышами», рыскали по стране в поисках информации и ее поставщиков, другие — в качестве платных негласных помощников, третьи безвозмездно сторожили случай принести пользу стране, пославшей их в Алжир.

Западный мир привлекал и зазывал Александра красочными журналами, со страниц которых смотрели «расшнурованные» красотки на фоне дорогих лимузинов и яхт, внутренних интерьеров квартир и вилл. В одной из бесед с «отцом» Глории в ее квартире (как потом выяснилось, это была «липовая» семья, сколоченная специально под кандидата на вербовку), когда Нилов рассматривал пачку цветастой периодики, хозяин заметил:

— Придет время, и в России будут публиковать подобное. Это время вам, россиянам, надо приблизить — оно не за горами. Все будет зависеть от вашего руководства в Кремле. Народ таких вопросов не решает.

В квартиру «гостеприимного» американца Сашу тянуло прежде всего из-за стройной смуглянки Глории, которую хотелось видеть рядом всегда. Она, подобно журналам, зазывала в красивую, беззаботную жизнь. Будучи человеком поступка и находясь в плену чар молодой американки, Нилов при очередном визите поинтересовался у «родителей» Глории путями получения гражданства США.

Последовал ответ, что этими вопросами занимаются американские дипломаты в ранге консульских работников.

— Как на них выйти? — торопливо спросил Александр.

— Постараюсь вас познакомить со специалистом по этим проблемам, — ответил «отец».

* * *

Вскоре знакомство состоялось с вице-консулом миссии США при посольстве Швейцарии в Алжире Вильямом Гэлрайтом (у США в то время своего посольства в Алжире не было и все дипломатические сношения решались через швейцарцев). Кадровый сотрудник американской разведки, каким являлся Вильям, с пониманием отнесся к просьбе советского инженера. Он

готов помочь Нилову, но все это не так просто, как думает россиянин. Гражданство любой страны надо заслужить, тем более такой богатой, как Соединенные Штаты Америки.

В конце концов «дипломат» хлопает «настоящего русского парня» по плечу и раскрывает карты, ставя одно простое условие, — он должен поработать на Америку. Только при таком варианте он сможет ему посодействовать в выезде в США.

— А в чем будет заключаться моя помощь Вашингтону? — наивно спросил Александр.

— Вы можете помочь нам только одним — негласным сотрудничеством с американской разведкой, — прямо в лоб, без всяких обиняков ответил вербовщик Вильям.

Когда Нилов услышал такой ответ, настроение сразу же упало, за грудиной враз похолодело, гулко застучало охолонувшее от испуга сердце. Он заметался с решением поставленной американцем непростой задачи.

— Не могу я пойти на такое дело, — с дрожью в горле, не узнавая свой голос, ответил кандидат на вербовку.

— В таком случае я не смогу вам ничем помочь. Вы потеряете шанс стать гражданином великой страны и быть рядом с Глорией. Вы же ее любите? Так?

— Да!!!

— Так в чем же дело?

— Дайте мне подумать.

— Думайте, только недолго…

* * *

«Родители» Глории вскоре отправили «дочь» в Штаты, мотивируя ее неожиданный отъезд необходимостью доучиться на каких-то курсах при университете. Таким образом, Глория выходила из игры. На последней встрече она заверила Александра, что после сдачи зачетов и двух экзаменов постарается развернуть свое дело — прибыльный бизнес ей обеспечивают родственники, что будет ждать его и надеется встретиться на американской земле.

— Саша, будь благоразумен, и Бог будет с тобой, он поможет тебе в начинаниях. — Глория словно намекнула на желательность положительного ответа на предложение вице-консула.

— Буду!..

Когда Глория улетела в США, Гэлбрайт стал чаще «окучивать» колеблющегося россиянина, в сознании которого шла яростная борьба мотивов. Обработка со стороны церэушника происходила с

продуманной настойчивостью и психологически выверенно. Акценты ставились на подчеркивании его исключительности, наличии якобы широкого общекультурного кругозора и возможностей с таким личностным потенциалом безболезненно встроиться в американский быт. От похвал у Нилова «в зобу дыханье сперло». Он плавился, как воск на солнце, и постепенно склонял себя к ответу: «Да!»

* * *

31 мая 1974 года на очередной встрече в ресторане алжирской столицы «Звезды Магриба» Нилов наконец дал согласие на работу в качестве платного агента ЦРУ.

На второй конспиративной встрече с Вильямом (это было в начале июня) Александр заполнил небольшую анкету, якобы нужную в дальнейшем при решении вопроса об американском гражданстве, что было элементарной туфтой, ответил на несколько десятков вопросов, написал пространную автобиографию и передал янки две фотокарточки.

— Все это нужно будет при заведении дела на кандидата в граждане США, — слукавил разведчик.

— Что я должен делать?

— Дела у нас с тобой впереди…

В тот вечер Гэлбрайт праздновал победу и решил дальше не напрягать мозги — дать им отдохнуть и загрузиться спиртным. Через несколько часов он назюзюкался, как поросенок.

* * *

«Внутренне я уже видел себя агентом ЦРУ, — вспоминал Нилов на следствии. — А в этом качестве мне лучше было жить без Глории. Почему я решился пойти на вербовку? Во-первых, мне очень импонировало то обстоятельство, что выбор пал именно на меня. Значит, я исключительная личность. Во-вторых, привлекала сама необычность ситуации. Я всегда мечтал о приключениях, путешествиях, о таком, чего не было в моей жизни. В-третьих, было совершенно очевидно, что многочисленные контакты с иностранцами могут стать известными и тогда — прощай, карьера. И конечно же непоследнюю роль сыграла корысть. Мерещился солидный счет в иностранном банке, фешенебельная вилла на курорте, гоночная машина последних марок, яхта и. шикарные женщины.»

Надо отметить, что Гэлбрайт при встречах, в процессе изучения Александра, постоянно подчеркивал, что он будет богат, что в швейцарском банке сразу же после того, как он начнет поставлять информацию, откроется долларовый счет. Американец словно вдалбливал в сознание молодого человека принцип русской пословицы — «О чем тому тужить, кому есть чем жить».

Александр вначале поверил в легкость пути достижения заветной цели, потому что серьезной работой новый хозяин его не нагружал.

В дальнейшем процесс обучения новоиспеченного шпиона, которому был присвоен псевдоним, а вернее, кличка, «Тигр», проходил на вилле разведчика, «крышующего» должность вице-консула. На этой, по существу, конспиративной квартире шло натаскивание «молодого специалиста «ордена плаща и кинжала», как подыскивать тайники, как их закладывать и изымать, как работать с тайнописными текстами, как принимать и расшифровывать односторонние агентурные радиопередачи. Как работать с шифроблокнотами, как пересылать и читать микроточки.

Особое внимание уделялось инструктажам о поведении агента и конкретных способах выполнения заданий на территории СССР. На одной из встреч Вильям порекомендовал Александру по прибытии в Москву попытаться устроиться в какое-нибудь подразделение ГРУ, а лучше — в его центральный аппарат на любую должность. Это звучало как святая наивность, но факт есть факт: американец нацеливал своего агента на один из объектов первоочередных устремлений ЦРУ в СССР.

* * *

Как только Вильям почувствовал, что Нилов полностью привязан к нему, в поведении американского разведчика появились элементы чванства и надменности. Александр, как человек, не поднаторевший в шпионских делах, и то заметил, что в вопросах конспирации у Гэлбрайта не всё в порядке.

Были случаи, когда он подхватывал «Тигра» в людных местах города, что могло привести к «засветке» агента. Вильям не столько баловался спиртным, сколько злоупотреблял градусным пойлом. Пил помногу и разные напитки.

Летом 1974 года они сидели в известном ресторане «Звезды Магриба». Янки в тот вечер сильно перепил. Он просто, выражаясь заслуженным для этого состояния сленгом, ужрался…

В пьяной горячности разведчик стал кричать на своего

агента, угрожать ему, что если тот будет отлынивать от работы, то сдаст его чекистам. Нес еще какую-то ахинею, набрасывался на Александра чуть ли не с кулаками. Побил ресторанную посуду на столике, что могло закончиться его приводом в полицейский участок.

Эта выходка не столько напугала, сколько оскорбила россиянина. Он готов был отказаться от дальнейшего сотрудничества с хамоватым психопатом, посчитавшим: что может Юпитер, то не позволено быку.

А на утро следующего дня протрезвевший с опухшим лицом и дрожащими руками Вильям чуть ли не на коленях ползал у ног «Тигра», прося прощение за свое недостойное поведение. Примирение наступило так же быстро, как и возникла ссора.

Американец прекрасно понимал, что сейчас от агента ждать солидного трофея не стоит. У него его просто нет, но, как охотник, натаскивающий собаку, готовился к предстоящей большой охоте за важными секретами. Он почему-то видел его в сердце советской военной разведки. Но судьба к птенцу гнезда Гэлбрайта повернулась другой стороной.

* * *

Трехлетняя командировка Нилова в Алжир закончилась быстро. Вот и последняя встреча. Она состоялась у Александра со своим «наставником» 8 июля 1974 года в машине американца. В салоне автомобиля «Тигр» получает от разведчика еще один, теперь уже детальный инструктаж о поведении в Советском Союзе. Гэлбрайт вручил ему радиоприемник фирмы «Сони» для прослушивания зашифрованных радиопередач и подарок — дорогие наручные часы швейцарской сборки «Ролекс», оказавшиеся элементарной штамповкой. В конце встречи сообщил приятную новость — Александру по линии ЦРУ присвоено первичное офицерское звание — лейтенант.

Но это была явная ложь, так как ЦРУ не имеет права присваивать воинские звания. Они остаются только у тех, кто приходит в разведку из армии, флота и других военизированных подразделений США.

На этой встрече Вильям передал россиянину материальное вознаграждение в сумме 4000 алжирских динаров.

— Это тебе на покупку подарков, карманные расходы и прочее. Потом мы подбросим еще, но это будет уже в Москве. Что же касается валюты в швейцарском банке — она закапала в долларах, как и договаривались. Счетчик включен, — еще раз

напомнил янки о приятном.

Такая забота патрона польстила самолюбию Александра. Он даже готов был поблагодарить американца, но почему-то сдержался и только с улыбкой кивнул головой.

В августе 1974 года Нилов возвращается в Москву уже полнокровным агентом американской разведки под псевдонимом «Тигр», где ему предстояло охотиться за секретами. Если говорить откровенно и образно, «когти» у него чесались. Он желает как можно быстрее включить авантюрную натуру в «негласную» работу, подгоняемый одновременно долгом перед новыми хозяевами и болезненным романтизмом не без меркантильных соображений.

Согласно плану связи, он должен был обработать тайник, заложенный персонально для него американцами в Москве. В один из хмурых вечеров догорающего лета, а точнее, 30 августа 1974 года, Нилов с соблюдения мер конспирации прибыл к месту нахождения тайниковой закладки по адресу: Палиха, дом № 13. Он знал заранее, что за металлическим шкафом с автоматом для перевода трамвайных стрелок будет находиться камуфляж — доска в виде неотесанного топорища со вбитым с торца ржавым гвоздем. Он, по всем правилам шпионского ремесла, но не без чувства боязни и страха несколько раз проверился. Никого вблизи не было видно. Александр протянул руку за ящик и извлек именно то, за чем пришел…

Домой летел, как на крыльях, — хотелось быстрее ознакомиться с содержимым вложения. Это же была первая иностранная «посылка». Дощечка оказалась с двумя полостями внутри. В первом выдолбленном гнезде находились 500 рублей, копирка для нанесения тайнописи, свернутая в рулончик инструкция, план операций по связи, два шифроблокнота. Во втором гнезде лежала линза пулевидной формы для чтения микротекстов и микроточек. Стоило, допустим, нацелить острие линзы на микроточку — экспонированную пленку величиной с маковое зернышко, — детали увеличивались в 65 раз, превращаясь в строки текста указаний по линии «центр — агент».

Из устного инструктажа он знал, что микроточка поступит с письмом «от Игоря». Искать ее надо будет в «кармане» под первой и последней буквами своей фамилии на конверте в волокнах бумаги. Содержимое шпионской передачи взволновало агента — конечно же он ожидал более крупной суммы!

Затем, примостившись удобно в кресле у торшера, он стал внимательно рассматривать шпионскую экипировку. Сердце от волнения работало на повышенных оборотах, руки неестественно тряслись. Он взял линзу и принялся читать инструкцию, текст

которой гласил:

«Милый друг!

Мы искренне надеемся, что ваше воссоединение с семьей и друзьями доставило вам радость и облегчило тяготы приспособления к контролю государства. Вы должны гордиться тем, что сотрудничеством с нами Вы делаете большое дело для себя и Америки. вы должны верить, что мы относимся к вам с величайшим уважением и восхищением.

Мы надеемся, что однажды сможем снова встретиться на Западе и поговорить свободно. А пока это время не наступило. План, который мы предлагаем, и та подготовка, которую вы получили, помогут нам поддерживать связь друг с другом.

Наш язык может показаться сухим, но лишь потому, что нам приходится быть краткими из-за размеров этой пленки. Вам не следует уничтожать ни миллиметра этой инструкции…

Спрячьте эту пленку, шифровальный и дешифровальный блокноты, линзу и вашу тайнописную копирку в такое место, которое вам будет удобным и к которому лишь вы будете иметь доступ. Мы полагаем, что первые два-три месяца по возвращении в страну ваши планы, место жительства и военной службы будут неопределенные.

Как только определитесь, сообщите информацию письмом с использованием тайнописи. Мы хотим вам дать несколько советов, как избежать опасности быть раскрытым…»

Далее предлагалось, устроившись на режимный объект, добиваться расположения к себе сослуживцев, быть активным в партийно-политическом процессе, не перечить начальству и т. д. Кроме того, тут же давались подробные указания о приеме односторонних радиопередач из Франкфурта-на-Майне. Женский голос дважды в неделю будет выходить в эфир. Указывались параметры частот и московское время. Агенту будут диктовать разбитый по группам шифровальный ряд. Если он начинается четным числом, то можно пропустить такую шифровку.

Заканчивалась инструкция мягко:

«Помните, что для нас важнее всего ваша безопасность. Мы всегда с вами. Не стесняйтесь. Пишите о своих нуждах. Мы всегда пойдем вам навстречу».

Согласно плану связи, через месяц после выемки контейнера «Тигр» должен был отправить в Париж на подставной адрес ЦРУ первое донесение в виде «письма-прикрытия», исполненного

тайнописью.

Время пронеслось быстро. Тридцать суток в бытовых и служебных заботах пролетели мгновенно, и за границу понеслась весточка:

«Жан Шенье. Франция. Париж — 60-я улица Ваграм 75017. Привет, старина! Вот наконец у меня есть время, чтобы послать тебе маленький привет из Москвы, которая, как всегда, прекрасна…»

Эти невинные слова на самом деле говорили о том, что тайник обработан — контейнер изъят. Подробности излагались в другом письме.

«Теодору Ф. Лоллару. США. Штат Нью-Мехико, 8711, город Альбукерке, улица Парижский путь, 3625.

Дорогой Тедди! Наконец у меня есть возможность написать о своих делах в России и, в частности, в Москве. Здесь работается тяжело. Дело продвигается медленно, так как русские очень придирчивые покупатели. Они крайне серьезные люди и редко улыбаются. Это крайне замкнутая нация…»

Дальше шел довольно-таки нудный текст без ссылки на погоду, время, маршруты движения. Все округло, подстрижено, не привязано к временным и погодным реалиям — письмо же готовилось заранее. А между этими словами был вмонтирован невидимый текст — тайнописный — такого содержания:

«Послание 1. Получил вашу «деревяшку». Адрес все тот же. Живу с родителями. Скоро ухожу в армию. Буду служить в Ракетных войсках стратегического назначения. Надеюсь подготовить тайнописное послание в декабре. К вашим услугам. «Тигр».

Но прежде чем активно включиться в работу на американцев, агент, чтобы не оставлять без присмотра всех важных и явных улик дома (готовился в армию), спрятал их в тайник в районе Измайловского лесопарка. Он вложил все «ценные» материалы в металлическую капсулу от кубинской сигареты «Белинда», обмотал содержимое целлофаном и зарыл в землю в условленном месте. В московской квартире оставил лишь листы тайнописной копирки и транзисторный приемник «Сони».

Служба началась с принятия присяги на плацу воинской части. Сначала армейскую службу он постигал в Ракетных

войсках, а потом продолжил в частях Военно-воздушных сил.

О своих изменениях в жизни, в частности, о том, что его призвали в армию, он сообщил американцам очередным «письмом-прикрытием». В конце тайнописного текста обратился с просьбой: «Прошу регулярного денежного содержания и жду приказов».

* * *

Шпион начал служить в войсках, но к настоящей работе по сбору секретных данных для ЦРУ не приступил и приказа от своих заокеанских «доброхотов» не дождался, так как вскоре был арестован сотрудниками органов госбезопасности.

После непродолжительного следствия в 1975 году состоялся суд над шпионом-неудачником. На суде в последнем слове Нилов заявил:

«Я понимаю всю тяжесть содеянного, глубину совершенного преступления. Я раскаиваюсь, что стал на путь измены, на путь предательства интересов моего народа. Мне стыдно перед вами, сидящими здесь. Перед родными, перед друзьями, перед самим собой».

Получилось так, что «Тигр» не запустил своих когтей в государственные и военные секреты, обломал их на пути к ним. А вернее, ему обломали когти оперативники КГБ.

Военный трибунал Московского военного округа, принимая во внимание смягчающие обстоятельства — шпион не успел собрать хотя бы малозначимую информацию секретного характера, — счел необходимым применить к нему минимальную меру наказания.

Глава восьмая
Провал агента «Алекса»

В беду попадают, как в пропасть, вдруг, но в преступление сходят по ступеням.

А.А. Бестужев-Марлинский

Это был первый «живой» шпион, в разоблачении которого принимал участие Стороженко. Агент ЦРУ оказался в том институте, в котором еще недавно работал офицер…

Помощник военного атташе майор Филатов проснулся рано. Вчера он получил срочное задание найти в книжном магазине красочную литературу по истории страны пребывания. Особого недоумения прихоть начальника не вызвала. Он догадывался, что книги по этнографии предназначались для подарка проверяющему из Центра — одному из руководителей ГРУ, впервые собирающемуся посетить Алжир, где он намеревался провести инспекцию военного аппарата посольства СССР.

На машине не хотелось ехать из-за боязни вновь, как это было уже дважды за последний месяц, попасть в аварийную ситуацию. Только поэтому Филатов и принял окончательное решение пройтись пешком по городу и выполнить задание шефа. Он быстро оделся и вышел из дома.

Несмотря на раннее утро, улицы города были запружены людьми, машинами и велосипедами. Все это гремело, скрипело, сигналило, создавая какую-то необыкновенную мешанину звуков разной тональности. Автомобильные пробки быстро растаскивали полицейские.

Филатов радовался, что отказался от автомашины. Столько бы времени потерял! Его двигала вперед, просто-таки увлекала мысль во что бы то ни стало найти начальнику необходимые книги — еще со времен пылкой курсантской юности любил угождать отцам-командирам. Таким он остался и в майорских погонах. Натуру не обманешь, ее трудно переделать! Как говорится, слабость натуры — это единственный недостаток, который невозможно исправить.

Безуспешно обойдя несколько кварталов с книжными магазинами, он, расстроенный, с тяжелым чувством направился в посольство…

* * *

Неожиданно за спиной скрипнули тормоза автомашины. За рулем сидела миловидная девушка. Она приоткрыла дверцу и пригласила его в машину. Вообще в Алжире принято подвозить пешеходов, поэтому Филатов не придал особого значения этому доброму жесту.

— Вам куда? — на французском языке спросила незнакомка.

— В советское посольство, — с неожиданной откровенностью ответил мужчина.

— О, вы знаете французский. Вы дипломат?

— Да!

В процессе разговора познакомились. Его звали Анатолий, а ее — Нади. Через несколько минут американка знала, что советский дипломат озабочен поиском литературы по местной этнографической тематике.

— Вы ищете довольно редкие книги, — с едва заметным акцентом, теперь уже по-русски промолвила Нади. — Не тратьте себя в поисках таких книг, тем более в этом районе. Надо знать город, чтобы иметь представление, где искать подобную литературу.

От неожиданной участливости симпатичной девушки офицер опешил. Пусть небольшой, но профессиональный опыт подсказывал ему держаться настороже. Соблазнительно красивое, как в рекламных клипах, лицо, пухлые губы, гордо посаженная голова с рыжим хвостом на затылке, большие голубые глаза, легкое платьице, плотно облегающее точеную фигуру с высокой грудью, и длинные, словно растущие от шеи ноги с округлыми коленками и налитыми икрами могли свидетельствовать о совсем не случайном появлении ее возле советского военного разведчика…

Прошло еще некоторое время, и пассажир уже знал, что американка занимается российской филологией, а ее родители, временно проживающие в Алжире, — специалисты по этнографии. В родительской библиотеке должны быть книги по этой тематике. В худшем случае она их сможет достать у коллег или получить ответ на вопрос, где их можно купить.

— Ну, дипломат, давайте встретимся через некоторое время, я попытаюсь вам помочь, — предложила Нади.

— Честно, не откажусь от помощи, — последовал ответ Анатолия.

Договорились встретиться через неделю на этом же месте.

* * *

Филатов дипломатом в прямом смысле не был. Служил в аппарате военного атташе и по технической должности, какую он занимал, дипломатическим иммунитетом не пользовался. Это ущемляло его болезненное самолюбие. Ему казалось, что он достоин большего, поскольку достаточно образован, общителен, деловит, да и внешностью не обижен. Вот уж истинно: самолюбие — это наполненный ветром воздушный шар, из которого вырывается буря, лишь только уколешь его. Это любовный роман, продолжающийся у таких людей всю жизнь.

Восклицание «о, дипломат!», несомненно, польстило ему, и он почувствовал пусть мнимую, минутную, но неотразимую силу своей значимости. Однако его не покидала настороженность, но она размывалась искренностью Нади. Девушка волновала сердце опытного, несмотря на сравнительную молодость, ловеласа. Она уже частично овладела им.

Неделя в ожидании встречи тянулась резиной. Филатов же торопился. И вот он уже за пределами посольства. Благо время свободное и неподотчетное — он ищет подарок. Машина стояла на обусловленном месте. Нади приоткрыла дверцу, и он плюхнулся на переднее сиденье. Договорились съездить домой к девушке. Автомобиль быстро преодолел пробки в центре алжирской столицы, свернул в узкую улочку и вскоре остановился.

— Вот и мой дом, — весело щебетала голубоглазая спутница. Хлопнули дверцы автомашины, и они оказались у подъезда высокого дома. В лифте поднялись на шестой этаж. Филатов успел заметить ярко-зеленую цифру на табло. Нади достала из сумки ключи и стала долго возиться у двери. Наконец замок поддался. У гостя сложилось впечатление, что она или нечасто бывает здесь, или недавно поменяла замок.

Пока ехали в машине, Анатолий узнал, что родители Нади — выходцы из России, живут в Алжире и работают в одной из фирм. Правда, в настоящее время отдыхают — отправились с друзьями в недельную одиссею на яхте, а затем на месяц уедут в США.

Квартира, в которую они вошли, поначалу офицеру показалась какой-то казенной, нежилой, неуютной, лишенной той теплоты, какую обычно создают женские руки. И словно разгадав мысли гостя, Нади мило прозвенела своим тоненьким голоском:

— Анатоль, не скучай, я мигом. А хочешь, помоги своим присутствием. Мне будет приятно.

Филатов прошел на кухню. Холодильная камера была набита всевозможной снедью. Когда же Нади достала сыр, помидоры,

колбасу и ловкими движениями стала готовить бутерброды, офицер пришел в норму — подозрения стали постепенно улетучиваться.

Затем прошли в большую комнату, заставленную старинной мебелью. Удивительная безвкусица снова поразила гостя: рядом с современной стенкой стояли старомодные горки и старинный сервант, вышедшие давно из моды этажерки и комоды — шедевры послевоенного дизайна. Такое нагромождение «эпох» действовало угнетающе, но когда вишневый цвет абажура успокоительно разлился по комнате, скрывая мебельный винегрет, и на экране телевизора показалась картина прерий, комната наполнилась тем домашним покоем, который располагает к бездумному отдыху тела и души.

Включенный кондиционер освежил прохладным и слегка ароматным воздухом. За знакомство выпили по рюмке виски. Бутерброды Анатолию показались вкусными — голод пришел через волнение. Затем американка стала перебирать книги, но «нужных» почему-то не находилось.

— Как же так, я их видела раньше до отъезда родителей! Может, они переложили или отдали кому-то, — ворчала себе под нос Нади.

Договорились, что она созвонится с родителями сегодня же по радиотелефону. Взглянув на часы, Филатов заторопился. Условились через неделю вновь встретиться.

* * *

Военный атташе генерал-майор Думов Николай Ильич был доволен — приезд инспектора из Москвы задерживался на месяц. За это время он сможет подготовиться к встрече не очень желанного гостя: подогнать дела, достать сувениры, спланировать не спеша маршруты интересных поездок. Успокаивали и хлопоты подчиненного Филатова: тот якобы договорился в одной из книжных лавок дней через десять непременно достать набор требуемых книг.

А мысли майора, живущего без жены вот уже второй месяц, занимала одна Надюша — таким ласковым русским именем нарек он американку. Дни тянулись медленно. Хотя монотонность службы с закрепленными за ним функциями нисколько не отягощала его лакейского самолюбия. Ему даже как-то импонировало, что шеф именно ему поручает решение личных вопросов.

Подавленная профессиональная гордость иногда, правда,

просыпалась, напоминая о том, что он приехал за рубеж не для того, чтобы ходить по рынку с авоськой и покупать продукты для семьи своего начальника, а совсем для других целей. Но чем дальше разматывался командировочный клубок, тем отчетливее становилась его роль этакого мальчика на побегушках.

Думов же, как тонкий психолог, сразу определился в выборе лакея. Именно таким он и представлял нештатного денщика: трусоватого, недалекого и с хитрецой подхалима. Приспосабливаясь, как говорил Михаил Пришвин, люди хотят сохранить себя и в то же время теряют себя. Тут этот процесс был налицо.

* * *

Прошла назначенная неделя. Поставив в известность Думова, Филатов отправился в город. Словно невидимые крылья несли его к условленному месту, где должна будет подобрать его Нади. Машина, естественно и к радости, ждала «кавалера». Он сел снова на переднее сиденье — улыбчив, галантен и словоохотлив.

— Здравствуйте, Надюша!

— Добрый день, Анатоль! Я, по-моему, нашла то, что вам надо, — широко улыбнулась американка.

— Спасибо за услугу, а то я совсем расстроился, — без лукавства признался он и бросил вожделенный взгляд на загоревшие ноги с округлыми коленками пахнущей французскими духами дамы, сидевшей за рулем. Доехали до дома Нади быстрее, чем в прошлый раз…

Предложив кресло у журнального столика гостю, хозяйка подошла к книжной полке и взяла в руки несколько увесистых фолиантов в пестрых суперобложках.

— Вот смотрите, что мне удалось достать, — изгибаясь под тяжестью книг, она быстрыми и короткими шажками дошла до гостя и с шумом опустила их на полированный столик.

Филатов, просмотрев названия, бегло ознакомился с иллюстрациями и оглавлениями в книгах и сконфуженно спросил:

— Сколько я вам должен? Это ведь настоящий клад! Какая техника печати, качество рисунков и фотографий!!!

Нади лукаво улыбнулась и сделала вид, что крайне удивлена постановкой, как она выразилась, «бестактного вопроса».

— Надо же, книги именно те, что мне нужны, словно по мановению волшебной палочки, — произнес офицер.

Нади в это время проскользнула на кухню, обдав опять

незадачливого ухажера приятным запахом нежных французских духов. Из кухни до него донесся ее певучий голос, показавшийся таким искренним, что невольно поверилось словам:

— Считайте, что это вам от меня подарок. Немного подождите, я кое-что приготовлю. Будет все очень вкусно. Вы еще оцените мои кулинарные способности, — пропела Нади, выказывая свою то ли влюбленность, то ли заинтересованность в молодом человеке, оказавшемся в ее квартире.

Не прошло и десяти минут, как Нади вкатила десертный столик с бутербродами, фруктами, конфетами и двумя бутылками. В узкогорлой посудине играло золотом сухое светлое вино. А в другой, пузатой бутылке покоился коньяк. Поставив столик перед гостем, она неожиданно метнулась в ванную и через несколько минут вышла в голубом халатике.

— Немного освежилась, одомашнилась, жарищу не переношу, — заметила американка. — Рекомендую и вам помыть руки. В этой стране все так грязно, так грязно…

Они сидели захмелевшие, живо обсуждая проблемы широчайшего диапазона, — от философских тем до уфологии с НЛО и гуманоидами.

Лицо Нади, подрумяненное выпитым, казалось, гипнотизировало его, притягивая к себе. Розовые шары коленок, небрежно и слегка обнаженные тугие груди, частое и близкое дыхание женщины влекли к себе. И словно уловив его плотское желание, Нади резко поднялась и включила магнитофон, наполнивший комнату неповторимой, таинственной и задушевной мелодией, которой он никогда не слышал. В этот миг он ее буквально глотал ушами. Осмелевший и захмелевший Анатолий пригласил даму на танец. Обняв партнершу за талию, он прошел с ней несколько кругов в темпе танго вокруг столика и не заметил, как оказался в постели.

* * *

В кабинете резидента ЦРУ США в Алжире царил полумрак. Сквозь опущенные жалюзи едва просачивалось яркое африканское солнце. По радио приглушенно звучал голос Эллы Фицджеральд. Он любил джаз и поэтому возил с собой кассеты с километрами пленок.

Подчиненный резидента полковник Кэйн докладывал шефу вот уже в течение получаса план операции по вербовке советского офицера. В конце он подытожил:

— Тщательно изучив Филатова в периоды предыдущей

командировки в Лаосе, да и здесь, в Алжире, я убедился, что использование «медовой ловушки» — это наиболее вероятный путь сделать его нашим источником в системе резидентуры ГРУ, а дальше — да поможет Бог!

Сэр, я уже докладывал вам о вспомогательных психологических рычагах воздействия: шантаж — в силу его трусливого характера, деньги — поскольку он патологически жаден, и лесть — ему свойственно дьявольское тщеславие. Операцию планирую начать с конспиративной квартиры. Как вам известно, она оборудована средствами слухового и визуального контроля. Агент Нади быстро вошла в роль и довольно-таки успешно играет в оперативном спектакле.

Резидент неожиданно поднялся с кресла и с хитрым прищуром глаз пробасил:

— Господин Кэйн, вы хорошо докладываете — все расписано, как говорится, по нотам. Прошу, однако, усилить наружную разведку за объектом накануне и после вербовки. Особенно следите за радиообстановкой. С учетом недавнего отказа спецтехники настоятельно требую персонально проверить ее нынешнее состояние. Кстати, вашу даму, как только она отработает, следует сразу же отправить домой во избежание неожиданных осложнений для нее, да и по медицинским соображениям…

Разговор прервал телефонный звонок. Звонили из Центра и интересовались наряду с другими вопросами ходом подготовки запланированной вербовочной акции.

— Да, сэр, все это предусмотрено планом. Ей уже оформлен билет, и она улетит вовремя.

— Ну что ж, тогда прекрасно, да поможет вам Бог. До свидания.

А в кабинете разговор продолжился.

— Я думаю, нет оснований беспокоиться. Он клюнет на нашу приманку. Этот изголодавшийся сердцеед легко войдет в приготовленный нами лабиринт с тупиковой концовкой, — ощерился Кэйн.

— Ох, Эдвард, не обольщайтесь возможностью легкой победы. Поверьте мне, сломавшему не один зуб профессионального самолюбия на советском орешке. Я глубоко понимаю непредсказуемость русских. Мне вспоминается такой случай в Японии. Один субъект — советский военный дипломат, — доведенный, как мне тогда казалось, до кондиции, вдруг сообразил, куда клоню, влепил такую пощечину, что до сих пор горит щека, и еще добавил: «Ты думаешь, я стану подонком?» Больше я с ним не встречался. Вот так-то, Эдвард. Будь осторожен

со славянами: они просты только с виду.

— С учетом того, что вы, сэр, рассказали, я сделаю все, чтобы не получить пощечину в прямом и переносном смысле…

* * *

В приподнятом настроении шагал Филатов в посольство. Плоть была удовлетворена, душа пела, а вот сознание и профессиональное чутье, пусть не высокого уровня, нет-нет да и давали о себе знать. Что это — любовь, влечение… или?..

Он возвращался к событиям последнего месяца. Вспоминал свои встречи с Нади, находил и опровергал в них подозрительные подробности. Однако всякий раз черные мысли изгонялись чувством исполненного долга в приобретении для шефа нужных книг, а договоренность с Надюшей о встрече несла новые надежды приятного времяпрепровождения. Как-никак они условились через неделю встретиться снова!

Передавая книги Думову, Филатов обратил внимание на то, что тот даже не поинтересовался стоимостью, обстоятельствами покупки, их содержанием. Он взял их, как берут охапку дров, и небрежно бросил на выступ кабинетной стойки. Зазвонил телефон.

— Хорошо, я зайду. да-да, сейчас зайду, — ответил военный атташе.

Филатов понял, что шефа приглашает посол по какому-то неотложному делу. Мысль о том, что его вместе с американкой мог кто-то видеть, обожгла сознание.

«Неужели об этом стало известно послу? Кто мог нас видеть? — задавал себе вопросы офицер. — Посол, очевидно, получил информацию от «ближних соседей».

В голове стремительно возникали варианты объяснений, формировались невинные ответы. А в это самое время Думов поднялся из-за стола и, хлопнув подчиненного по плечу, скороговоркой невнятно буркнул:

— Молодец, меня просит посол. Занимайся своими делами.

Филатов облегченно вздохнул и выскочил из кабинета.

Он посмотрел по сторонам, раскрасневшийся и возбужденный двинулся в сторону референтуры.

* * *

С той памятной встречи с Нади прошло всего трое суток, но

его опять страстно потянуло к ней, в ту ставшую теперь для него уютной квартиру, где так быстро пролетело время бурного сладострастия.

Работая над обзором местных информационных источников, майор не заметил, как вошел в комнату Думов и приказал зайти к нему через десять минут.

«Вот и мой конец», — вновь обожгла тревожная мысль растерзанное стрессами сознание. Лоб покрылся испариной. Десять минут, наполненные тягостным ожиданием, наконец-то истекли. Филатов торопил события, поэтому вошел в кабинет несколько раньше и стал затаив дыхание ждать удара. Однако Николай Ильич был в настроении, находясь подшофе. Генерал по-барски растянулся в кресле, зевнул и проговорил:

— Милый, смотайся на рынок. Надо запастись продуктами для узкого представительского мероприятия. Возьми… — Он стал перечислять список желаемого.

Анатолий быстро записывал в блокнот. Настроение снова забило голубым фонтаном. «Значит, посол говорил не обо мне, если Ильич продолжает доверять выполнение личных заданий», — обрадовался Анатолий.

Судьба поворачивалась к нему лицом. Он был вне подозрений! Значит, возможна встреча с Нади.

* * *

Наконец день назначенной встречи настал. Он вышел из посольства, направился к оговоренному месту и думал только о предстоящем времяпрепровождении с женщиной, вскружившей ему голову, с женщиной, которую он начал читать. Снова городская суета сует — машины, людские потоки, какофония звуков, торговые ряды базара…

На месте встречи Нади не было. Он прождал минут сорок — никого. Прочесал несколько раз квартал, но любимой дамы не обнаружил. Пришлось не солоно хлебавши отправиться в посольство. Сладкие раздумья сменились унылым оцепенением, из которого его вывел скрип тормозов неожиданно поравнявшейся с ним знакомой автомашины. За рулем сидел мужчина лет сорока, одетый в светлую сорочку с воротником стойкой, входившим тогда в моду.

— Садитесь, молодой человек, подвезу, — предложил услужливо незнакомец и открыл дверцу.

Анатолию показалось лицо водителя знакомым. Усталость от пешей прогулки и невыносимый зной сделали свое дело — он

нырнул в авто.

— Здравствуйте, товарищ Филатов. Привет вам от Нади, — мило улыбнулся незнакомец и внимательно посмотрел в глаза пассажиру. — Я знакомый Нади. Меня зовут Эдвард Кэйн. А вас Анатолий?

— Да.

После этого водитель раскрыл папку и вытащил оттуда толстый конверт из желтой плотной бумаги с блестящими зажимами на верхнем клапане. Он положил его на колени офицеру.

— Нади просила просмотреть содержимое конверта прямо в машине и вернуть ей те фотографии, которые вам не понравятся.

Анатолия взволновала и заинтересовала передача — вроде нигде не фотографировались. Он быстро разогнул металлические дужки конверта и обнаружил в нем пачку цветных фотографий высокого качества. Вот они с Нади в городе: у книжного магазина, в машине, у дома. А затем. Затем.

Кровь ударила в голову, застучало в висках, лоб мгновенно покрылся испариной, к горлу подкатывался тошнотворный, откуда-то взявшийся комок, а сердце готово было выпрыгнуть из грудной клетки.

На фотографиях два обнаженных знакомых тела в разных позах и в причудливо порнографических ракурсах. Розоватый оттенок кожи на снимках придавал более высокий уровень сексуальности. Вот его пьяная физиономия лежит на бедрах женщины, а вот он щекой коснулся груди, а вот…

«Она раздевалась неторопливо, — вспоминал Анатолий, — как профессионалка из стриптиза, со знанием дела. Стерва, стерва… Как же я не догадался? Она ведь позировала, точно зная места расположения фотообъективов».

Потом он резко повернулся к Эдварду и с деланой суровостью спросил:

— Это что, шантаж компрматериалами?

— Нет, просто зафиксированные на века приятные мгновения, обретшие, как говорят философы, материальную форму, — ядовито заметил водитель и тут же добавил: — Нади не ищите, она срочно вылетела в Штаты, однако просила не волноваться, так как эти свидетельства взаимной близости останутся приятными воспоминаниями не только для вас, но и для нее. Возможно, она скоро вернется — все будет зависеть от вас и от тех обстоятельств, которые сложатся вокруг вас обоих.

Монолог продолжался, но Филатов его уже не слушал, окончательно убедившись, кто такая Нади и ее знакомый. Он брезгливо взглянул на конверт, а затем на Кэйна. Мысли

барахтались в поиске достойного ответа. Анатолий даже не заметил, как машина остановилась в глухом переулке позади посольства. Эдвард открыл дверцу и тихо промолвил:

— Друг, мы скоро встретимся. Удачи тебе. Не обижайся, мы сделали то, за что ты нас будешь благодарить. У тебя появятся деньги — большие деньги. А конверт правильно, что не взял.

Затем он высадил пассажира, и машина стремительно рванула с места. Бледным, усталым и опустошенным выглядел Филатов. Когда вошел на территорию посольства, показалось, что его состояние видят многие. От случившегося делалось страшно, но инстинкт самосохранения подсказывал: возьми себя в руки, успокойся, надо выглядеть и действовать, как обычно, — раскованно с товарищами и предельно собранно с начальством.

Начались кошмарные дни тягостных раздумий. У труса страх гипертрофируется — нет ничего страшнее страха. Когда человек поддается страху перед ужасом, он начинает ощущать ужас страха. Ему то хотелось во всем признаться, то наложить на себя руки, то пойти на развитие отношений с американцами.

Все решил праздник 23 февраля 1974 года, организованный в посольстве СССР. На банкет были приглашены иностранные гости. От американской стороны присутствовал первый секретарь посольства США в Алжире господин Эдвард Кэйн. Он держался в стороне от Филатова, узнавшего янки сразу же и с трепетом ожидавшего контакта с ним. Все, однако, произошло, как в кино, — незаметно и естественно. Улучив момент, Кэйн передал советскому офицеру визитную карточку с адресом виллы хозяина.

— Приходите в субботу. Я буду ждать на вилле. По адресу найдете. Желательно вечером, после восемнадцати, — быстро проговорил американец.

— Хорошо, — был краткий ответ Филатова, понимавшего, что он остановился на третьем варианте развития событий. Он решил пойти на переговоры с американцем…

* * *

Вечером назначенного дня Анатолий подошел к вилле Эдварда. Озираясь по сторонам, он ужом прополз, нет, скорее прошмыгнул в калитку и вскоре оказался в относительно просторной комнате с улыбающимся хозяином.

— Добрый вечер, господин Кэйн.

— Здравствуйте, господин Филатов. Я думаю, вы не будете обижаться на нас, на меня. Поймите, я не враг ваш, а друг, желающий только добра.

Выпили по чашечке кофе. Майор немного успокоился и расслабился. Беседа начала завязываться, появилась даже непринужденность. Политических вопросов не касались. Антисоветского прессинга не ощущалось. Доброжелательный тон Кэйна действовал на гостя успокаивающе.

— Я предлагаю профессиональную дружбу. Выражаясь коммерческим языком — деловое сотрудничество, от которого выиграют обе стороны, потому что прекрасно знаю, кто вы и чем занимаетесь. Вы же догадываетесь, кто я. Вам для служебного роста нужна информация, мне она тоже необходима, — вкрадчивым голосом, словно боясь кого-то спугнуть, продолжал американец.

Вопросы сыпались четкие, продуманные, требующие безобидных на первый взгляд ответов. И еще Анатолию показалось, что Эдвард достаточно широко и глубоко информирован по личному составу резидентур КГБ и ГРУ в Алжире, обстановке в советской колонии, закупкам товаров ее обитателями и даже по местным сплетням. Вся эта информационная мощь словно обильным водопадом обрушилась на гостя, не давая опомниться и сосредоточиться на разумных логических ответах.

Майор уступал молча. Загнанный, как ему казалось, в тупик, он видел перед собой только стену. И вот наконец он сдался…

Перед уходом Кэйн подарил «русскому другу» дорогую зажигалку, заметив не без лирического оттенка:

— Пусть она не только поджигает сигареты, но и согревает озябшие ладони, делающие полезные друг другу дела.

Договорились встретиться здесь же через десять дней. Кэйн пообещал кое-что раскрыть в их взаимоотношениях.

Срок до очередного свидания пролетел быстро. Это были кошмарные дни и ночи раздумий. Однако ровно в 20.00, как и договорились, россиянин пришел к американцу. По дороге на конспиративную встречу с американцем офицер успокаивал себя:

«Будем обмениваться информацией, это делают на грани фола многие разведчики мира. Важного ничего давать не буду, а от американца даже незначительные материалы всегда будут оценены руководством достойно. Главное их легализовать — Эдвард подскажет».

В то же время он понимал, что дорога, на которую его вывела Нади, не вымощена благими намерениями. Она скорее всего может привести к чему-то страшному и непоправимому.

Филатов нажал на звонок, и гостеприимный хозяин тут же открыл дверь.

— Проходите. На этот раз мы поговорим в кабинете. Никого

из знакомых не встретили по дороге? — поинтересовался Кэйн.

— Нет…

— Ну и хорошо. Прошу в комнату, а здесь можете повесить плащ. — Движением руки Эдвард показал на вешалку из красного дерева.

В комнате царил полумрак. В углу под фиолетовым колпаком тускло горел торшер. На круглом журнальном столике из толстого тонированного стекла стояла плоская бутылка виски и лежали почти такие же бутерброды, какими не так давно угощала его коварная красавица.

— Предлагаю для аппетита и снятия стресса виски со льдом, — хлебосольно предложил американский разведчик. Выпили за встречу. Разговор начался с погоды, экологии — загрязненности города, урбанизации, проблем нарастания панисламистских настроений в отдельных регионах страны.

— Ничего страшного не произошло, Анатоль, — начал Кэйн. — Давай на брудершафт. Он придаст еще больше откровенности.

— Давайте, — стеснительно выдавил из себя Анатолий.

— Конечно, ты вправе считать, что мы поступили не по-джентльменски. Но что делать? Нередко обстоятельства диктуют форму акции. — Кэйн улыбнулся, прищурив хитро бегающие глаза. — Я думаю, твоя служба поступила бы аналогичным образом. Советские партийные органы строго следят за нравственностью в армейских рядах. Я буду откровенным: мы внимательно наблюдали за твоими действиями и поведением. Они вписывались в нормы морали янки.

— Чем же? Какие это нормы?

— Прежде всего отсутствие закомплексованности на приемах, свобода личных поступков, коммуникабельность, прагматизм с высоким чувством реальности, увлеченность и тяга к знаниям, приобретение модных и дорогих вещей и другое. В последнем вы, — Кэйн снова почему-то перешел на «вы», — как и я, очевидно, руководствуетесь пословицей «мы не такие богатые, чтобы покупать дешевые вещи». Но, увы, на многие желаемые товары денег у вас не хватало. Или я ошибаюсь?

— Нет, все правильно, — подтвердил офицер.

— Таким образом, как сказал один мудрый человек, настоящий мужчина характеризуется тремя страстями: к красивым женщинам, терпким винам и большим деньгам. Если с первыми двумя показателями у вас все нормально, то с деньгами никак не клеится. Мы готовы помочь, будем хорошо платить. Работа совершенно безопасная, причем обоюдовыгодная. Мы заинтересованы в вашей конспирации не меньше, чем вы сами.

— Я должен все взвесить, — промямлил вербуемый. — Я прекрасно понимаю, в какую сторону вы меня ведете.

— Ответ в данном случае может быть только один — положительный. Думать некогда, вместе с тем думать всегда надо. Или вы даете подписку о сотрудничестве сейчас, или ваше руководство завтра же будет знать все подробности недостойного поведения помощника военного атташе майора Филатова, — американец умышленно назвал должность и воинское звание жертвы. — Стоит ли объяснять, что произойдет с вами потом.

Офицер и на этот раз сломался…

Договорились, что Кэйн тоже будет подпитывать Филатова необходимой информацией.

* * *

Кабинет резидента ЦРУ США в Алжире погрузился в табачный смог. Хозяин апартаментов сидел, развалившись в кресле, время от времени затягиваясь сладковато-пахучим дымом трубки. Он курил только табак «Черный капитан», но ничто не мешало ему внимательно слушать прибывшего на доклад полковника Кэйна.

— Вербовка Филатова проведена согласно плану. Он окончательно стал на позиции сотрудничества с нами. Я думаю, компромат и деньги сыграли непоследнюю роль. То, что русский рассказал о себе и своей службе, само по себе закрепляет вербовку, не говоря уже о письменном согласии, — докладывал полковник.

— Сейчас главное в работе с агентом, — заметил резидент, — деликатная напористость и напористая деликатность. Используйте метод постепенного втягивания для получения серьезной информации — вспомните, как удав медленно проталкивает в себя жертву. Но не пытайтесь форсировать события — можете подавиться.

Не загружайте агента с первых шагов сложными заданиями. Вместе с тем чаще встречайтесь, но не переусердствуйте. Надо создать такие условия, чтобы он был сам заинтересован в добывании сейфовых материалов. Помните о материальном интересе. Агент должен чувствовать нашу заботу. Подчеркивайте его весомость, больше хвалите, но только не переборщите. Вы опытный человек, пусть мой общий инструктаж вас не коробит. Я вынужден по службе говорить эти прописные истины и говорю каждому сотруднику, заимевшему конкретный оперативный результат в форме агента…

Кэйн праздновал победу. В штаб-квартиру ЦРУ полетела шифровка за подписью резидента о вербовке советского офицера Филатова под кличкой «Алекс». Он прекрасно понимал значение удачного финала: была выполнена главная задача командировки — приобретение агента. Резидент не раз его критиковал за бездеятельность и отсутствие конечного результата. Если бы не эта победа, уехал бы он из Алжира «холостым» — без вербовки агента, а Центр за такую пассивность по головке не гладит. Могли и уволить. А сейчас оценят и дадут еще послужить за границей. Эти мажорные размышления прервал шеф, как будто уловивший нить рассуждений подчиненного.

— Эдвард, — обратился по имени резидент к полковнику, — придется продлить срок вашей командировки здесь, но одновременно считаю полезным с материалами дела на «Алекса» ознакомить вашего сменщика. Пять-шесть встреч с агентом проведите сами, исподволь готовя его к продолжению работы с коллегой. Это закрепит вербовку и создаст дополнительные гарантии его работы после возвращения в СССР. Сменщик должен будет подготовить агента к «выводу его в Россию» уже обученным и с необходимой экипировкой.

— Я вас понял, сэр, — отчеканил Кэйн и с разрешения шефа покинул кабинет.

* * *

Итак, в посольстве СССР в Алжире заработал «крот» — агент ЦРУ «Алекс». Конспиративные встречи с ним проходили только на вилле Кэйна. Агент, как заправский офеня, носил товар, за который купец платил ему щедрые деньги — правда, не из своего кармана. Подкармливался средствами из оперативной кассы и сам Эдвард, завышая расходы на «подарки и представительские мероприятия» с обилием спиртного и продуктов питания. Подозрения возникли у самого агента, о чем он скажет на следствии.

Параллельно с этим шло постижение шпионского ремесла: давались подробные инструктажи о линии поведения, разъяснялись способы выполнения заданий, оговаривались сроки встреч и формы конспирации. Гонорары за «творчество» выплачивались регулярно — в долларах, рублях, динарах, а также дорогостоящими сувенирами.

На очередной встрече Кэйн начал интересоваться конкретными советскими гражданами, находящимися в Алжире по линии КГБ и ГРУ. Затем проявил интерес к сведениям по

алжирской армии. После того как американец приручил Филатова, дальнейшая работа с агентом была перенесена с виллы на конспиративную квартиру, где впервые Кэйн почти в категоричной форме потребовал принести какой-нибудь документ о работе советского посольства. Задание «Алекс» выполнил, как говорится, качественно и в срок. Он сделал ксерокопию «Политического отчета посольства СССР в Алжире».

На одной из встреч Филатов закапризничал — сказалось перенапряжение. От двойной нагрузки стали сдавать нервы. Угрозы прекращения сотрудничества с янки чередовались с нытьем оставить его в покое — таков был диапазон его «бунта». Он умолял сократить время и число встреч, мотивируя тем, что частые отлучки не смогут долго оставаться незамеченными для окружающих.

— Вашу машину знает каждая собака в городе! А мое появление рядом с ней в определенном месте в городе чего стоит? Никакой конспирации. Так и до прокола недалеко, — раздраженно кидался колючими фразами Филатов.

Кэйн с пониманием отнесся к тревогам агента. Очередная встреча была назначена в городе у фонарного столба, заранее известного по условиям связи, где Эдвард должен был подхватить агента и вывезти на новую конспиративную квартиру.

Филатов после работы вышел из посольства и, тщательно проверившись, направился к месту встречи. Ждать долго не пришлось. Через минуту он услышал шум мотора. Оглянулся и… замер от неожиданности. Под фонарным столбом остановился не автомобиль вербовщика, а старенький «жучок» — «Фольксваген». За рулем сидел бородач. И вдруг через опущенное окошко дверцы донесся знакомый голос Кэйна:

«Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед.»

«Загримировался, хорек. Видать, подействовали мои замечания — испугался потерять место», — самодовольно отметил про себя Анатолий.

«Алекс» нырнул в машину, надвинул на лоб клетчатую кепку, извлеченную из целлофанового пакета, и откинулся на спинку заднего сиденья. Вскоре приехали на незнакомую виллу, затененную зеленой стеной декоративного кустарника. Прошли в комнату на втором этаже. Агент принес очередной товар по алжирской армии, а Кэйн — гонорар. На этой встрече он намекнул «Алексу», что скоро его командировка заканчивается и он должен покинуть Алжир.

— Я надеюсь, что наши отношения на этом прекратятся? — спросил Филатов.

— Дорогой Анатолий! Мои отношения с вами перестали быть только нашими. О вас знает Центр, знает, замечу, с лучшей стороны. В швейцарском банке на ваше имя открыт счет. Туда перечисляются немалые деньги. О вас уже осведомлен мой сменщик. Он хочет с вами познакомиться на следующей встрече.

— Никакой встречи не будет. Хватит, наелся… мы же договаривались, — взорвался агент.

— Успокойтесь, прошу. Успокойтесь.

— Я говорю вам вполне серьезно.

— Не горячитесь, господин Филатов. Вы слишком много секретной информации передали нам, чтобы по живому рвать наши отношения.

— В Союзе я для вас ничего делать не буду, — в сердцах выпалил офицер.

— Будете, иного выхода у вас нет, — с уверенной наглостью рявкнул Кэйн. — Не в ваших интересах ссориться с нами.

Завербованный не узнавал вербовщика, сделавшегося внезапно одержимым, нахрапистым и грубым. Таким он его никогда не видел и не на шутку перепугался из-за трусливого характера.

— Я бы не хотел, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном, — заметил сконфуженный агент.

— Прости, Анатоль, погорячился, но ради твоего же благополучия. Я думаю, мы с вами найдем общий язык? — Кэйн тоже от волнения то выкал, то тыкал.

Общий язык они в конце концов нашли. Договорились, что на очередную встречу он прибудет с коллегой — полковником Майклом Джефферсоном…

* * *

Встреча с Майклом состоялась на вилле Эдварда. Анатолий успокоился и окончательно принял решение продолжать сотрудничество с американской разведкой, боясь наказания уже не только за моральное разложение.

— Мой коллега полковник Майкл Джефферсон, — отрекомендовал хозяин.

— Майор Филатов. Анатолий, — словно своему начальнику представился советский офицер, внимательно наблюдая за действиями и манерой разговора нового патрона.

— Майкл, — встав с кресла, назвал себя полковник. — Будем знакомы. — И первым протянул руку. Обменялись рукопожатиями, и вскоре троица уже мирно беседовала за

журнальным столиком с бутылкой виски и чашками кофе.

Через какое-то время Кэйн улетел в Штаты. Он выполнил задание по вербовке. Основная нагрузка — вышколить агента перед возвращением его в Союз — теперь лежала на новом «воспитателе», который весьма успешно справился с поставленной задачей. «Алекс» дал согласие выполнять задания ЦРУ на территории СССР…

На последней встрече Майкл передал агенту шпионскую экипировку, состоящую из традиционных средств. В частности, в ее набор входили: два листа копировальной бумаги для тайнописи, шесть заранее подготовленных так называемых писем-прикрытий, две инструкции по сбору и условиям передачи интересующих разведку США сведений, специальная авторучка для тайнописи, шифроблокнот, мини-фотоаппарат, закамуфлированный под газовую зажигалку, стереофонические головные телефоны-наушники с укрытыми в них кассетами для мини-фотоаппарата, электрический фонарь с оборудованной в его батарейке приставкой для настройки радиоприемников на заданные частоты.

Агенту за проданный товар в феврале 1976 года было вручено 10 000 алжирских динаров, которые он обменял на инвалютные рубли. На этой же встрече от Джеферсона он получил 40 000 рублей и 24 золотые монеты царской чеканки достоинством в 5 рублей каждая. Шпионскую экипировку, деньги и ценности Филатов сумел провезти в обход таможенного контроля по фиктивной справке о своей принадлежности к дипломатическому персоналу. Фальшивка была получена от друга, работавшего в консульском отделе посольства.

В начале августа 1976 года в городе Алжире в условленном месте по заданию он поставил сигнальную метку, уведомляющую Майкла о его отъезде в Советский Союз.

* * *

Начальник 1-го отдела 3-го управления КГБ полковник И.А. Ермолаев вызвал руководителей отделений и сообщил информацию о том, что в конце января 1976 года радио-контрразведывательная служба госбезопасности зафиксировала новый канал односторонних радиопередач одного из американских разведцентров на территории ФРГ Лепесток устойчивого приема накрывал районы Тульской, Калужской и Курской областей.

— Итак, товарищи, есть две версии: агент уже начал

действовать или он еще находится за рубежом, — рассуждал начальник отдела, — а сигнал идет для отвода глаз. Противник пытается ввести нас в заблуждение. Я не думаю, чтобы он сидел в границах треугольника вышеупомянутых областей. По всей вероятности, он москвич. Сигнал через приставку к радиоприемнику «вытянуть» в столице технически возможно. Необходимо принять меры по выявлению офицеров, прибывших и прибывающих в этом году из загранкомандировок. Искать будем в первую очередь среди этой категории военнослужащих. Меня волнует ваш объект, Николай Петрович, — с этими словами он обратился к подполковнику Петриченко, отделение которого, как уже известно читателю, вело контрразведывательную деятельность в ГРУ. — Еще раз пересмотрите материалы сигналов и дел оперативного учета.

….. Прошел почти год поиска полумифического агента втемную. Многие оперативники видели шпиона чуть ли не в каждом военнослужащем, проходившем по делам и сигналам. Но то, что случилось в феврале 1977 года, еще больше накалило обстановку поиска.

Дело в том, что в ходе работы по выявлению возможных шпионских отправлений на канале почтовой переписки был отобран подозрительный конверт. Содержание вложения вынудило специалистов проверить лист на тайнопись. После необходимой обработки на бумаге отчетливо проявился зашифрованный цифровой текст с коротким словом на русском языке — «конец». Шпионское послание сфотографировали, а тайнопись снова «спрятали» — она исчезла. Письмо без задержки отправили по указанному на конверте адресу, который подсказал «флаг» спецслужбы. Контрразведчикам стало ясно, что они имеют дело с агентом ЦРУ США…

* * *

Начался многомесячный марафон разыскных мероприятий, который завершился успехом, — исполнитель был вычислен. А до этого контрразведчики перелопатили горы дел, анкет, автобиографий и других материалов. Подозрение пало на майора Филатова Анатолия Николаевича — сотрудника института, который еще недавно обслуживал Стороженко.

Майор сразу же был взят в активное оперативное изучение. То, что перед чекистами был шпион, не вызывало сомнений. Но для суда нужны доказательства.

Начальник отделения Петриченко вызвал в кабинет

Стороженко.

— Николай Семенович, вы институт еще не забыли? — неожиданно спросил он.

— Как же забыть «первую любовь»!

— Ну, тогда и карты в руки. Я включаю вас с майором Пашкиным в оперативную группу. Будете работать по вероятному шпиону. Об одном прошу: об этом никто не должен знать даже в отделении. Конспирация превыше всего! Ясно?

— Понятно.

Он обрисовал некоторые детали обстановки, поставил конкретные задачи и потребовал ежедневных докладов. Стороженко гордился высоким доверием, оказанным ему руководством отделения и отдела.

С этого периода проверка оборотня началась по «двухпутке»: территориальные органы госбезопасности изучали его по месту жительства, органы военной контрразведки — по месту службы. Обмен информацией проходил ежедневно.

А тем временем события стали развиваться стремительно, с элементами непредсказуемости. Требовался жесткий и постоянный контроль за действиями изучаемого офицера. Полученная информация о сооружении агентом тайника в квартире в верхнем торце санитарного шкафа туалета говорила, что агент прячет улики. Но для чего? Чтоб временно прекратить работу или возобновить ее?

На службе Филатов демонстрировал штабную пунктуальность в работе с секретными документами, даже нарочитую боязнь несанкционированного доступа к ним. В то же время явно фиксировалась внутренняя напряженность.

* * *

Месяц за месяцем упорной работы позволили создать психологический портрет этого человека: одного на службе, другого дома. На работе он показывал сплошную идеологическую выдержанность. Никогда и нигде не позволял резкостей по адресу политорганов, существующей системы и ее вождей. На партсобраниях выступал горячо, убедительно демонстрируя руководству свою «политическую зрелость», клеймил позором американский империализм. Не случайно его приметил начальник политотдела института. Скоро Филатова избрали секретарем партийной организации отдела.

Шаг за шагом оперативники вели документирование преступной деятельности предателя. Агент действовал крайне

осторожно: инстинкт самосохранения работал четко! Однако, попав под чекистский невидимый колпак, он уже был не в силах, даже если бы и захотел, выскочить из-под него. Бездействовать он не хотел и в какой-то мере боялся угроз американцев. А его действия оставляли следы.

Вернувшись из Алжира, «Алекс» по заданию ЦРУ успел передать ряд секретных сведений в Лэнгли. Но вскоре этому был положен конец. Закономерным финалом предателя Родины, изменившего словам присяги и долгу разведчика, был его негласный арест, в котором принимал участие и Стороженко.

С этих пор и до суда контрразведчики стали кормить американцев в ходе оперативной игры тупиковой дезинформацией…

* * *

Разбирательство показало, что агент и его заокеанские подручные готовились к «большим делам». «Алекс» стал бы суперагентом, если бы ему удалось пробраться в центральный аппарат ГРУ. По прибытии в СССР Филатов должен был поставить условный знак о готовности приема односторонних радиопередач, однако побоялся это сделать и сообщил в ЦРУ «письмом-прикрытием». Кстати, односторонняя передача, как учил его Майкл, могла передаваться в течение месяца до 8-10 раз. Согласно инструкции для «Алекса»:

«Ровно в 21 час на условной волне женский голос в течение десяти минут с небольшим интервалом будет вести счет до десяти. Затем последует 10 коротких тональных сигналов, и вслед за ними начнется шифрованная передача.

Перед кодированием текстом будут указаны номер — трехзначное число — и количество групп пятизначных чисел. Телеграммы с нечетным номером являются учебными».

Выполняя задание, «Алекс» в декабре 1976-го и в январе 1977 года с помощью полученного от американцев специального электронного устройства и имеющегося у него транзисторного приемника «Националь-Панасоник» принял две радиограммы с целью проверки возможностей поддержания связи.

В ночь с 29 на 30 января 1977 года во время дежурства в институте он с помощью находившейся при нем шифро-таблицы и специальной копировальной бумаги подготовил для ЦРУ первое шифрованное тайнописное донесение, в котором уведомил

американцев о своем назначении в институт ГРУ, его структуре и задачах. Это «письмо-прикрытие» отправил 8 февраля 1977 года через почтовый ящик у станции метро «Проспект Мира».

В первых числах марта он принял очередную кодированную радиограмму, в которой из-за океана подтвердили получение первого донесения и предписывали направить очередное 1 марта.

Придя однажды поздно после службы и очередной гулянки, когда семья уже спала, «Алекс» на кухне подготовил текст второго шпионского сообщения и опять «письмом-прикрытием» 19 марта 1977 года отправил его через прежний почтовый ящик.

В конце марта он принял и расшифровал очередную радиограмму разведцентра США, в которой сообщалось, что вместо тайника под условным наименованием «Дружба» для связи с ним предусмотрен тайник «Река». Далее разъяснялся порядок пользования тайником и указывалось место его расположения — на Костомаровской набережной в Москве. В июне Филатов получил новую квартиру и хотел принять очередную радиограмму, но из-за сильных радиопомех попытка оказалась безуспешной. Поэтому он решил заложить тайник.

Готовясь к этой операции, «Алекс» выехал на Костомаровскую набережную на рекогносцировку будущей акции. Согласно инструкции от 24 июня, на стене дома № 15 по улице Вавилова поставил метку. Она говорила о готовности агента на следующий день изъять содержимое тайника.

Под покровом темноты он пришел к тайнику «Река», но контейнера на месте не обнаружил. На следующий день шпион повторил действо — и снова безрезультатно…

«Что за черт, может, кто подобрал? Или я успел наследить? Скорее надо драпать отсюда, иначе можно вляпаться и привести «хвост», — подумал он и осмотрелся. По телу пробежал противный озноб. На лбу показались градинки пота.

Вечером дома «Алекс» подготовил третье донесение, в котором информировал хозяев о безуспешной попытке обнаружить и изъять тайниковую закладку. В нем же он сообщил, что из-за плохой слышимости не может принимать радиограммы, и предложил использовать запасной канал связи под условным названием «Стадион». Просил о личной встрече с представителем ЦРУ в Москве. Письмо опустил на следующий день в почтовый ящик у метро «Площадь Революции».

Вот как объяснял Филатов на следствии работу с первой американской радиограммой:

«…Согласно инструкции американской разведки,
21 января 1977 года мною был осуществлен прием первой

«боевой» кодированной радиограммы. Записав текст радиосообщения, я в тот же вечер начал его расшифровку. Не уложившись в первый вечер, я продолжил эту работу

22 и 23 января. Обычно для того, чтобы жена не смогла меня в чем-то заподозрить, я садился на кухне якобы с целью конспектирования, а на самом деле занимался расшифровкой полученных от американцев кодированных радиограмм».

Несостоявшаяся тайниковая операция «Река» не на шутку напугала Филатова. Несколько дней он ходил замкнутым, в голову лезли всякие тревожные мысли, одна страшнее другой. Письмо из штаб-квартиры ЦРУ несколько успокоило его. В нем после проявления тайнописи появился текст:

«Дорогой Алекс! Нам не удалось заложить тайник 25 июня, так как за нашим человеком была слежка… Благодарим за «Лупакова» (утерянное письмо с тайнописью из ЦРУ. — *Авт.*). *Хотя мы и проверяли адрес несколько раз… Письмо, вероятно, пропало на почте. К сожалению, иногда случается. Это не должно вас волновать, так как ваши копирки очень надежны и ваша техника при тайнописи отличная.*

Просим обязательно ставить марку в 16 копеек и отправлять письмо из районов, посещаемых туристами. Мини-аппарат и кассеты, которые мы дали вам, теперь нужно уничтожить… Просим уничтожить эти материалы надежным способом, как, например, забросить их в глубокую часть реки, когда вы уверены, что на вас никто не смотрит. Просим также уничтожить кристаллы и батарейки…

Новое расписание: по пятницам в 24.00 на 7320 (41 м) и 4990 (60 м), по воскресеньям в 22.00 на 7320 (41 м) и 5224 (57 м). Чтобы улучшить слышимость наших радиопередач, очень советуем использовать находившиеся в этом пакете 300 рублей на покупку радиоприемника «Рига-103-2», который мы тщательно проверяли и считаем, что он хороший.

В этот пакет мы также включили маленькую пластмассовую пластинку преобразователя, при помощи которой вы сможете расшифровать наши радиопередачи и зашифровать вашу тайнопись. Просим осторожно с ней обращаться и хранить. Мы согласны с вашим советом изменить день возобновления связи у стадиона «Динамо» с субботы на пятницу. Это письмо мы написали на бумаге, растворимой в воде.

Уничтожьте ее, положив в стакан воды. Ожидаем от вас скорого сообщения.

Сердечный привет.

ДЖ».

* * *

Читая эту инструкцию, Стороженко искренне удивлялся: «Как опекали агента! Как разжевывали ему порядок действий!»

Несмотря на опыт, полученный в Алжире, связь с американцами в Москве порождала страх в душе предателя — родная земля не принимала оборотня. Ему казалось, что за ним устроена постоянная слежка, поэтому ставшие привычными проверки по выявлению «хвоста» при челночных перемещениях квартира — служба, служба — квартира настолько изматывали тело и душу, что его шатало от физического и нервного истощения. Шпионскую экипировку в квартире он постоянно перепроверял и нередко перепрятывал. Это несколько успокаивало его.

Разработка «Алекса» приближалась к логическому завершению. И, словно предчувствуя конец, шпион упивался жизнью: тратил большие деньги на встречи и времяпрепровождение с женщинами, памятуя слова Зощенко о том, что у кого нет денег, те не ходят с дамами. Так он расходовал заначку в 40 000 рублей, о которой жена не догадывалась. Ей не перепало ни рубля!..

Она содержала семью на остатки майорской зарплаты.

Последняя радиограмма от 22 июля 1977 года, принятая агентом в 21.00 и состоящая из 110 групп с позывными 258, была «боевой». Именно она помогла чекистам подготовиться к захвату с поличным американских разведчиков супругов Крокетт, с которыми еще читатель встретится в главе «Барон» на связь не вышел».

* * *

Резидент посольской резидентуры ЦРУ в Москве сидел в крутящемся кресле. Мысли янки были заняты предстоящей операцией по связи, в которой участвовал один из лучших офицеров его агентурного аппарата, готовящийся стать особо ценным источником, — агент «Алекс». Если бы знал резидент, что их «ценняк» уже в Лефортово, а чекисты дурачат его!.. Раздумья прервал стук в дверь.

— Войдите, — как-то вяло произнес он.

Вошел тот, кому предстояло идти на операцию. Крокетт еще

раз выслушал подробный инструктаж шефа и пожелания успехов:

— Ну с Богом, Винсент! Операция, как вижу, подготовлена качественно, провала не будет, потому что ее готовили настоящие профессионалы. Результаты доложите лично. Я буду вас ждать в кабинете.

Ровно в 19.00 2 сентября 1977 года гражданский помощник по вопросам обороны (именно так называлась должность прикрытия разведчика) Винсент Крокетт надел под майку специальный бандаж с радиоаппаратурой. Она позволяла перехватывать разговоры советских контрразведчиков в районе проведения операции. Еще раз проверил контейнер, присланный из-за океана и предназначенный для «Алекса». Он представлял собой пустотелый обрезок кабеля с вложением: 300 рублей, пять пустых почтовых конвертов с подставными адресами на иностранном языке, несколько шифроблокнотов, ручка для тайнописи и очередная инструкция. Контейнер находился в промасленной тряпке, чтобы не привлечь внимания случайных прохожих. Валяться он в таком виде должен был не более 15 минут.

В 20.00 Крокетт после получения подтверждающего звонка «Алекса» вместе с женой Беки выехали на операцию. Вскоре они оказались в районе Салтыковки за отдельным столиком в уютном ресторане «Русь», давно облюбованном иностранцами. Ужинали весьма скромно — бутылочка сухого вина и холодные закуски. Супруги мило беседовали, поглядывая на входные двери и следя за вошедшими, — искали «хвост». Беки прижимала к животу дамскую сумочку, в которой в целлофановом пакете лежал шпионский контейнер. Через два часа они покинули ресторан.

Машина рванула с места. Винсент посмотрел по сторонам. Проехали одну улицу, другую и вот повернули на Костомаровскую набережную. Улица была пустынной: ни пешеходов, ни автомобилей, ни бродячих собак. Когда машина проезжала мимо осветительного столба, Беки по указанию мужа выбросила из окна по направлению к забору контейнер. При этом, освобождаясь от целлофана, испачкала масляной отработкой ладони, юбку, сиденье. То ли руки дрожали, то ли слишком постарались промаслить тряпку «профессионалы».

Машина рванула, взвизгнув горящими протекторами, и понеслась по Костомаровской набережной до развилки, ведущей к улице Чкалова.

— Все!!! Дело сделано, Беки!

— Жми в посольство, тебе ведь надо доложить, а мне отмыться. Я вся перепачкана.

— Скоро будем дома…

Не успел он договорить фразу, как дорогу перегородили неизвестно откуда взявшиеся сотрудники ГАИ. Сразу же подъехали несколько автомашин с включенными фарами.

— Конец, мы вляпались, — только и сумел проговорить Винсент супруге. Оставалось «забаррикадироваться» в машине и требовать вызова представителя посольства. Однако последовала не очень приятная процедура, какая случается со шпионами, пойманными с поличным. Группа захвата их «освободила» из автомобильного заточения и вежливо предложила пересесть в микроавтобус. Беки пришлось даже кусаться — она укусила руку сотрудницы, участвующей в задержании и личном осмотре негостеприимной дамы.

В приемной КГБ, куда поздно ночью доставили провалившихся разведчиков, супругам Крокетт трудно было отрицать причастность к шпионажу из-за фактов и вещественных доказательств. Сотрудницы приемной помогли Беки помыть руки и почистить одежду. Консул посольства США также не мог опровергнуть улики, послужившие основанием для задержания граждан его страны.

— Все ясно, — ответил американский дипломат. — Как же мне надоело встречаться с вами по ночам.

Эти слова были адресованы сотрудникам контрразведки, принимавшим участие в операции по задержанию американских разведчиков. После подписания протокола об инциденте консул увез провалившихся дипломатов-разведчиков в посольство. Винсенту предстояло отчитываться перед резидентом и спешно собирать вещи уже в качестве персоны нон грата.

А Филатова ждал судебный процесс. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу, замененному 15 годами заключения…

Отбыв срок, он обратился в посольство США в Москве с просьбой компенсировать ему моральный и материальный ущерб, переведя на его счет в один из московских банков хотя бы часть суммы, которая якобы лежала в Швейцарии. Американцы долго уклонялись от ответа, а потом заявили: право на компенсацию имеют только граждане США. Как говорится, от ворот поворот. Выжатый лимон выбрасывается!

Дальнейшая судьба предателя, как писали журналисты, тяжелая — он стал никому не нужен: ни американцам, ни семье, ни Родине. После возвращения из тюрьмы на волю он отправил себя снова в «неволю» — приобрел в одной из деревенек домик и живет отшельником в российской глухомани.

И вот спустя тридцать лет после ареста оборотня из ГРУ автору этих строк по приглашению творческой бригады «НТВ» в

рамках программы «Русские сенсации» — проект «Лубянка 2» удалось навестить «отшельника», который, как выяснилось, живет совсем не анахоретом. Купил в деревне Старая Жуковка, что в ста километрах севернее Саратова, домик с пятью сотками земли. Возделывает огород, кормящий его целый год, эанимается сбором трав для чаепития. С селянами в дружбе. Для здоровья ходит по 10 километров ежедневно и на ночь пьет по 30 грамм настойки самогона на травах. Информирован — смотрит телепередачи. Недавно установил антенну-тарелку. Посредством шести стареньких приемников слушает передачи, в том числе на французском и английском языках.

На чекистов не обижается, считая, что они поступили по долгу службы. Янки презирает за жадность, неискренность и наглость. Как будто в ЦРУ должны быть паиньки?! Винит только себя, но прошлое вспоминать не хочет, так как жизнь он поделил на два куска — с оттенками черного и белого.

Подробно о встрече с человеком, ставшим шпионом не инициативно, а в результате подставы — «медовой ловушки», — автор написал в альманахе «Лубянка» № 8, 2008 г. и в книге «СМЕРШ в бою» в главе «Встреча с агентом ЦРУ», 2010 г.

Глава девятая
Перебежчик Резун, ставший Суворовым

Лучший способ сохранить своих друзей — не предавать их.

У. Мизнер

Он продал не только своих друзей, боевых коллег, родственников, в том числе отца-фронтовика, который проклял его за предательство, — измен таких среди военных разведчиков трудно припомнить — и наконец, он изменил присяге и предал Родину. Зовут его капитан ГРУ Владимир Резун.

Этот трус стал, пожалуй, самым известным оборотнем в нашей стране и за рубежом, бежавшим в период холодной войны в Англию. В годы ельцинского правления по милости некоторых отечественных издателей печать и телевидение его раскрутили до неприличия. Сомнительную популярность предателю принесла заказная писанина, в которой были кровно заинтересованы западные редакторы, работающие вместе с рыцарями плаща и кинжала на ниве идеологической борьбы с советской и нынешней Россией.

Стороженко, хорошо знавший оперативные материалы на предателя, давно вынашивал мысль сказать свое слово об этом экс-офицере ГРУ, неожиданно ставшем плодовитым писателем под псевдонимом Виктор Суворов. Хотелось показать читателю ту тщательно скрываемую сторону жизни этого ничтожества в разведке, которую знал не понаслышке. Это в его подразделении оперативники осуществляли весь комплекс агентурно-оперативных мероприятий по выяснению подробностей бегства офицера в стан противника.

Истоки появления «профессионального разведчика» из ГРУ, его образование, пристрастия и хобби, особенности характера позволили проследить этапы жизни, приведшие к причине падения.

Резун Владимир Богданович родился в 1947 году в поселке Барабаш Хасанского района Приморского края. Его отец в звании майора ушел в отставку и переехал с семьей на Украину — в Черкассы. Он хотел, чтобы сыновья Александр и Владимир пошли по его стопам. Так и случилось, только старший, Александр, по-настоящему понюхал пороха на службе. А за младшенького,

Володю, отец все время хлопотал и устраивал его судьбу. Лучше бы он этого не делал!

В 1958 году свое чадо отец определил в Воронежское суворовское училище, а когда учебное заведение расформировали, перевел в Калининское. После его окончания в 1965-м Владимир поступил в Киевское высшее общевойсковое военное училище. Завершил учебу в 1968 году.

Естественно, у оперативников-разыскников возник интерес к разным этапам его короткой жизни в погонах. В первую очередь хотелось найти штрихи к портрету Резуна и его характеристики за время учебы.

Вот как описывает эпизод подгонки первой формы суворовцу Резуну его бывший коллега Александр Кадетов в своей книге «Как Виктор Суворов предавал «Аквариум»:

«Каптенармус Алферов жаловался:

«Никак не могу подобрать для тебя сапоги. У меня нет таких маленьких сапог, да и попа у тебя, как у нашей уборщицы, в брюки не лезет… Ты, хлопец, наверное, весь в «сук» пошел».

И там же говорится о его внешности:

«Небольшого роста, пухлый, рыхлый, он стал предметом насмешек и издевательств со стороны некоторых ребят… Владимир отставал в физическом развитии, поэтому чувствовал себя слабым и униженным. Многих его однокашников удивляло, что при виде крови или во время прививок и профилактических уколов Резун мог запросто упасть в обморок, словно кисейная барышня. Комплекс неполноценности довлел над ним. Он страдал от своих физических недостатков».

А вот фрагмент из характеристики на выпускника Калининского суворовского военного училища:

«Воспитанник Резун В.Б. за время обучения показал себя дисциплинированным, любящим военное дело воспитанником со средними умственными и физическими способностями. По характеру застенчив, болезненно воспринимает критику в свой адрес, с товарищами и старшими робок, раздражителен и иногда несдержан».

Поступив в военное училище, он на фоне других рослых парней и здесь продолжает страдать из-за своего малого роста и женоподобной фигуры. Для того чтобы казаться выше, он набивал

каблуки сапог и ботинок. Еще было замечено, что Владимир всегда старался услужить сильному.

После окончания училища не без помощи друзей отца — кадровиков этого учебного заведения — блатник лейтенант Резун направляется на стажировку не в линейную часть, а в штабы: сначала в штаб Прикарпатского, а затем Приволжского военных округов.

В характеристике, подписанной командирами роты майором А. Крайновым и батальона — подполковником Л. Рубцовым, отмечался старый негатив — «невыдержанность, самолюбие, обидчивость».

При первом поступлении Резуна в Военно-дипломатическую академию психологи отмечали:

«У абитуриента очень низкий порог лабильности, то есть устойчивости к стрессовым фактам. Человек с таким низким пороговым уровнем очень медленно выходит из стрессового состояния и утрачивает, находясь в таком состоянии, способность адекватно и разумно противостоять целенаправленному воздействию на психику».

В связи с этим мандатная комиссия порекомендовала зачислить его только условно с предварительным прохождением годичной практики в войсках. Отец же всеми силами через свои связи продавливал своего «меньшенького», не служившего и дня в линейных частях, в академию.

* * *

Через год, в августе 1971 года, старший лейтенант Резун с женой Татьяной прибывает в Москву. На сей раз со второй попытки он становится слушателем Военно-дипломатической академии Советской армии.

По окончании первого курса в его характеристике появляются настораживающие моменты:

«Недостаточно развиты волевые качества, небольшой жизненный опыт и опыт работы с людьми. Обратить внимание на выработку необходимых офицеру разведки качеств, в том числе силы воли, настойчивости, готовности пойти на разумный риск».

На втором курсе преподаватели практических занятий отмечали такое качество, как *«нерешительность, граничащая с*

трусостью».

Был случай, когда он на экзамене, посчитав, что ему необъективно занизили оценку, из-за чрезмерного волнения потерял сознание и упал в обморок.

Сотрудники наружного наблюдения 7-го управления КГБ, обучавшие слушателей академии искусству выявления слежки за собой, в отзыве на Резуна отмечали:

«Объект на маршруте вел себя неспокойно, часто совершенно нелегендированно оглядывался, применял шаблонные приемы проверки для обнаружения за собой слежки, дважды завязывал шнурок на ботинке с целью обнаружить слежку, проверялся грубо и непрофессионально».

И все же академию он окончил и вскоре, неожиданно для других офицеров, осенью 1974 года выехал в первую и последнюю загранкомандировку в престижную страну — Швейцарию — на должность сотрудника советского постоянного представителя в ООН с местом работы в Женеве. Такие служебные взлеты бывали редко у кого из выпускников.

Там он тоже зарекомендовал себя крайне осторожным, неконтактным человеком, робко осваивающим «крышевую» должность. Сторонился иностранцев, не сходился близко с коллегами, вел довольно замкнутый образ жизни, считая себя специалистом-аналитиком по открытым источникам информации. Таких «спецов» профессионалы-агентуристы называли «портными с ножницами». Они «кроили» местные журналы и газеты, выбирая из них нужную информацию, которая иногда оценивалась нормально в Центре — в тогдашнем 9-м управлении информации ГРУ. На большее такие «специалисты» не годились.

Но для разведчика, особенно за рубежом, нужен результат первой категории, каким во все времена была вербовка иностранца в качестве поставщика нужной информации — агента.

Резун понимал, что скоро командировка закончится, а он окажется с нулевым результатом — «баранкой», что сулило ему с учетом нелестных характеристик довольно-таки туманные перспективы в дальнейшей службе.

Не случайно резидент ГРУ в Швейцарии — непосредственный начальник Резуна, один из опытнейших военных разведчиков генерал-майор Глотов — дает подчиненному после первого года работы такую характеристику:

«Весьма медленно усваивает методы разведывательной работы. Работает разбросанно и нецелеустремленно. Жизненный опыт и кругозор малы. Потребуется значительное время для преодоления этих недостатков».

Для того чтобы поднатаскать Резуна в «деле», Глотов однажды поручил своему заместителю задействовать его в

проверочных мероприятиях по закладке подобранного тайника. Нужно было заложить учебный контейнер. Резун об этом не знал, так как ему ставилась «боевая» задача. Они подъехали к месту расположения тайника.

Этот эпизод так описал коллега Резуна Александр Кадетов:

«Заместитель резидента… повернулся к Резуну и увидел, что его напарник сидел бледный как полотно и не мог говорить. Он ничего не слышал, его охватил смертельный страх, нижняя губа у него отвисла и тряслась. На него было противно смотреть.

— Что ты испугался, бери контейнер, иди ищи тайник и закладывай, — властным голосом руководитель попытался вывести Резуна из оцепенения. Однако тот продолжал сидеть не двигаясь, и молчал, как истукан. Казалось, он ничего не слышал и совершенно отключился. Карта в его руках тряслась. Заместитель резидента выругался в сердцах, вышел из машины и скрылся в кустах. Отыскал нужный пень, заложил контейнер и вернулся к машине.

— Эх ты… Твоя фамилия не Резун, а Дристун…»

* * *

Следует заметить, что капитан Резун охотно занимался хозяйственными делами. Практически он исполнял должность денщика при семьях руководителей. Ярко это проявилось, когда на смену Глотову прибыл генерал Александров — бывший работник ЦК КПСС. Особенно Владимир угождал генеральше, мотаясь с ней на автомашине по магазинам, ателье и блошиным рынкам — барахолкам.

В Женеве семья Резуна жила отдельно от семей советских граждан, в доме, где обитали иностранцы. Проживание по соседству с американской миссией создавало благоприятные условия для внедрения в квартиру советского гражданина техники слухового контроля. На первом этаже дома находилось также бюро фирмы США по продаже пишущих машинок. Эта фирма на самом деле являлась прикрытием американской

разведки, силы которой в Женеве были в тот период как никогда велики.

До июня 1977 года на одной лестничной площадке с квартирой Резуна обитала молодая незамужняя англичанка, работавшая в международной организации здравоохранения, а после ее переезда в другой дом в квартире этажом ниже, под «кабинетом и спальней» будущего «великого писателя с мировым именем», поселилась одинокая американка. Причем автомашина Резуна «Тойота» стояла рядом с автомобилем иностранки в одном двухместном боксе, расположенном в подвальном помещении дома. Обе эти женщины подозревались в принадлежности к иностранным спецслужбам.

Как уже отмечалось, за почти двухлетнее пребывание за рубежом разведчик Резун не установил практически ни одного полезного знакомства, нужного для выполнения служебных задач. Он боялся общения с иностранцами и даже сторонился их, пугаясь своей психологической слабости. Однако в апреле 1 977 года он неожиданно «по собственной инициативе» (к тому времени уже вовсю шла разработка советского офицера резидентурой британской разведки в Женеве) познакомился с редактором английского журнала «Международное военное обозрение» Рональдом Фурлонгом, который к тому же нежно «любил сильный пол». Его гомосексуальные наклонности были известны руководству МИ-6. Редакторство — это была его «крыша». На самом деле он являлся кадровым сотрудником разведки Великобритании.

* * *

Резун искал материалы для «ножниц», а поэтому решил зайти в редакцию журнала, где и познакомился с Рональдом. Вот как описывает первое впечатление Фурлонга от встречи с Резуном Александр Кадетов:

«Память вытащила на поверхность этот эпизод, когда он впервые встретился и познакомился с Владимиром Резуном… Советский дипломат посетил его редакцию. В глаза бросились округлости его женоподобной фигуры, короткие ноги, толстые ляжки, большая круглая голова, пухлые женские губы, румяные, как у девушки, щеки.

Как опытный педераст, Фурлонг сразу безошибочно определил, что перед ним стоит его возможный сексуальный партнер. Все признаки налицо, он не мог ошибиться: русский уже неоднократно

бывал предметом мужского вожделения. Надо было не упустить шанс, чтобы эта встреча не оказалась последней.

У его бывшего любовника, архивариуса французского посольства Франсуа Лагранжа, закончилась командировка…

Посетитель, похоже, сам шел на контакт, подробно интересовался тематикой журнала, стоимостью подписки, с большим вниманием просматривал издания, задавал вопросы, не торопился уходить. Возможно — Фурлонг это не исключал впоследствии при анализе, — что русский дипломат и сам почувствовал родство душ, точнее тел».

Знакомство быстро развивалось. Скоро выяснилось, что оба занимаются нумизматикой, поэтому стали обмениваться монетами. Рональд иногда приглашал Владимира на ланч в ресторан. Оплачивал расходы всегда англичанин — русский не возражал, а потом так и привык к халяве. Наверное, не хотел вспоминать истину, что бесплатный сыр бывает только мышеловке.

В ходе изучения Резуна Фурлонг безошибочно определил, что Владимир только «крышует» должность международного чиновника в постоянном представительстве СССР при ООН в Женеве, а на самом деле является сотрудником советской военной разведки. К этому выводу он пришел сразу, так как советский гражданин проявлял явно повышенный интерес к военной тематике. И Фурлонг его стал подкармливать соответствующей полуоткрытой периодикой, за что россиянин вручал своему кормильцу недорогие подарки, презенты и прочее.

Именно таким путем в резидентуре ГРУ появилась копия открытой инструкции по эксплуатации немецкого танка «Леопард-2».

Фурлонг по совету своего начальника — резидента английской разведки в Берне О'Брайна Тира — подарил Резуну, получившему теперь при разработке псевдоним «Наполеон», книгу Уильяма Ширера «Взлет и падение третьего рейха». Резун, естественно, не знал, хотя мог предвидеть, что уже разрабатывается англичанами, продолжал с маниакальным упорством доказывать своему новому начальнику, генералу Александрову, что Фурлонг может быть в перспективе кандидатом на вербовку.

* * *

Однажды Фурлонг по договоренности со своим шефом довел

до Резуна информацию о том, что родной брат англичанина якобы является командиром подводной атомной субмарины и служит вот уже несколько лет на базе военноморских сил в Гибралтаре. Резун явно заинтересовался этой информацией. Он даже заволновался и стал чуть ли не в лоб выяснять у собеседника состояние базы и подводных лодок, базирующихся на ней.

Контакты между русским и англичанином «расширялись» и «углублялись». Резун зачастил теперь уже и на квартиру к Фурлонгу. И тут швейцарская контрразведка отличилась. По данным одного из ее руководителей Фрица Шварцбергера, его оперативно-техническая служба зафиксировала и тут же задокументировала на видеокамеру сексуальные отношения между Фурлонгом и Резуном.

Этот факт коренным образом повлиял на первоначальный план приобщения Резуна к работе на английскую разведку. После того, что увидели англичане на экране, план существенно упрощался.

Несмотря на это, изучение Владимира и игра с ним продолжались. Фурлонг докладывал начальству, скрывая, естественно, свое влечение к русскому, что Резун не прочь приударить за женщинами. Так, посещая его редакцию, он часто рассказывает сальные анекдоты и… «положил глаз» на его секретаршу Марту — высокую, кривоногую и широкотазую немку. Он дарит ей сувениры, отпускает комплименты. Резидент предложил подчиненному вариант:

— Так создайте комбинацию, чтобы Владимир затащил вашу Марту в постель. Немки сговорчивы. Вот вам и основания для компрометации.

— Проблема в том, что сама Марта игнорирует ухажера, он же для нее гномик, — нашелся Фурлонг, не желающий делать из своего партнера бисексуала.

— Найдите другой объект «медовой ловушки», — настаивал О'Брайн Тир.

— Есть варианты, — неохотно ответил Рональд.

— А вообще, делайте все, чтобы «Наполеон» вас разрабатывал в качестве своего потенциального источника информации. Материалами мы вас снабдим. Пусть он считает, что вы податливы, как пластилин. Требуйте от него за бумаги деньжат, желательно под расписку. За материалы, которые он принесет, старайтесь отблагодарить подарками и деньгами. Не жадничайте. Это, я вам скажу, крюк прочный. Таких крючков надо иметь несколько, — продолжал руководитель Службы безопасности Великобритании (СИС) в Берне. — Надо ими его обставить.

* * *

Когда жена Резуна с дочерью уехали в Москву, оперативным офицером английской резидентуры Гордоном Барросом была дана «отмашка» соседке россиянина по дому на улице Рю де Лозанн — англичанке, квартира которой была оборудована звукозаписывающей техникой и фото— и видеоаппаратурой. Кстати, они были знакомы, часто их видели в кафе. Она пригласила Резуна к себе посмотреть фильм. Перед просмотром выпили виски, уселись на диван, а после окончания ужастика перекочевали на старинную дубовую кровать…

Для согласования действий по вербовке Резуна О'Брайн Тир вылетел в Лондон к шефу — генеральному директору СИС Иорису Олдфрилду. Подчиненный доложил план вербовочной операции, отметив, что создан достаточно прочный фон компрометации «Наполеона».

— А что он вообще за человек? — спросил шеф. — Поподробней не могли бы рассказать о нем?

— Трусоват, патологически жаден, неопытен. Увлекается нумизматикой и играми в казино. Собирает оловянных солдатиков. Неравнодушен к женщинам и сильным мужчинам, о чем я уже вам докладывал, — настоящий бисексуал. В особой коммуникабельности не замечен. Крайне злопамятен, обиды помнит долго и пытается отомстить обидчику. Отмечены также в характере элементы лакейства, услужливости — одним словом, как говорят русские, холуйства.

Судя по молодости, на такую ответственную должность мог приехать только блатник. Кто-то его явно протолкнул в Женеву. Французский язык знает слабо, а вот к военной тематике тянется. Похоже, что он сотрудник советской военной разведки.

Шеф еще раз пробежал глазами по справке с планом вербовки россиянина и, подняв очки на лоб, с выдохом заметил:

— Должно все получиться. Да поможет вам Бог! Проводите вербовку — он созрел и вы тоже, судя по интересным материалам. А судьбу Фурлонга решим после — отправим эту грязную свинью на пенсию. «Наполеон» нам нужен в Москве, в центральном аппарате ГРУ.

— У него скоро заканчивается командировка, сэр, — уточнил О'Брайн Тир.

— Ну и хорошо…

* * *

Возвратился в Берн О'Брайн на следующий день и сразу созвал совещание, пригласив в кабинет своего заместителя Дерфила Сервила и оперативного сотрудника Гордона Барроса.

— Господа, шеф санкционировал вербовку «Наполеона». Участвуем в операции только мы. Фурлонг привезет кандидата в Цюрих в редакцию журнала «Армада» якобы за очередной порцией материалов по вопросам вооружения стран НАТО. Согласие на поездку от Резуна уже получено. Фурлонг во время беседы отлучится под благовидным предлогом.

Теплым апрельским днем 1978 года «партнеры» Резун и Фурлонг выехали в Цюрих. Там все происходило по сценарию англичан. В отдельной комнате редакции журнала «Армада» Резун получил от «хороших друзей» нужные материалы. Рональду предложили «погулять». Покинул компанию и Сервил.

О'Брайн представился советскому офицеру как доктор Фишер. На его визитке значилось «Доктор наук. Институт геополитики. Цюрих». После непродолжительной беседы Резун заторопился.

— Вы собрались уезжать? — спросил Тир.

— Да! Спасибо за материалы. Я тороплюсь.

— А не могли бы вы задержаться и посмотреть очень интересные видеозаписи? — С этими словами Фишер взял пульт и нажал на кнопку. На экране монитора появилось голое тело англичанки и соитие с ней героя беседы…

Резун закрыл лицо руками и проскулил:

— Ради бога, выключите.

Вербовка состоялась, Резун дал согласие на сотрудничество с английской разведкой. Этот шаг дался непросто. Он нервничал и переживал, а дома чуть ли не упал в обморок.

* * *

Владимир, как будто ничего не случилось, продолжал встречаться с Рональдом, получая от него материалы по военно-политическим вопросам, которые высоко на первый взгляд оценивались местным начальством — руководством резидентуры. Но со временем из Москвы стали поступать тревожные оценки — материалы от англичанина не глубокие, поверхностные, а иногда и вовсе дезинформационные. Резиденту ГРУ в Швейцарии Центр высказал сомнение о добропорядочности Фурлонга и предложил тщательно проверить источник информации.

6 июня 1978 года эти указания генерал Александров разъяснил Резуну, что не могло не вызвать у него сильного

беспокойства. Кроме того, с некоторого времени начальник перестал поощрять труд «с ножницами», а потребовал активизации работы с живым материалом — людьми из числа интересных для разведки иностранцев.

— В отношении Фурлонга надо выяснить наконец, кто же он? — потребовал генерал. — Да, чуть было не забыл, наши коллеги из КГБ получили данные о проявлении повышенного интереса к вам со стороны американцев. Будьте осторожны, вы еще неопытны в разведке. Бдительность прежде всего!

И наконец, 9 июня 1978 года, во время инструктажа Резуна по предстоящей встрече с Фурлонгом, Александрову позвонил резидент ПГУ КГБ. В телефонном разговоре шла речь о совместных мероприятиях по откомандированию в Советский Союз какого-то дипломата. Потом инструктаж был прерван вызовом генерала к послу.

Капитан долго ожидал возвращения начальника. Но когда тот пришел, то, как показалось трусливому Резуну, шеф быстро завершил беседу, что еще больше насторожило подчиненного. Рабочий день у Владимира не клеился, в голове всё шло кувырком. Холодный пот то и дело выступал на лбу и висках. В голове, как заноза, засела мысль: разговор идет явно о нем. Предположил, что его раскололи «ближние соседи» — сотрудники госбезопасности.

Резун так испугался, что его шатало, подташнивало, а привычную розовость лица сменила бледность, переходящая в мертвенную землистую серость. Он, с трудом дождавшись конца рабочего дня, заспешил домой.

* * *

— Что с тобой, Володя? — вскрикнула Татьяна. — Посмотри в зеркало, на тебе лица нет… на себя не похож. Что случилось, скажи?

— А ну их к черту. Понимаешь, вызвал Александров, зло упрекнул меня за то, что я якобы без дела общаюсь с иностранцами. Обматерил по-мужицки, а потом выгнал из кабинета. Чувствуется, накапали что-то неприятное гэбисты. Кстати, я слышал разговор шефа, наверное, на другом конце провода был офицер безопасности. Говорили о срочной отправке завтра неизвестного сотрудника посольства в Союз. Речь шла, вероятно, обо мне. Я все проанализировал — кандидат на вылет из Женевы только я.

А в Центре разбираться не будут, отправят в Сибирь или на

Дальний Восток — не в штаб, а в линейную часть, в глухой гарнизон.

— Кем? — спросила перепуганная жена.

— Ротным, а может, выгонят совсем.

— Как же так? Сходи к Александрову. Сколько ты помогал его жене. Объясни ему, что это сплетни, что ты любишь свою работу…

— Поздно.

Он кричал, ругался. Потом стал кататься по дивану.

Резун находился в припадке истерии.

Вечером того же дня швейцарский агент английской разведки Шварцбергер вызвал срочно на связь своего хозяина — британца О'Брайна. Встретились в небольшом ресторанчике. Местный контрразведчик поведал негласному шефу, что его техническая служба записала взрывной разговор в семье подконтрольного объекта. Начальники советского дипломата собираются откомандировать его срочно, завтра же в Москву.

— Не может быть! — вырвалось у О'Брайна Тира. Он понимал, что если это случится, то это и конец его карьеры. Было двенадцать часов ночи.

Резидент бросился к машине. Через десять минут влетел в кабинет и вызвал Гордона. Рассказал ему ситуацию.

— Что будем делать?

— Есть сильный вариант — склонить Резуна с женой к невозвращению в Россию и сделать его политическим перебежчиком, — ухмыльнулся Гордон, явно довольный своим экспромтом.

— А если он не захочет?

— Помочь ему.

— Как?

— Состряпаем якобы перехваченную и расшифрованную нами телеграмму советскому послу. Покажем ее «Наполеону» — и весь сказ.

На том и порешили. Ночью они приехали на квартиру к перепуганному и изможденному Резуну и «объяснили» ситуацию. Показали телеграмму, в которой Центр требовал срочно откомандировать Резуна в Москву. Офицер не колеблясь принял план побега. Татьяна заупрямилась и стала возражать. Заплакала. Тогда он ей зачитал текст телеграммы.

— За что? Ты же не виноват… Как такое могло случиться? А может, ты все же что-то натворил?

— Клянусь!

Татьяна разрыдалась. Ей подали содовой воды с растворенной таблеткой неизвестного успокоительного

препарата. Через несколько минут она впала в полусонное состояние и стала совершенно безразлична к происходящему.

— Быстрее, Володя, а то могут с минуты на минуту прийти за тобой, — припугнул россиянина Тир. — Вещей никаких не берите. Скорее в машину.

В полночь два автомобиля отъехали от дома и помчались в неизвестном направлении.

* * *

Следует заметить, Резун был уверен, что англичане его примут — в самом разгаре холодная война, — выдадут вид на жительство. А со временем он и его семья станут подданными Великобритании, обретут новое гражданство.

В квартире остались водительские удостоверения, дипломатические паспорта, одежда и другие предметы, свидетельствующие о торопливых сборах беглецов, а также коллекция обожаемых оловянных солдатиков. Бросил, предал и их.

После исчезновения советского офицера с семьей западная пресса несколько дней молчала. Английские власти тоже не торопились обнародовать этот факт, уже известный им во всех подробностях. Потом спустя месяц появилось сообщение о перебежчике Резуне, попросившем политическое убежище в Великобритании.

И началось.

Сначала его робкие интервью, выступления со статейками в периодике. Потом карманные книжечки с потоками лжи о личном составе ГРУ, спецназа, КГБ, и вот уже всплывает 350-страничная, набранная крупным шрифтом «для солидности» книга «Ледокол», где много такого, с чем можно поспорить, не согласиться, отвергнуть с негодованием из-за явной клеветы.

Именно спецслужбы навязали «круглолицему мальчику», «абсолютному нулю в разведке», «трусоватому по натуре человечишке и сексуальному извращенцу», как писала одна из западных газет, в качестве псевдонима святое для россиян имя — Суворов.

Кстати, Резун ездил к Чертову мосту, который преодолевал настоящий полководец Суворов, а не «закавыченный стратег». Этот визит, по-видимому, тоже повлиял на выбор псевдонима.

Через некоторое время загадочный советский военный разведчик был представлен читателям одной из ведущих английских газет как «крупный знаток войск спецназа и всей

системы ГРУ Генерального штаба ВС СССР». В спецназе он и дня не служил — туда с такими данными не брали.

Постепенно он рос, а вернее, его «росли» — и вот он уже стратег, рассуждающий о тонкостях войны, на которой не был, и задним числом вносит коррективы в приказы полководцев.

«Стратегические исследования» Резуна, — подумал Стороженко, — фактически же не его мысли. Создается такое впечатление, что все уже где-то и когда-то читалось — в книгах и статьях, вышедших на Западе. А книга «Ледокол» была нужна нашим противникам — замаячили горизонты окончания холодной войны из-за активной работы пятой колонны внутри страны.

Специалисты идеологических операций сделали ставку на «труды историка» Виктора Резуна. Обращает на себя внимание тот факт, что почти вся суворовская стряпня писана под диктовку разных авторов. Не надо быть опытным литературоведом, достаточно внимательно прочесть «Аквариум» и «Ледокол», «Тень победы» и «Последнюю республику», «День «М» и другие, чтобы прийти к выводу — по стилю изложения у книг разные авторы. Это они пытаются создать оригинального мыслителя из маленького, случайного человека в разведке».

Как бы его ни превозносили зарубежные «специалисты» по ГРУ — как разведчика чуть ли не от Бога, — но сама объективная оценка самого себя у человека появляется в экстремальной ситуации.

Так давайте поверим в правдивость одной фразы автора «Аквариума» Виктора Резуна:

«Я знаю, что если меня в академию (ГРУ. — *Авт.) примут, то это будет большая ошибка советской разведки».*

* * *

Эмоционально, но точно оценил в стихотворной форме предательство его бывший коллега по Швейцарии. Вот фрагмент этого опуса, ходившего по ГРУ:

Когда «Аквариум» творил
И лгал без совести и чести,
Ты душу ложью отравил
И предал тех, с кем клялся вместе.
А сочиняя «Ледокол»,
Став предан Геббельсу без лести,
В грехах Иуду превзошел —

Живых и павших обесчестил.
Что представляешь ты собой,
Твои поступки показали —
Трус, лжец, разведчик никакой,
Не ты — тебя завербовали…

Хотелось бы еще сказать несколько слов в адрес предательской «правды» Резуна. Вот он как разведывательный гуру поучает:

«Вербовка — сложное дело. Как охота на соболя. В глаз нужно бить, чтобы шкуру не испортить. Но настоящий охотник не считает трудностью попасть в соболиный глаз. Найти соболя в тайге — вот трудность».

Не нашел он «соболя» в Швейцарии, его самого, как зверя, подстрелили английские охотники. А в «Аквариуме» играет мускулами, показывает смелость и мужество в общении с иностранцами. Это почти из серии анекдотов — я участвовал в бою со стороны, я трижды ранен в грудь родного брата…

Послушать этого петушка — прямо-таки перед нами вундеркинд, родившийся для разведки и навербовавший корзину негласных помощников из числа иностранцев — бизнесменов, военных и политиков. А как оказалось, ничего он не сделал как военный разведчик, а как предатель сдал людей, нарушил присягу, продал секреты и собственную совесть. Звучат пронизанные бахвальством слова:

«…откуда Славе знать, что это я ему операцию придумал».

Речь идет о планах вербовки офицера 6-го американского флота. Не бред ли пошел кругами после оперативной фантазии Фурлонга о его «брате-подводнике»?

Или же другой кивок в свою сторону:

«Смотрит на меня шпионская братия, дорогу уступает».

Ах как хочется примазаться к тем, кто действительно своим умом, выстроенной логикой, мужеством и стальным характером мог убедить процветающего американца развернуться в сторону военной разведки нашей страны. И таких, к счастью, в ГРУ было, есть и будет большинство. Этот же бред Резуна — исключение из правил.

Трижды прав бессмертный Сент-Экзюпери, сказавший, что истина — это не то, что можно доказать, это то, чего нельзя избежать. Измены можно было избежать, поэтому в доказываемую Резуном «истину» поверят только люди-легковеры или ненавистники Отчизны.

* * *

В горбачевском Союзе и ельцинской России заказную идеологическую жвачку суворовщины стали активно производить некоторые издания. Критика и газеты того же толка захлебывались от восторга. Они радовались пасквилянту и хотели, чтобы он как-то побольнее лягнул нашу страну.

В трех номерах журнала «Нева» печатался «Аквариум». В № 6 за 1991 год в предисловии к писанине Резуна есть такие слова:

«Книга, которую сегодня предлагает «Нева», написана профессиональным разведчиком. Автор рассказывает о закулисной, черновой и порой весьма жесткой системе подготовки профессионального разведчика. Все это описано с детальным знанием дела…»

Другой специалист по ГРУ, предатель, генерал-майор КГБ О. Калугин тоже решил осчастливить автора книги своей оценкой. Он говорит, что перед нами *«добротная, написанная не без искры божьей книга, читаемая с интересом и сочувствием. Она раскрывает еще одну малоизвестную сторону нашей жизни, долгие годы скрытую завесой секретности, мифической героикой и просто обманом».*

А вот отзыв о «Ледоколе» германской газеты «Ди Вельт» от 23 марта 1989 года:

«Эта книга написана профессиональным разведчиком, а не историком, и это резко повышает ее ценность. Советские товарищи и их западные друзья будут в дикой ярости… Не слушайте их, читайте «Ледокол». Это честная книга».

Прочтя эти книги и отзывы на них, Стороженко вспомнил о словах Джона Кеннеди, сказанных им в запальчивости на одной из пресс-конференций:

«Русских войной нельзя взять. Их надо разлагать изнутри и для этого надо использовать три фактора: водку, табак, разврат».

Забыл американский президент сказать о четвертом факторе — предательстве. Его, к сожалению, у нас было много на протяжении многовековой истории, а не только советского периода.

Почти двадцатилетний стаж работы в ГРУ по линии военной контрразведки позволил Стороженко не только глубоко знать структуру, методы и особенности работы военной разведки, но и принимать непосредственное участие в разыскных мероприятиях по «писателю — профессиональному разведчику», изменившему Родине во время очередного приступа волнения души из страха быть разоблаченным.

«Ложь на каждом шагу. Сплошные попытки играть роль великого стратега в разведке при серой посредственности путем одурачивания простаков-читателей», — размышлял Стороженко, закрывая последний номер журнала «Нева».

Не один год Николай общался с личным составом войск спецназа ГРУ, к которым «великий их знаток» не был допущен даже на пушечный выстрел, но он пишет о них очередную глупость:

«Кукла — это преступник, приговоренный к смерти. Тех, кто стар, болен, слаб, кто знает очень много, уничтожают сразу после вынесения приговора. Приговоренных к смерти более продуктивно используют. Один из видов такого использования — сделать его куклой в спецназе. И нам хорошо, и ему. Мы можем отрабатывать приемы борьбы, не боясь покалечить противника, а у него отсрочка от смерти получается».

Зайдя как-то на участок к офицерам этого управления, Стороженко показал данную выписку. Реакция у всех была однозначной:

— Шизофрения, чушь, наивность, злонамеренность! Расчет на простаков! Да и сам Николай как чекист с высшим юридическим образованием знал, что это элементарный блеф.

* * *

Врал Резун и по поводу инструктажа в военном отделе ЦК КПСС. Стороженко часто приходилось по роду службы общаться с начальником управления кадров ГРУ вицеадмиралом К. Лемзенко. Он назван «писателем» в книге «генерал-полковником». В описанное «сочинителем» время он еще работал на Старой

площади и действительно инструктировал капитана — горе-разведчика перед поездкой за рубеж. Тот инструктаж, какой описан Резуном, Лемзенко не подтвердил, а только заулыбался, заметив при этом: «Что может сказать профан и лгун в разведке?»

А вот как передает Резун слова, якобы сказанные Лемзенко:

«Сегодня 23 августа. Эту дату, капитан, запомните на всю жизнь. С этого дня вы входите в номенклатуру, мы поднимаем вас на очень высокий этаж — в номенклатуру ЦК.

Помимо прочих исключительных привилегий, вам предоставлена еще одна — с этого дня вы не под контролем КГБ. С этого дня КГБ не имеет права задавать вам вопросы, предпринимать какие-либо акции против вас. Гордитесь доверием. Каждый, самый незначительный офицер ГРУ — сверхчеловек по отношению ко всем остальным. Пока вы в нашей системе, вы обладаете колоссальными привилегиями. Когда имеешь молодость, здоровье, власть, привилегии — об этом забываешь. Но вспомнишь об этом, когда ничего уже нельзя вернуть. Некоторые из них бегут на Запад в надежде иметь великолепную машину, особняк с бассейном, деньги. И Запад им действительно много платит. Но, получив «Мерседес» и собственный бассейн, предатель вдруг замечает, что все вокруг него имеют прекрасные машины и бассейны. Он вдруг ощущает себя муравьем в толпе столь же богатых муравьев. Он вдруг теряет чувство превосходства над окружающими. Он становится обычным, таким, как все. Даже если вражеская разведка возьмет этого предателя на службу, все равно он не находит утраченного чувства превосходства над окружающими, ибо на Западе служить в разведке не считается высшей честью и почетом…»

Да простит меня читатель за длинную цитату Резуна. Все в ней поставлено с ног на голову, поэтому без комментариев.

Приехав как-то в ГРУ, Стороженко зашел к одному из начальников управления стратегической разведки, участнику минувшей войны, хорошо знавшему Резуна, и попросил поделиться впечатлениями.

— Не скрою, ножницами он работать умел. Ты послушай, сколько в этом пигмее злости на свою профессию, которая не пошла у него, и на тех далеких разведчиков, пострадавших в годы сталинских репрессий. Он пишет: «…кровавая чистка советской военной разведки не ослабила ее мощь. Наоборот, на смену одному поколению приходило новое, более агрессивное. Смена поколений вроде как смена зубов у акулы. Чем больше становится мерзкая тварь, тем больше зубов в ее отвратительной пасти».

А сколько претензий на роль арбитра высочайшего ранга! Например, о книге маршала Жукова он говорит, что она написана для умственно неполноценных людей. А дальше поучения, издевательства, бестактность по отношению к тем людям, которые не могут возразить желторотому мерзавцу.

По существу его книги разные по стилю, т. е. явно писаны не только спецслужбами. Они набиты сталинскими изречениями и авторскими восклицаниями.

И еще Стороженко интересовало мнение о «трудах» Резуна одного из умнейших людей в ГРУ, опытнейшего аналитика, человека с широчайшим кругозором, доктора военных наук контр-адмирала А. Римского. Встретились в его кабинете, тепло обнялись, выпили по чашечке кофе, закурили. Николай достал диктофон и начал записывать рассказ:

«…Нету у меня веры ему, потому что книги писаны разными авторами. Автор «Аквариума» дошел в армии до командира взвода. Это очень низкий порог, чтобы рассуждать стратегически. Даже наша академия тех знаний не дает, какие он выплеснул на страницы своих книг. Я прослужил более двадцати лет в центральном аппарате военной разведки и не знаю досконально всей структуры ГРУ и отдельных его подразделений. В разведке существует непреложное правило: знай только то, что тебе положено и что от тебя требуют руководители, и не лезь в те вопросы, которые тебя не касаются.

Поэтому в книгах Резуна сборище всевозможных инсинуаций и спекуляций о ГРУ, имеющих широкое хождение на Западе не одно десятилетие. Так что ничего нового для меня он не сказал. Книга «Аквариум» изобилует импортными данными «с бородой».

Даже учитывая определенное количество подонков, предавших свою службу, можно с уверенностью констатировать, что, во-первых, они многого не знали; во-вторых, то, что от них получает противник, не афишируется в целях сокрытия степени осведомленности о советской военной разведке. А вот то, что в их бульварных листках публикуется, как раз и составляет основу его книги «Аквариум».

Что же касается книги «Ледокол», то он ее якобы задумал в 1968 году. А сбежал на Запад, дескать, только потому, что хотел в спокойной обстановке поработать над книгой… В отличие от первой книги, в «Ледоколе» затрагиваются серьезные военно-стратегические вопросы, о которых говорили еще во времена Черчилля.

Подобных публикаций на Западе полно, поэтому идеи, скажу

сразу, не Резуна. О них мне еще в первой командировке рассказывали западные немцы — историки, лояльно настроенные к нам и не верившие желтой прессе. На эту тему за рубежом написаны сотни книг, где СССР выставлен монстром, жупелом, агрессором. Другое дело, мы их не знали, их не печатали у нас.

Такой же «исторический» подход, как у Резуна, не выдерживает никакой критики.

Во-первых, Сталин после договора, подписанного Молотовым и Риббентропом, вообще уверовал в отсутствие угрозы со стороны Германии. Во-вторых, он ждал нападения Японии. А в-третьих, Гитлер создал группировку своих сил на востоке в течение каких-то месяцев, и план «Барбаросса» претерпел несколько модификаций, но идея его осталась неизменной — в ходе блицкрига разбить СССР.

Могу четко сказать, что «Аквариум» — это плод труда сотрудников английской разведки, а вот «Ледокол» готовили специалисты центров и институтов стратегических исследований. А сам Резун говорит, что у него «пустая душа» — с этим я согласен, а вот с тем, что у него «мозг переполнен номерами дивизий», не согласен, просто блефует.

Есть, конечно, и личный вклад Резуна в книги: вставные междометия, пустые восклицания, ядовитые вопросики… Они — как дежурные улыбки. Я повторяю, его источники не выдерживают критики: то он ссылается на письма читателей, которые не идентифицируются, то идут ссылки на отца типа «мой папа в кругу своих рассказывал», то использует мемуары участников войны, выворачивая фактуру наизнанку. Ярким примером может служить фальшивая трактовка воспоминаний Константина Симонова.

Часто автор ссылается на работу в архиве ГРУ во время учебы в Военно-дипломатической академии. Архивы разведки — это святая святых любой спецслужбы. Они молчат десятилетиями, а то и столетиями. Так вот, ни в одном учетном журнале фамилии Резуна за время учебы обнаружено не было. Кто-кто, а архивисты военной разведки знают толк в допуске к своим материалам. Даже такой известный человек, гордость советского спорта, как Юрий Власов, прежде чем поработать с документами своего отца — военного разведчика, прошел через десятки чиновничье-номенкла-турных и режимно-правовых фильтров при прямой санкции министра обороны и председателя КГБ. И это при явной заинтересованности политического руководства страны иметь такую книгу, как «Особый район Китая».

А тут никому не известный младший офицер легко и просто преодолевает режимные препоны и работает с секретными

архивами ГРУ стратегической разведки. Не нонсенс ли? А чего стоят письма некого Кадыгрова (других данных нет. — *Авт.)* из Аргентины, служившего накануне войны «старшим лейтенантом на призывном пункте в Минске»! Именно он якобы и «поведал» автору о сенсационных пакетах: «Вскрыть в день «М». Пойди его найди…

Каждый военный знает, что конверты с мобдокументами являются совершенно секретными особой важности. Но ведь речь в них должна идти о более ранней дате, чем 22 июня 1941 года. Но где они, эти документы? Хотя бы один? С учетом наших неудач и повального отступления в начале войны, а иногда и прямого предательства штабных офицеров не могло же так случиться, чтобы такой компромат о наших агрессивных планах «броска на Запад» не попал бы к немцам. И мог ли он остаться до сих пор невостребованным ни западными журналистами, ни отечественными историками — исследователями войны? Конечно — нет! Значит, таких документов не было в природе…

О вброшенной Резуном в СМИ фальшивке о том, что у советского руководства был чуть ли не план нападения на Германию, подписанный Сталиным, можно сказать одно: предатель слышал звон, да не знал, где он.

По свидетельству военного историка В.А. Анфилова, который в 1965 году встречался с ГК. Жуковым, вопрос о нападении СССР на Германию никогда в прямой постановке не стоял. Вот как пояснил это «открытие» Резуна маршал Победы:

«Идея предупредить нападение Германии появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом.

Это выступление в обстановке, когда враг сосредотачивал силы у наших границ, убедило нас в необходимости разработать директиву, предусматривавшую предупредительный удар. Конкретная задача была поставлена А.М. Василевскому.

15 мая он доложил проект директивы наркому и мне. Однако мы этот документ не подписали, решили предварительно доложить о нем Сталину. Но он прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам.

«Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?» — раздраженно бросил Сталин.

Мы сослались на складывающуюся у границ СССР обстановку, на идеи, содержавшиеся в его выступлении 5 мая…

«Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем

трубят газеты всего мира», — прорычал Сталин.

Так была похоронена наша идея о предупредительном ударе…»

Стыдно «военному стратегу, профессионалу-разведчику и маститому писателю», по Буковскому, с погонами старшего лейтенанта не знать этой давно уже обнародованной истины. А тот материал, что ему всучили англичане, дурно пахнет.

А утверждение Резуна, что плакат И. Табидзе «Родина-мать зовет!», песня А. Александрова «Священная война» были созданы задолго до начала войны…

А разве не плод досужих домыслов его утверждение, что писатели были призваны в армию заранее, опять же до войны. Документы того периода опровергают грязную стряпню предателя…»

* * *

Многие, с кем общался Стороженко в ГРУ, рассуждали примерно так: при его-то результатах в «разведывательной работе» надо годы отмываться, а может, и всю жизнь и стыдливо хранить гробовое молчание. Так нет, полез в стратеги военной разведки, поднатужился в своем укрытии и решил провести ревизию Великой Отечественной войны. Советский солдат поставил точку в этой тяжелой войне своей Победой. И этим гордиться надо, а не принижать ее ради сомнительной славы ниспровергателя истории.

Поэтому Николай считал, что вся писанина Резуна заправлена ложью с добавками невежества и безграмотности в военном деле, в котором действительно он был профаном. Подучить его могли только в Англии педагоги из тамошней разведки, если не считать полученных знаний от коллекционирования великовозрастным игруном оловянных солдатиков, которых тоже предал, оставив коробку с ними на квартире после поспешного бегства.

Сам Стороженко решил, что если он когда-либо будет писать книгу о своей службе, то обязательно выскажется и о Резуне для тех читателей в России, которые приняли на веру варево подонка, от которого отказался даже отец.

«Мой отец, — напишет Резун, — был моей первой жертвой. Я у него просил прощения. Он меня не простил. И я снова прошу прощения у своего отца. Перед всей Россией. На коленях…»

Отец не простил до самой кончины. Россия, которую он предал, тоже не сможет это сделать, ибо нет прощения

изменнику, тем более военному в ипостаси офицера-разведчика.

Узнав о побеге за границу любимого внука, совестливый дед Резуна Василий не смог выдержать позора, выпавшего на его честную семью. Затосковал, стал больше молчать, с соседями перестал общаться. А потом закончил земную жизнь грехом христианским. Он неожиданно для родственников повесился, хотя все время до этого был жизнелюбом.

Отец Резуна, зная не понаслышке, что такое армейская служба, никак не мог согласиться с известием, что его сын предатель, что сбежал к противнику во время боевой работы (для разведчика она таковая всегда), что не пожелал сын встретиться с отцом в Лондоне, куда выезжал родитель. Он считал, что его выкрали, а потом чем-то опоили.

После этого он стал чаще хворать, сделался ипохондриком — тяжелые мысли в депрессиях грызли совесть. На первые книжки сына реагировал болезненно, потому что знал войну лучше его. По поводу просьбы Владимира простить его ответил коротко и резко: «Не могу!» А уже перед самой кончиной искренне заявил: «Сын принес семье больше горя, чем Гитлер».

* * *

Дочь Резуна Оксана, по данным английских журналистов, стала в семье неуправляемой. Несколько раз ее задерживала полиция за хулиганство. Последний раз была поймана охраной супермаркета за воровство товара.

Жена Татьяна, хлебнув по полной позора и тяжело пережив «добровольный плен», несколько раз психологически срывалась. Она стала частой гостьей психбольницы. Сам же «известный разведчик — писатель и знаток ГРУ» сейчас много пьет, считая, что жизнь — это такая штука, из которой живым не выбраться.

Вот так, видно, Бог наказывает иудино племя!

Бывший диссидент Буковский, пытаясь показать сложность условий, в которых работает Резун в Англии, говорит, что *«приговоренный заочно к смертной казни, он был вынужден находиться под постоянной охраной, считаться с требованиями своих ангелов-хранителей…»*

И тут ложь. Суд и только суд определяет меру ответственности и выносит вердикт. Никакого суда не было, значит, и о приговоре не может быть и речи! Его пока осудили коллеги, отец и порядочные люди.

А охрану он заслужил. В передаче Би-би-си под названием «Шпионская война» швейцарский специалист по разведке Карл

Луонд в 1979 году так прокомментировал уход Резуна:

«Говорят, что Резун перебежал с помощью своих британских друзей из МИ-6. Возможно… он знает имена… офицеров КГБ в Женеве. Одним из интересных фактов является то, что сейчас, спустя более года после его побега, англичане продолжают получать от него ценнейшую информацию».

Вот откуда деньги на охрану!

«Разведка — самая неблагодарная в мире работа, — пишет «знаток» разведки. — Тот, кто ошибался, кто проваливался, кого повесили — тот знаменит». Но сюда можно добавить еще одну категорию «героев»: тот, кто предал альма-матер — разведку, оказывается, тоже попадает в «знаменитости». Только вот вопрос: с каким ярлыком или знаком?

В «Аквариуме» есть примечательные для создавшейся ситуации слова, сказанные то ли самим Резуном, то ли кем-то другим и только озвученные им, неважно:

«У каждого человека в голове есть блестящие идеи, и каждый человек страдает в жизни больше всего от того, что его никто не слушает. Самая большая проблема в жизни для каждого человека — найти себе слушателя. Но это невозможно сделать, так как все остальные люди заняты тем же самым — поиском слушателя для себя. Главное в искусстве вербовать — умение внимательно слушать собеседника, слушать…»

Для того чтобы абсурдная идея стала правдоподобной, надо ее подать. Кроме всего прочего, в красивой и невероятной упаковке, называемой кратким, но емким словом — ложь. Людям надоедает одна и та же пища, а поэтому хочется перемен. Именно на это рассчитаны «откровения» Резуна.

«Дурак льстит самому себе, умный льстит дураку», — гласит народная мудрость. Глядя на ажиотаж вокруг книг предателей Родины — Гордиевского, Резуна, Калугина и других иуд, — становится понятным, почему они избрали ложь в качестве своих аргументов.

«Лгать самому себе для своей выгоды — подделка, лгать для выгоды другого — подлог, лгать для того, чтобы навредить, — клевета, это худший вред лжи», — писал когда-то Жан Жак Руссо.

Недавно Стороженко зашел в свой любимый магазин «Библио-Глобус», что на Мясницкой. Еще несколько месяцев назад в историческом отделе суворовское творчество лежало на верхних полках, прямо на виду — на уровне глаз. На этот раз

книг Резуна на старом месте он не нашел.

Поинтересовался у продавщицы. Миловидная девушка, как бы извиняясь, заметила:

— Поищите там. Мы их отправили на нижнюю полку. В последнее время нет никакой реализации суворовской науки предавать!

Ее ответ поразил Стороженко.

После этих слов Николай взглянул под ноги и почти на полу увидел то, что претендовало на поиск «исторической истины», а обернулось желчным пасквилем в отношении многострадальной Отчизны.

«Пройдет еще немного времени, — подумал ветеран, — и все встанет на свои места. Многочисленные опусы Резуна превратятся в макулатуру, а Суворов для россиян будет только один — Александр Васильевич, с его одной, но бессмертной книгой — «Наука побеждать»!

Глава десятая
Неразоблаченный оборотень

Сравнить предателя не с кем и не с чем. Я думаю, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы.

М. Горький

Мерно постукивает красная секундная стрелка старых электрических часов на стене кабинета. Стороженко сидел за стопкой очередной оперативной почты. Много было шифротелеграмм по обстановке в зарубежных аппаратах ГРУ, ответов на запросы, агентурных сообщений и прочих материалов, которые надо было рассмотреть, а некоторые доложить вышестоящему руководству.

Тишину творческого процесса неожиданно разорвал звонкий голос аппарата ОС. Звонил с объекта ГРУ старший оперуполномоченный майор Пашкин. Он ошарашил начальника отделения «чэпэшной» вестью — в посольстве СССР в Афинах исчез сотрудник военной разведки полковник Сергей Бохан.

Поиски офицера в течение суток не дали никаких результатов. Местная полиция тоже была в неведении, хотя сразу же подключилась к розыску. Иностранные посольства, в том числе американское, в категоричной форме отрицали факт обращения к ним советского дипломата.

— Михаил Иванович, — спокойно сказал Стороженко оперативнику, — по приезде в отдел доложите все материалы по беглецу. Мне кажется, он уже где-то попадал в наше поле зрения, не вспомните?

— Да, проходил по первой командировке, но подробности я вам доложить сейчас не смогу.

— Свяжитесь с руководством, ознакомьтесь с результатами предварительного разбирательства в ГРУ, установите служебные и бытовые связи беглеца. Позвоните куратору этой резидентуры по линии внешней контрразведки. Меня больше интересует один вопрос: с какими документами, особенно по людям — надеюсь, понимаете, о чем речь идет, — Бохан соприкасался, где эти помощники? Их судьбы…

Он долго перечислял ему необходимые дополнительные меры для проведения качественного анализа и выдвижения

вероятных оперативных версий.

* * *

Полковник Бохан в Греции был второй раз. Обстановку в стране пребывания знал прекрасно. Завел широкие связи среди бизнесменов, журналистов, политологов, что ему было необходимо по «крышевой» должности, первого секретаря посольства.

В Центр он посылал материалы, которые по-разному оценивались, чаще всего невысоко, однако нахождение в командировке он умело прикрывал видимостью постоянной черновой работы с якобы перспективами приобретения новых глубоких источников информации.

Ему верили и надеялись на отдачу — скорый результат. По наблюдениям сослуживцев, у него водились большие деньги. Семья жила не по средствам — это замечали многие. Одни считали, что он ворует из сумм, предназначенных для оплаты агентуры, — недодает помощникам. Другие подозревали его и жену в крупных спекулятивных сделках, в том числе и в операциях на ниве нумизматики, которой он увлекался уже не один год. Третьи — их было мало — считали, что он прирабатывает где-то на стороне, причем грязным путем, вплоть до предательства.

Были у него и какие-то личные связи среди спекулянтов-дельцов. Общался с богатыми нумизматами Афин. За первый год второй командировки приобрел несколько комплектов дорогой видеоаппаратуры, мебели, автомашину «Волга» с дизельным двигателем, что было в то время вершиной мечтаний любого советского обывателя, и много «шмоток», как любил выражаться сам исчезнувший.

Вещизм, страсть к накопительству поглощали все остальное. Мысли выстраивались в одном направлении: жить лучше других любыми путями. Эти пути, естественно, творил супруг, державший жену практически в роли служанки. Он был по масштабу личности для жены лидером в семье, а потому она и дети шли за ним и безропотно повиновались мужу и отцу.

* * *

Ярким майским утром, захватив жену, Бохан отправился на машине прогуляться по окрестностям древнего города. До

Эгейского моря было рукой подать. Он двинулся по этому маршруту, согласовав его с местными властями и своим начальством.

Греция нравилась ему климатом и историей. Он с интересом рассказывал жене и детям о далеком былом этого живописного края. Еще в первой командировке он показывал семейству древние стены беломраморного Акрополя, легендарную гору Олимп. Ездил по стране много и часто. Вот и сейчас из окон машины они любовались крутыми склонами невысоких гор из сланца и гранита. Межгорные котлованы утопали в зелени садов и оливковых рощ. Реки, коротенькие, с быстрым течением, напоминали Кавказ. Проплывала сказочная растительность: мирт, древесный вереск, земляничные деревья и прочее.

Сколько бы они ни колесили по стране, жена всегда с наслаждением любовалась прелестями окружающего. Она умела искренне удивляться, заражая этим других членов семейства.

— Сережа, ты чего такой кислый? — защебетала жена, обращаясь к молчащему супругу. — Со мной не хочешь общаться? Вещь в себе — и только! Обиделся или нет настроения?

— Нет, жизнь не по той колее идет. С начальством никак не могу установить рабочего контакта. Работа валится из рук.

— Сейчас ты мне скажешь, что видишь дальше и глубже, чем твои начальники. А ты приземлись, живи проще, по принципу: день пережит и слава Богу! Они не стоят твоих подметок. Чего переживать? Квартиру новую получили, машина есть, купим дачу и заживем как следует. Не понравится — уйдешь на пенсию. Осталось немного.

— Нет, надо выбрать тут всю валюту. Доскрести до донышка. Домой успеем, он всегда нас ждет, — ответил муж.

Внезапно он нажал на тормоз, отчего жена от неожиданности по инерции подалась вперед, чуть ли не разбив головой лобовое стекло.

— Вот сволочь, подрезал. Чуть было не задел лихача. Слава Богу, тормоза не подвели, а то попал бы в аварию.

Вскоре чета Бохан уже подъезжала к большой воде. С близкого расстояния море казалось пятнистым: голубое, синее, желтое, даже с красноватым оттенком в некоторых местах. Вода была вся в пятнах разноцветных бликов огромных размеров. Особенно жене понравились те части поверхности моря, которые имели фиолетовый цвет. Они напоминали раскраску фиалок в бабушкином саду мужа на Украине.

У берега города Пирея стояли яхты разных типов, размеров и окрасок, покачиваясь с борта на борт, когда мимо них стремительно проносились быстроходные катера береговой

охраны.

Супруги погуляли пешком по городу-порту.

— Кстати, это третий по величине город Греции после Афин и Салоник, — пояснял внешне с безразличным видом Сергей. — Первоначально здесь было небольшое поселение, а уже в пятом веке до нашей эры аборигены заложили военную гавань, превратившуюся вскоре в мощную морскую крепость, обнесенную стенами. Эта линия укреплений соединялась с зоной обороны Афин так называемыми длинными стенами. Укрепления города были разрушены Суллой в 86 году до нашей эры. После изгнания турок в девятнадцатом столетии и распада Османской империи после Первой мировой войны начался расцвет Пирея.

Во время минувшей войны многие портовые сооружения немцы уничтожили. Сейчас это крупный промышленный и политический центр Греции.

— Мне показалось, что из Афин в Пирей мы ехали, как по греческой столице. Прошлая мимолетная поездка у меня такого впечатления не создала, — поделилась супруга.

— Дело в том, что расстояние между Пиреем и Афинами всего лишь восемь километров и оба города сегодня практически соединились. Застраивается Греция быстро. Ты же сама говоришь — райский уголок, а кто от рая откажется?

Жена внимательно слушала монолог мужа.

— Наслаждайся. Может, уже никогда не придется созерцать этих красот, — буркнул Бохан не то по инерции своих мыслей, не то просто так, из-за бахвальства сотворенным им для супруги путешествием…

* * *

Приехали домой вечером. Они разгрузили машину и вошли в дом. К ночи, когда супруги улеглись спать, Сергей долго ворочался, вздыхал и был неестественно напряжен.

— Что с тобой, Сережа? Влюбился, что ли?

— Просто нет настроения.

— Выпей снотворное. Лекарство в холодильнике на дверной полке.

— Если не смогу уснуть еще полчаса, обязательно приму.

А через час он встал с кровати и прошел на кухню. Жена,

встревоженная бессонницей супруга, машинально взглянула на индикатор электронных часов. На овальном небольшом экране ярко-зеленым цветом высвечивались цифры 02.00.

Бохан же в это время включил приемник и стал внимательно

слушать какую-то радиопередачу. Супруга не вытерпела одиночества и решила все же загнать в постель непослушного мужа. Она решительно встала и мягкой кошачьей походкой подошла к кухонной двери. Ее взору предстала картина: Сергей, сидя за столом спиной к ней в наушниках, слушал, по всей видимости, какую-то важную передачу. Он вначале не заметил посторонних глаз. Но когда супруга тронула его за плечо, испуганно вскочил и обернулся — на нем не было лица. Тут же выдернул штекер из гнезда в приемнике и стал сбивчиво объяснять:

— Мне это надо… крайне надо по службе. Я не получил всего объема информации. Не мешай, прошу тебя, дай мне сосредоточиться. У меня большой объем работы завтра. надо докладывать руководству. Иди, иди, пожалуйста, отдыхать.

— Так бы и сказал, а то чего-то темнишь. — Она увидела, как он побагровел, как заходили желваки за пухлыми щеками, однако продолжила: — Такой нагрузки у тебя раньше не было. Получается, ты один отдуваешься за всех. Что они, твои подчиненные, все бездельники?

— Всё ты знаешь. такая напряженка была всегда. — Сергей стал по-мальчишески запальчиво втолковывать ей то, что жене военного разведчика за рубежом должно быть понятным. — Просто ты не видела всей изнанки нашей службы.

Супруга повела плечами и направилась в спальню с мыслями: «Нет, тут что-то не то. Такой депрессии у него никогда не было».

На службу полковник ушел рано. Покидал квартиру каким-то взъерошенным, объясняя усталость бессонницей и постоянными думами о службе, которая делается для него с каждым днем все тягостнее и изнурительнее. Супруга не на шутку встревожилась: он всегда был сдержанным, а в последнее время стал срываться, хотя и пытался подавлять в себе эмоциональные выбросы. Как она считала, его поступки — это результат необъяснимой депрессии.

Не надо забывать: Бохан был опытным и зрелым военным разведчиком, поэтому, как мог, сдерживал себя в коллективе. Расслаблялся только дома, в семье, перед женой — умной, домовитой и наблюдательной, которой удавалось улавливать то, что пряталось им от сослуживцев. Настороженность он мастерски маскировал, продолжая представляться работягой на службе и дома.

С женой он всегда был ровен и люб, однако на похвалы скупился, считая, что они, подобно золоту и алмазам, имеют цену только из-за их редкости. Женщины другого мнения по этому поводу. Они воспринимают уважение и любовь к себе не столько сердцем, сколько ушами. А вот в правдоподобность этого

психологического постулата он не верил.

Заблуждался и в другом, пытаясь провести женскую наблюдательность, забывая, что часто женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность.

* * *

В дом тащил все, как хомяк за щекой в норку: покупал, доставал, выменивал… все про запас, на черный день, на завтра. Квартира постепенно превращалась в склад — коробки с запчастями для машины, радиотовары, обувь, одежда, безделушки. Часто вещи и предметы приобретал без советов с женой, по принципу: понравилось — взял!

Однажды он приволок видеосистему, хотя одна уже стояла в комнате, а две находились в московской квартире. Стоила она в Греции по тем временам немалые деньги. Супруга возмутилась.

— Дурочка, я получил ее почти даром. Взял для продажи. Деньги вернутся с наваром, — резко оборвал он жену.

Женщина косвенно стала догадываться о существовании у супруга дополнительного финансового источника, хотя он и пытался безуспешно навязывать ей мысль о прибыльных операциях с нумизматикой. Но она почему-то не верила этому объяснению.

Спустя месяц упали в цене некоторые вещи, приобретенные Сергеем для перепродажи. Другие из-за дороговизны в Союзе никто не брал — отсутствовал спрос. И вот тут-то супруга дала волю издевке:

— Коммерсант нашелся. самоучку видно сразу. Понимаешь, Сережа, у тебя для бизнеса нет навыков — ты не предприниматель.

— Замолчи, мне и так тошно, — гаркнул супруг. Для дальнейшего обострения семейной перепалки у него не хватило сил.

Он любил роскошь квартиры, кабинета, гардероба. В этом христианском грехе он находил удовольствие, созерцая себя как бы со стороны. Счастье — как здоровье: когда его не замечаешь, значит, оно существует. Он же упивался радостью жизни за границей, особенно не обремененной тяжестью в добывании куска хлеба, как это часто видел среди земляков — селян на Украине. Они, эти рабы двора и огорода, колхозного поля и трактора, за более тощий кусок хлеба, чем греческий, трудились от зари до зари, набивая мозоли, приобретая болячки и постепенно спиваясь.

Ему же на службе везло. Там, где многие перенапрягались, ему удавалось проскочить легко: то господин случай поможет, то пронырливость подсобит, то заискивание сломает преграду. Поэтому у него не было оснований жаловаться на жизнь. Миловидной женой, с которой приятно было появляться в обществе, он открыто восхищался на людях, хотя дома ей никаких комплиментов не дарил. На представительских мероприятиях жена была в центре внимания дипломатических пар. Женщины ей завидовали, мужчины — восхищались. Все шло размеренно и комфортно.

И все же для жены не остался незамеченным процесс какого-то перерождения души супруга. Вторая командировка проходила у него более напряженно, чем та — первая, будившая приятные воспоминания.

Вот и сейчас Сергей ушел, а она стала у окна наедине с тревожными раздумьями: «Что его так угнетает? Мне кажется, начальство его ценит. Отчего же у него такая бессонница? Участились неожиданные отлучки в вечернее время, после которых он возвращается с плохим настроением. Постоянно объясняет раздражительность дома усталостью… Но меня не проведешь, я чувствую в его ответах фальшь. Почему он молчит, если есть необходимость выговориться? Раньше такого никогда не было. Приходит со службы как выжатый лимон. Чего-то остерегается, а чего — не пойму никак.»

* * *

Оперативник докладывал Стороженко материалы на Бохана. По первой командировке в Греции на исчезнувшего офицера были сведения о его каких-то сомнительных, до конца не выясненных контактах с американским бизнесменом. Эта связь объяснялась служебной необходимостью, но только частично. По заявлению сослуживцев, Бохан излишне нервничал, организуя встречи с этим респектабельным американцем, с которым установил доверительные отношения. Руководство резидентуры вскоре потеряло американца из вида.

Следует заметить, что Бохана однажды видели выходящим из гостиницы в центре Афин. Тогда не придали значения, да и командование взяло под защиту тот визит военного разведчика в отель, объяснив оперативной необходимостью. Теперь нельзя исключать, что подобные визиты он делал не раз.

— Это уже интересно. А почему такие материалы лежали без выяснения истины столько времени? Вы запрашивали

дополнительно офицера внешней контрразведки по Греции? — спросил Стороженко.

— Нет. Тогда не успел. Накатился ком других, более интересных материалов, отодвинувших бохановские на второй план.

— На второй план, на второй план… Поймите, я не хочу ставить всякое лыко в строку — вменять в вину вам каждую ошибку в этом ЧП. Согласитесь, что-то мы с вами обленились донельзя. Прекратили думать и анализировать. Такие факты — не мелочи. Это ведь очень интересный субъект уже в то время был. Им тогда следовало бы заняться всерьез. Дай такие материалы на периферию, они бы были «обсосаны» до косточек, а мы с вами, получается, слишком богаты, поэтому бросаем их легко и просто. А задумывались ли вы о возможных тяжелейших последствиях для военной разведки? — спрашивал подчиненного Николай. — Нет, не задумывались! А должны были.

— Николай Семенович, кто-кто, а вы должны понять и понимаете, что сил у нас нет тащить полную арбу таких сигналов. Сами знаете, что в последние годы мы задыхаемся от наплыва подобных материалов. Сегодня атака на военных разведчиков идет и слева, и справа — идет настоящий прессинг. Их бьют кому не лень — и наши безголовые руководители, и головастый противник в ходе заключительных залпов холодной войны, — пытался оправдаться подчиненный.

— А ну, а ну, что это за «заключительные залпы»? — поинтересовался Николай, хотя и сам понимал, что ответит старший оперуполномоченный.

— Добивают страну нехристи… Тяжело сейчас Родине…

— Да. прости за кнут, не всегда же пряником кормить. Мы оба виноваты с тобой, особенно я, — подытожил Стороженко. Он никогда не позволял себе повышать тон на подчиненных и привык ответственность брать на свои плечи. Михаила он давно знал как предельно честного человека, исполнительного оперативника, вместе с которым еще работали по изобличению такого «крота», как Филатов.

Он был волом, тащившим одно из важнейших подразделений ГРУ. Правда, ему время от времени требовалось давать подробные инструктажи. А иногда и подстегивать в срочных делах.

— Согласись, хоть и говорю в сослагательном наклонении, Боханом надо было плотно заниматься сразу же по возвращении из первой командировки.

— Принимаю критику. виноват…

— Ну, если принимаешь, тогда слушай: рабочий день начинай с доклада о ходе разыскных мероприятий. Прошу

подготовить обобщенную справку на Бохана по всем имеющимся материалам. Кстати, кто вылетает руководителем комиссии от ГРУ в Афины?

— Полковник Новиков.

— Вот и прекрасно. Ты его хорошо знаешь, поэтому попроси в ходе работы на месте обратить внимание на такие моменты.

Он стал перечислять их.

* * *

Через несколько дней ведущие информационные агентства мира — «Рейтер», «Ассошиэйтед Пресс» и другие — передали сообщение, что советский военный разведчик полковник Бохан попросил политическое убежище в США. Американские власти положительно отреагировали на просьбу офицера ГРУ. Через сутки после обращения Бохана в американское посольство в Афинах его срочно вывезли на военно-транспортном самолете из Греции на одну из военных баз в Западной Германии. А затем предателя спешно доставили в Штаты.

В Афины из Москвы вылетела комиссия ГРУ, которой удалось пролить свет на факт исчезновения полковника-дипломата. Правда, эту информацию надо было еще тщательно просеять оперативникам военной контрразведки, отделив зерна от плевел — истину от лжи.

Начальник одного из управлений стратегической разведки ГРУ ознакомил оперативников со справкой, подготовленной вернувшейся из греческой столицы комиссией. В секретной тетради Стороженко появилась выписка из справки:

«…Бохан за период командировки с 1983 по 1985 год жил явно не по средствам… Перечень его связей и их характер позволяют сделать однозначный вывод, что он мог попасть в поле зрения спецслужб противника… В его поведении в последние месяцы явно просматривались такие качества, как раздражительность, несобранность, безразличие к службе и нежелание выезжать в краткосрочные командировки в СССР.»

Далее шло перечисление признаков, под которые попадал беглец как вероятный агент ЦРУ, подозревавший, что находится под колпаком госбезопасности и испугавшийся разоблачения. Дополнительная проработка материалов показала, что страсть к нумизматике уже не ограничивалась желанием иметь приличную коллекцию, а втянула его в крутой бизнес вовсе не звоном разных

монет, а шелестом «зеленой» валюты. Свершилось перерождение офицера в дельца. По характеру Бохан был трусоват, хотя перед женой стремился демонстрировать сталь в голосе, а перед сослуживцами — натуру трудоголика.

Накопительство, скопидомство, стремление больше взять, чем кому-то отдать, постепенно сформировали в нем эгоиста, давно не считавшегося с чужим мнением, даже если оно претендовало на истину. В армейском единоначалии виделось ему посягательство на личность — и это у офицера, добравшегося до полковничьих погон.

Увлекшись бытоустройством, Бохан отодвинул на задний план вопросы трудной и ответственной работы. Заграничную командировку считал за главный источник наживы.

В последние месяцы Бохан чего-то боялся. Пытался наладить хорошие отношения с офицером безопасности посольства. Он страшился выездов в СССР.

Прибывший из Афин полковник Николаев с санкции начальника ГРУ генерала Ивашутина П.И. поделился личными наблюдениями с оперативниками:

— Анализ всего того, что я там прочел, услышал и увидел, позволяет сделать вывод: он сбежал, будучи завербованным. Бохан рогами упирался, чтобы только не ехать на совещание в Москву. Я думаю, он боялся вашего колпака, страшился быть арестованным на Родине. Его дважды вызывали в Центр. В первый раз он сослался на болезнь, а второй раз «опоздал» на самолет.

Через несколько дней на стол Стороженко легла справка о принадлежности американского «нумизмата» к ЦРУ. Он являлся разведчиком-вербовщиком, специализирующимся на разработке советских граждан. Его деятельность такого плана фиксировалась нашей внешней контрразведкой в Заире и Сомали.

* * *

Посольство СССР в Вашингтоне. Консульский отдел делал все возможное и невозможное, чтобы власти разрешили встречу с Боханом как гражданином Советского Союза. Дело в том, что в прошлом отмечались случаи насильственного захвата наших сотрудников с последующим объявлением в прессе о добровольном переходе на сторону противника с одновременно активным процессом перевербовки.

По заявлению представителей США, русский якобы отказывается от встречи с советскими дипломатами. Однако через несколько месяцев в результате решительного воздействия

советской стороны на правительственные структуры США, они, стремясь избежать общественного резонанса в связи с подозрениями о насильственном удержании гражданина СССР, наконец предоставили возможность встретиться с перебежчиком.

Прибыл Бохан на встречу с соотечественниками в сопровождении двух дюжих штатских. Они внимательно слушали. Полковник открыто заявил об отказе возвращаться на Родину, отметив, что попросил политического убежища в США добровольно на основании продуманных шагов в ответ на новые вызовы времени. После этих коротко-нервных фраз он быстро удалился, отказавшись, таким образом, отвечать на приготовленные советскими дипломатами вопросы.

А через несколько месяцев начала «сыпаться» закордонная агентура военной разведки, которую знал перебежчик по документам или работе с ней. Стало предельно ясно, что Бохан сдает святая святых разведки — своих помощников, зарабатывая доверие новых хозяев.

Приехавший из Греции офицер ГРУ полковник Багров поведал Стороженко, что сразу же после побега предателя во вражеский стан в Греции поднялась такая волна шпиономании и антисоветского психоза, что в одночасье была парализована работа всех служб посольства. В каждом россиянине видели «глаза и уши» Москвы.

«Вот уж истинно справедливы слова, — подумалось Николаю, — о том, что дурные последствия преступлений живут гораздо дольше, чем сами преступления, и призраки убитых, а в данном случае преданных, всегда следуют по пятам за злодеем».

Последовавшие затем почти поголовные аресты подозреваемых, задержание и изучение связей наших даже «чистых» дипломатов как раз свидетельствовали о наступлении тех тяжелейших последствий предательств, о которых подозревали оперативники…

* * *

Рабочий день на Лубянке заканчивался. В настенных электрических часах что-то щелкнуло. Стороженко бросил взгляд на белый циферблат серого квадрата часов: было десять часов вечера.

«Ну ладно. Пора и меру знать. С горячими делами разобрался, — подумал полковник. — Домашние небось заждались. Пока доеду — будет как раз одиннадцать ночи. А завтра в шесть надо встать».

Он собрал документы и положил их на верхнюю полку сейфа. Там у него лежали самые важные и срочные материалы, требующие продолжения работы с ними на следующий день.

Как-никак в разведке с перебежчиком такого высокого ранга — полковником ГРУ — он встретился впервые, и нужны были консультации со специалистами территориальных органов контрразведки. Именно на следующий день намечена встреча с разыскниками — профессионалами высокого класса, чьих советов никто не игнорировал в таких ситуациях.

Следственный отдел КГБ СССР возбудил уголовное дело по факту побега военнослужащего, квалифицируя его действия как измену Родине.

Для Стороженко это был трудный урок. Как-никак прошляпил вместе с подчиненными явного шпиона.

Вышестоящее руководство упрекало его в том, что он не смог упредить предательства. Уже первая командировка изменника должна была пролить свет на личность офицера. Николай во многом соглашался. Вину на подчиненного не перекладывал, хотя прекрасно понимал, что первую тревожную информацию на Бохана должен был доложить оперативник — непосредственный куратор греческого участка ГРУ…

Пройдет время, и чекисты станут получать сведения, что предатель, изменив внешность, стал ездить по Штатам с миротворческими лекциями, проповедуя некие пацифистские идеи. Надо отметить, выколотив из него информацию, ЦРУ и ФБР особого доверия на тот период к инициативнику не испытывали. А потом его надо было зарабатывать ценой дальнейших унижений и предательств, что он делает, наверное, и по сей день, если не стал бомжом или не наложил на себя руки.

Семья его оставалась на тот период в Союзе.

Глава одиннадцатая
Двойная игра «Каина»

Преступление нуждается лишь в предлоге.

Аристотель

В сентябре 1980 года в одно из подразделений ГРУ Генштаба прибыл для прохождения дальнейшей службы высокий стройный старший лейтенант Иванов Александр Васильевич. Военная форма ему шла. Очки в тонкой золоченой оправе придавали лицу особый интеллигентный шарм.

«Такие мужчины должны быть в фаворе у женщин», — неожиданно для себя подумал старший оперуполномоченный майор Стороженко, впервые увидев новоприбывшего офицера на своем объекте.

Начальник направления, куда попал служить Иванов, полковник Лобанов охарактеризовал новичка в целом положительно:

— Парень толковый, из него может получиться хороший специалист информационной службы. На работе усидчив, умеет анализировать материалы, неплохо пишет, хорошо поставлена устная речь. У него есть связи наверху. Мне Иванова порекомендовали взять, хотя во время командировки в Болгарии у него были какие-то, мне пока не известные неприятности на семейной почве, что явилось основанием для досрочного откомандирования из страны. О них мне скупо говорили кадровики, я посчитал бестактным влезать в душу подчиненного.

Первая ознакомительная беседа Стороженко с ним показала, что старший лейтенант Иванов действительно обладает широким кругозором. О себе рассказал, что в 1978 году окончил Военный институт иностранных языков, специализация — английский и болгарский языки. В 1973 году был в месячной командировке в Конго. Откровенно поведал о сложностях семейной жизни. После завершения учебы на спецкурсах ГРУ в 1979 году выехал в длительную служебную командировку в Болгарию.

В ходе беседы выяснилась одна интересная деталь — оказывается, Сашу Иванова Стороженко мог видеть бегающим в гарнизоне, когда он в качестве слушателя стажировался в конце 60-х годов от Высшей школы КГБ в Рава-Русском мотострелковом полку. Командовал частью его отец — полковник Иванов.

Старший оперуполномоченный полка майор Червоткин очень тепло отзывался о командире. Вот какие в жизни могут быть совпадения и метаморфозы.

* * *

Начало службы в центральном аппарате ГРУ для Иванова было связано и засеяно семейными дрязгами, а в дальнейшем и подготовкой к бракоразводному процессу, с персональным разбором поведения офицера на партийной ячейке — первичной партийной организации. Капризная жена, дочь полковника Генштаба, как он утверждал, требовала оставить ей все совместно нажитое имущество вплоть до квартиры. Иванов не стал мелочиться, понимая, что жена остается с ребенком.

Командование было на стороне офицера. А вот кадры и политотдел стояли за стороне супруги, которая не без помощи отца существенно влияла на ход разбирательства в свою пользу. Иванов, конечно, мог подключить более мощные рычаги, но не хотел впутывать в грязную историю отца-фронтовика и его влиятельного друга в маршальских погонах.

И все же Стороженко не мог успокоиться из-за отсутствия информации о службе Иванова в Болгарии и истинных причинах его досрочного откомандирования. Анализ имеющихся материалов и поступивших уже за период службы Иванова на новом месте позволил прийти к выводу о необходимости заведения на него сигнала. Вскоре согласие от руководства было получено, и Стороженко на «корочках» с материалами вывел черным фломастером кличку — «Каин». Она же стала в дальнейшем фигурировать и в делах оперучета: оперативной проверки, а затем и разработки.

В ходе изучения «засветившегося» старшего лейтенанта оперативник выяснил, каким путем попал и окончил Иванов один из престижных военных вузов. Туда поступали молодые люди после десятого класса, в основном по протекции. Правда, командование разбавляло курсы выходцами «из армии, от плуга и станка». Однако таких слушателей насчитывались единицы. Существовал даже женский факультет, в шутку окрещенный острословами «пансионатом номенклатурных девиц». Они туда попадали по конкурсу мамаш и папаш.

Генеральские и министерские, не говоря уже о маршальских дочках и удочеренных внучках, сдавали вступительные экзамены для отвода глаз, не боясь быть проваленными.

Из плеяды поднявшихся на «слушательскую скамью» через

«отцовский лифт» был и Александр Васильевич Иванов. Отец его и один из маршалов Советского Союза вместе воевали на фронте. Как не помочь чаду сослуживца? Один звонок — и просьба выполнена. Именно таким образом Иванов стал слушателем.

Учился неплохо, схватывал знания на лету, однако столичная жизнь сильно манила своей привлекательностью. Баловала отцовская опека. Очень хотелось после получения лейтенантских погон остаться в Москве. Женитьба на дочери полковника ГРУ Генштаба и быстрое решение квартирного вопроса позволили ему сделать если не шаг, то уверенный шажок к столичному трудоустройству. Остальные шаги в службе помогали делать отец, тесть и тень маршала.

Быстро пройдя спецкурсы военной разведки, он сразу же получил неплохое место в центральном аппарате ГРУ и через несколько месяцев вместе с женой убыл в первую длительную командировку в Болгарию…

* * *

Многие сослуживцы завидовали молодой семье, хотя все понимали, что новоиспеченному разведчику, сотруднику аппарата военного атташе за границей будет крайне трудно без соответствующего образования и необходимого опыта военной службы. Офицеры-кадровики не могли противостоять приказу сверху, доказывая, что все великое совершается медленным, незаметным ростом, а тем более утверждать о таящихся опасностях начатой таким образом служебной карьеры молодого офицера. Маршальский гнев мог загнать любого смелого и принципиального кадровика далеко от Москвы. А кому хотелось лишаться должности в Генштабе? Таких офицеров, к сожалению, не нашлось.

Служба для помощника военного атташе Иванова началась относительно удачно. Встречал его собственной персоной начальник аппарата Скалов — маленький, щупленький полковник-общевойсковик, четко угадывающий скрытые потоки кадровых перемещений. Он давно подготовился к встрече протеже маршала и зятя полковника Генштаба. В софийском аэропорту он с угодливой улыбкой на лице обратился к своему подчиненному не по званию. Обласкал его теплым словом «Сашенька!»

— Я приветствую вас на болгарской земле. Думаю, не пожалеете, что выбрали эту прекрасную страну нашего боевого содружества. Квартира вам готова, обмеблирована. Магазинчики

рядом. Сашенька, садитесь с женой в мою машину, а сумки и чемодан увезет майор на «Волге». — Он бросил взгляд на офицера-водителя.

Первые месяцы службы для Иванова прошли спокойно. Он как бы стажировался, врастая в обстановку. Привыкая к такой загрузке, считал вкалывание уделом работяг, а не представителя белой кости. Но так долго продолжаться не могло — захребетника скоро раскусили сослуживцы. Поднялся справедливый ропот. Скалову поначалу удавалось сдерживать коллектив. Но противостояние зашло так далеко, что на партийных собраниях стали разделывать под орех и нетребовательного начальника, и безынициативного подчиненного. Полковник, боясь попасть в немилость к руководству Центра, после почти пятилетнего пребывания за рубежом добился перевода в Москву. Он почти вычислил вероятность взбрыков прибывшего блатника.

Вместо Скалова в Софию прибыл генерал-майор Кизяков — зять одного из членов Политбюро ЦК КПСС. Если прежнего военного атташе никто не мог упрекнуть в мздоимстве, то новый начальник с первых шагов стал мелочиться, обманывать Центр, допуская валютно-финансовые злоупотребления. Иванов прекрасно понимал «непробиваемого броненосца», потому что сам ходил в таком же панцире, только тоньше. Многие странные вещи творились у него на глазах. По молодости он посчитал, что начальник у него в кармане, тем более узнав, что его партийный родственник отправился к праотцам.

Жена Александра уехала в Москву рожать. И супруг ударился в вольную жизнь, которая не осталась без внимания американских разведчиков.

* * *

…..Стояло жаркое, душное лето. Близился субботний вечер. Иванов лежал на диване, размышляя о перипетиях жизни. В его понимании человеческая жизнь похожа на коробку спичек. Обращаться с ней серьезно — смешно. Обращаться несерьезно — опасно. С другой стороны, жизнь, как он считал, — это чередование всяких комбинаций, их надо изучать, следить за ними, чтобы всюду оставаться в выгодном положении, а поэтому она видится слишком короткой, чтобы позволить ее прожить ничтожно. И в конце концов, на излете наших лет она представляется островом в море одиночества. Он видел это по жизни — мучение многих родителей.

Иванову показалось, что надвигается гроза.

Вдруг комнату озарила оранжево-синяя вспышка молнии, резанула по глазам, прервала ход философствования, и тут же последовал сухой, как артиллерийский выстрел, близкий раскат грома. Крупные капли дождя замолотили по листве деревьев, подступающих к окну. Голова офицера гудела от вчерашнего перепоя. Осушив бутылку минеральной воды и стакан огуречного рассола, он стал ждать окончания непогоды. Назначенное свидание с внучкой одного из бывших руководителей компартии Болгарии обещало быть интересным.

Ливень затих так же быстро, как и начался. Полоснули по глазам каленые лучи заходящего солнца. Соломенно-золотистые оттенки светила затекали в окна, лакируя позолотой листву комнатных цветов, стоящих на подоконниках. Иванов резко поднялся с дивана, потянулся руками к потолку и подошел к телефону. Постояв несколько мгновений в раздумье, решительно набрал номер дамы…

Вечеринка на даче у дедушки подруги, несмотря на позднее время, не думала завершаться. Баловни и виновники торжества резвились. Из магнитофона доносились мелодии группы АВВА. Лились рекой болгарское вино и русская водка.

Александр с девушкой, прилично захмелев, сидели в огромном кресле из натуральной кожи. Говорили на отвлеченные темы. Он приглашал ее в Москву, она его — в путешествие по стране. Хмель — это добровольное сумасшествие — всегда делает людей смелыми и радушными. Пьянство само по себе не создает пороков, а только выставляет их напоказ. У спесивого — растет чванство, у жестокого — свирепость, у завистливого — злость, у расчетливого — ложь и т. д.

— Знаешь, мне тут хорошо. такое ощущение, что знаком с тобой давно. Все это не случайно, потому что наша первая встреча была не случайна, а закономерна.

Этот дешевый прием ловеласа подействовал на девушку сильнее, чем вино и водка. Недаром говорят, что женщина любит ушами. Она прижала горячую щеку к его плечу, представляя, что скоро будет бродить по улицам Москвы с Шуриком, так она называла советского офицера. У него же самого мысли ходили по одному и тому же кругу, характерному для молодого мужчины в таком состоянии.

Вместе с тем его мозг искал ответ на вопрос: где достать деньги для таких кутежей в дальнейшем? Именно поиск ответа заставлял его иногда отвечать девушке невпопад на задаваемые вопросы. Несмотря на свою молодость, она, не раз бывавшая в аналогичных компаниях, знала, что он военный дипломат, а люди

его профессии, тем более молодые, в такие минуты любят расслабиться, отходя от строго вычерченной условиями службы линии поведения. Поэтому она прощала его, хотя для приличия надувала губки и принимала вид обиженной невнимательностью собеседника.

Вечеринка продолжалась. Позолоченный циферблат напольных часов показывал около пяти утра, когда гости решили искупаться в бассейне. Александр плавал прекрасно, но девушка не уступала ему в технике, особенно в брассе.

— Подруга, у тебя не школа, а скорее академия, — польстил он пассии, когда та стремительно, словно катер, проплыла двадцатипятиметровую дистанцию.

— Просто давно плаваю. Брасс — мой любимый способ. Да и учителя были хорошие, — ответила она, лукаво улыбнувшись, словно почувствовала его неискренность.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, когда гости стали разъезжаться. Прощаясь с Александром, девушка сделала грустную гримасу и, отведя взгляд в сторону, тихо промолвила в ответ на дежурное «до встречи»:

— Может быть, и встретимся… Не знаю, не знаю…

После этих слов она направилась в кабинет дедушки.

* * *

…..Прошло несколько недель после той памятной вечеринки. Подруга на звонки не отвечала. Иванов уже стал ее забывать. Появились новые объекты внимания, свежие впечатления. Обычной чередой проходили представительские мероприятия. Жена не подавала никаких признаков желания вернуться к супругу. Он понимал, что причиной молчания жены могли быть «доброхоты», просигнализировавшие в Москву о его загулах.

И вот как гром среди ясного неба команда. на досрочное откомандирование. Состоялся крутой разговор у начальника. С перепуганным видом тот распекал своего подчиненного — проштрафившегося помощника.

— Ты что наделал? Как ты мог покуситься на честь внучки такого великого человека? Ты что, сожительствовал с ней? — кричал разъяренный генерал, надеясь сразу же деморализовать волю к сопротивлению советского донжуана.

— Товарищ генерал, у меня с ней были вполне нормальные отношения. Вы же сами требовали расширять круг связей, врастать в обстановку, быть коммуникабельнее и напористее в работе. Как же иначе исполнять обязанности офицеру военно-

дипломатической службы в соцстране? — Одновременно с нотками испуга и юмора Александр парировал натиск начальника.

— Хватит, из-за тебя пятно позора ляжет на весь здоровый коллектив. Кто тебя учил так работать? Ты прекрасно знаешь — у них, как и у нас, партийная власть неприкосновенна. Куда ты полез армейскими сапожищами? — громыхал Кизяков, приподнявшись над большим письменным столом.

— Я сапогами не лазил… Я ходил в цивильном костюме…

— Хам, вон из кабинета. негодяй, испачкал и мою биографию, — кричал вдогонку генерал.

Иванов выскочил как ошпаренный. Несмотря на испуг, ему захотелось смеяться. Офицер прекрасно понимал, что подруга не могла опуститься до роли жалобщицы. Она была слишком избалована жизнью, чтобы останавливаться на каком-то русском военном, тем более имеющем семью.

«Это друзья-завистники настучали, — подумал Иванов, — делился ведь с некоторыми из них пикантными впечатлениями».

Сборы были недолгими. Вещи уместились в двух сумках и одной коробке.

Квартира, к которой он успел привыкнуть, теперь показалась неуютной, и ему хотелось поскорее покинуть ее.

«Да, чем больше я познаю людей, — философствовал Иванов, — тем больше мне нравятся звери: они не завидуют и не предают. Что плохого я сделал? Ничегошеньки! А со мной поступают, как с законченным негодяем. Прощай, непрочитанная Болгария. А как хотелось поработать еще здесь! Был бы Скалов, а не этот дуралей, события бы повернулись, наверное, по-другому. Я, конечно, виновен, но не в такой степени, чтобы без расследования ломать судьбу офицера. Не могу простить своей болтливости…»

Он верил в силу «отцовского лифта».

* * *

Москва встретила Иванова холодным моросящим дождем, а жена, тесть и теща — ледяными взглядами с упреками в неспособности быть достойным семьянином. Ссора закончилась грозным окриком тестя, чтобы он убирался из квартиры. Разъяренная жена собрала нехитрый скарб мужа в чемодан и выставила его за дверь. Не без влияния родителей она решила, что в дальнейшем совместной жизни у них с Александром не получится. Прошел грязный бракоразводный процесс. На нем

всплыли такие сценки из бытовых будней, что у слушавших их показания пропало всякое сочувствие к обеим сторонам судебного разбирательства.

Он поселился в небольшой квартирке друга, убывшего в заграничную командировку. Жизнь стала дорожать с расширением трат на развлекательные мероприятия. Рестораны сменялись кафе, кафе — забегаловками. Квартира открыла настежь двери собутыльникам. Нужны были деньги, и большие деньги, чтобы прилично одеваться, жить на широкую ногу с друзьями, хорошо питаться и платить алименты.

Но деньги, как известно, благо отрицательное: о них, как о здоровье, думает человек только тогда, когда их нет. Деньги — хороший слуга, но плохой хозяин. Больших же денег в звании старшего лейтенанта на службе он не мог получить. Разгружать по ночам вагоны было не в его натуре. Да и сколько он мог таким образом заработать? Гроши! Большие деньги он видел в другом месте. но Александр почему-то забыл одну непреложную истину: если много денег — не радуйся, если мало — не горюй. У него еще не было больших денег, а из-за малых — горевал.

22 июня 1981 года Иванов приехал на службу раньше обычного. По радио звучали фронтовые песни. Сослуживцев по кабинету, на счастье, не было: один находился в отпуске, второй приболел. Он взял ручку, чистый лист бумаги и начал писать текст, заставивший его поначалу вздрогнуть от неестественности поступка для сына фронтовика, офицера военной разведки, проходящего службу в центральном аппарате ГРУ:

«Господа!

Предлагаю свои услуги по обеспечению Вас и Вашего руководства секретной, совершенно секретной и предназначенной для ограниченного круга лиц информацией, касающейся деятельности центральных органов Министерства обороны, КГБ и МИД СССР. Обладаю широким кругом информационных знакомств…

Я четко представляю то, что Вы вправе считать это письмо провокацией…

Призываю Вас самым серьезным образом отнестись к моему предложению, ибо я сознательно иду на этот шаг. Последние случаи провалов Вашей агентуры в центральных аппаратах заставляют задуматься о качестве подготовки и проведения Вами оперативно-разведывательных мероприятий…

В случае принятия Вами решения работать со мной очень прошу тщательно спланировать операцию по выходу на встречу…»

Из страха быть застигнутым кем-либо из сослуживцев он дописал письмо дома, вложив его в коробку из-под сигарет «Мальборо», которую осторожно поместил в одно из отделений кейса. У него созрела мысль установить связь с американцами, став, таким образом, продавцом секретного товара, за который можно получить неплохие деньги.

* * *

26 июня 1981 года кейс с письмом и другими документами Иванов потерял в районе ресторана «Советский» после очередного банкета для души. Но и после этого не отказался от преступных намерений. Вместе с друзьями выехал на пляж Николина Гора, что в районе Серебряного Бора.

Он знал, что там, на живописном берегу Москвы-реки, иностранные дипломаты давно облюбовали себе место отдыха. Кстати, об утере он не переживал, почему-то веря, что кейс у него умыкнули элементарные ворюги.

В компании была девушка, понравившаяся Иванову. Перед тем как отправиться купаться, она робко процедила, что проголодалась и не отказалась бы от бутерброда.

— Какой бутерброд, пойдем попробуем шашлычок. Здесь его делают отменно, — проговорил Александр, понимая, что придется платить за всю компанию. Его «друзья» редко когда раскошеливались.

«Скупердяи, любят дармовщину. На халяву все норовят. Сколько раз я рассчитывался за них! А ведь деньги есть, я видел. Лариска понравилась, надо выдержать роль денежного и нежадного офицера», — весь испереживался Иванов.

Шашлык запили шампанским. Напиток ударил в голову. Вскоре хорошее настроение сменилось сплином. Нахлынули тягостные мысли о бытовых последствиях развода, ожидаемых сложностях в служебной карьере и многочисленных долгах.

Неожиданно перед столиком появился мужчина среднего возраста в крупных роговых очках. Тяжелая темная оправа придавала лицу интеллигентный вид.

— Разрешите? — обратился он к Александру по-английски. — Я нечаянно подслушал, как вы сказали даме фразу на моем родном языке — «Чего хочет женщина, того хочет Бог!» У вас прекрасное произношение. Типичный техасский акцент. Вы случайно не учились у нас в Штатах?

— Нет. Кто вы?

— Меня зовут Питер Сэмлер. Я американец, поэтому приятно

был поражен таким высоким уровнем знаний нашего языка, тем интересней — молодым человеком, — с небольшим акцентом говорил иностранец.

— Нет-нет, я учился в Москве. Качеству языка я обязан только своей преподавательнице. Меня зовут Александр.

Завязался непринужденный разговор. Настроение снова поднялось. Захотелось блеснуть эрудицией и произвести эффектное впечатление на иностранца.

— У вас, Саша, — можно я вас так назову? — несомненный талант лингвиста. Мне редко приходилось встречать иностранцев с таким прекрасным произношением. Вас ждет отличная карьера, — как медом мазал Сэмлер. Говорил мягко, вкрадчиво, подчеркивая искреннее расположение к собеседнику. Вскоре американец извинился и распрощался, выразив надежду когда-нибудь снова встретиться. Именно здесь, на отдыхе.

— А почему бы нет?!

— Ну, тогда до следующего выходного — ровно через неделю, — улыбчиво ответил Питер. — Кстати, принесу вам кое-какую литературу. Совершенствовать язык надо — он любит тренировки.

* * *

Иванову польстили комплименты янки. Лариса, ставшая свидетельницей события, тоже осыпала словами восхищения знатока английского языка, оцененного так высоко американцем.

«Случайный человек, и тот подметил мои языковые способности, — с удовольствием подумал офицер. — А на службе не ценят. Думаю, все от зависти, которая никогда не знает праздника, и ничто не может успокоить завистника… Судьба дает мне шанс. Зачем искать кого-то, когда через Питера смогу выйти на посольского разведчика? Обязательно надо встретиться.»

Через неделю на пляже Александр быстро отыскал Сэмлера, удобно разместившегося под креповым зонтом. Рядом лежала кипа каких-то брошюр и журналов. В стороне стоял голубой «Форд» с дипломатическим номером американского посольства.

«Человек слова, не забыл обещанного», — подумал Иванов, направляясь к знакомцу, стоящему с каким-то молодым человеком. После обмена приветствиями Сэмлер, как бы сглаживая неловкость появления третьего человека, быстро проговорил:

— Разрешите, Саша, я вас представлю коллеге. Он закончил университет, прекрасно знает русский язык. Специализируется по

культурным памятникам СССР и, в частности, России. Кроме того, у него есть хобби — собирать русский фольклор.

— Дэннис Макмэхен, — быстро представился молодой подвижный человек, а затем сразу же предложил называть его «просто Володей».

Новый знакомый был неплохим рассказчиком. Говорил по-русски чисто, знал массу анекдотов, подчеркивал внимание к собеседнику, которого профессионально умел слушать. Александру Володя все больше и больше нравился. В процессе общения Иванов сообщил ему данные о себе и сведения о месте службы. В очередной выходной уже сетовал на тяжесть армейской жизни, семейные неурядицы. Не забыл упомянуть о долгах — развязывался преднамеренно охотно. Поэтому совсем не удивился, что Володя не только посочувствовал ему, но и пообещал помочь с финансами. Якобы в долг, потом отдаст.

Договорились встретиться 9 августа 1981 года в районе станции метро «Речной вокзал», в лесопарковой зоне возле улицы Дыбенко.

Иванов понял сразу, что от него требуется. Он инициативно собрал первый шпионский товар для продажи, упаковав его, как когда-то письмо, в пачку — только теперь из-под сигарет «Пэлл-Мэлл».

В условленный день ровно в 16.30 советский офицер встретился с американским разведчиком.

— Привет, Александр! Ты «хвоста» за собой не привел?

— Нет… проверялся. Учили ведь…

— Пройдем по аллее. — Макмэхен указал на асфальтированную дорожку лесопарковой зоны. С минуту шли молча. Инициативу вскоре взял Володя:

— Не будем терять зря время. Ответь мне на вопросы. Говорить будешь сюда. — Он показал на очечник, где был закамуфлирован крохотный диктофон. — Говори спокойно и четко. Итак, в каком учреждении ты работаешь?

— Я все написал.

— Не имеет значения. Ты должен все равно ответить.

— Ладно, но ты. вы обещали.

— Я понял, Саша, твой интерес. Деньги я не забыл. — Он достал из кармана пакет и протянул его офицеру. — Здесь пять тысяч, как я и обещал.

— Спасибо, Володя, но я хочу сказать…

— Что, этого мало? Вообще плата — это не повод для дискуссий. Этот вопрос мы с тобой еще в деталях обсудим. Запомни одну истину: большие деньги в начале такой карьере так же опасны, как опасно переедание после длительного голодания.

А пока прошу продолжить ответы. Времени у нас мало, давай будем пособранней.

В конце беседы Володя передал Александру спичечный коробок и предложил ознакомиться с содержимым дома. На этом их личная встреча закончилась.

* * *

Придя домой, Иванов открыл коробок. В нем оказалось несколько листков тонкой бумаги размером 18х26 сантиметров, на которых имелся текст. Он стал читать:

«Дорогой друг!

Мы очень рады, что нашли общий язык и установили с вами контакт. Глубоко уверены, что наши отношения по мере их развития будут искренними, взаимно уважительными и, конечно, взаимовыгодными. Мы предлагаем вам 5000 рублей. Зная, что вы нуждаетесь в деньгах. Они помогут поправить материальное положение и рассчитаться с долгами…»

На другом листе излагалась просьба ответить на некоторые вопросы, интересующие ЦРУ: точные адрес и индекс, в каком именно учреждении работаете и что оно собой представляет, в какой должности служите, чем занимаетесь, есть ли у фотоаппарат, умеете ли фотографировать, к какой информации имеете доступ, перечислите сослуживцев, их должности, точно укажите место своей службы и сделайте привязку его к местности.

Были в этом перечне и другие вопросы. В конце письма шли досужие рассуждения о личной безопасности — ему, мол, не предлагают более крупной суммы лишь потому, что он может привлечь к себе ненужное внимание органов военной контрразведки.

Иванов понял: он практически завербован и уже выполняет задания разведки иностранного государства. Пройдет несколько месяцев, и, будучи арестованным, он скажет в своих показаниях:

«Я много думал о мотивах, в силу которых стал изменником Родины. Задумываться стал об этом вскоре после того, как со мной установила связь американская разведка… Оценивая совершенное мною деяние… на путь преступления я встал в силу целого ряда обстоятельств субъективного характера…

У меня были искаженные представления о ценностях жизни.

Мне были присущи высокомерие и болезненное самолюбие, излишние самоуверенность и самонадеянность, честолюбивые амбиции, переоценка своих способностей и качеств…»

Но все это было потом, а пока он перечитывал последний листок с расписанием последующих встреч, составленным профессионалами посольской резидентуры ЦРУ сразу на четыре месяца вперед. В инструкции предусмотрительно указывалось, что, в случае если на встречу придет не Володя, а кто-нибудь другой, Александр должен будет держать в левой руке свернутую газету и на пароль: «Вы друг Володи?» — ответить отзывом: «Да, и прошу передать ему привет!»

Запланированные на 17 и 23 сентября 1981 года личные встречи не состоялись из-за невыхода на связь разведчика. Потом он объяснит срыв встречи болезнью — разбил радикулит. Встретились лишь 27 сентября, и агент передал два шпионских сообщения. На следующее свидание Дэннис Макмэхен пришел не один, а в сопровождении незнакомой Александру женщины лет 25, худощавой, неброской, с правильными чертами лица. В беседе она участия не принимала, внимательно смотрела по сторонам — страховала. Это была жена американца — Лесли Макмэхен.

Иванов получил в тот день в полиэтиленовом пакете шпионскую экипировку: специальный миниатюрный фотоаппарат «Минокс», десять кассет к нему с пленкой на 230 кадров каждая, тайнописную копирку, шифроблокнот, инструкцию по составлению тайнописных сообщений и обычную авторучку, на стержне которой была намотана пленка с новым планом связи.

* * *

Пройдет время, и уже после ареста на допросе «Каин» так поведает о той встрече:

«Подробно рассказав, как обращаться с фотоаппаратом (выдержка и диафрагма у него были заранее установлены, рассчитаны на слабое освещение и изменению не подлежали. — *Авт.), Володя несколько раз подчеркнул, что больше с ним в районе улицы Дыбенко — код «Дыб» — встречаться не будет. «Здесь удобно, безлюдно», — попытался воспротивиться я. Но он заверил, что новое место встречи тоже надежное. Мне показалось, что он что-то недоговаривал. Или боялся, что место раскрыто органами советской контрразведки».*

А в шпионской инструкции уточнялось новое условное место «Роща» — близ входа на Даниловское кладбище. Место довольно пустынное и глухое. Следует заметить, что на этой встрече американец еще раз «подкормил» своего агента, выделив на сей раз всего лишь 2000 рублей.

«У, жмот, — подумал продавец товара и внимательно посмотрел на своего покупателя. — Понимаю, товар не первой свежести, но хотя бы из-за перспектив моего использования не мелочились. А может, Володька сам приворовывает, как когда-то мой достопочтенный Кизяков. Все, кто связан с госденьгами, одним миром мазаны — утаить, урвать, списать. Одним словом, надуть руководство. Американцы тем более — для них деньги не имеют никакой морали».

Разошлись быстро и незаметно, словно растворились в пространстве. Иванов отправился пешком до метро, а парочка вскочила в подошедший автобус. Прошло несколько минут — и уже ничего не напоминало о детективной встрече: «круги потухли, снова гладь воды зеркалит поднебесье», как говорил поэт.

* * *

Чтобы понять яснее причины и обстоятельства предательства молодого офицера, вернемся к службе Иванова в Болгарии в период кизяковщины. Головокружительная карьера генерала Кизякова (вчерашнего выпускника Института физкультуры) на военно-дипломатическом поприще за счет связей жены и тещи Александру была известна. Смрадная обстановка того времени нет-нет да и напоминала о себе, будоражила сознание, рвала нервы. Ему казалось, что кизяковщина не ушла в прошлое, а «живет и побеждает» как в армии, так и в других институтах советской государственности.

Вот несколько строчек из материалов того времени, не вошедших из-за боязни «сердить гусей» в материалы уголовного дела в отношении зятя бывшего крупного партийного функционера.

«Кизяков, занимаясь преступным обменом в крупных размерах советской валюты на болгарскую в корыстных целях, неоднократно побуждал меня действовать в нарушении законов. Заставлял меня путем различных противоправных способов с использованием моей изобретательности закупать для него в большом количестве дубленки. Порой мне казалось, что он хочет

одеть в них всю Москву…

После очередного представительского приема благодаря моей экономии сохранились 95 бутылок коньяка, водки и вина, много остродефицитных продуктов. Все это было отвезено на виллу Кизякова по его указанию, а затем беспардонно списано».

Или вот еще перл воспитательной работы. Однажды, зайдя в кабинет к шефу, Иванов представился:

— Товарищ генерал, разрешите доложить о плановой встрече?

— У тебя что, дырка в памяти?

— Все нормально… Я прибыл по вашему вчерашнему приказанию доложить служебный вопрос, а вы меня встречаете оскорблениями.

В ответ, отбросив карандаш в сторону и налившись кровью, тот стал визгливо, почти с женской истерией, кричать. Он обвинил офицера, что тот уже неделю не может приобрести для него обувной крем и ему приходится ходить в нечищеных туфлях.

— Товарищ генерал, светло-коричневого крема я не нашел в магазинах, — пытался оправдаться подчиненный.

— Вон из кабинета, бездельник! — заорал в новом порыве ярости Кизяков.

Видя необузданность характера и непредсказуемость поступков военного атташе, офицеры стали ловчить, обманывать дилетанта, заботящегося не о службе, а о своем благе за счет государственных средств. Он обманывал Центр фиктивными документами, прикрывая финансовые злоупотребления.

— Гниение империи начинается с головы, — как-то заметил его друг капитан Воробьев. Этот придурок чувствует на себе защиту Москвы. Там же идет настоящая агония власти. Дряхлеющий генсек и его прихлебатели словно забыли о людях, об армии, о государстве. Они упиваются только властью. Это страшно. Мы так можем страну потерять. Кизяковщина охватывает страну своими щупальцами, а законы молчат, не действуют, а если действуют, то только избирательно — находят стрелочников, а крупных воров прокуроры не трогают.

Ни в коей мере не оправдывая предательства Иванова, Стороженко потом придет к выводу, что на этот трагический шаг молодого офицера толкнул, помимо субъективных черт характера, и деформированный социальный фон, созданный прогнившей партноменклатурой в Центре и на местах. Но только не рядовыми коммунистами, которые, как говорилось раньше, вместе «с блоком беспартийных» сделали страну сверхдержавой.

Часто в кабинете, оставшись один, Николай прокручивал

версии. Вот и сейчас он получил информацию, что Иванов активно ведет себя на партсобраниях, служебные вопросы решает четко, дисциплинирован при решении информационных задач. В то же время от агентуры поступали данные о его широких внеслужебных связях, в которых предстояло еще разбираться.

* * *

Начальник 1-го отдела 3-го управления КГБ полковник Кудряшов на оперативном совещании заслушивал руководителей отделений. После его завершения он предложил задержаться начальнику 2-го отделения подполковнику Кондратову.

— Владимир Петрович, а теперь поговорим о нашем общем знакомом. Вы захватили материалы?

— Да, вот папка. Последние документы все свежие.

— Ну тогда прошу, доложите.

— Старший лейтенант Иванов, — начал Кондратов, — прибыл на объект с приличной «компрой»: злоупотреблял спиртным, имел неразборчивые связи с женщинами, мягко говоря, легкого поведения, в последнее время живет не по средствам. Нередко приезжает на службу на такси, часто посещает рестораны, питается с рынка и при всем этом платит бывшей супруге алименты. Через несколько дней собирается вылететь в Ялту на десятидневный отдых с собутыльником, который нами установлен. Позавчера устроил грандиозную попойку в ресторане «Союз», где расплачивался сам.

Руководитель отдела слушал Кондратова — опытного профессионала, с мнением которого считалось даже руководство управления. Он знал: у подчиненного тонкая оперативная интуиция и мертвая хватка в деле.

— Говорите, большие деньги водятся? Где же он мог добыть? Болгарские деньги уже давно просадил. Не исключено, что уже работает на супостата. Что ж, будем искать истину. Деньги — интересный признак в данной ситуации. Если мы узнаем хотя бы приблизительную сумму трат в Ялте, то можно будет работать продуктивно.

— Я уже дал, Михаил Петрович, команду Стороженко на получение более глубоких документальных материалов о его поведении как на службе, так и в быту, — ответил Кондратов.

— Сейчас работать надо тонко. Не спугните. Он осторожничает — инстинкт самосохранения включил на полную катушку. Надо ответить на главный вопрос: откуда деньги и не сопрягаются ли они с американской разведкой? Если это так, то

встречается с американцами лично и те подкармливают его деньгами. Вот он на эти сребреники, вероятно, и жирует.

— К важному товару этот продавец не в состоянии подобраться. Мы все каналы перекрыли, — успокоил Кудряшова начальник отделения.

— Владимир Петрович, это не ответ профессионала. Если захочет, он найдет нужный товар в вашей конторе. Ставку сделайте на Ялту, — заметил Михаил Петрович. — Срочно ориентируйте тамошних чекистов с целью организации постоянного наружного наблюдения за «Каином».

— Прошу вашего разрешения отправить подполковника Коновалова для координации действий с территориальными органами КГБ в Ялте и местным особым отделом. Стороженко нельзя посылать, «Каин» его знает в лицо.

— Согласен. Только тщательно проинструктируйте работника.

— Обязательно. У него будут большие полномочия с постоянным поступлением к нам свежей информации из первых рук.

Долго еще сидели два оперативника за большим столом, выдвигая деловые версии, внося коррективы в намеченные агентурно-оперативные мероприятия.

— Надо, надо искать вещественные доказательства о его вероятной причастности к шпионской деятельности. Когда они будут у нас, тогда можно думать о реализации дела, — напутствовал Кудряшов подчиненного. — Действуйте только в рамках закона и нормативной базы, чисто, а прав у нас достаточно…

* * *

Ялта встретила Иванова с другом Ибрагимом Исламбековым ласковым крымским солнцем и ленивыми толпами отдыхающих. Приехали дикарями — долго квартиру искать не пришлось. Старушка с превеликим удовольствием согласилась сдать комнату двум молодым людям, обещавшим деньгами ее не обидеть.

С первого же дня «Каин» включился в обычный марафон курортных развлечений. Легко и быстро сходился с дамами, проводя с ними время на пляжах, в ресторанах и постелях. Денег не жалел — сорил ими налево и направо. За семь дней пребывания в Ялте промотал около 8000 рублей, что по тем временам было фантастической суммой. Двадцатипятирублевой

купюрой расплатился с таксистом за трехрублевый показатель счетчика и отказывался брать сдачу. За пакет черешен стоимостью червонец давал опять-таки 25 рублей. Это только два зафиксированных случая, а их, по всей вероятности, было значительно больше. Гулял, как говорится, на широкую ногу.

— Ибрагим, ты чего приуныл? Делай, как я. За десять дней мы должны отдохнуть «номенклатурно». Считай комнату бабки дачей на весь период нашей оттяжки в городе солнца. Свобода действий — вот божественная потребность настоящего человека. Она у нас в наличии, и мы должны ее использовать на полную катушку, — подбадривал раскисшего собутыльника Александр.

А приуныл Ибрагим не оттого, что ему не нравился Крым. Невесело у него было на душе — его мучила, сверлила, ломала одна тяжелая мысль: как бы избавиться от «благородной болезни», подхваченной в столице и заявляющей о себе все ярче и зловеще тревожащими симптомами здесь, в Ялте. Этого Иванов не знал, как и не знали те горячие дамы — объекты внимания Ибрагима, которым предстояло в скором времени обратиться в соответствующие диспансеры.

* * *

Расчет чекистов полностью оправдался. В ходе контрразведывательной операции под кодовым названием «Кипарис» в отношении фигуранта дела удалось получить неопровержимые доказательства наличия у него больших сумм денег. Осталось раскрыть источник их появления.

По прилете в Москву «Каин» был взят в плотное и глубокое изучение, показавшее ведение им двойной игры: на службе — степенность и послушание, в быту — необузданность и разгульность. Думал ли он об опасности попасть в поле зрения контрразведчиков? Да! Основание — постоянные проверки.

Так, в метро на станции «Баррикадная» он продемонстрировал классический способ отрыва от наружки. Войдя в вагон в числе первых пассажиров, он сразу же прижал ногой одну дверь, а когда они стали закрываться, то ужом проскользнул на перрон станции. В другом случае, мчась на автомашине подруги с приличной скоростью по Ленинградскому шоссе, он неожиданно рискованно бросил машину круто влево и, влетев на полосу встречного движения, быстро развернулся и помчался в обратном направлении.

Тогда ему померещилась слежка, поэтому он внимательно наблюдал за перестроениями других машин. Страху свойственно

преувеличивать истинное значение факта, а поэтому страх опасности страшней самой опасности. Успокоился, когда убедился в полном отсутствии «опеки». После таких художеств оперативники решили вести круглосуточное наблюдение за Ивановым.

Такое решение было принято на совещании в кабинете у начальника отдела и оказалось оправданным. 6 октября 1981 года военные контрразведчики установили, что «Каин» поставил метку на стене дома № 13 по Ленинскому проспекту у стенда газеты «Правда». Сигнал о вероятно готовящейся встрече Иванова с иностранным разведчиком был нанесен губной помадой вишневого цвета.

Прогуливаясь после работы, он как бы случайно зашел к брату — сотруднику КГБ. На самом деле Александр хотел выудить у него хоть что-то для своей «корзины». Но несолоно хлебавши вынужден был удалиться, прихватив пенал с губной помадой. Объяснил просто — подарить знакомой женщине на день рождения. Родственник, конечно, не догадывался, что перед ним уже агент американской разведки, которому было наплевать на судьбу брата.

Раскланявшись с братом и его женой, «Каин» быстро нырнул в метро. Несколько раз проверялся и вышел с противоположной стороны станции. Сел в автобус и проехал две остановки. Затем проследовал пешком по Ленинскому проспекту. Дойдя до многоэтажки и поравнявшись с газетной витриной, слева от нее на уровне груди незаметно начертил овал величиной в солидный огурец. Осмотрелся и тут же удалился. На такси быстро добрался до дома. Несколько раз прошелся по двору — проверялся.

Усиленное наблюдение за местом постановки метки-сигнала показало, что проезжавший по этой трассе утром американский дипломат-разведчик «снял» визуально поставленный знак. Все факты говорили о том, что готовится очередная операция по связи: личная встреча или закладка-выемка тайника.

Дальнейшая работа показала, что на следующий день «Каин» провел очередную встречу с Володей в условленном месте «Роща». Не зная, естественно, места встречи и боясь расконспирации, наружная разведка дала ему возможность оторваться от «хвоста». В тот день он проверялся особенно тщательно.

* * *

К концу 1981 года оперативникам стало окончательно ясно,

что в ГРУ действует «крот». Это подтвердило и письмо из потерянного кейса, которое поступило в КГБ из милиции. Экспертиза показала, что послание исполнено рукой Иванова. Встал вопрос о задержании его с поличным вместе с дипломатом-разведчиком. Очередная встреча могла быть последней для «Каина» и Макмэхена, но судьба распорядилась иначе.

Дело в том, что вскоре командование приняло твердое решение убрать Иванова из центрального аппарата ГРУ из-за злоупотребления спиртным и нарушений служебной дисциплины в последнее время. Инициатива, как считал сам Иванов, исходила из политотдела и бывшего тестя. Окольными путями он узнал, что его хотят направить в одну из частей в поселок Яковлевка Дальневосточного военного округа. Однако ему еще не верилось, что придется скоро расстаться с Москвой, закрепиться в которой стоило огромных усилий. Благодаря двум зарплатам, получаемым от ГРУ и ЦРУ, жилось безбедно. Он рассчитался с долгами. В его окружении появилась любимая женщина.

Именно в этот период «Каин» вошел в пик предательской деятельности: он буквально «шакалил», собирая любой информационный мусор и передавая его американцам. Важных материалов он уже выудить не мог, находясь под колпаком органов госбезопасности.

Через несколько дней начальник управления сообщил, что ему предстоит новое место службы.

«Неужели подозревают или узнали о связях с американцами? Не может быть!.. Иначе загремел бы в Лефортово. Вся вонь идет из политотдела и от тестя. Вот суки, никак не успокоятся», — скривился в гримасе Александр.

На очередной личной встрече с Макмэхеном «Каин» доложил ему о готовящемся переводе его на Дальний Восток. Американец выслушал сообщение без особой радости, так как прекрасно понимал, что руководством резидентуры тут же для него будет поставлена задача поиска нового источника информации.

— Саша, мне твое заявление никак не прибавило спокойствия. Скорее огорчило. Мы же сработались, стали понимать друг друга с полуслова. Сегодня придется «убить» таким известием шефа, — быстро заговорил Володя. — Встретимся через неделю здесь же. Я тебе кое-что принесу. От фотоаппарата надо срочно избавиться. Лучше всего выброси его в какой-нибудь водоем, естественно, без свидетелей. Расскажи подробно, как и почему тебе неожиданно предложили поменять место службы? — поинтересовался разведчик.

Иванов без утайки объяснил сложившуюся ситуацию. Макмэхен поверил словам своего агента. На этом и разошлись,

предварительно договорившись об очередном месте встречи.

* * *

Неделя прошла быстро: сборы в дальнюю дорогу, снятие с партийного учета, сдача дел новому работнику и уйма других забот в быту, не менее важных, чем служебные. И вот прощальная встреча агента с разведчиком. Володя находился, казалось, в хорошем настроении — шутил, призывал офицера не расстраиваться, не паниковать, взять себя в руки и сделать все возможное, чтобы со временем вернуться в Москву. Он передал «Каину» план связи путем личных встреч и через тайник «Гараж» (план связи был исполнен на специальной пленке и закамуфлирован в корпус шариковой авторучки) инструкцию с рекомендациями, шифровальный блокнот и 1000 рублей.

На этой встрече договорились о продолжении сотрудничества и оценили возможность получения гражданства США при условии активной работы. Макмэхен скороговоркой назвал какую-то сумму в долларах, якобы лежащих на счету Иванова в одном из банков Швейцарии (переспрашивать агент постеснялся). В конце беседы он еще раз напомнил о секретной информации, которая ему нужна.

— Нас интересует информация политического и военного характера. Особенно данные о Ракетных войсках стратегического назначения, местах дислокации, способах маскировки средств ядерного нападения. Нам важно знать о лицах в США, работающих на советскую разведку, сведениях, получаемых из Штатов разведками КГБ и ГРУ Генштаба, планах советского руководства в отношении Польши, причинах провала агента ЦРУ в МИД СССР Огородника и помощника военного атташе посольства США в Москве майора Холбрука. Да, чуть было не забыл, интересно было бы получить телефонные справочники Министерства обороны СССР, любые материалы по космической разведке.

Что же касается Яковлевки, то мы бы хотели иметь материалы по Китаю. Они там должны быть. Если встретитесь с какими-нибудь данными на перелетевшего в Японию летчика Беленко, будем рады их получить. Кстати, хотелось бы знать причины провала вашего коллеги Филатова… Когда приедете в часть, сразу настраивайтесь на сбор и хранение, естественно конспиративное, таких материалов: чем конкретно занимается ваша часть, кому подчиняется, сколько в ней личного состава, чем вооружена, характеристики боевой техники и частоты

радиосредств.

В первый же приезд в Москву, поставив метку, согласно новому плану связи, выйдите на встречу с нами.

«Неужели американцы ничего не знают о Яковлевке? Скорее всего будут перепроверять меня, да и свои сведения не прочь таким образом обновить. Понятно, я им здесь нужен, в Генштабе, а заинтересованность в яковлевском периоде моей службы понятна: боятся утерять меня — видать, нужен!» — размышлял шпион.

Разошлись на этот раз надолго. После беседы стало еще тревожней на душе, в которой гнездилось нехорошее предчувствие, нарастающее снежным комом с каждым часом. Возвращался Александр опустошенный. Дома его никто не ждал. С друзьями-собутыльниками встречаться не хотелось, мимолетных красавиц приглашать не желал. Такси долго не попадалось. Он вскочил в троллейбус и покатил в холостяцкое холодное жилище. Грели только сребреники, переданные «новыми друзьями». Предстояли нехитрые сборы. Завтра он пойдет покупать билеты на поезд.

* * *

Когда чекисты узнали о переводе Иванова на Дальний Восток, то приняли решение задержать «Каина» в вагоне поезда. Для этой цели уже готовилась оперативная группа, на которую возлагалась задача конспиративного ареста шпиона в районе Рязани. Цель — избавить американцев от испуга и «поиграть» с ними. Радетели благополучия своего агента могли негласно его «проводить».

У оперативников к тому времени уже имелись неопровержимые доказательства причастности офицера к агентуре ЦРУ. Ставка делалась на то, чтобы заполучить улики в виде шпионской экипировки.

Однако к вечеру оперативная обстановка изменилась. По докладу бригады наружной разведки, «Каин» в районе метромоста выбросил в Москву-реку какой-то предмет размером примерно 150х70 мм. Проверившись, он быстро удалился по направлению оставленной недалеко машины, взятой напрокат у подруги. Выходило, что он, возможно, срочно избавляется от улик, что встревожило не на шутку контрразведчиков. Как потом выяснилось, таким образом он избавился от «Минокса» и кассет к мини-фотоаппарату.

Другим важным обстоятельством, потребовавшим срочного внесения корректив в план операции по задержанию шпиона,

явились его непредсказуемые действия. В последний момент он решил лететь самолетом, чтобы выкроить пару дней для исполнения лебединой песни в Москве.

«Что это, заметание следов или предчувствие катастрофы? — подумал Кудряшов, рассматривая план действий на случай вылета подозреваемого самолетом. Оба плана были отработаны до тонкости и могли быть легко реализованы при любом варианте действий «Каина», не сдавшего в кассу железнодорожный билет.

«Агент чего-то опасается и пытается скрыться незамеченным из Москвы, — подумал Стороженко. — Наверное, шпионская экипировка при нем. Всю не выбросил».

Заместитель начальника отдела полковник Моляков предложил смелое решение: арест «Каина» произвести в аэропорту до посадки в самолет с тщательным досмотром его вещей и личным обыском. Он верил, интуиция профессионала подсказывала: шпионские улики будут при агенте.

Два резервных дня Иванов провел в обществе милой женщины, которой всецело верил. С нею он мог говорить на любые темы, кроме той запретной и опасной для нее…

* * *

Утром 2 ноября 1981 года он выехал на такси в аэропорт. Машина проскочила часть кольцевой дороги. По обочинам шелестели деревья с чуть держащимися на полуголых ветвях ржавыми листьями. Они бежевыми бабочками летели прямо по курсу машины, ударялись об ветровое стекло и уходили затем в причудливых виражах под колеса.

От выпитого вчера у Иванова шумело в голове. Но приятные воспоминания прошедшей ночи создавали душевный комфорт, появлялась словоохотливость. Он стал беседовать с водителем на пустяковые темы… Вот и аэропорт!

При регистрации билета возникли какие-то «сложности» с его оформлением. Дежурный администратор предложил утрясти вопрос у военного коменданта, где Иванов и был задержан оперативной группой. В ходе личного обыска удалось обнаружить две подозрительные авторучки. В корпусе одной из ручек находилась свернутая специальная пленка с подробным описанием операций по связи на период службы в ДВО и во время возможных приездов в Москву. Корпус второй ручки был предназначен для нанесения тайнописных текстов.

Шпион не сопротивлялся. Единственное, что он сказал:

— Сегодня я чертовски устал. Я сейчас не в форме, поэтому

никаких показаний давать не буду. Поговорим завтра. Заявлений и протестов делать не собираюсь. Все вы сделали профессионально. Дайте мне отдохнуть.

После этого он еще больше погрузился в кресло, словно надеялся отдохнуть именно в нем, и закрыл уставшие красные глаза.

* * *

Негласное задержание «Каина» диктовалось необходимостью проведения оперативной игры с американской разведкой. И действительно, сотрудники ЦРУ в Москве в течение почти года «питались» информацией своего агента, «приезжавшего» в командировки из Дальнего Востока в столицу.

Военные контрразведчики снабжали янки «добротной» информацией, получая за нее еще и деньги. Агент «работал» активно — ему верили.

Примером тому может служить одна из операций, проведенная 3 марта 1982 года. Известив поставленной меткой, согласно плану по связи, своих хозяев о «прибытии» в Москву, агент вышел на встречу в условленное место. Он надеялся встретиться с Володей — Макмэхеном. Однако, по указанию резидента ЦРУ, на встречу был направлен второй секретарь экономического отдела посольства, установленный чекистами американский разведчик Джозеф Макдональд.

Накануне операции американец специально мельтешил перед охраной посольства в светлом плаще и серой кепке. В этом же одеянии он выехал на машине в город на встречу с «советским другом».

В 20.30, держа в левой руке свернутую в трубочку газету — это был условный сигнал — Иванов стоял недалеко от входа на Даниловское кладбище. Он ждал Володю, все время озираясь по сторонам. В сгущающихся сумерках он пытался в прохожих разглядеть знакомую фигуру своего патрона. Однако к агенту подошел не Володя. Это был незнакомый мужчина, выше среднего роста, в темном пальто и черной меховой шапке из кролика, с белой полиэтиленовой сумкой в руке.

— Вы друг Володи? — обратился он к Александру.

— Да, и прошу передать ему привет, — ответил на пароль отзывом агент.

— Меня зовут Алик, — представился незнакомец, внимательно разглядывая своего помощника.

Иванову показалось, что американец нервничает и чего-то

остерегается. Он постоянно крутил головой, по-воровски озираясь по сторонам и уводя своего агента в глубину темной аллеи. Там начался буквально вопросный прессинг: когда приехал, что привез, как служится…

Беседу записывал на диктофон, который после опроса спрятал во внутренний карман пальто. Из бокового кармана он достал авторучку и передал ее Александру.

— Здесь новый план связи, новые задания по сбору информации, — на лету спешно растолковывал предназначение «хитрого самописца». Потом он снова вытащил диктофон и стал записывать дополнительные ответы. Когда же агент напомнил обещание передать ему 10 000 рублей, Алик выключил диктофон и опять положил его в карман, а Александру вручил пакет с деньгами.

— Сколько тут? — спросил агент.

— Столько, сколько просил, — последовал ответ.

— Ну, спасибо, а то я совсем на мели. Поиздержался — долги, покупки, цены кусаются на Дальнем Востоке. Передайте привет Володе.

— Вы нам здесь нужнее, особенно сейчас и завтра…

* * *

В кабинете следователя Иванов пересчитал деньги -2000 рублей.

«Что это, вместо десяти тысяч целковых передал только две? Забывчивость или прикарманивание? Не случайно же Макдональд не называл в беседе цифру, уклонялся от разговора на эту тему и прятал диктофон, когда заходил разговор о финансах, — рассуждал подследственный. — Явно обманул он свое начальство. Оказывается, крохоборы и у них есть».

Передав через Макдональда агенту шпионские инструкции, американцы невольно «позаботились» о профессиональной подготовке не столько своего помощника, сколько военных контрразведчиков — естественно, не зная, что тот уже под чекистским колпаком.

Вот что было написано в инструкции для пользования авторучкой:

«Внешне авторучка ничем не отличается от обычной, и ею можно писать, как любой другой. Для нанесения тайнописи необходимо убрать вовнутрь пишущий стержень, а концом корпуса наносить тайнописный текст на листах чистой бумаги или полях

книги. Писать следует только на бумаге хорошего качества. В случае сильного давления могут появиться коричневые следы…»

…..В ожидании уголовного процесса Иванов часто предавался философским рассуждениям. Он считал свой суд над собой, несомненно, выше державного.

Обиды на чекистов он не таил. Пройдет еще несколько месяцев, и в 1982 году в зале заседания Военной коллегии Верховного суда СССР он скажет, что глубина его падения велика, но она была бы неизмеримо большей, если бы военные контрразведчики на ранней стадии не пресекли зло, не остановили его падения в пропасть.

Трудно было понять, чего было больше в таком неожиданном пассаже: искренности на исходе душевной разрядки или скрытности в тактике самообороны.

Вместе с тем как человеку, работавшему по этому делу, анализировавшему материалы падения незадачливого «бизнесмена от секретов», Стороженко было жалко, в хорошем понимании этого слова, сломанной судьбы молодого, способного, но, к сожалению, избалованного человека.

Самое главное в рассуждениях Иванова — то, что вину за случившееся он полностью взял на себя. Значит, прозрел и покаялся!

Позади молодой жизни остался кошмар плавания по морю предательства, впереди текла река искупления, по которой ему надо будет плыть. Упавший да сумеет подняться, чтобы идти дальше!

Но пришлось Александру снова падать — авантюрную натуру не переделаешь. После освобождения из заключения он некоторое время поработал на хлебном месте в ЗАО «Мемориал», а потом умолил американцев, чтобы его приняли «по заслугам» в США. Так он оказался на новой родине. Но денег, оказывается, и там ему не хватало. В швейцарском банке тоже денег не оказалось — обманули янки. И он решил с подельниками ограбить банк. Его задержали, судили и дали срок — 15 лет. Сейчас он отбывает наказание. Но вот еще один штришок в его автобиографии. В начале 2008 года в США вылетала со съемочной группой корреспондент и продюсер программы «Русские сенсации» Оксана Матвеева. Она посетила музей шпионажа и хотела взять интервью у Олега Калугина, но тот скрылся. А с Александром Ивановым — нашим «Каином» — помогли связаться по телефону. На просьбу поговорить с русским сидельцем директор тюрьмы дал добро. Она позвонила зэку Иванову.

— Я дам вам интервью только за деньги, — ответил бывший

шпион, а теперь гангстер.

— Тогда сколько я вам должна заплатить?

— 17 000 зеленых, — последовал ответ казенного человека.

Интервью не состоялось…

Глава двенадцатая
Крушение планов «Сома»

Предосторожность проста, а раскаяние многосложно.

И. Гете

Майская ночь выдалась душной. Соловьиные трели полнили слух. Казалось, чернильная мгла пропитана песнями птиц. Один перещелк накладывался на другой. Звуки неслись со всех сторон, создавая музыку весеннего леса. Подполковник Сметанин с женой, молодой и статной, вместе с друзьями отдыхали на природе. Бренчала гитара. Горел костерок, бросавший оранжевые всполохи на светло-зеленый скат палатки. Когда гитара умолкала, сразу же усиливался соловьиный натиск, так благотворно действующий на настроение человека.

— Как хорошо здесь! Приволье, свежесть, — промолвила Светлана, обращаясь к мужу.

— Нет, за границей лучше. Вспомни Францию: как там жилось! Разве под Парижем были хуже места! — парировал Геннадий.

Так получилось, что они незаметно отделились от компании, сидели в стороне и наслаждались звездами, осыпавшими небосвод сплошным искристым конфетти. Соловьи не унимались…

Предстояла офицеру вторая заграничная командировка. Теперь он направлялся по линии ГРУ Генштаба помощником военного атташе посольства СССР в Португалию.

В Главное разведывательное управление Сметанин Геннадий Александрович был направлен в 1971 году сразу после окончания Киевского высшего общевойскового училища.

Услужливый характер молодого офицера заметил начальник политотдела и взял его в порученцы. Мальчиком на побегушках он пробыл несколько лет. За период «ответственной» службы у него появились гонор, леность, завышенные претензии на выезд за границу. Считая себя по интеллекту выше сослуживцев, он делал все возможное и невозможное, чтобы начальник узнал о его сокровенном желании. А в том, что со временем он поедет за границу, был больше чем уверен, — патрон поможет, стоит только заикнуться.

Однажды — это было еще накануне первой

загранкомандировки — генерал сам завел разговор на тему поездки за кордон, упрекнув его, Сметанина, за холостяцкий образ жизни и нетипичное поведение для офицера военной разведки, серьезно думающего о завтрашнем дне.

— Дорогой, в заграничные командировки мы посылаем только семейных, так что скорей обзаведись супружницей, но не спеши, не бери первую попавшуюся — семья должна быть крепкой, — подсказал как-то ему начальник политотдела.

Когда вероятность поездки за границу появилась на горизонте, Сметанин срочно женился на вчерашней десятикласснице. Она была намного моложе супруга, но разница в возрасте нисколько не смущала Геннадия. Вскоре молодая чета убыла в первую длительную заграничную командировку во Францию. Начальник сдержал слово!

* * *

Таким образом у военного атташе в Париже появился соглядатай из политотдела главка. Поэтому с первых дней пребывания Сметанина в аппарате военного атташе его начальник держал подчиненного на определенной дистанции, редко пользовался его услугами как переводчика, тем более что сам сносно знал французский язык. Сметанин почувствовал настороженность руководителя, но воспринял это как свою, пусть небольшую, «номенклатурную силу».

«Ничего, я его заставлю со мной считаться», — часто повторял про себя этот пострел, упиваясь мыслями о всемогуществе московского патрона.

Командировка во Францию с 1974 по 1977 год в личном плане прошла благополучно. Семья приоделась, приобрела трехкомнатную кооперативную квартиру, автомобиль «Жигули» последней марки, пополнила и освежила интерьеры комнат.

Приезжая в отпуск, Сметанин привозил дорогостоящие подарки своему покровителю. Начальник «сувениры» брал, но при этом наигранно возмущался, хитрил, как лис:

— Геннадий Александрович! Ну зачем вы тратитесь? Мне совестно принимать от вас такие вещи.

— Пустяки, Петр Григорьевич, — лукаво отвечал подчиненный, — там стоит это всё копейки. Я же получаю сейчас прилично. Спасибо вам.

В разряд «сувениров» входили столовые наборы, радиоаппаратура, одежда, книги, письменные принадлежности и прочее.

По возвращении Сметанина из командировки начальник политотдела пригласил его с женой к себе домой. Расчет хозяина был тонок — подчиненный не трудоустроен, значит, не будет скупиться на дорогие подарки. Тем более он мечтает продолжить службу не где-нибудь, а в центральном аппарате.

Гости явились с двумя тяжелыми и объемными сумками. На скромном столике, который сервировала жена генерала, вдруг появились виски, французский коньяк и вина. Сели, выпили, закусили. Захмелевшая компания зашумела, стали обниматься, клясться друг другу в «вечной дружбе». Генерал пообещал найти приличное место для «дальнейшего профессионального роста перспективного офицера».

Вечер прошел для Сметанина, как он потом признался жене, на все пять баллов. Геннадий, хищник по натуре, понял нутром, что теперь шеф у него в руках. И действительно, даже жена генерала, просмотрев содержимое дарованных коробок и пакетов, заявила мужу, что Геннадия надо поддержать.

Не без помощи всемогущего покровителя майор Сметанин попадает на участок стратегической разведки европейского региона. Он быстро сообразил, что это подразделение является своеобразным трамплином для очередной командировки в одну из центральноевропейских стран. Прогноз вскоре оправдался. Сметанин неожиданно для его новых непосредственных руководителей попадает в число первых кандидатов на поездку в качестве помощника военного атташе в Португалию. Поднявшийся поначалу ропот среди сослуживцев, недовольных незаслуженным поощрением очередного «перекати-поле», быстро затих. Через несколько месяцев, как и ожидалось, семья Сметаниных отправилась в очередной командировочный вояж за границу…

* * *

А тем временем на стол Стороженко легла обобщенная аналитическая справка на Сметанина. Ее подготовил оперативник, отвечающий за безопасность европейского участка ГРУ.

— Почему же вы не доложили эти материалы по Сметанину мне до его отъезда за границу? — спросил Николай Семенович.

— Материал получен от человека, возвратившегося недавно из госпиталя. Это был единственный офицер, которого подпускал к себе Сметанин.

— Надо поправлять положение. Изучайте тщательно

обстановку вокруг этого подозрительного субъекта. Завтра подготовьте и доложите ваши предложения с учетом новых данных, полученных из-за рубежа от наших коллег.

Дней через десять после этого разговора «по душам» подчиненный доложил Стороженко, что жена Сметанина обратилась к своей матери с просьбой продать мебельные гарнитуры из их спальни, кухни, прихожей, а также недавно купленную автомашину ВАЗ шестой модели. Женщина устроила настоящие торги.

В ходе дальнейшей проверки Сметанина военные контрразведчики узнали кое-какие подробности. Выяснилось, что нажитые вещи по неизвестным пока причинам продавались в спешке, причем по смехотворно низким ценам. Свои действия супруги объясняли в письмах родственникам легкостью приобретения более модной хозяйственной утвари за границей и желанием обновить интерьер квартиры и свой гардероб. Упор делался на наличие приличных сумм в инвалюте, заработанной в Португалии.

Жена Сметанина стала усиленно изучать английский язык, который в стране пребывания никогда не был ходовым. И еще, она вдруг перешла на нижеоплачиваемую работу в посольстве. Новая должность открывала ей доступ к режимной информации.

В одном письме она попросила мать срочно прислать в Лиссабон все семейные дубленки: мужа, свои и дочери. И это в страну, где ртутный столбик не опускается ниже тринадцати градусов выше нуля!

Кроме того, скоро оперативником была составлена справка об итогах углубленного агентурного изучения Сметанина как в быту, так и на службе. В материалах отмечались элементы его повышенной конфликтности в коллективе, заносчивости, неудовлетворенности служебным положением и занимаемой должностью…

* * *

По прибытии в Португалию через некоторое время Сметанин обратился к резиденту ГРУ с просьбой:

— Товарищ полковник, я хотел бы получить разрешение тренироваться на частных кортах. Там часто бывают представители других посольств, в том числе и США. Можно было бы выйти на интересные связи.

Атташе внимательно выслушал соображения офицера, поинтересовался его спортивной формой, задумками о способах

установления связей и предупредил:

— Разрешаю, только смотрите, не поддавайтесь нашим соперникам. Будьте осторожны, там играют профессионалы-разведчики, они не только искусно обращаются с теннисными мячами, но хорошо играют и в другие известные вам игры. Помните о том, что вам сразу же будет брошен крючок с наживкой. Потом доложите о своих первых впечатлениях.

Если бы знал руководитель, что в голове у Сметанина уже созрел план предательства, что выходы на тренировки в теннис ему нужны как удобная ширма для прикрытия будущих встреч с американцами, а в личный блокнот он заложил к тому времени огромный объем уже собранной секретной информации. Не ведал резидент и о том, что Сметанин собирается на основе этих материалов написать книгу и издать ее в США, конечно же за «зеленые».

В голове Геннадия вызрел дерзновенный план личного обогащения: заинтриговать представителей американских спецслужб в Лиссабоне принадлежностью к советской военной разведке, использовав для приманки некоторые секреты и посольские сплетни, а затем разыграть роль проигравшегося в рулетку. После чего запросить с янки тысяч триста долларов якобы для покрытия образовавшейся недостачи в оперативной кассе, откуда им будто бы были взяты деньги.

Во время очередного посещения теннисного корта Сметанин вышел со своим предложением на военного атташе США в Португалии полковника Нортона, который тоже занимался игрой в теннис, подыскивая способных «спарринг-партнеров». Американец вначале не поверил удаче, неожиданно обрушившейся на него, — подполковник советской военной разведки, имеющий на связи агентуру из числа местных граждан и иностранцев, вдруг предлагает свои услуги!

Договорились предметно обсудить эти вопросы у него на вилле, куда Сметанин пришел на следующий день. Там советский авантюрист и рассказал американцам свою байку: дескать, проигрался и задолжал 265 тысяч долларов.

— Господин Сметанин, я понимаю вас, — обратился Джон Нортон к советскому офицеру, — но вы должны войти и в мое положение. Сумма, запрашиваемая вами, достаточно велика, и ее выдачу мне надо согласовать с Центром при одном условии — если товар в дальнейшем окажется качественным, нужным нам. Кроме всего прочего, нужен аванс. Вы, я думаю, поняли, какой?

— Вас не постигнут разочарования, — почти торжественно ответил подполковник.

* * *

Качество товара высоко оценил представитель ЦРУ, как только Сметанин назвал часть того, чем он располагал. «Слив» материала серьезно заинтриговал янки. Договорились встретиться через неделю на этой же вилле.

Ровно через семь дней он снова навестил Нортона, который сразу же пригласил его в соседнюю комнату. Предатель опешил: в ней находились двое неизвестных, сидевших за небольшим столиком с какой-то аппаратурой.

— Господин Сметанин, — начал высокопарно Джон, — перед вами мои коллеги, опытные специалисты своего дела. То, что вы военный разведчик, нам известно, но пока неясна ваша искренность. Поэтому, прежде чем вручить вам доллары, мы должны вас проверить на полиграфе. Надеюсь, слышали о таком агрегате?

— Да! Его у нас в Союзе называют «детектор лжи».

— Вы согласны принять наши условия?

— Согласен. А чего мне бояться?! Я вам рассказал правдиво о том, кто я и что знаю, — ответил советский офицер и внимательно посмотрел на незнакомцев, которых Нортон по имени так и не представил.

— В таком случае садитесь в кресло у столика, — американец указал на специально оборудованный уголок с аппаратурой, от которой разноцветными щупальцами расходились провода.

Так началась проверка россиянина на шпионскую благонадежность. Ответы требовались мгновенные и короткие. Вопросов было около тридцати — ясных, четких, подготовленных опытными психологами. Боковым зрением он улавливал сосредоточенные взгляды соглядатаев — двух американцев, которые изучали мимику — движения лица, выражающие внутреннее, душевное состояние. Вопросы задавал Джон. Он же следил за показателями на мониторе. Вопросы были «разнокалиберными»: от установочных биографических данных и до подробностей проигрышей в рулетку и на других игровых автоматах. Вскоре поединок человека с электронной машиной завершился. Завершился победой первого — детектор не определил откровенную ложь проверяемого. В глазах Сметанина хваленый заморский аппарат психологических отгадок был окончательно посрамлен, и сделал это он, Геннадий. Ему казалось, что он уже держит бога за бороду.

— Да, эту чудо-машину действительно не обманешь, — словно в насмешку бросил испытуемый оглупленной и посрамленной троице.

— Она нас еще ни разу не подводила, — процедил скупо Джон Нортон.

Когда процедура закончилась, он предложил Геннадию пройти в другую комнату. Там они были наедине. Американец открыл сейф, усадив предварительно продавца товара в кресло. Он достал туго перевязанный крест-накрест целлофановый пакет. Дрожащими руками протянул его Сметанину.

— Здесь двести шестьдесят пять тысяч долларов. Мы вас выручаем в тяжелую минуту. Америка ждет от вас самоотверженной отдачи.

— Постараюсь оправдать ваше доверие и вернуть в последующем долг. Я его отработаю по частям, — отчеканил подполковник — новоявленный «крот» в аппарате военного атташе.

— Ну а теперь необходимо оформить передачу вам денег — напишите расписку в их получении.

Когда бумага была готова, Нортон внимательно прочитал ее и сразу же спрятал в коричневую кожаную папку с замком-молнией. Обрадованный успехом, Сметанин поспешно уложил деньги в спортивную сумку. После этого американец объявил вновь обретенному агенту кличку «Сом», а затем продолжил выпытывание дополнительной информации о жизни посольства и двух резидентур — КГБ и ГРУ…

* * *

Все случившееся не обескуражило офицера. Заботило одно — как побольше денег выторговать за подготавливаемые для выдачи сотрудникам ЦРУ секреты. «Американцы будут получать от меня дозированную информацию. Какое-то время, — размышлял предатель, — подержу их на полуголодном пайке. Пусть знают, что ее добыча — дело трудоемкое, опасное, как у шахтеров добыча уголька, а потому и стоит больших денег. А что касается информации, то ее у меня немало. Буду торговаться…»

Возвращался Сметанин в посольство удовлетворенный «тренировкой» на теннисном корте. Войдя в квартиру (жены дома не было), он с наслаждением пересчитал пачки купюр, словно грелся возле них, и спрятал деньги в платяной шкаф. В голове промелькнул афоризм в оправдание своего поступка: считается, что любовь к деньгам — корень всех бед. То же можно сказать и про отсутствие денег. Деньги, если они есть, — трава; если нет — голодная смерть. В конце концов, деньги не имеют никакой морали. Я их заработал и заработаю еще головой.

Затем он продумал объяснение на случай, если жена их неожиданно обнаружит, — доллары служебные, взятые из оперативной кассы, и предназначены для оплаты хорошо работающего агента-иностранца.

Прошло десять дней. Деньги он постоянно перепрятывал, но жена все-таки на них случайно наткнулась. Она потребовала честных объяснений. И супруг раскололся:

— Милая, я тебе давно хотел сказать, что у меня созрел дерзновенный план нового обустройства нашей жизни — остаться на Западе, не возвращаться в эту загнивающую Россию, где за любой труд платят одинаково — копейки. Мы в ней остались рабами, несмотря на 1861 год. А 1917 год сделал селян рабами. Они жили без паспортов с единственным правом работать за копейки-трудодни на государство, считай, на партийное чиновничество. Это было разве не советское рабство? А теперь можно ли сравнить жизнь у нас и здесь?

— Но нам потом не будет так хорошо, как сейчас, — тяжело вздохнув, ответила жена.

— Вот ты и подошла к ответу на вопрос. Понимаешь, надо просто иметь деньги. Зарабатывать и зарабатывать капитал. У нас должен быть на черный день фонд, пополняемый каждый раз. Каким образом мы будем зарабатывать — это другой вопрос. Любые проблемы решаются быстро, когда кошелек тяжелый. Я собираю материалы для книги, которую планирую издать через несколько месяцев после того, как мы останемся в свободном мире. Думаю, получу за нее немалый гонорар, причем в долларах. А пока, как ты догадалась, я кое-что отложил на тот черный день, о котором я тебе сказал раньше.

С этими словами он развернул пакет и в присутствии жены пересчитал «зеленые». Было ровно 265 000 долларов!

Светлана застыла каменным истуканом, и из ее груди вырвалось одно-единственное слово:

— Гена!!!

— Я работаю на ЦРУ, — расставил все точки над «и» супруг. — Будем считать эти деньги фундаментом нашего будущего дома. Получил я их от американцев.

— А они не фальшивые? — спросила супруга.

— Черт его знает, не проверял. Все, конечно, возможно, но не думаю, чтобы янки так низко пали.

— Надо проверить несколько купюр.

— Обязательно. Но есть опасность попасть в поле зрения местных спецслужб, а то и вляпаться в скандал с полицейским финалом, если вдруг они окажутся фальшаком.

* * *

Уверенность, которую демонстрировал Геннадий перед женой, гипнотически подействовала на женщину: она согласилась со всеми доводами мужа, возмечтавшего «обновить» жизнь.

Прошло не так уж много времени, и Сметанин, поддавшись уговорам Нортона, отвез на конспиративную квартиру, расположенную в гостинице «Паласио душ Сатеанш», супругу, которую американцы тоже завербовали: она также дала подписку о сотрудничестве на добровольной основе. Закрепили вербовку молодой женщины получением от нее секретных материалов и вручением агенту в юбке золотой цепочки.

Дело в том, что, устроившись в консульский отдел советского посольства, Светлана Сметанина по заданию мужа копировала документы режимного характера. Именно эти материалы и передавались американцам.

В города Линда-а-Велья и Кашкайш Сметанин выезжал на своей машине, где и проходили его встречи с американскими разведчиками.

Встречаясь со своей агентурой из числа местных граждан, Сметанин не опасался португальской контрразведки, так как весь свой негласный аппарат он уже «засветил» перед ЦРУ. Агентуру советской военной разведки из португальцев начали арестовывать. Оборотень в погонах, предатель докладывал: это, дескать, результат некачественного ее подбора предшественниками.

Взамен он предлагал подставленных американцами, якобы своих кандидатов, по всей видимости, работавших вместе с португальскими спецслужбами. Они были «живучи», однако по вполне понятным причинам никакой серьезной информации не давали. На службе «Сом» использовал любую возможность по сбору информации для своих новых хозяев.

То из раскрытой рабочей тетради сослуживца, вышедшего «на минутку» из общей рабочей комнаты, выудит установочные данные на кандидата в агенты или доверенное лицо. То подсмотрит адрес конспиративной квартиры. То в результате бесед с коллегами получит сведения о тактико-технических характеристиках отдельных видов современного оружия и боевой техники. Многие ведь офицеры до работы в ГРУ служили в боевых частях.

С особым старанием он делал выписки из шифротелеграмм, а иногда, в зависимости от их важности, переписывал или ксерокопировал полностью. Подробно описывал места закладки тайников для агентуры из числа иностранцев. Одержимый

страстью накопительства, он не останавливался ни на минуту в сборе секретной информации, боясь расслабиться и потерять навыки выуживания секретов. Сметанин работал на «огромную» перспективу.

Супруга никогда ни в чем ему не возражала. Так было заведено с первых дней совместной жизни. Он подавлял жену своим авторитетом. В ее же сознании укоренилось примитивно-мещанское понятие: муж — кормилец, а она — слуга, которая должна готовить, одевать, обстирывать, ублажать благоверного.

* * *

Возвращаться Сметанины в Союз для прощания с родственниками поначалу не планировали. И все же жена уговорила Геннадия съездить в отпуск: в одном провинциальном татарском городке проживала его мать, которую он давно хотел навестить.

На очередной встрече с Джоном «Сом» сообщил о вероятной поездке на родину, на что американец заметил:

— Геннадий, если останешься в Москве и не вернешься в Португалию, всякое бывает в нашей службе, то ты должен знать, что и как делать. Я подготовлю тебе план операций по связи и кое-что из экипировки. Следи за обстановкой вокруг себя, ты едешь уже в новом качестве домой, будь бдителен. Контролируй и анализируй реакцию и действия начальства.

Договорились через неделю повидаться на конспиративной квартире. «Сом» был подготовлен к этой встрече как никогда: решил порадовать хозяина обширной секретной информацией, оставив у себя, как всегда, еще больше про запас. Он любил, как заправский спекулянт-ворюга, сплавлять товар порциями — оптом не продавал, боялся продешевить. В блокноте, который он в шутку называл «погребок», отмечал красным карандашом то, что уже продано американцам.

Нортон встретил «Сома» любезно, обнял его и усадил в кресло, а затем налил в рюмки виски.

— Геннадий, я тебе кое-что приготовил.

— Господин Нортон, — перебил его Сметанин, — начнем, если это можно, с моей просьбы.

— Готов выслушать.

— Дело в том, что скопившиеся деньги я не хочу оставлять в пустой квартире, поэтому пусть они полежат у вас до нашего возвращения. Конспирация — превыше всего!

С этими словами он достал из сумки и передал Джону пакет,

перетянутый полупрозрачным скотчем. В пакете находилось 270 000 долларов. «Сом» заявил, что деньги эти собраны им с женой за время работы на две разведки.

— Я думаю, ты правильно поступаешь. Без присмотра такую сумму держать нельзя, тем более если тебя неожиданно оставят для дальнейшей службы в Москве, — не без резона заметил Джон.

Выпили по рюмке виски и по чашечке кофе. Говорили тепло и откровенно, рисуя перспективы семьи советского офицера в розовом цвете.

— Если ты не вернешься в Лиссабон, то деньги я переведу в швейцарский банк на твое имя. Название банка ты узнаешь потом. Там уже есть кое-какой капитал, тысяч двести тебе накапало. Конечно, ты нам нужнее в Москве, в Генеральном штабе. Сюда приехать всегда сможешь, я имею в виду не Португалию, а вообще Запад. Мы обеспечим тебе и твоей семье гражданство США. Большим трудом ты уже заработал это право, — хитрил американец, зная, что никаких денег в горной стране у агента нет и никогда не будет.

На этой встрече Нортон передал агенту очечник и очки, которые являлись по существу двумя камуфляжами, искусно изготовленными в лабораторных условиях технических служб ЦРУ. В первый был вшит план операции по связи на территории Москвы и в случае выезда за границу. В левой дужке очков находилась вмонтированная ампула с сильнодействующим ядом.

Интересно, что по этому поводу патрон заметил:

— Милый друг, в нашей работе могут быть всякие неожиданности, и ты не застрахован от них, поэтому имей в виду, что у тебя теперь будет оружие для защиты от советской контрразведки. Живым в руки чекистов себя не отдавай.

Слова американца буквально потрясли агента своей «заботой» — холодностью и безразличием к его судьбе. Он с испугом посмотрел на очки, в дужке которых таилась его смерть…

* * *

Последний отпуск перед заменой люди обычно используют для вывоза из страны пребывания приобретенных вещей. Сметанины не продали никому ничего из мебели в квартире, а перед самым отъездом в Союз даже прикупили японский телевизор, который в то время по радиочастотным параметрам можно было использовать только в западных странах.

Рассказ об усердии «Сома» будет неполным, если не поведать

о его стараниях подготовить себе двойника по предательству. Он в течение полугода искал подходы к угрюмому шифровальщику посольства капитану Агафонову, которого недолюбливал и считал закомплексованной личностью. С одной стороны, он это делал по просьбе Нортона, которому хотел показать свои профессиональные качества, а с другой, чтобы заработать новую порцию долларов, понимая, что за подбор кандидата янки солидно заплатят.

И вот метаморфоза: Сметанина обуяла «любезность» к не замечаемому им ранее офицеру. Он стал все чаще приглашать шифровальщика с женой в поездки за город на отдых. Завязалась дружба между семьями. Обменивались гостевыми визитами, жены посещали вместе лиссабонские магазины, а мужья навещали бары и ресторанчики. Наивный капитан не подозревал в подполковнике лукавства и коварства. Прозрение наступило в один из августовских вечеров, когда Сметанин предложил Агафонову «сходить попить пивка».

— Пойдем, Петруха! Я нашел одно приличное заведеньице. Отменное обслуживание, прелестное пивцо, — предложил старший «друг». — Не пожалеешь!

— Согласен, душно же! — заулыбался Петр Агафонов.

Шли какими-то улочками, проходными дворами и наконец увидели незаметный пивной бар, прилепившийся ласточкиным гнездом у цоколя старинного дома. Рядом располагался рынок. Он был пуст почему-то в тот день. Заказали столик. Официант принес пиво, креветки.

Про остальное Агафонов уже ничего не помнил…

Так, во всяком случае, он по собственной инициативе рассказал оперативным работникам, беседовавшим с ним после ареста «Сома». Потом он изменит свои показания и заявит, что его пытались склонить на свою сторону американцы, но он вербовщику по имени Джон так двинул по скуле в ходе «вербовочной полемики», что тот оказался в нокдауне.

Смутно помнится и второй эпизод, когда он нанес другому американцу и Сметанину удары ногой в область паха. Его потом пытались задержать, но он вырвался из цепких рук, оставив им «на память» свою куртку из натуральной кожи. Никому не доложив о происшедшем, на следующий день он набил физиономию своднику, после чего они мирно разошлись, дико боясь друг друга.

Тем временем Сметанин без помех оформил отпуск…

С женой и дочерью он подлетал к Москве. Через иллюминатор четко просматривались, словно подсиненные неведомым чародеем-художником, водоемы, разноколерные

участки полей, лесных массивов, голубые жилки речушек и русло Москвы-реки. Потом поплыли серые бетонные коробки домов. Самолет сделал разворот, и стремительно понеслись навстречу аэровокзальные постройки и посадочная полоса.

— Ну, Света, вот мы и дома. Но ненадолго. Я думаю, дней двадцать нам хватит, чтобы решить все проблемы и поскорей смыться, смыться навсегда отсюда, из этого «абсурдистана».

— Все будет зависеть от того, как скоро управимся, — ответила супруга.

— Теща все сделала — молодец. Ну, почти все. Останется навестить только мою старушку — дней десять будет достаточно на прощание с матерью, другими родственниками и родным краем.

…Таможенный контроль прошли спокойно, без осложнений, хотя у Сметанина нервы напряглись при мысли о непредвиденном досмотре. Однако он ее тут же отогнал, ведь у него зеленый дипломатический паспорт. Затеяв черное дело, постоянно остерегался, не доверял окружающим.

На вторую ночь после приезда в столицу он пришел к выводу о необходимости провериться — нет ли слежки? На ошибочный звонок прореагировал довольно-таки оригинально. Когда незнакомец понял, что не туда попал, и сразу же положил трубку, последовали короткие гудки — линия занята. Хозяин моментально сообразил, что ситуация должна сработать на его «положительный имидж» в случае прослушки, и он как ни в чем не бывало продолжал «беседовать».

— Петя, дорогой мой дружище, привет тебе, привет… Да, старик, мы приехали, а завтра уже уезжаем на мою родину к матери. Как я соскучился по России. Ну, хорошо, если ты настаиваешь, буду минут через десять. Какой-какой, повтори, номер твоей машины? Понял. Будешь у метро. Вот и хорошо!

Ровно через несколько минут он покинул квартиру. Часы показывали 23.30. Геннадий вышел из подъезда, оглядываясь по сторонам, прошел вокруг своего квартала, используя для возможной фиксации «наружки» и отрыва от нее проходные дворы и открытые пространства сквера. Ничего подозрительного не заметив, возвратился домой.

* * *

Вызывали беспокойство полученные от американцев очки и очечник. Утром, подойдя к расшторенному окну, в стекла которого бархатным оранжевым лучом уперлось солнце,

Сметанин долго рассматривал левую дужку очков, исследуя ее на просвет и запах. Очечник глубоко прощупал. Внешне в этих предметах ничего подозрительного не обнаружилось. Очки и очечник, словно взведенное оружие, он осторожно положил в кейс, с которым решил не разлучаться и в отпуске.

В оборудованном наспех тайнике за платяным шкафом Геннадий спрятал черновик своей будущей книги — еженедельник «Аэрофлот», напичканный собранной шпионской информацией.

— Света, — обратился он к жене на следующий день после ночного выхода из дома, — у меня такое чувство, что нас могут оставить служить здесь — интуиция подсказывает.

— А как быть с вещами? — встревоженно спросила супруга.

— Их отправят контейнером или соберут в багаж.

— А почему руководство так может поступить?

— По оперативным соображениям. Есть такой термин в разведке, и ничего против него не возразишь, не попишешь, как говорится… Тогда ты одна смотаешься в Лиссабон, чтобы собрать и отправить вещи в Союз. Ребята помогут.

— А может, уедем?

— Может.

— А что тогда будем делать с деньгами, вырученными от продажи машины и мебели? — спросила жена.

— Потратим в отпуске, а оставшиеся раздадим родственникам, прежде всего твоей матери. Это если за границу будем возвращаться вместе. Часть израсходуем на себя — мы же должны достойно прожить последние дни в стране абсурда, — зло закончит свой ответ Геннадий.

Она что-то ответила и стала возиться у кухонного стола.

Беседуя с тещей по телефону, Сметанин дал ей очередное поручение: после убытия их в Португалию продать оставшуюся мебель и другие вещи, а деньги взять себе.

— Мы обеспечены. Привезем большие деньги и купим все новое, — пудрил мозги старушке зятек.

* * *

…Поездка на малую родину прошла для Сметанина по задуманной им заранее схеме. Покидая навсегда престарелую мать и отчий дом, он ничем не выдал себя. Возвращался в Москву с хорошим настроением. Не омрачал его даже находившийся при нем кейс со зловещим содержимым.

Военные контрразведчики вместе с другими

подразделениями КГБ ко времени отъезда Сметаниных за пределы Москвы уже располагали необходимыми доказательствами их преступной деятельности.

На рабочем совещании в отделе, возглавляемом к тому времени опытным оперативником полковником Моляковым, со временем ставшим генерал-полковником — руководителем военной контрразведки СССР, было решено задержать подозреваемого в шпионаже Сметанина в пассажирском вагоне при возвращении его в Москву. Такая поспешность объяснялась тем, что всесторонний анализ имевшихся данных убеждал чекистов, что уликовые материалы в виде шпионской экипировки он носит с собой.

Операция по задержанию супружеской четы прошла успешно. В ходе личного обыска Сметанина, как и предполагалось, в кейсе нашли очки с ампулой сильнодействующего яда, гарантирующего моментальный летальный исход при раздавлении ампулы зубами. Это было средство для самоуничтожения в случае провала. Очки лежали в кожаном очечнике, при вскрытии которого под подкладкой было обнаружено семь листков с планом шпионской связи, подготовленным сотрудниками ЦРУ.

Обыск в квартире задержанных существенно расширил доказательную базу. Нашелся еженедельник «Аэрофлот» с записями, составляющими военную и государственную тайну.

Экспертиза вскоре подтвердила, что в ампуле действительно находится яд — цианистый калий, а еженедельник заполнен рукой Сметанина. Извлеченный из очечника план связи предусматривал все стороны регулирования шпионской деятельности и осуществления конкретной связи с представителями ЦРУ как на территории СССР, так и за границей.

Вот что говорилось в одном из разделов плана связи:

«Как слушать и расшифровывать наши радиопередачи:

Передачи разведцентра ЦРУ из Франкфурта-на-Майне будут передаваться в цифрах, разделенные на пятизначные группы, которые Вы сможете расшифровать при помощи таблиц расшифровки. Ввиду того, что только у нас с Вами имеется такая таблица, никто другой не сможет понять наши сообщения Вам.

Обязательно слушайте наши передачи наедине через наушники, чтобы посторонние не знали, что именно Вы слушаете…»

Далее в инструкции отмечалось, что включаться в активную работу следует спустя 10–11 месяцев после приезда на родину, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Агенту

рекомендовалось за год адаптироваться к новым условиям: привыкнуть к коллективу, войти в доверие к руководству, а после этого начать слушать радиопередачи:

«Летом — с 1 апреля по 30 сентября — по средам с 22.00, по пятницам с 23.00 в диапазонах 4770/6920 кГц -59.36.09 м; зимой — с 1 октября по 31 марта — по средам и пятницам с 22.00 в диапазонах 4770/6920 кГц — 62.89.35 м, время московское…

Вы будете знать, что передача «боевая», если цифра позывного сигнала будет 2, 5, 6, 7, 9. Если передача «холостая», то первая цифра позывного сигнала будет 1, 3, 4 или 0…»

* * *

В камере предварительного заключения у Сметанина было время подумать, как вести себя на следствии. Он выбрал путь лжи, на контакт со следователем не пошел. Пойманный практически с поличным предатель-агент юлил, оправдывался, выгораживал себя, цинично заявляя, что сотрудничал с американцами из-за желания «поиграть». Хорошая игра с выдачей своей агентуры!

По мере поступления новых обличающих его материалов он отказывался от первоначальных показаний и приводил иную интерпретацию фактов. Показывал мнимое раскаяние, обеляя себя даже в тех случаях, когда изобличался в предательстве и жестокости по отношению к сослуживцам и агентуре.

Жена Сметанина сразу же искренне призналась во всех преступлениях, которые совершала с мужем. Именно ее показания помогли во многом изобличать завравшегося шпиона, а также сохранить жизнь нескольким помощникам ГРУ за рубежом. Их успели вывести из-под удара местной контрразведки еще салазаровской школы.

Сметанин нервничал, нутром чувствуя, что следователь не очень доверяет его доводам, преследующим одну цель: больше сбросить с себя обвинений и поменьше вынести на процесс отягчающих обстоятельств.

Он охотно беседовал с адвокатом, искал хотя бы какие-то смягчающие обстоятельства, вел записи своих объяснений и пояснений, чтобы не сбиться с лживой линии при защите. Однако она всякий раз ломалась после очных ставок, показаний жены и других участников следствия. Вещественные доказательства и элементарная логика рушили все его умозаключения. Материалы экспертиз, допросов свидетелей из числа знакомых и коллег

буквально потрясли подследственного. Иногда у него просыпалось чувство реальности и он начинал говорить правду. Перечислял конспиративные квартиры, на которых его принимали американские разведчики. Называл магазины в Лиссабоне, где за доллары ЦРУ они с женой покупали ювелирные изделия и золото, — «Пимента», «Маршатан», «АСС» и др.

По мере приближения дела к завершению подследственный стал все больше нервничать. Обвинение, предъявленное ему, он вынужден был, за малым исключением, признать полностью…

На судебном же процессе Сметанин начал с новой силой лгать, изворачиваться, делать вид, что подписывал некоторые протоколы под давлением следователей, что его «попутал бес» из-за легкости полученных денег, которые он вначале мыслил «передать бедному государству». Однако под давлением неопровержимых доказательств ему оставалось только признавать и уточнять некоторые детали своей преступной деятельности. В ответ на предложение председателя Военной коллегии Верховного суда СССР опровергнуть или подтвердить его встречи на негласной основе с представителями ЦРУ Сметанин признался, что, будучи завербованным американской разведкой, он провел восемь встреч в доме № 1 по улице Партикулар в городе Кашкайше, одну — в гостинице «Париж» в Лиссабоне, одиннадцать — в отеле «Сибра» города Эшторила.

Он еще долго перечислял места конспиративных встреч, на которых продавал секретный товар заокеанским купцам.

Судебный процесс по делу шпионской четы Сметаниных установил объем секретной информации, которую они выдали американским спецслужбам. Вот неполный перечень выданного только супругом: кадровый состав загранаппаратов ПГУ КГБ и ГРУ Генштаба в Португалии, агентура резидентуры ГРУ, объекты оперативных разработок на иностранцев, конспиративные адреса, содержание 33 директив ГРУ, задачи и состав частей специального назначения СССР и многое другое.

Общественный обвинитель отметил, что основу предательства Сметанина составляли его личные негативные качества, которые по вине непосредственных начальников оставались долгое время незамеченными. Это прежде всего низкая мораль, корыстолюбие, неуживчивость в коллективе, зависть к успехам коллег и врожденное холуйство, позволявшее ему щеголять и прикрываться связями особого характера с одним из руководителей ГРУ.

Суд установил истину по делу и выдал шпионам по заслугам. Газеты «Правда», «Известия», «Красная Звезда» и другие за 1985 год сообщали о том, что Военная коллегия Верховного суда СССР

рассмотрела уголовное дело по обвинению в проведении шпионской деятельности агентов американской разведки супругов Сметаниных и приговорила:

«Г.А. Сметанина к исключительной мере наказания — расстрелу. С.И. Сметанину — к 5 годам лишения свободы в ИТК строгого режима с конфискацией имущества…»

* * *

Прошло несколько лет. По московской улице шла молодая красивая женщина, низко опустив голову. Ее бледное лицо, знавшее когда-то французский и португальский загар, сосредоточенно. Это торопливо шла, нет, скорее летела, как на крыльях, супруга Сметанина — Светлана, досрочно освобожденная по ходатайству органов госбезопасности из мест заключения. Она спешила к дочери. А в памяти еще не стерлись воспоминания о сытой и роскошной жизни за границей благодаря престижному положению супруга, о путешествиях по дорогам Франции и Португалии, Парижа и Лиссабона. Чего не хватало?

Прошла мимо своего бывшего дома и квартиры. Теперь там жили другие люди. Она направилась к отчему дому, где старики мыкают горе, позор и прозябание с внучкой — ее ребенком, ни в чем не виновным.

Где-то в душе просыпаются обида, злость, уныние, но они тут же и проходят, когда она открыла дверь и к ней в объятия бросилась вытянувшаяся и повзрослевшая дочурка.

— Мама, мама, как хорошо… Теперь мы будем жить вместе?! Мы вместе, ура! Не расстанемся никогда, правда, мама?

— Правда, правда, моя милая.

Женщина плачет от счастья, слезы катятся градом. В окно светит яркое весеннее солнце, предвещая наступление погожего дня. Впереди новая жизнь — трудная, но свободная и честная!

Глава тринадцатая
Сколько стоит счастье «коммерсанта»

Предательство, может, кому и нравится, а предатели ненавистны всем.

М. Сервантес

Полковника Васильева и его семью на Киевском вокзале столицы провожали родственники и друзья. Он был назначен на должность помощника военного атташе советского посольства в Будапеште. Как принято в таких случаях, все желали ему успехов на служебном поприще, а заодно и материального благополучия. И без того скудный бюджет семейства, как считал «бедный» полковник, подтачивали в последнее время подросшие дети, кусающиеся цены и личные, все возрастающие запросы.

Васильев слушал провожающих с какой-то отрешенностью. Он понимал, что эти люди пришли сюда в основном ради приличия.

— Ну, а теперь «погладим» дорогу, — с этими словами он откупорил бутылку и стал разливать в пластмассовые стаканчики пахуче-терпкий напиток. Посыпались советы, пожелания, напутствия…

Несмотря на радость, вызванную отъездом, Васильев чувствовал себя обойденным. Многие его однокашники уже по третьему заходу съездили в командировки в престижные страны, а он, летчик первого класса, окончивший Военно-дипломатическую академию, который год сидит на приколе. Правда, был один выезд. В начале семидесятых годов он попал в Канаду, но вскоре был выдворен оттуда в ходе начавшейся кампании против сотрудников советских спецслужб.

Говорили, что причиной столь массовой «засветки» наших сотрудников явилась чуть ли не работа «крота», служившего в посольстве, или агента влияния, орудовавшего в Центре. С годами, уже после горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ», у специалистов и журналистов подозрение пало на А. Яковлева и О. Калугина, имевших как косвенное, так и непосредственное отношение к канадскому региону.

* * *

Долго, очень долго пришлось ждать предложения выехать в очередную командировку. Хотелось попасть в капиталистическую страну, однако предложили Венгрию — без долларов, франков, марок, фунтов…

Тесть его будущего непосредственного начальника в Венгрии носил маршальские погоны. С одной стороны, это радовало — за таким руководителем, как говорится, не пропадешь, с другой — настораживала непредсказуемость поведения очередного баловня судьбы.

Возгласы провожающих вывели его из задумчивости. Приближалось время отхода поезда. Наконец электровоз плавно сдвинул с места зеленый состав и вагоны, поскрипывая, покатились на запад. Он с семьей в купе. Позади Москва, впереди Будапешт — столица незнакомой страны, осколок распавшейся империи под названием «Венгрия». Страна с прекрасными климатическими условиями и веселым народом.

Лежа на верхней полке, Васильев предавался сладостным мечтаниям. Ему казалось, что после трех лет пребывания за границей он обязательно приобретет машину, кооперативную квартиру, дачу на берегу речушки и заживет так же, как и его друзья-удачники. Он им почему-то всегда завидовал.

Будапешт приветствовал Васильева разливом рекламных огней, многоголосьем восточного вокзала Келети. Встречали семью будущие сослуживцы. Они же отвезли семейство в приличную, со вкусом обставленную квартиру: живи не хочу, хозяин!

На следующий день с утра полковник Васильев в форме авиационного офицера предстал перед военным атташе полковником Зобиным…

Служба вначале понравилась: протокольные встречи, представительские мероприятия, банкеты, экскурсии, дипломатические знакомства, несложные отчеты о проделанной работе — все же дружественная страна. Они с супругой вновь обрели мир, подслащенный, как было во все времена, дипломатическими любезностями, дежурными улыбками, искусственными жестами, за которыми стоял холодно-трезвый расчет с неистребимым желанием выудить «нужную» информацию.

Семейная чета окунулась в мир, где лицемерие превратилось в дань, которую порок постоянно платит добродетели. Благородные сердца там трудно уживаются, так как они говорят только откровенно, искренне, от всей души. Но именно в таких

условиях приходится работать всем разведкам мира и их рыцарям, в том числе и с благородными сердцами.

* * *

Дни, недели, месяцы пролетали быстро — незаметно из-за вживания в новую обстановку. Получаемые форинты и филлеры быстро таяли, грозя несбыточностью задуманным планам.

На протокольных мероприятиях он видел совершенно иные манеры западных дипломатов, отмечая про себя их внешнюю безукоризненность и внутреннюю раскованность, которых так недоставало нашим людям, вышколенным идейной закалкой марксистско-ленинской моралистики.

«У нас какая-то закомплексованность, мы до конца из себя не выдавили раба. Как жалок вид наших людей, как они затурканы идеологией! — часто в таком ключе размышлял Васильев.

В круговерти повседневности он все чаще и чаще ощущал себя униженным человеком, несмотря на принадлежность к супердержаве. Американцы — потомки смелых и решительных англосаксов, конквистадоров — вели себя нагло, высокомерно, напористо, порой даже дерзко.

Они всячески подчеркивали свою исключительность. Ведя с ними диалог, Васильев, как ни странно, не чувствовал скованности. Он с поразительной откровенностью обсуждал на протокольных встречах мировые проблемы, уровень жизни в своей стране, подчеркивал любовь к авиации и принадлежность к воздушным асам, даже слегка поругивал после «бесплатного» тоста партийное чиновничество и некоторые порядки в государстве и армии.

Особенно охотно беседовал с американским военным атташе полковником Ричардом Бакнером. Его непринужденность в общении, начитанность, знание русского языка притягивали Васильева.

Ричард всячески подчеркивал, что ему интересно беседовать с советским пилотом, так как он сам якобы собирался стать летчиком, но из-за неудовлетворительного состояния здоровья не был допущен к сдаче экзаменов.

Васильев оказался на любимом коньке. Фантазия откровенного рассказчика воодушевляла бывшего летчика. Реальные картинки и небылицы будоражили воображение. В свою очередь бывалому «летуну» казались искренними откровения Бакнера. Частые представительские мероприятия так «сдружили» двух полковников, что они вскорости перешли на «ты».

* * *

Однажды МИД Венгрии организовал для дипломатического корпуса, аккредитованного в Будапеште, поездку по достопримечательностям столицы. Автобус часто делал достаточно продолжительные остановки в живописных и исторических местах. Бакнер и Васильев общались, как давние знакомые: вместе курили, травили анекдоты, дивились увиденному, попивали местные горячительные напитки: винные фройчи и жидкость покрепче — палинку.

В районе многочисленных охотничьих и рыбацких забегаловок нашли корчму с оригинальным интерьером — с муляжами рыб и раков, сетями, вершами, удочками и другими рыбацкими принадлежностями. Уселись у самого окна. Заказали по бокалу холодного с газом фройча — удивительной смеси сухого вина и содовой воды, от которого голова светлая, но кружится, а вот ноги делаются ватными. Выпили с удовольствием, закусили пахучими горячими сардельками со сладковатой местной горчицей.

Уже при выходе осмелевший после выпитого вина Васильев неожиданно задал Бакнеру нелепый на первый взгляд вопрос:

— Ричард, что тебе не хватает для полного счастья?

— Денег! — нашелся с ответом американец. В этом ответе он был искренен, так как деньги всегда считал неким шестым чувством, без которого остальные пять неполноценны.

— А как бы ты поступил, если бы неожиданно получил миллион? Вот так, вдруг… получил, понимаешь, и всё? — продолжал Васильев.

Бакнер на мгновение замешкался. Он сразу понял, куда клонит советский друг. Интуиция опытного разведчика подсказала, что рыбка начала клевать уже на голый крючок — значит, голодна. И он нашелся:

— Я бы пустил миллион на бизнес! Открыл свое дело. Ну а теперь мой вопрос: а чего тебе не хватает для полного счастья? — ввернул янки.

Ответ был ошеломляюще прост:

— Мне не хватает пяти тысяч рублей! Я бы их потратил на покупку машины, а может, на приобретение какого-то заброшенного дома в деревне, где после увольнения со службы можно было бы коротать пенсионное время. Люблю возиться на природе — огородничать, садовничать, столярничать, рыбачить.

— Так мало ты хочешь?

— Больше мне не нужно. Понимаешь, сейчас я хочу реализовать программу-минимум в ходе заграничной службы.

— Трудно на зарплату ее осуществить? Я имею в виду вашу, — заострил вопрос Ричард.

Как показалось вначале Васильеву, разговор дальнейшего развития не получил. Однако совсем по-иному оценил намек опытный американский разведчик.

* * *

Прошло несколько дней. На очередном приеме по случаю национального праздника в одном из иностранных посольств они снова встретились. В конце вечеринки американец, проходя мимо советского офицера, стоявшего в отдалении от коллег, совершенно открыто вручил ему коробку конфет. Передавая сладости, Бакнер с улыбкой заметил:

— Нижайший поклон супруге. Передай ей мой небольшой презент — здесь конфеты, а внутри есть кое-что и для твоего счастья.

После этих слов он отошел в сторону и вступил в беседу с офицером военного атташе Италии.

Василия так заинтриговали слова, сказанные Ричардом относительно счастья, что он прошел в туалетную кабину и открыл коробку. На конфетах лежал конверт с деньгами. Ровно 5000 рублей. Не меньше и не больше. И записка:

«Милый Володя, не обижайся. Для меня в рублях это не сумма — пустяк. Пока деньги в Советском Союзе в цене — делай счастье. Не пытайся сглупить. Впереди еще много времени. Разбогатеешь — отдашь.

С искренним уважением Ричард».

Сначала он обрадовался материальному ответу на его в целом абстрактный намек. Но когда деньги оказались не виртуальными, а лежали в кармане, разволновался не на шутку.

«Влип, я влип. Это вербовка. За этим последует перевод внешне дружественных отношений в русло оперативных контактов. А затем прочной шпионской связи», — обожгли виски горячие мысли, заставившие зачастить сердце. Потом он на некоторое время отключился от нахлынувшего страха, стал спокойнее.

«Нет-нет, я все верну, все до копейки, ведь это просто общепонятный человеческий долг», — через мгновение начал успокаивать себя Васильев. Он искал оправдание промаху.

* * *

Прием закончился. Он сел с сослуживцами в автобус, который быстро доставил дипломатов до посольства. Васильеву казалось, что коллеги догадываются о подозрительных контактах с Бакнером. Выдавал, как ему казалось, карман брюк, в котором лежали большие деньги. Улучив момент, он переложил пакет во внутренний карман плащевой куртки и успокоился. Вот и дом. Поднялся по ступенькам к квартире, позвонил в дверь. Открыла улыбающаяся жена.

— Что-то вы, синьор Помидор, запоздали. Программа, наверное, была интересной? Жаль, что из-за недомогания я не смогла поехать с тобой, — с улыбкой произнесла супруга, назвав мужа ласковым словом, которое всегда вырывалось у нее при хорошем настроении.

— Ну, так как с ужином? Осилим вдвоем?

— Я сыт, но с тобой с удовольствием посижу.

— У меня сегодня гречневая каша с молоком, твоя любимая.

— Тогда не откажусь, а то уже надоели изысканные блюда-а-а, — он сделал ударение на последнем слоге ради шутки, — в чужих посольствах. Да, кстати, тебе большой привет от Бакнера и… подарок. Ты уж извини, не утерпел, посмотрел на конфеты, исполнив в первую очередь чисто саперную работу. Все в целости и сохранности — мин нет. Не мог же я рисковать своей благоверной. Вот только на зуб не пробовал.

О деньгах он не проронил ни слова. Пакет с ними отнес в кабинет и спрятал в личный сейф. Несколько дней прошли в глубоких раздумьях.

«Что же получается? Он, Васильев — полковник ГРУ, становится платным агентом иностранной державы — нашего главного противника, и поэтому обязан будет продавать секреты, боевых друзей, данные оперативного и стратегического характера? Что его ждет дальше»?

На последний вопрос он отвечать самому себе не хотел — не столько стеснялся, сколько боялся.

Однажды мелькнула колкая мысль — вернуть деньги, но тут же и погасла. Жажда наживы оказалась сильнее здравого смысла. Он вдруг «забыл», что вырос в трудовой семье, на руках матери, потерявшей мужа в Великую Отечественную войну. Запамятовал о нелегком детстве, летном училище, верных друзьях-товарищах.

Васильев судорожно искал аргументы в оправдание случившегося…

* * *

Плавно несет свои воды Дунай. Будапешт в сизой предутренней дымке, обещающей хорошее утро в знойный день. Сегодня впервые Васильев в качестве «крота», предателя своего коллектива, выходит на конспиративную личную встречу со своим коллегой — полковником военной разведки США Ричардом Бакнером. Встреча ответственная, «боевая» в квадрате, поэтому он заранее решил провести рекогносцировку местности, где они «обменяются» информацией.

Такой сценарий обрисовал американец, заявивший на очередном представительском мероприятии:

— Володя, давай встретимся одни в спокойной обстановке. Обговорим, как лучше организовать наше взаимодействие.

Васильев прекрасно понял намек — надо отрабатывать «любезность», которая при кажущейся безобидности таила в себе страшный подвох, способный круто изменить жизнь.

С одной стороны, он надеялся на порядочность, что в вербовочных делах бывает редко. С другой — мечтал, что эта самая «отработка» не займет много времени и он еще сумеет и успеет искупить свой грех перед семьей, коллегами, наконец, перед страной.

Под предлогом посещения одной из воинских частей, с командиром которой он когда-то учился в летном училище, Васильев выкроил себе минут сорок для контакта с американцем. И действительно, вначале помощник военного атташе «отметился» у друга, а через некоторое время он уже напряженно изучал на одной из окраин Будапешта подходы к предполагаемому месту встречи. Обстановка была спокойной — ничего и никого подозрительного в окружении.

Удовлетворенный результатом, Васильев поехал для доклада руководству о проделанной работе в подшефной части. А вечером после службы сел на местный автобус…

* * *

Вот и место встречи. Он посмотрел на часы: было ровно 20.30. На углу дома его уже ждал Бакнер — странный, загримированный, трудноузнаваемый.

— Добрый вечер, Ричард, — взволнованно выдавил из себя Васильев.

— Добрый вечер, — как-то неестественно сухо ответил американец. — У нас есть минут тридцать времени. Надо успеть

многое. Я введу тебя в курс оперативной обстановки.

Как показалось Васильеву, в голосе собеседника теперь уже зазвучали властные нотки. Бакнер выдал полный курс практической конспирации в условиях венгерской столицы. Долго и нудно инструктировал, как будто перед ним был желторотый юнец. Прелюдий почти никаких, иллюзии о добропорядочности отброшены. Инстинкт самосохранения подсказывал необходимость безропотного подчинения «лектору-практику», рекомендующему при суровой игре «в кошки-мышки» оставаться невредимым в двух ипостасях: советским разведчиком и американским шпионом. Правда, распрощались тепло. Договорились встретиться через десять дней в пригороде венгерской столицы на улице Вираг.

Возвращаясь домой, Владимир анализировал свои действия на встрече. Он словно был загипнотизирован доводами собеседника. То, что им совершено пакостное действо, сознавал, но выхода из создавшегося положения не находил. Или не желал искать — впереди маячили, как он считал, еще большие деньги.

* * *

Дежурный по военному аппарату посольства встретил Васильева с полным безразличием. Никто им не интересовался, а шеф уехал на Балатон в дом отдыха Южной группы войск.

Успокоившись, Васильев отправился домой, чтобы уже утром следующего дня приступить к отбору товара для американцев. Он делал выписки из секретных документов, выводил коллег в беседах на темы режимного характера, подбирал материалы, представляющие, по его разумению, интерес для новых хозяев.

Собранную информацию агент передавал в основном на личных встречах, маскируя письменные сообщения в пачках сигарет, книгах. Сначала совесть частенько стучалась в его душу, а потом он о ней забыл.

Нужно отметить, что Бакнер никогда не корил за легковесность переданной ему агентом информации. Он просто понимал, что не всегда можно найти то, что надо, и всячески нацеливал своего помощника на получение «интересного информационного штриха».

— Только тот, кто по-настоящему ищет, способен первично оценить важность документа и отобрать его для доклада, — убеждал не раз Васильева американец.

Он искренне заботился о безопасности и сохранности приобретенного агента, которому в ЦРУ дали высокую оценку,

разработали перспективы его дальнейшего использования в первую очередь на территории СССР в ГРУ Генштаба. Опять же в «десятке мишенной системы», о которой когда-то молодому оперативнику Стороженко рассказывал фронтовик-смершевец майор Деев.

Личные встречи и тайниковые операции были основными методами работы американцев с Васильевым на территории Венгрии. Кстати, к этим операциям тщательно готовились, особенно к закладке и выемке. Так, место наблюдения за тайником под названием «Открытка» может служить примером высокого профессионализма.

Любой подход к нему контролировался с одной точки, а человека, ведущего контрнаблюдение, скрывали густые кроны приземистых деревьев и декоративных кустарников. Четко описывались места постановки меток перед «боевыми» встречами: «Поэт», «Сокращенная», «Парламент», «Угол» и другие.

Инструкции и задания агент получал от разведчика на растворимой бумаге, уничтожавшейся сразу после ее использования. На одну из встреч Ричард принес в качестве «тридцати сребреников» 30 000 венгерских форинтов.

— Возьми, Володя, они тебе пригодятся на расходы и угощения.

В ответ прозвучало:

— Спасибо за заботу…

* * *

Вскоре американцы сообщили агенту условия безличной тайниковой связи на территории ВНР, которая предусматривала шесть полных рабочих циклов и один рабочий сигнал. Указанная связь по линии «агент — разведчик» включала шесть тайников, семь сигналов и была рассчитана на год. И все же основная работа с Васильевым планировалась по возвращении его в Советский Союз. Для этой цели агент загодя снабжался шпионской экипировкой. На одной из встреч Бакнер предложил агенту приобрести в магазине Будапешта миниатюрный микроскоп с подсветкой для чтения микрограмм.

В погожий сентябрьский день в условном месте «Ступеньки» произошла моментальная встреча Васильева с неизвестным ему разведчиком ЦРУ — вице-консулом посольства США в Венгрии. Они обменялись совершенно одинаковыми кейсами. Агент передал дипломат с секретными документами, разведчик — дополнительное устройство для чтения микрограмм,

закамуфлированное под шариковую ручку, 600 долларов, разведывательное задание и план по связи на территории СССР.

Как впоследствии выяснилось, американцев интересовали прежде всего сведения о высшем командном составе Вооруженных сил СССР и тактико-технические характеристики высокоточного оружия.

На одной из встреч Бакнер, анализируя «совместную» деятельность, дал высокую оценку своему агенту и сообщил, что тот может в перспективе получить с семьей гражданство США. На вопрос американца, сможет ли Васильев продолжить работу с его коллегой, тот, после небольшого колебания, ответил:

— К чему этот вопрос? Слишком далеко зашли наши отношения, чтобы отступать или противиться разумным предложениям. Назад пути уже нет — Рубикон перейден.

— Полковник Мэй — мой коллега, опытный работник. У нас с тобой запланирована встреча на восьмое мая. Давай изменим место ее проведения. Увидимся в гостинице «Панония». Кстати, ты когда-нибудь был в ней?

— Нет, не доводилось, — ответил Васильев.

Последовало подробное описание места встречи с перечислением деталей и очередности действий.

* * *

В назначенный день Васильев и Бакнер пришли в подъезд порознь, но у лифта оказались одновременно «случайно». Поднялись в номер, где, к удивлению агента, еще никого не было. В роскошных апартаментах люкса сели за журнальный столик в холле. Беседа началась на абстрактные темы. Васильев почувствовал, что Бакнер умышленно оттягивает разговор на «служебную» тематику, ожидая преемника. Так оно и вышло. Не прошло и десяти-пятнадцати минут, как в замочной скважине что-то щелкнуло, дверь легко отворилась. Вошел высокий с квадратным лицом и вьющимися черными волосами мужчина.

— Извините, пожалуйста, подвела машина, а тут еще, как назло, дорожная пробка, — оправдывался вошедший, обнажая белый ряд крупных верхних зубов. Раздевшись, он прошел к креслу в вишневом чехле и плюхнулся на него.

— Представляю вам, — Бакнер перешел на «вы» и повернулся в сторону Васильева, — мой коллега полковник Карл Мэй. Он заменит меня. А это хороший наш друг Владимир.

Знакомство произошло.

— Ну а теперь перейдем к делу. Володя, честно, мне было

приятно общаться с тобой, человеком смелым, далеким от идеологической зашоренности, воздушным асом и профессионалом военной разведки, — лицемерил Ричард. — Приятно то, что мы с самого начала понимали друг друга с полуслова.

Такое понимание помогало служить делу прогресса. Твою помощь, прости за высокопарность, Америка никогда не забудет. Я говорю об этом смело потому, что заручился именно такой оценкой со стороны высшего руководства.

Дни совместной работы я буду помнить всегда. Мы занимались большим делом — оберегали мир от неожиданностей. Прошлое готовит будущее, но между вчера и завтра есть сегодня, с реальными треволнениями и радостями — это сама жизнь. Хочу поднять тост за настоящее — живое и действенное, и в нем — за Владимира с его счастливой судьбой и благополучным будущим. Да поможет нам Бог!

После неприлично длинного монолога Ричард Бакнер поднял рюмку с виски высоко над головой и добавил:

— За удачу, господа!

Стали пробовать бутерброды. Мэй после первого тоста попытался сострить:

— У вас, русских, закусывают только после третьей. Мы, похоже, нарушили традицию?!

— Я думаю, эта привычка по ошибке приписывается русским, они охочи до еды и после первой чарки, — парировал шутку Карла Владимир.

Все трое заулыбались, налегая на венгерский бекон. По мере осушения бутылки настроение поднималось быстро. Сценарий дальнейшей беседы Васильев вполне разумно просчитал. В нем четко обозначились два полярных исхода: большие деньги, красивая жизнь — и позор, а может, даже смерть. Правда, последний исход полковник отбрасывал, так как не думал о поражении. Он был уверен в успехе. Ему хотелось поиграть до определенного предела, а потом «слинять в кусты», как он выражался. Да так, чтобы его никто никогда не нашел. Деньги не пахнут, победителей не судят! Он же после заграничной командировки будет спокойно отсиживаться где-нибудь на даче.

* * *

С середины беседы инициативу разговора незаметно захватил Мэй. Он излагал азбучные истины, что вызывало если не раздражение, то, во всяком случае, потерю интереса к

собеседнику. Словно почувствовав и уловив знаки невнимания и равнодушия в ответах Васильева, он вдруг заговорил другим языком и искренне:

— Я говорю прописные истины только для того, чтобы злой рок не вторгся в вашу жизнь, чтобы не только Бог, но и мы с вами хранили личную безопасность… Мы с вами в одинаковом звании, с одинаковым приблизительно опытом работы. Обвести вокруг пальца контрразведку — тут нужна особая осторожность. Со стороны виднее. Пусть это вас не обижает.

Владимиру после этих слов показалось, что Мэй действительно проявляет неподдельную заинтересованность в его благополучии и безопасности. Затем начался контрольный инструктаж с новыми условиями по связи. Хозяева вручили деньги, сувениры. Договорились встретиться через неделю, на окраине города.

Васильев понимал, что его новый хозяин хочет получить более свежую и важную информацию по сравнению с той, которую передавал Бакнеру. Зная об интересе американской разведки к частям Южной группы войск, он смекнул: соберу я материал по авиации.

Сказано — сделано! Это был его инициативный шаг.

Через своего друга, командира авиационного истребительного полка, он получил некоторые данные, обобщил их и подготовил к передаче в течение недели. Он любил педантизм в работе.

Как военный разведчик, Васильев видел проколы в работе своих хозяев, но никогда не упрекал американцев — боялся гнева. Так, например, в одном из планов связи в Будапеште предусматривалось заложить тайник в дупле дерева, громадного каштана, стоящего на одной из центральных площадей города. Причем это дупло находилось на приличной высоте. Вынуть из него закладку было проблематично: любому случайному прохожему бросилась бы в глаза попытка добраться по толстенному стволу до тайника в дупле.

Надо заметить, что Стороженко после ареста Васильева вылетал в Будапешт и при решении других вопросов по следственному делу на разоблаченного шпиона сфотографировал это дерево. Действительно, чтобы взобраться на него и добраться до вложения в дупле, нужно было быть виртуозом-циркачом или двуногим «пауком» со стажем. Не думаю, что это была насмешка янки, это было элементарное головотяпство американских разведчиков.

* * *

Васильев прекрасно осознавал свою роль. Он втянулся в преступную связь, завяз в ней глубоко и не собирался прекращать работу на церэушников — ковал «свое счастье». Более того, Васильев почувствовал даже какой-то азарт в этой сатанинской игре. Не случайно игроку тяжелее всего перенести и переносить не то, что он проиграл или может проиграть, а то, что надо перестать играть. С Мэем Васильев провел пять встреч. Но всему есть конец… Командировка заканчивалась, и надо было возвращаться в Москву.

Вот и последнее «свидание» с Карлом. Прощались так же тепло, как когда-то с Бакнером. На этот раз американец подарил Васильеву разные сувениры.

— План связи получите через нашего фельдъегеря, — ошарашил агента Мэй.

_???

— Согласно договоренности с руководителями-дипломатами, он доставит завтра в ваше посольство газеты и журналы США. Прибудет ровно в десять утра. Встречайте у входа. Сделайте это как бы случайно. В пачке с корреспонденцией найдете журнал «Национальная география», в котором и будет находиться план связи на период работы в СССР.

Мэй ухмыльнулся, а затем стал объяснять, что и как надо искать в этом журнале.

Дело в том, что во втором номере за 1983 год этого популярного в мире журнала на определенных его листах в линиях размещались микротексты. Военные контрразведчики впервые встретились с таким ухищрением: черный краситель некоторых линий тончайшим лучом лазера был вытравлен в форме русских букв, составлявших предложения с текстом операции по связи. Считывание таких текстов могло производиться через миниатюрные микроскопы с подсветкой, которые еще раньше Бакнер советовал Васильеву приобрести в магазине. Такой прибор у шпиона уже имелся — он выполнил указание Бакнера.

План связи начинался словами:

«Дорогой друг!

По прибытии в Москву не предпринимайте попыток выйти на нас. Выждите одиннадцать месяцев и тогда начинайте слушать наши радиопередачи, считая месяц вашего отъезда как нулевой.

Если у Вас появилась возможность добывать важные материалы или они у Вас уже находятся, поставьте сигнал готовности выйти с нами на связь в месте «Дом»…»

Далее шло подробное описание места, времени и специфики постановки сигнала. Здесь же давался подробный инструктаж по проявлению секретных сообщений, методике прослушивания и расшифровки радиопередач из Франкфурта-на-Майне. Описывались места закладок и выемки тайников, объяснялись способы использования «писем-прикрытий» и нанесения на их страницы тайнописных текстов.

Приводилась также таблица заменителей русского и английского алфавитов. На случай внезапного выезда за границу в назидательном тоне рекомендовалось немедленно связаться по двум номерам телефонов в США. Звонить рекомендовалось из телефонной будки или из крупного почтамта. По этим номерам, гласила инструкция, можно звонить в любое время суток и передать необходимое сообщение. Лучше заплатить самому за вызов, но при надобности заплатит вызванный номер.

* * *

Васильев прибыл в Москву с семьей теплым сентябрьским днем, отмеченным всеми признаками бабьего лета. Ступив на перрон Киевского вокзала, он вспомнил свой отъезд четыре года назад: уезжал он с розовыми надеждами, а вернулся с черными планами, животным страхом и почти что выпотрошенной, опустошенной душой. Он взглянул на чистое небо, и ему сделалось немного спокойнее.

Идя за носильщиком, Васильев неожиданно споткнулся о камень, лежавший одиноко на привокзальном асфальте.

«Неласково встречает меня родная земля, — подумалось ему. — Споткнулся с первых шагов на Родине. А может, это и есть прообраз того камня, который я привез ей за пазухой».

Об этом факте своеобразного предупреждения он расскажет на суде.

В подразделении ГРУ Генштаба, куда он прибыл для прохождения дальнейшей службы, его не очень-то ждали. Сослуживцы и раньше недолюбливали Васильева за высокомерие и колючий характер, когда с ним сталкивались по работе.

В других управлениях руководители тоже что-то темнили, не выказывая особой радости иметь под боком человека с капризным нравом. Давала о себе знать гордость, кружило голову себялюбие. Он с пренебрежением относился к непрестижной службе вдали от важных кабинетов. Не любил черновую работу, привык крутиться на виду у начальников и в «нужный» момент плакался о перегрузках. Небольшое дельце, успешно решенное им, выдавал

за превеликое. Сослуживцы отторгали «назойливого летуна» еще и по причине постоянных рисовок: Васильев явно переоценивал свои успехи в небе, называл их не иначе как подвигами, что, естественно, не подтвердилось в ходе ответов с прежних мест службы в период следствия.

К сожалению, жизнь наша соткана из парадоксов. Трудно до сих пор объяснить, почему чиновники управления кадров (не в благодарность ли за сувениры?) предложили Васильеву должность в святая святых любой разведслужбы — в подразделении нелегальной разведки. Этот объект и был вожделенной мечтой американцев.

* * *

Согласно плану связи, ровно через одиннадцать месяцев Васильев должен был войти в рабочий контакт с разведцентром США. Но он пренебрег рекомендациями: он торопился, хотел как можно быстрее получить очередную порцию сребреников. Как считал Васильев, зарплата, даже полковника советского Генштаба, была мизерная по сравнению с той, которую он получал в Венгрии. Вдобавок подвернулась деревенская изба в хорошем состоянии — с банькой, садом, приличным огородом и большим сараем, который можно было без особой перестройки приспособить под гараж и мастерскую.

Уже через месяц он связался с американцами и получил первое задание. Инициативности и изобретательности в добывании информации ему было не занимать. Наряду с хищениями данных из секретных документов, он выпытывал такие же сведения у сослуживцев, использовал любые возможности для ускоренного сбора шпионской информации. Так, за время пребывания на новой должности Васильеву приходилось несколько раз присутствовать на разборах учений, на подведении итогов и постановке задач в ГРУ Генштаба.

Он записывал на диктофон содержание выступлений офицеров и генералов, спрятав технику под рубашку.

Когда все кассеты были нашпигованы разведывательными данными, превращенные таким образом в шпионский товар, он поставил метку о готовности заложить тайник. Торопился получить обещанные янки 30 000 рублей.

В начале октября 1985 года агент в заранее обусловленном месте «Звонок» поставил синим красителем знак в виде буквы «Р», говорящий о закладке шпионского контейнера. В шпионскую емкость он поместил 15 кассет с записями совещаний

руководящего состава ГРУ. Кроме того, в контейнер вложил сведения на помощника военного атташе — своего сослуживца по Венгрии, разработанные им лично наиболее безопасные условия дальнейшей связи в Москве, записку с просьбой передать ему более современный магнитофон с большим объемом записи, а в конце просил ускорить выплату обещанных денег.

Но произошла осечка… Не получив ответного сигнала об изъятии американцами заложенного им контейнера, агент поздно вечером изъял товар, а утром отнес на работу и положил в сейф. В первых числах декабря того же года, гонимый стремлением наживы, он вновь поставил знак «Р» на месте «Трап» и заложил контейнер в условленном месте «Киев». На этот раз тайник американцами был обработан, т. е. изъят, и ему оставалось только ждать денежного привета из-за рубежа…

* * *

Но к этому времени военные контрразведчики уже собрали достаточный объем информации. Следует заметить, что еще проходящего по делу оперативной проверки фигуранта Васильева, подозреваемого в проведении шпионской деятельности, решили назвать «Коммерсантом». Точность и оправданность такого псевдонима или клички потом были подтверждены многими поступками военного офени, торговавшего секретами. Они становились известными как в ходе оперативно-технических мероприятий, так и в результате следственно-судебных разбирательств.

В тот год май выдался жарким и душным. Москвичи спешили на дачи. Васильев рано утром отправился на дежурство. Картина дачно-земельного ажиотажа городских жителей вызвала в его душе нездоровую зависть.

«Как же так, — юродствовал «Коммерсант», — я, полковник Генштаба, гол как сокол. А соседка по лестничной площадке, продавщица овощного магазина, имеет не только дачу. Недавно приобрела машину для своего мужа-алкоголика. Где же справедливость?»

Об этих мыслях он тоже расскажет на следствии.

Проехав на троллейбусе, а затем несколько станций на метро, он, проверяясь и внимательно наблюдая за прохожими, проходными дворами вышел к КПП военного объекта, где предстояло отдежурить сутки.

У него созрел грандиозный план подготовки классического письменного агентурного донесения, благо вахта выпала в

выходной день. Васильев знал, что руководства не будет, поэтому он и решил пренебречь ухищрениями конспирации и напечатать на пишущей машинке пространное донесение в разведцентр. Именно такой формой и объемом собранных шпионских материалов ему захотелось удивить американцев.

«Коммерсант» спешил заработать большие деньги, но и чекисты были начеку. Контроль всех его действий обеспечивала спецтехника.

Прием дежурства прошел сравнительно быстро. У оперативников, наблюдавших за Васильевым, создавалось впечатление, что он проявил к сдающему дежурство полковнику максимум любезности. Такое поведение Васильева при вступлении на дежурство было удивительным, так как обычно он все принимал строго по описи. На этот раз создавалось впечатление, что он очень торопился. Вынув из сейфа секретную рабочую тетрадь, а из кейса блокнот, он принялся за работу. Начиналось донесение такими словами:

«Господа!

В дополнение к ранее собранной и переданной вам информации сообщаю другие данные, возможно, представляющие интерес для ЦРУ США…»

И вот уже допечатана последняя страница. Документ был изготовлен на восьми листах. Васильев закрыл глаза, распрямился и вытянул длинные ноги. Он надеялся за эту работу получить тысяч десять рублей, не меньше. Оперативники так оценят этот труд изменника-оборотня: «информационные потроха». Никаких ценных материалов наскрести он не смог. Но это выяснится потом.

Зазвонил телефон. Службу проверял дежурный по Главку. Он сделал замечание Васильеву: почему не доложил, согласно инструкции, о ходе дежурства.

«Фу, черт, совсем заработался. Не дай бог капнет начальству, начнется разбирательство, — подумал Владимир, — надо закругляться».

Через минуту после звонка его взгляд остановился на листах шпионского донесения. Он внимательно перечитал свой опус. Затем аккуратно сложил бумаги в стопку и быстро, словно пряча их от посторонних глаз, сунул в большой импортный конверт желтого цвета, какие ходили в то время в ГРУ. Постоял подумал и решительно направился в угол дежурной комнаты: там лежала на полу хозяйственная сумка с личными вещами и продуктами. Одним движением руки он выгреб из нее содержимое и положил

конверт на дно. Затем снова упаковал вещи и наконец успокоился.

Открыл пакет молока и залпом его осушил. Включил телевизор. Прошелся по программам и остановился на последних новостях. Утолив чувство голода, достал порнографические журналы и стал их внимательно просматривать. Он любил эротику, любил болезненно…

Усталость снял чашечкой кофе. Потом подошел к сумке, вынул конверт и положил под газетную прокладку на полку служебного сейфа в рабочем кабинете.

За окном стемнело. Весенние душистые сумерки медленно вползали в полуприкрытое плотной шторой окно. Он подошел к оконному проему, раздвинул шторы и еще больше приоткрыл фрамугу. Васильев с наслаждением смотрел на молодую зелень дворового газона и кусты сирени, дремлющие в майском безветрии.

* * *

Весна обычно пробуждает силы для здоровой деятельности. У «Коммерсанта» они проснулись для худой, преступно-предательской. Его активность в эти весенние дни порой поражала даже американцев. Только за март — май он провел несколько операций по связи, потребовавших мобилизации немалых сил и средств. Агент блестяще справился с моральными перегрузками. Как-никак перед ним маячила «великая» цель — деньги, ради которых он забывал об отдыхе.

На последней личной встрече с американским разведчиком Васильев предупредил о скором заложении тайника с важными материалами. В конце общения попросил о финансовой поддержке. Объяснил, что якобы нужно срочно купить понравившийся ему дом в деревне. Американец нагло, как показалось агенту, ответил, что все будет зависеть от качества товара, но он непременно доложит о его просьбе руководству и постарается разрешить возникшую проблему.

После подготовки донесения ему надо было поставить метку на одном из домов по Ленинскому проспекту. По этому сигналу готовности заложить тайник американцы должны были изъять его через сутки.

После очередной вахты в выходной день он хотел задержаться в служебном кабинете под видом доработки какого-то документа для якобы срочного доклада руководству. Однако сменивший его на дежурстве молодой офицер оказался

дотошным человеком в соблюдении режима работы и стал задавать уточняющие вопросы. Пришлось ретироваться и покинуть служебное помещение.

Выйдя на улицу, «Коммерсант» стал усиленно проверяться. На станции метро «Октябрьское поле» он пропустил один поезд, а в вагон другого впрыгнул последним, придержав ногой дверь. Доехав до станции «Октябрьская», попетлял в зале в надежде выявить «хвост», а затем, убедившись в полной безопасности, на эскалаторе поднялся наверх и пошел по тротуару вдоль Ленинского проспекта. Пройдя метров двести, вскочил в отходящий автобус, проехал на нем до спортивного магазина «Спартак», вышел и снова тщательно проверился.

Вышел к дому, на стене которого предстояло поставить сигнал. Оборотень узнал это место по описанию в плане операции по связи. Он медленно прошелся вдоль стены дома, осмотрелся и решительно шагнул вперед. Стена кончилась, показался угол дома. В правом кармане плаща он что есть силы сжимал мелок синего цвета. Большой круглый лоб покрылся испариной, ладони вспотели, учащенно билось сердце. На сей раз он сильно разволновался, несмотря на значительный опыт в подобных операциях. Оглянулся. Посмотрел в противоположную сторону проспекта — никого нет. Стремительно на шершавой штукатурке стены вывел знак в виде буквы «Т» размером 10х20 сантиметров.

Уходил с места постановки метки с все еще не успокоенным сердцем. Щеки и уши горели пунцовым огнем. Он и тут спешил — поставил сигнал не вечером, а днем, рискуя проколоться. Вскочив с оледеневшей от страха душой в автобус, «Коммерсант» поехал домой. По пути сменил еще два вида городского наземного транспорта. Пересел в троллейбус. Это был последний этап проверочных действий. Стоя на задней площадке, он внимательно наблюдал через «кормовое» стекло за перестроениями едущих сзади машин.

Сошел на знакомой остановке. Еще раз проверился — ничего подозрительного! А вот и родной подъезд.

— Володя, что с тобой? На тебе лица нет! Ты такой пятнистый — бледно-красный! — запричитала жена, встретив в коридоре квартиры мужа — бледного, взъерошенного, с провалившимися глазами. Ей казалось, что не столько из-за напряженного дежурства, сколько от тяжелой и сложной службы в ГРУ здоровье мужа стало разрушаться.

— Дел столько было, что не смог даже пообедать. Не служба, а сплошная нервотрепка, если не каторга. Отдежурил сутки, и еще задержали. Приходится трудиться за троих. Ничего, выдержим! Труднее приходилось, — вешал лапшу на уши супруге

«Коммерсант».

* * *

Что-что, а показать «мокрую» спину, «просоленную» рубаху, пожалеть себя он мог и очень любил как перед начальством, так и перед близкими родственниками. Но волнение не проходило и после ужина. Не дал успокоения, не отвлек от тревожных мыслей и просмотр телевизионной программы «Время». Он долго лежал с открытыми глазами в темной спальне. С вечера предупредил жену, что рано отправится на службу, поэтому, мол, встанет в пять часов утра. Именно в этом раннем пробуждении таилась причина его вечерних переживаний — он шел на закладку тайника.

«Коммерсант» спешил получить деньги за товар. Конверт с донесением свернул в трубочку и вложил в грязный обрезок старого резинового шланга, который затем завернул в целлофановый пакет.

— Господи, пронеси, помоги мне сегодня утром, — прошептали пересохшие губы иуды, уже проснувшегося, но лежавшего еще в койке.

Вскочил ровно в пять. Выпил чашку крепкого кофе. Посмотрел в окно на медленно оживающую улицу с редкими прохожими и машинами. В пять тридцать вошел в лифт с кейсом, в котором лежало очередное шпионское донесение. Место закладки тайника находилось по пути на службу. Петлять не хотелось, он был сегодня, как никогда ранее, уверен в удаче. Тем более знал, что и как должен делать.

Тайник под условленным названием «Крышка» находился в районе долгостроя. Местом закладки тайника была стальная плита круглой формы, приваренная к металлической горловине недостроенного канализационного колодца. В облущенном бетоне низкого качества — рабочие, по всей видимости, больше положили песочку в раствор, а цемент ушел налево — возле горловины образовалась, словно специально для закладки тайника, неглубокая, как бы замаскированная, раковина. Именно в нее «Коммерсант» и должен был вложить нехитрое изделие — камуфляж с товаром.

Васильев знал, что вчера ровно в 19.30 по маршруту квартира — Ленинский проспект — посольство США проследовала иномарка вишневого цвета. Автомобиль марки «Крайслер» принадлежал второму секретарю американской дипломатической миссии в Москве, который, по данным оперативников, являлся

кадровым разведчиком. Он снял визуально метку в виде буквы «Т». Больше от него ничего не требовалось…

А тем временем Васильев спокойно подходил к месту закладки тайника, потому что предварительная проверка не давала повода для беспокойства. Ни впереди, ни сзади посторонних не было. Он уже открыл кейс, достал контейнер и тут услышал за спиной. топот ног. К нему стремительно неслись четверо дюжих молодцев, которые быстро заломили руки — боялись суицида, что случалось в последнее время не так редко. Один из оперативников предъявил удостоверение сотрудника органов госбезопасности, отрекомендовался и предложил дать объяснение по поводу резиновой трубки, оказавшейся у него в руках.

— Какое вы имеете право так вольно обращаться с офицером — полковником военной разведки? Я здесь по служебным соображениям и выполняю спецзадание, — ответил бледнеющий Васильев.

Он пытался вырваться из «дружественных» объятий офицеров группы захвата, дергался, но, когда клацнули наручники, быстро успокоился. Резиновая трубка была уже у оперативников. Через несколько минут они извлекли сверток со шпионским донесением. На эту насадку вскоре попался и американский разведчик…

* * *

В тот день Васильев на службу не попал. Летящий на большой скорости «рафик» направлялся в Лефортово. Шпиона ждали следственный изолятор и долгая работа следователей с ним. Военные контрразведчики свое дело сделали, задержав американского агента с поличным. Вещественные доказательства преступной деятельности другого плана предстояло добывать уже следственным работникам.

Васильев вначале пытался всячески отрицать факт длительного сотрудничества с американской разведкой, но под воздействием все новых и новых улик постепенно стал признавать эпизод за эпизодом своего коварного преступления.

— Денежный дьявол меня попутал, жадность добила душу, — скажет он своему сокамернику.

На суде, с просящим видом глядя на судей, он пытался разыграть роль человека, случайно, по неопытности попавшего в расставленные сети противника. Он стал доказывать, что передал американцам «незначительный материал», а мог бы продать и

большие секреты. Но его ложь опровергали факты.

Только жена — единственный человек — не сомневалась в словах мужа. Она оказалась действительно верной подругой в самом высоком смысле этого слова. Она не отреклась от мужа даже тогда, когда он заслуженно обрел клеймо предателя. Женщина не верила в его черные дела, обивала пороги различных партийных и правовых инстанций в надежде найти хоть соломинку для спасения того, с кем шла рядом не одно десятилетие, кого искренне любила.

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила шпиона В.В. Васильева с учетом нанесенного стране ущерба к высшей мере наказания — расстрелу.

Через месяц в газетах «Правда» и «Известия» появились коротенькие сообщения о том, что ходатайство предателя Родины В.В. Васильева отклонено. Приговор приведен в исполнение.

Глава четырнадцатая
Черная зависть инициативника

Завистник сам себе враг, потому что страдает от зла, созданного им самим.

Ш. Монтескье

Майор Бушин полтора года как возвратился из длительной заграничной командировки. Во Франции он проходил службу в должности помощника военного атташе. Материально обеспечил семье вполне сносную жизнь: купил советский вездеход — машину «Нива», приобрел мебель, приодел семейство. Командование улучшило жилищные условия, предоставив на четверых трехкомнатную квартиру, определило его на службу в центральный аппарат ГРУ. Все было прекрасно — миловидная жена, послушные дети. Жизнь текла целеустремленно и весело. Начальство обещало ему вторую командировку в ту же страну, учитывая его высокий технический профессионализм.

Июньское воскресное утро зажглось рано, разбудив хозяина упрямыми лучами восходящего светила. Майор любил понежиться в постели.

— Зина, — обратился он к жене, — давай мотнем сегодня на Царицынские пруды, — водичка там теплая.

— Чудесно, я согласна. Дети будут рады.

Выехали через пару часов. Солнце уже припекало, но в открытые окна машины дул ветерок, бодривший разомлевших пассажиров. Две дочки сидели на заднем сиденье и забавлялись котенком Тимошей, который никак не мог привыкнуть к новым условиям обитания. Он то мяукал, то пытался просунуть мордочку в щель приоткрытого стекла, то угрожающе-испуганно шипел, забираясь под переднее сиденье. Мать тоже подключалась к забавам дочерей. Только водитель был невозмутим — сосредоточенно вел машину, внимательно наблюдая за дорогой. По этому маршруту он ехал впервые.

Вот и место отдыха с массой отдыхающих и неумолкающим шумом. Пруд местами рябил, облитый желтыми бликами «солнечного масла», как говорил поэт.

— Какая красота! — выдохнула жена.

— А разве в Париже нам было хуже? — заметил супруг.

— Там ощущалась временность проживания.

— Я ее не ощущал…

— Кстати, ты знаешь, как называлось раньше село Царицыно? — неожиданно спросила Зина.

— Нет.

— Черная грязь. Здесь работал великий Баженов, мечтавший связать архитектуру с природой.

Лужайку, которую они выбрали, покрывала еще не затоптанная отдыхающими трава. О берег едва плескалась вода. В настороженной неподвижности летнего полдня дрожала жестяная листва осинки, стоявшей рядом. В отяжелевших и склонившихся к пруду зеленых гривах кустов майору рисовались воды Версальского озера, на берегах которого он часто бывал с семьей.

— История царицынских строений, — продолжала жена, — восходит к правлению Екатерины. Именно она дала зодчему очередной заказ построить здесь загородный имперский дворец. Десять лет самозабвенно трудился Баженов, и в Царицыно появляются здания, мосты, беседки, где красный кирпич и белый камень соединились в причудливые узоры.

— Наверное, иностранцы тоже привлекались к работам? — поинтересовался Петр.

— Увы, нет. Стрельчатые пролеты, арки, зубчатые башни, летящие фигуры, фантастические звери — химеры — все это создано руками отечественных крепостных, умом великого архитектора и было похоже на удивительную русскую сказку.

Постройка еще не была закончена, но Екатерина решила вдруг взглянуть на плод императорского желания.

В 1785 году она приезжала на стройку, но почему-то была не в духе. По одной версии, венценосной особе якобы донесли, что мастер стал на сторону ее недругов, замышлявших чуть ли не погубить ее. Когда из-за густых разлапистых деревьев показались первые строения, Екатерина остановила карету и, нахмурившись, спросила: «Что это за чудище? Это острог, а не дворец! Сломать его до основания!»

На следующий день те же самые крепостные каменщики и камнетесы, которые еще вчера трудились над созданием дворца, начали его рушить. Поседевший от переживаний за эти дни Баженов приезжал каждое утро в Царицыно и со слезами на глазах часами смотрел, как рушатся творения его души и рук мастеров. Скоро он слег…

Вот такая история произошла на этой земле. Если бы осуществился баженовский замысел, мы бы с вами купались в великолепии не хуже версальского.

— Ну, ты, Зинок, даешь, рассказала на уровне опытного гида. А вообще, пора искупаться.

* * *

Возвращались домой отдохнувшие, хотя и слегка разбитые дневным зноем. Под впечатлением рассказанного женой, сидя за рулем и ведя машину теперь знакомым маршрутом, Петр мог немного расслабиться. Он предался приятным воспоминаниям о времени, проведенном во Франции. Вспомнился Лувр, слившийся с изумительным садом Тюильри. Старые каштаны по весне молодо зеленели. Они с женой и детьми спокойно прохаживались по Елисейским полям. И опять каштаны, каштаны, каштаны. На ветвях — конусные соцветия, похожие на елочные свечи. Грезились сумерки, окутавшие Париж фиолетовыми тенями, гребенчатые кровли с флюгерами, маленькие балкончики и стены старинных домов, увитые плющом и жимолостью. Как-то они шли по городу на исходе гаснущего дня. На фоне перламутровых облаков виднелся собор Нотр-Дам. Золотой лентой блестела река Сена.

— Зина, ты помнишь, как мы были в соборе Парижской Богоматери?

— А как же! Там перед галереей королей и святых, стоявших в нишах портала, я, помню, присела на балюстраду, представляя древнюю давность Франции.

— Нет, нет, я тоже никогда не смогу забыть собора, — проговорил в задумчивости Петр. — Может, бог даст, еще раз съездим в Париж — европейскую Мекку.

— Дай бог. Как забыть статуи — конные и пешие, коленопреклоненные и стоявшие во весь рост — королей древней Лютеции в зубчатых коронах, епископов в трехъярусных тиарах, воинов в доспехах, грозно опирающихся на громадные мечи. А ты, я не знаю, обратил ли внимание на то, что одни были изваяны грубо из простого камня, другие — из мрамора, успевшего пожелтеть, как волосы у дремучих седых стариков. Эти фигуры мне казались тогда живыми, готовыми вот-вот сойти с постаментов.

— Париж есть Париж, лапуня, — подытожил муж, выходя на последний поворот по дороге домой.

— Мама, папа, посмотрите, наш дом, — закричали хором девочки…

* * *

В понедельник, придя на службу, майор Бушин узнал неприятную для себя весть. Руководство ГРУ запланировало на

осень направить в Париж не его, как обещало, а майора Быкова, которого он считал вместе с непосредственным начальством намного слабее и в языковой, и в оперативной подготовке. Но, как говорится, зависть — это сожаление о чужом благе. Зависть есть ненависть, поскольку она действует на человека таким образом, что он чувствует неудовольствие при виде чужого счастья и, наоборот, находит удовольствие в чужом несчастье.

«Что делать? Как действовать? На какие рычаги надавить, чтобы вынудить руководство изменить, поломать планы?» — роились вопросы в голове завистника.

Наконец план созрел. Бушин понимал, что для того, чтобы выезд состоялся, нужен агреман — предварительное согласие МИД Франции на назначение и въезд его в Париж в качестве дипломатического представителя советской стороны. Ответы на такие запросы советской стороне задерживались месяцами.

«Мне надо сделать так, чтобы французские власти не пожелали принять Быкова. Просто отказали. Только тогда кадровики вернутся к моей кандидатуре, — размышлял Бушин. — Мы с ним редкие специалисты. Есть два пути: связаться в Москве с представителем посольства Франции или написать в Париж знакомому офицеру из пресс-службы центрального аппарата Министерства обороны Марселю Бонэ».

В свое время, когда у Бушина заканчивалась командировка и он на одной из встреч рассказал Бонэ о скором возвращении на Родину, тот на первый взгляд огорчился, а через несколько дней преподнес советскому офицеру уникальный подарок — книгу о Наполеоне, изданную в XIX веке в репринтном варианте…

— Прими, Петр, этот духовный сувенир. Пусть он тебе напоминает о величайшем человеке Франции, чей гений одержал победы более чем в шести десятках сражений, — с пафосом проговорил французский полковник. — Я думаю, Богородица подарит нам возможность встретиться еще раз на этой земле, которую ты и твоя семья искренне полюбили.

Не остался в долгу и советский офицер. На следующей встрече он подарил французу чайный сервиз из гжели. Бонэ был растроган и пригласил Бушина приехать в Париж туристом, а лучше снова по служебной линии.

— Марсель, я обязательно постараюсь быть хорошим и прибыть во вторую командировку в вашу столицу, воздухом и видами которой я живу и буду жить всегда, — ответил захмелевший советский офицер. На том и расстались.

* * *

И вот вновь перед майором Бушиным возник образ французского полковника, являвшегося, несомненно, представителем военной разведки под этой «крышей».

«Конечно, вариант с Бонэ более надежен, — подумал офицер, — но быстрее решится задача непосредственно через посольство».

После этого он стал систематически появляться в районе расположения французской дипломатической миссии на Октябрьской площади. Изучал особенности пропускного режима, наблюдал за действиями охраны, вычленяя и запоминая приметы сотрудников посольства, к которым можно потом будет обратиться где-то в городе.

И все же он очень опасался неожиданной встречи с сослуживцами и нашей охраной посольства, которая моментально дала бы ориентировку на него наружке, а та бы мгновенно вышла на него. А потом попробуй отмойся!

Решил действовать по-другому. Зная, что его подразделение отправляет диппочту почти каждую неделю, он подготовил в Париж два письма. Первое написал другу-дипло-мату Стасу Ростоцкому, с которым осушил не одну бутылку коньяка, дружили семьями, бывали друг у друга в гостях. Другое же письмо с рождественским поздравлением адресовал Бонэ. В нем говорилось:

«Здравствуй, уважаемый Марсель!

Высылаю вместе с поздравлением мою убедительную просьбу. Дело в том, что к вам готовится прибыть на мою предыдущую должность помощника военного атташе майор Быков Игорь Васильевич, человек опытный и знающий, способный активно вести работу против вашей страны. Сделайте все возможное, чтобы он не получил агремана. В таком случае есть возможность приехать мне снова в вашу прекрасную страну.

Обязуюсь за услуги тебе и Франции помочь. Обнимаю.

С уважением Бушин».

Записку он вложил между плотных корочек двойной открытки, а ее — в конверт, заклеенный скотчем. Оба письма упаковал в один конверт большего размера, на котором написал печатными буквами красным фломастером:

«Станиславу Ростоцкому. Посольство СССР в Париже».

В письме к Станиславу просил передать конверт с поздравлениями французу, которого он тоже знал.

Пакет передал через офицера Петрова, с которым поддерживал дружеские отношения. Кстати, в нарушение порядка

отправки материалов из ГРУ таким образом, как выяснилось позже, в те времена передавались не только письма, но и вещи. Последний заверил, что через несколько минут упакует почту и законным порядком отправит письмо по назначению.

* * *

Время шло, а ответа от Станислава все не было. Петров клялся и божился, что конверт отправил. Вскоре пришел агреман на Быкова, и тот благополучно уехал за границу. Вот тут-то и начал волноваться Бушин.

«Неужели прокол? Не мог Петров меня продать, как и Стас… А может, письмо не дошло до адресата, — беспокоился майор. — Тогда это опасно. Что же делать? Явиться с повинной на Лубянку? Все равно меня выпрут из ГРУ, если история станет известна начальству. Не надо спешить, нужно подождать и посмотреть, как будут разворачиваться события. Сам рапорт на увольнение писать не буду».

Однако события разворачивались стремительно и не в его пользу. Руководство ГРУ дало команду срочно уволить молодого старшего офицера, когда начался тихий «бракоразводный» процесс Бушина с ГРУ. Офицер никаких претензий кадровикам не предъявлял, прекрасно понимая, что командованию, очевидно, стало известно о его письме с фактическим предложением услуг французской разведке. Руководство ГРУ боялось огласки, а поэтому торопилось сделать Бушина гражданским лицом. Мотивировка приказа — «уволен по сокращению штатов» — его вполне устраивала.

Но, как говорится, не успели высохнуть чернила на подписи приказа, как компрометирующие материалы на «вольноопределяющегося» были переданы в 3-е Главное управление КГБ военным контрразведчикам, — разбирайтесь, мол, сами, он теперь не офицер, а «цивильник».

Военной прокуратурой была сразу же дана правовая оценка деяния Бушина: покушение на измену Родине. Следствие вел Следственный отдел КГБ СССР, сотрудники которого доказали наличие состава преступления.

Стороженко на совещании с оперсоставом на примере противоправных действий Бушина заметил, что еще чуть-чуть и мы бы проглядели будущего шпиона. Досталось по справедливости и капитану Щеглову, на объекте которого служил инициативник. Он пытался оправдаться, но факты «прокола» на службе были налицо, с чем, к его чести, он все же согласился.

Долго еще оперативники деловито обсуждали этот сбой на оперативных совещаниях, что явилось дополнительным, конкретным учебным материалом для молодых сотрудников. Погрешности чекисты старались не прятать, «не загонять болезнь вглубь» неуклюжими оправданиями, а врачевать критикой и деловой помощью…

* * *

Потом был суд.

Судила Бушина Военная коллегия Верховного суда СССР. Он на процессе являл то саму невинность, то показывал судебному присутствию серьезную и глубокую переоценку того, что совершил.

— Да, я очень хотел снова попасть в Париж, даже ценой готовящегося предательства, — заявил он председательствующему на суде.

По завершении процесса один из ветеранов ГРУ сказал:

— После войны и даже в 50-х годах, когда авторитет страны был велик и работать военным разведчикам стало легче, в силу притяжения народов к стране — победительнице и освободительнице, у офицеров не было такого массового стремления попасть за границу. Сейчас же молодежь рвется туда, хотя знает, что там советским гражданам не очень-то дадут развернуться. Их провоцируют, задерживают, бьют, вербуют.

Не парадокс ли?

Одним патриотизмом такое явление не объяснить. Стало престижно не уходить в «поле» для вербовки иностранцев, а, работая «ножницами» по газетам и журналам, спокойно жить. Вот ответ на вопрос, почему офицеры рвутся за рубеж. Материальная сторона тоже своеобразная парадигма. А с другой стороны, получают все одинаково, хотя работают по-разному. Такого явления раньше не было.

На вопрос обвинителя, как подсудимый планировал построить жизнь в случае отъезда во вторую командировку, Бушин без обиняков ответил:

— Если откровенно, то конечно же поработал бы на французов, потому что они в любое время могли меня шантажировать запиской полковнику Бонэ. Несомненно, они помогли бы мне материалами для демонстрации активной работы. На Родину вернулся бы, по всей вероятности, шпионом.

Откровенные признания поразили судей: во-первых, неприкрытой циничностью, а во-вторых, сермяжной правдой, на

которую способны только раскаявшиеся натуры.

Сидя в зале судебного заседания и наблюдая за поведением Бушина, Стороженко все чаще ловил себя на мысли, что часть офицерского корпуса, выведенного из равновесия падением престижа воинской службы, низкими окладами и бытовой неустроенностью, деградировала, что свидетельствовало об ошибочности проводимой военной политики государства, особенно в «перестроечный» период.

По вине партийных вождей последствия такого «рачительного хозяйствования» на ратной ниве начали сказываться даже на военнослужащих стратегической разведки.

После суда Бушин терзался, желая поскорее покинуть следственный изолятор и в лагере отдаться любой работе. Он сознавал, что в работе быстрее бежит время. Вспомнились слова жены, сказанные ею однажды, когда разговор крутился вокруг денег. Она тогда заметила, что простейший способ не нуждаться в деньгах — не получать больше, чем нужно, а проживать меньше, чем можно.

«Я же нарушил сей принцип, — подумал Петр. — И вот как результат — камера. Сделаю все возможное, чтобы поскорее освободиться. Буду землю зубами грызть, только бы поскорее выйти и зажить по-новому, на свободе. А пять лет, данные по суду, я укорочу досрочным освобождением. Надежда, она похожа на ночное небо: нет такого уголка, где бы глаз, упорно ищущий, не открыл бы в конце концов какую-нибудь звездочку. Моя звездочка — вернуться к семье».

Бушину еще несколько месяцев пришлось отбывать срок в Лефортово. Были и другие камеры, и другие люди в них.

Оставался только он со своими мыслями, будоражившими его самолюбивую натуру.

* * *

Стороженко, получая информацию из различных источников об откровениях осужденного в камере, еще раз убеждался в том, что поступки и преступления лепятся обстоятельствами и характерами конкретных личностей, стержнем которых в большинстве бывают деньги, а не убеждения.

«Разве с такими здоровыми мыслями о судьбе Родины, о болячках страны, — размышлял Николай, — могут вырасти закоренелые упыри государства? В тяжелую годину для Руси они сразу же встанут в строй ратников, как это было в минувшее лихолетье, когда героями в борьбе с фашистами становились и

обиженные властью люди. А какая власть не обижает? С другой стороны, за воровство себе лучшей доли надо платить ценою неволи, хотя каждый, преступивший закон, надеется уйти от возмездия. Люди, считающие деньги «вездеходом» по замкам счастья, постепенно превращаются в одержимых этой идеей».

Прошло еще несколько недель, и Бушин ехал в арестантском вагоне. Впервые через зарешеченное окно он прощался с просторами Подмосковья. Прощался, чтобы где-то в Мордовии отработать за свою роковую «оплошность», которая привела к леденящему душу приговору суда: «Покушение на измену Родине».

Глава пятнадцатая
Запоздавшее возмездие

Нет негодяя, который был бы настолько глуп, что не нашел бы ни одного довода для оправдания своей подлости.

К. Кернер

В мае 1991 года в Англии вышла книга «Беспощадный воитель», написанная корреспондентом Британской радиовещательной корпорации Томом Мэнгоулдом. В ней раскрывалась деятельность агента спецслужб США под псевдонимом «Топ Хэт», являвшегося сотрудником ГРУ Генштаба, советским генерал-майором Дмитрием Федоровичем Поляковым. Но к тому времени агент уже был обезврежен. Он был самым высокопоставленным «кротом», которого когда-либо имели американцы внутри ГРУ Генштаба ВС СССР.

Упомянутая книга посвящена главному охотнику за шпионами, начальнику контрразведки ЦРУ Джеймсу Энглтону, по вине которого, как считает автор, произошел провал этого ценного для ЦРУ агента в системе советской военной разведки. Американцы его величали «агентом века», мы называли «предателем столетия». Он проработал в качестве «крота» в ГРУ Генштаба ВС СССР более двух десятков лет.

Но вернемся к Энглтону, который был страстным поборником холодной войны и ярым противником работы с инициативниками советского блока, предлагавшими добровольно свои услуги ФБР или ЦРУ. Он считал их подосланными агентами КГБ или ГРУ и утверждал, что Запад стоит перед неминуемым массовым наступлением органов госбезопасности СССР.

Необходимо отметить, что недоверие к перебежчикам у Энглтона возникло в самые критические и взрывоопасные годы противостояния двух великих держав после Второй мировой войны. Запад с большим трудом сдерживал разведывательную активность советских спецслужб.

Инцидент с самолетом У-2, берлинский кризис 1961 года, Карибский — годом позже, отставание США от СССР в ракетостроении и освоении космоса, активизация деятельности коммунистических и рабочих партий, усиление мощи Группы советских войск в Германии и других групп войск за границей

создали благоприятный фон для подобных утверждений, тем более среди лиц, специализировавшихся по Советскому Союзу.

Это было время, когда две сверхдержавы вцепились друг в друга и поставили будущее всей земли на карту. Жупел всесильного КГБ витал над США и Западной Европой. Однако наши трезвые политики и представители спецслужб понимали, что такое славословие в адрес советских органов безопасности нужно в первую очередь противной стороне для искусственной подпитки антисоветизма и выколачивания все новых и новых ассигнований на борьбу с вражескими акциями — реальными и мнимыми.

Родившееся не без помощи Энглтона всеобщее недоверие к перебежчикам нанесло определенный и, надо сказать, немалый вред ЦРУ и ФБР. В 1976 году он был уволен из разведки США, озлобился, стал злоупотреблять спиртным, а вскоре превратился в законченного алкоголика. Ни годы, ни опыт не ослабили его убеждений в неизбежной «победе коварного и хитрого КГБ».

* * *

В книге Мэнгоулда речь идет об агенте американских спецслужб, тайно сотрудничавшем с ними более двадцати лет. По учетам ФБР он проходил под псевдонимом «Топ Хэт», а работая в дальнейшем на ЦРУ, агент перевоплотился по милости американских разведчиков в «Бурбона».

Еще ранее — 27 февраля 1978 года — в журнале «Нью-Йорк мэгэзин» появилась статья Эдварда Эпштейна под названием «Легенда», в которой автор делает тонкий намек на «Бурбона» — советского разведчика-«крота» в Генштабе.

Основываясь на некоторых собственных данных и учитывая эти публикации за рубежом о существовании агента (лишнее доказательство, как на деле янки заботятся о безопасности своих помощников, тем более такого уровня), советская военная контрразведка приступила к более активным разыскным мероприятиям по поиску «крота».

Для того чтобы вычислить оборотня, чекистам понадобился скрупулезный анализ материалов на каналах вероятной утечки секретных данных. Круг лиц, имевших отношение к «убежавшей» информации, постепенно сужался, и настало 7 июля 1986 года, когда генерал-майор Поляков был задержан по подозрению в принадлежности к агентуре спецслужб, как тогда называли, «главного противника». Думается, таким же противником США останутся и для теперешней России.

Следует заметить, что весь комплекс агентурно-оперативных мероприятий проходил в русле активного взаимодействия различных подразделений КГБ СССР, в особенности территориальных органов, оперативно-технических подразделений, наружной разведки и ряда самостоятельных служб.

Несмотря на отсутствие прямых данных о подозрительных моментах в действиях Полякова во время нахождения в длительных загранкомандировках, из информации, переданной внешней контрразведкой КГБ, можно было сделать определенные выводы. Суть их заключалась в том, что объект искусно маскировал «официальные» контакты с американскими разведчиками, работавшими под «крышами» военных атташе.

Впервые Поляков попал в поле зрения американцев, когда в качестве сотрудника ГРУ Генштаба в 1951–1956 годах работал в Военно-штабном комитете ООН в Нью-Йорке. Затем на молодого и энергичного майора в конце пятидесятых годов в Берлине обратили внимание бывшие сотрудники ЦРУ Дик Кович и Джорж Кайзволтер. Советский офицер в Германии выполнял специальные задания Центра. Американцы начали изучать его в качестве кандидата на вербовку.

В октябре 1959 года Поляков уже в звании полковника был вновь назначен в Нью-Йорк для проведения разведывательной работы под прикрытием секретаря советской делегации в ООН…

* * *

Узнав о появлении кандидата на вербовку, ФБР стало готовить оперативные условия под необходимую вербовочную ситуацию. Однако к осени 1961 года Поляков сам стал изыскивать возможности предложить услуги ФБР. Вскоре он установил личный контакт с представителем американской контрразведки. Они приняли его предложение о негласном сотрудничестве без всяких колебаний.

Бил Брэгиган, длительное время возглавлявший секцию ФБР по контрразведывательной деятельности против СССР, вспоминает, что Поляков был недоволен низкой зарплатой советских служащих в ООН и пошел на сотрудничество с американской спецслужбой скорее из корыстных соображений, нежели идеологических.

Том Мэнгоулд в книге «Беспощадный воитель» приводит слова Брэгигана о том, что Поляков был настырный в получении дорогих подарков и сувениров за свою предательскую

деятельность. Автор отмечает такой эпизод:

«.он хотел получить от ФБР два дорогих охотничьих ружья, чтобы увезти в Москву. Мы сказали ему, что этого делать нельзя, потому что это может вызвать подозрение и он не сможет объяснить их появление у него. Но он настоял на своем, и в конце концов мы передали ему ружья».

В первый же год работы на американцев Поляков выдал ФБР четырех советских агентов, действовавших в вооруженных силах США в начале 60-х годов. Одним из них был подполковник Уильям Х. Волен (Уолен) — советник по вопросам разведки в Комитете начальников штабов Министерства обороны США.

Этот агент работал довольно-таки активно и передал представителям советской военной разведки большое количество важных секретных документов по ядерному оружию Соединенных Штатов. Кроме того, от него шла постоянная информация по перемещению войск, военно-стратегическим планам и оценкам, возможностям спутниковых систем, а также системам управления войсками и связи между подразделениями и частями американской армии и НАТО.

Его материалы докладывали высшему военному и политическому руководству Советского Союза. Уильям Волен являлся самым высокопоставленным офицером американской армии, который когда-либо был осужден за сотрудничество с советской разведывательной службой.

16 ноября 1961 года Поляков, находясь под прикрытием начальника секретариата представительства СССР в Военно-штабном комитете (ВШК) ООН, обратился к руководству американской военной миссии при ВШК в лице генерала О'Нейли с просьбой организовать ему встречу с кем-либо из высокопоставленных сотрудников американской разведки для передачи более важных сведений.

Дней через двадцать на имя нашего военного атташе и Полякова пришли приглашения на прием, который устраивался на квартире американского генерала. По окончании приема при выходе на улицу Поляков был остановлен одним из присутствовавших на приеме. Человек, назвавшийся Джоном, предложил советскому гражданину встретиться через полтора часа в городе на пересечении 6-й авеню и 60-й стрит.

Общение состоялось. Беседовали минут тридцать. Джон в разговоре заявил инициативнику, что считает его подставой органов госбезопасности, и предложил для убедительности тут же пофамильно назвать шифровальщиков военной разведки, работающих под «крышей» представительства СССР. Поляков не колеблясь выполнил это требование. 23 и 24 ноября состоялись

еще две конспиративные встречи с Джоном, а через десять дней еще одна. Она запомнилась Полякову надолго, так как проходила в гостинице под интригующим названием «Троцкий» в номере на девятом этаже — конспиративной квартире ФБР.

На ней всесторонне обсуждались мотивы сотрудничества Полякова, его гарантии и надежность. В конце беседы произошло практическое закрепление вербовки. Была взята подписка о сотрудничестве и по просьбе американца, скорее напоминавшей требование, Поляков назвал имена известных ему сотрудников советской военной разведки, работающих в Нью-Йорке.

* * *

Новые встречи завербованного агента, получившего псевдоним «Топ Хэт», проходили на конспиративной квартире в обеденные перерывы.

После того как Поляков в 1962 году был отозван в Москву и вездесущее ЦРУ, которому стало известно о работе советского офицера на американскую контрразведку, стало с нетерпением ждать его нового появления за границей, с тем чтобы возобновить прерванное на некоторое время сотрудничество. Предполагая, что агента еще раз не направят в США, ФБР было предложено передать его на связь представителям ЦРУ. С этого периода «Топ Хэт» как бы перестал существовать. Он исчез из фэбээровской учетной документации. Поляков становится агентом ЦРУ, обретая новую кличку, как уже упоминалось, — «Бурбон».

Не без помощи новых хозяев, как будет рассказано дальше, он дослужился до высокого звания генерал-майора…

Провал четырех ценных агентов ГРУ в середине 1960-х годов буквально потряс руководство советской военной разведки.

Первым в лапы американской контрразведки по наводке Полякова попал особо ценный агент ГРУ Д. Данлап, проходивший службу в должности штаб-сержанта Агентства национальной безопасности. Почувствовав за собою слежку, Данлап понял, что его предали, и принял решение покончить жизнь самоубийством, дабы не попасть в руки фэбээровцев.

Второй жертвой Полякова стал тоже активный агент ГРУ — сотрудник министерства авиации Великобритании Ф. Боссард.

За ним последовала сдача Нельсона Драммонда, служившего писарем (секретарем) в секретной части штаба ВМС США, а затем сержанта ВВС Герберта Бокенхаупта, работавшего с режимными материалами и секретной боевой техникой.

Чернокожий писарь ВМС США Драммонд по кличке «Бульдог»

был завербован сотрудником советской военной разведки в 1957 году в Лондоне. Он в течение пяти лет снабжал Генштаб ВС СССР крайне важной информацией, чем нанес такой материальный ущерб, что США потребовалось затратить несколько сот миллионов долларов, чтобы восстановить то необходимое состояние боеготовности частей и подразделений ВМС, которое было до этого.

Специалист по связи, сержант ВВС США Герберт Бокен-хаупт инициативно установил связь с советскими представителями в Рабате в 1965 году и в течение года снабжал военную разведку СССР информацией о шифрах, кодах, криптографических системах Стратегического воздушного командования США.

В 1966 году он был арестован по наводке Полякова и осужден при вердикте суда на тридцать лет тюрьмы.

* * *

Военные контрразведчики тех лет активно включились в поиск «крота». Работали энергично и всеохватно. Однако, к великому сожалению, по непонятным причинам Поляков в список подозреваемых почему-то не попал, продолжая жить и работать под личиной двуликого Януса.

Инструктируя Полякова перед отъездом из США, американцы советовали сразу же после прибытия на новое место службы вручить дорогостоящие подарки руководителям. Церэушники специально закупили агенту «сувениры его роста».

Они же настоятельно рекомендовали ему принять все меры, чтобы попасть на выборную партийно-политическую должность, стать активным пропагандистом марксистско-ленинской идеологии, осесть в подразделении стратегической агентурной разведки с целью повышения гарантий будущих выездов за границу и получения «живой» информации.

Итак, американский агент заработал в ГРУ Генерального штаба. Его готовили за океаном для «большой и перспективной работы» именно в «десятке мишенной системы». Заиметь такого оборотня в стане противника для любой разведки — огромный успех. Тем более в годы, когда авторитет нашей страны еще сверкал в лучах недавней Победы, когда высокий патриотизм кадров существенно ограничивал возможности вербовочной базы ЦРУ среди офицерского корпуса. Органы военной контрразведки, хотя и были подточены очередным шельмованием хрущевского образца, работали, используя еще не забытый опыт противодействия гитлеровским спецслужбам — абверу, гестапо,

СД и другим.

Подарки, шпионская экипировка, деньги — все было приготовлено для организации и проведения враждебной деятельности. Личные встречи и тайниковые операции, быстродействующая, двусторонняя радиосвязь с применением приемопередающего устройства и сигнализатора, прием шифрованных донесений, «письма-прикрытия» и тайнопись — вот неполный перечень средств и методов из арсенала действий изощренного шпиона на протяжении многолетней работы на американцев.

О мотивах сотрудничества, после разоблачения, на судебном разбирательстве генерал-оборотень скажет:

«Моя вера в справедливость и демократизм социалистического общества пошатнулась. Я понимаю, что это стало возможным в результате определенного влияния буржуазной пропаганды… Мне противны были хрущевские бредни, его выходки, его бескультурье… Я решил принять личное участие в противодействии предпринимаемым советским руководством акциям на международной арене и, как следствие, решил обратиться к американцам с предложением своих услуг…

Я при этом отчетливо понимал, что мое сотрудничество с американцами нанесет… ущерб государственной безопасности и обороноспособности страны в целом…»

Однако анализ материалов следствия, показаний свидетелей и самого обвиняемого свидетельствовал, что материальная сторона, корыстные соображения стояли на первом месте. Он буквально клянчил у хозяев дорогие «сувениры»: ювелирные изделия, охотничьи ружья, рыболовные снасти, фотоаппаратуру, радиотехнику, инструменты для домашнего хозяйства.

В то же время строго из принципа самосохранения придерживался правила, чтобы общая сумма, получаемая от спецслужб противника, не превышала половины его месячного оклада.

* * *

После возвращения из США Поляков в сентябре 1962 года в парке им. Горького заложил первый тайник — непроявленную пленку в кассете, предварительно облепив ее пластилином и обваляв в кирпичной крошке. Это был тайник под кодовым названием «Гор».

При входе на территорию парка агент стал проверяться, внимательно всматриваясь в действия и поведение отдыхающих. Затем подошел к означенной в плане связи скамейке, сел на нее, развернул газету и в удобный момент положил контейнер со шпионской информацией за задней левой ножкой. Почитав немного газету, он поднялся и медленно двинулся к выходу. На одном из столбов ограждения парка поставил сигнал закладки тайника в виде полосы чернильных брызг фиолетового цвета из авторучки.

Однако на следующий день шпион не нашел в обусловленном месте сигнала американцев об изъятии тайника и не на шутку перепугался. Животный страх за безопасность своей шкуры подогревало известие о разоблачении агента ЦРУ — бывшего полковника ГРУ Олега Пеньковского.

Но вскоре он успокоился — в газете «Нью-Йорк таймс» от 20 сентября 1962 года появилось зашифрованное сообщение в разделе объявлений, которое свидетельствовало о получении американцами информации из тайника под названием «Гор».

В августе 1963 года «Бурбон» провел вторую тайниковую операцию, заложив магнитный контейнер с секретной информацией за телефонной будкой по улице Листьева, дом № 12. До своего очередного отъезда в командировку в 1965 году в Бирму он передаст заокеанским хозяевам еще две шпионские закладки через тайники — «Молоко» и «Баня».

Об изъятии американцами двух последних тайниковых вложений Поляков был поставлен в известность радиосигнализатором, оборудованным в настольных электронных часах. Приемник работал так: тайник изъят — загорается чуть видимый, светящийся зеленоватым цветом диод-индикатор. Такой сигнал был безопасен и успокоительно действовал на шпиона. Кроме того, в этот период под обещание больших денег он обрабатывает еще два тайника — «Рыба» и «Береза».

* * *

Желание попасть в заграничную командировку ни на минуту не покидало Полякова, считавшего, что наиболее «плодотворные» и безопасные действия могут быть за пределами страны. Мечта сбылась 3 ноября 1965 года. В этот день он вылетает в Бирму в качестве военного атташе при посольстве СССР.

Вскоре от резидента ЦРУ в Рангуне полетела в ЦРУ шифротелеграмма начальнику отдела по Советскому Союзу Дэвиду Мерфи о том, что прибывший полковник Поляков

проявляет необычно дружественное расположение к американским сотрудникам, занимающимся разведывательной работой. Взглянув на присланную фотографию советского офицера, Мерфи подпрыгнул в кресле и от обилия эмоций чуть было не вскрикнул: «Эврика!» Он понял, что наконец-то нашелся агент после почти годичного молчания.

Следует заметить, что Мерфи являлся одним из тех сотрудников отдела, кому были известны установочные данные на Полякова, когда тот работал еще на ФБР в Нью-Йорке. Для организации предметной работы с агентом в Рангун вылетели два опытных сотрудника ЦРУ — Джим Флинт и Пол Диллон.

Первый из них, понимая, что работа с «Бурбоном» может принести ему служебные дивиденды, добивается назначения на должность второго секретаря посольства США в Бирме.

По договоренности с американцами Поляков отправляет в ГРУ шифровку. В ней он сообщает о Флинте как о «вероятном кандидате на вербовку» и испрашивает разрешения на его «изучение». Таким образом открывалась возможность почти легальных контактов «Бурбона» со своим хозяином.

ГРУ не замедлило с ответом — дало добро для проведения операции по изучению кандидата на вербовку. В шифровке давался «зеленый свет» для общения, хотя и с небольшими оговорками о бдительности.

Поляков после этого стал частенько бывать у «друга Джима», приурочивая время «деловых контактов» к началу вечерних киносеансов, которые демонстрировались в американском представительстве. В таком режиме американский разведчик провел тридцать (!!!) встреч со своим высокопоставленным агентом, по одной-две встречи в месяц.

* * *

В 1968 году Флинта руководство ЦРУ неожиданно отзывает в США — не рассеялось недоверие, и янки, с одной стороны, боялись перевербовки, а с другой — все тяжелее и сложнее было готовить дезинформацию для «Бурбона», которой он систематически кормил руководство ГРУ.

Вскоре предателя принял на связь прибывший из Штатов новый сотрудник ЦРУ Алвин Капуста, проведший с ним шесть конспиративных встреч. Как правило, выезжая на машине, он подбирал агента в центре Рангуна…

После отъезда Полякова из Бирмы Капуста тоже вскоре покинул страну. А «Бурбон», прибыв в Москву, решил «отдохнуть»

— много потрудился на ниве предательства. Нервы стали сдавать. Надо отметить, что в дальнейшем, вплоть до ареста, активности в работе с американцами на территории Советского Союза он не проявлял, так как боялся быть «засвеченным» военной контрразведкой. Перед его глазами все время стояла история с Пеньковским. Его неожиданный провал, а затем и позорище для офицера — суд, фрагменты которого показывали по телевизору, а статьи тиражировались газетами и журналами.

И все же дрыхнуть долго американцы оборотню не дали. В июне 1972 года Полякова пригласил в кабинет начальник одного из управлений стратегической разведки ГРУ и вручил ему приглашение на прием в американское посольство в связи с приездом в Москву высокопоставленного военного чиновника — полковника Меррита.

Поляков из соображений личной безопасности попытался отказаться от визита, однако начальство настояло на своем. Полякову пришлось пойти на эту встречу. Довод стандартный, «всепогодный» — интересы службы превыше всего! К тому же Поляков уже знал, что он может скоро уехать военным атташе в Индию.

Эту информацию он сообщил Мерриту и во время приема заранее пригласил его на охоту в окрестности Дели.

— Непременно приеду. Слышал, слышал о вас как об опытном рыболове и охотнике. С таким профессионалом не страшно и на тигра идти, — слукавил американец.

— Вы останетесь довольны, уверяю вас. А приехать в такую живописную страну, как Индия, сам бог велел.

— Бог, может, и отпустит, да работа не всегда сговорчива — может и попридержать.

— Это верно, у нас то же самое. Военные привязаны к рабочему месту крепчайшим канатом под названием «служба»…

Прием закончился. Гости стали расходиться. Вдруг неожиданно, как черт из табакерки, к Полякову подскочил сотрудник посольства — представитель ЦРУ — и через словесный пароль — «607 Мэдисон-авеню», — который оборотень знал заранее, вложил при рукопожатии небольшой предмет. Советский полковник быстро его спрятал в карман…

Дома «Бурбон» тщательно рассмотрел «забугорную» передачу. Это был аппарат величиною с пятикопеечную монету, предназначенный для постановки и читки микроточек. К нему прилагалась инструкция с подробным описанием правил пользования, способов маскировки микроточек и перечень конспиративных адресов за границей.

Микроточки представляли собой кусочки пленки величиной с

маковое зернышко, на которой, например, могли уместиться сфотографированные листы чертежей и других документов секретного характера. Их прятали под марки, в бумажные карманы, в расслоение открыток и т. д. Считывался текст с них при помощи спецтехники.

* * *

В начале 1973 года Поляков с семьей вылетел в Индию. В марте того же года на одном из представительских приемов в разговоре с военным атташе посольства США полковником Кингом Поляков без стеснения спросил:

— Господин Кинг, скажите, когда сотрудники ЦРУ восстановят со мной оперативную связь? У меня есть интересные материалы военно-стратегического характера. Я же ведь недавно из Москвы.

— Думаю, специалисты, о которых вы мне говорите, вас не забудут. Срочную информацию можете передать мне.

— Лучше подожду представителей ЦРУ — моих коллег, — довольный, редко улыбающийся Поляков широко растянул узкие губы.

Ждать долго не пришлось. В июле 1973 года в Дели прибыл первый секретарь посольства США — сотрудник ЦРУ Пауль Лео Диллон. Произошло так называемое знакомство на людях. О новом «знакомом» Поляков рассказал сотрудникам, жене, сообщил в Центр и, как в предыдущей командировке, попросил санкции на изучение американца на предмет вероятности его приобщения к агентурной работе.

И на этот раз добро из Москвы было получено с припиской одного из руководителей ГРУ:

«Изучение Диллона санкционирую с целью выхода через него на других сотрудников посольства США».

В отчетах Диллон проходил под псевдонимом «Плед».

Первый рабочий контакт агента с разведчиком прошел на рыбалке, где «Бурбон» передал собранные еще в Москве сведения по центральным аппаратам ГРУ и Министерства обороны СССР. Затем серия встреч состоялась в делийских гостиницах «Оберой» и «Ашока».

И все же наиболее интенсивно использовались для конспиративных встреч выезды на природу, где член редколлегии советского журнала «Охота и охотничье хозяйство» Дмитрий

Федорович Поляков не только демонстрировал теоретические знания, рассказывал увлекательные байки за шашлыками, но и показывал реальные навыки меткой стрельбы. Стрелял он действительно отлично, как снайпер, но, к сожалению, не только по тем, охотничьим, целям, но и по мишеням секретного характера.

В 1974 году, в целях создания видимости активной работы, а также для укрепления авторитета своего агента в глазах руководства ГРУ, американцы подготовили ему «кандидата на вербовку». На этот раз им стал сержант Роберт Марциновский, работавший в аппарате военного атташе посольства США.

Обманутый Центр с удовольствием проглотил очередную подслащенную пилюлю. Авторитет Полякова стал стремительно расти. Изучаемого янки вскоре зарегистрировали в ГРУ под кличкой «Ринос». Самого же Роберта как подставу использовали втемную. Он, естественно, не знал сути отношений между советским полковником и коллегами. С их стороны, ему была дана установка, чтобы он «не отказывался» от просьб иностранного дипломата.

Только поэтому Марциновский искренне полагал, что выполняет какую-то очень важную задачу и участвует в хитроумной игре своей разведки, затеянной с русскими. Он надувал щеки и представлял себя чуть ли не персонажем из английских сериалов-триллеров, агентом 007 Джеймсом Бондом.

«Бурбон» провел с «Риносом» всего четыре встречи, получив от него незначительную информацию. Отправленная же в Москву, она получила, неожиданно для Полякова, достаточно высокую оценку. Центр посчитал «Риноса» перспективным агентом и рекомендовал продолжить «разработку» американца.

Долго, однако, с «Риносом» работать не пришлось. То ли церэушников испугала возможность провала своего ценного «крота» из-за грубо сварганенной подставы, то ли иссякла фантазия лепить каждый раз новые «дезинформационные пироги» — во всяком случае, Марциновского быстренько переправили на родной материк.

* * *

В 1976 году Поляков покинул Индию — закончился срок командировки. Возвратившись домой из-за границы, он ожидал очередного назначения. Волновался из-за затяжек с трудоустройством. Присматривался к переменам в центральном аппарате ГРУ, новым людям — рядовым и руководителям. Его

грудь в очередной раз украсила высокая правительственная награда — орден Красной Звезды — «за заслуги» перед Родиной.

Став начальником факультета Военно-дипломатической академии и получив звание генерал-майора, он несколько успокоился. Понимал, что «вторая работа» на территории Москвы и всего Союза намного труднее и опаснее заграничной. Там он сам себе устанавливал порядок рабочего дня, здесь же приходилось тщательно планировать любую операцию по связи, ловчить и обманывать родственников и сослуживцев.

Линию поведения, рекомендуемую ему спецслужбами США, он неукоснительно претворял в жизнь. Все политические мероприятия Поляков активно поддерживал. На партийных собраниях гневно клеймил американский империализм, даже иногда отчитывая отдельных коммунистов за политическую слепоту и идеологический нигилизм.

Деловая активность новоиспеченного генерала скоро была замечена начальником политотдела. Полякову предложили перейти на партийную работу. Он отказывается, благодарит за проявленное доверие, обещает и дальше на службе руководствоваться партийными установками, говорит, что в «шкуре секретаря первичной парторганизации» он уже побывал.

Играя сразу две роли в опасном спектакле, Поляков не заметил, как накопилась стрессовая усталость. Ее видели или догадывались о ней родственники и близкие, сослуживцы и знакомые — по быстрой утомляемости, набухшим мешкам под глазами, раздражительности.

Освоившись с должностью начальника факультета, он понял, что может до самой пенсии передавать опыт молодежи и делиться воспоминаниями о былом. И таким образом избежать возмездия.

«Нет, — однажды осенила его мысль, — надо тряхнуть стариной. У меня же имеется прекрасная возможность заявить о себе. Показать хозяевам, что «Бурбон» еще чего-то стоит…»

* * *

В течение недели он выжидал удобное время для фотографирования списка личного состава факультета. И вот этот час наступил. Закрывшись в кабинете, он положил листы на стол. Штору окна задернул, словно прячась от яркого солнечного света. Тихо защелкал фотоаппарат.

Таких «рабочих циклов» было несколько. Судьба будущих военных разведчиков нескольких курсов его факультета отдавалась в руки противника. Она, служебная карьера этой

офицерской элиты, будущих выпускников ВДА, если не ломалась совсем, то существенно сжималась тисками широкой осведомленности американских спецслужб. А они ведь подобной информацией делились со своими союзниками по блоку НАТО.

В июне 1978 года «Бурбон» передал очередную информацию через тайник. Камуфляжем служил кирпич, имеющий полую сердцевину, разделенную перегородками. Он вырубил их зубилом, вложил пять катушек экспонированных фотопленок и забрызгал кирпич жидким цементным раствором, придав ему вид бывшего в употреблении. Этот контейнер положил, согласно требованиям последнего плана по связи, у основания столба № 81 на одной из магистралей столицы.

Ждать долго не пришлось. Утром, войдя на кухню, Поляков увидел загоревшуюся лампочку сигнализатора на часах и порадовался, что вся его затея сработала чисто. Сам он, как домушник-рецидивист, следов не оставлял, работал, как говорится, без помарок. Опыт военного разведчика-агента пригодился «Бурбону». Да и экипировка соответствовала, вооружен был по последнему слову шпионской техники. В любой современной спецслужбе позавидуют. Чего стоит одна аппаратура быстродействующей двусторонней радиосвязи с применением приемопередающего устройства! Нажималась соответствующая кнопка — и определенный сигнал в считаные секунды запрограммированного времени фиксировался в одной из комнат посольства США в Москве. Это помещение принадлежало резидентуре ЦРУ.

Патологически боясь пеленгации, «Бурбон» практиковал довольно часто такую форму связи — «выстреливать» в течение секунды информацию непосредственно из автотранспорта или находясь напротив американского представительства на одной из автобусно-троллейбусных остановок.

Он провел в столице 25 таких сеансов двусторонней радиосвязи — информационных «выстрелов» по посольству. Принималась информация так же, только нажималась другая кнопка миниатюрного приемно-передающего устройства. Манипуляция проходила в кармане верхней одежды.

* * *

Время, когда приходится чего-то или кого-то ждать, уже давно замечено, тянется бесконечно долго. В беспокойном ожидании команды-приказа выехать в очередную загранкомандировку Поляков находился каждый день. Даже

ночами эти мысли не давали ему уснуть и породили глубокую бессонницу, не снимаемую никакими лекарствами. Надежда таяла — руководство молчало, не было никаких даже полунамеков. Вспомнились однажды слова Ницше о том, что верное средство рассердить людей и внушить им злые мысли — заставить их долго ждать. На длительное ожидание он ответил несколькими «радиовыстрелами» по посольству США.

С присущей ему энергией начал перестраивать дачу. Мастерить он любил. Знал толк в работе с деревом. Инструмент, в основном подаренный американцами, позволял работать качественно, быстро и с наслаждением. Поляков считал, что плотницкое и столярное дело особенно благотворно влияет на нервную систему и психику.

Заколачивая однажды бронзовые шляпки гвоздей, подаренных церэушниками еще в Бирме, в ошкуренную золотисто-соломенного цвета сосновую вагонку, он подумал:

«А что, разве я стар? Попаду если за границу, есть смысл не возвращаться. Заслуги перед США у меня приличные — гражданство янки обязательно дадут. Проблема только с сыновьями. Как их вытащить?»

В начале 1979 года Поляков от друзей узнал, что его кандидатура в числе других рассматривается в качестве военного атташе в Индии.

Вскоре начальник управления кадров вызвал его в кабинет и, улыбаясь, поведал:

— Дмитрий Федорович, я предложил начальнику ГРУ генералу Ивашутину вашу кандидатуру на должность военного атташе в Дели. Он согласился со мной. Скоро пойдете на комиссию.

«Ишь как заливает, как поет соловушка! Болеет, оказывается, за меня. А почему? Сколько подарков ты получил?! Ни один отпуск, ни одна командировка не проходила, чтобы я тебе не занес «сувенирчик» ценой этак за сотню долларов. Ты отнекивался, но брал, брал, брал…

Не ты, а я тебя купил, а посему и заказываю музыку, — мысленно бросал Поляков реплики начальнику управления кадров. — А брал потому, что такая практика в нашем ведомстве процветает. И такие, как ты, бывшие работники ЦК повинны в насаждении подобных порочных традиций по всей стране».

— Коллектив в военном аппарате избалован, — продолжал кадровик. — Нетребовательность из-за мягкотелости бывшего начальника сделала свое дурное дело. Вам как опытному работнику придется немало потрудиться, чтобы переломить ситуацию, сколотить в целом дружный, работоспособный

коллектив, с помощью которого и должны будете решать многочисленные задачи по этой непростой стране. Справитесь? — И, словно уловив на лице Полякова ухмылку, добавил:

— Вы к моим словам, сударь, отнеситесь серьезно. Только добра вам желаю.

«Твое добро ясно как день божий, — зачищаешь контакты, чтобы снова порадовать себя сувенирчиком. Не дождешься. У меня другие планы, — мысленно съязвил Поляков. — Остаток лет проведу в Америке. Я заслужил такой финал».

Не догадывался оборотень, какой финал ему уготовила Мойра, богиня судьбы, а должен был знать…

Выездной комиссии при начальнике ГРУ он дал принципиальное согласие поработать «на благо Родины» в Индии. Как поется в песне — «были сборы недолги.» О задуманном побеге он не рассказывал пока ни жене, ни детям, понимая: чем сложнее и грандиознее план, тем больше риск, что он провалится. Реализацию его намечал на третий, последний год службы за границей. И тут же он вспомнил слова Франклина Рузвельта о том, что единственной преградой к осуществлению наших планов на завтра могут быть наши сегодняшние сомнения. Пока, к сожалению, эти сомнения у него жили в душе.

«Надо пожить три года за счет «родного государства», «подоить» его хорошенько, а там уже переходить на соц-обеспечение друзей», — так рассуждал «Бурбон», принимая решение о дальнейшем устройстве жизни.

В Индии американцы его уже ждали. Связь с агентом поддерживал кадровый разведчик Вольдемар Скатцко, работавший под посольской «крышей». С ним «Бурбону» было суждено провести только десять конспиративных встреч. Одиннадцатая не состоялась, так как в 1980 году Полякова под предлогом участия в важном совещании отозвали в Москву и он тут же был уволен.

* * *

Начальника 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ с материалами дела оперативной разработки на «Дипломата» — Полякова Д.Ф. вызвал первый заместитель председателя Комитета государственной безопасности генерал армии

Георгий Карпович Цинев — небольшого росточка человек с бритой круглой головой, как-то вяло держащейся на узких, почти мальчишеских плечах. Бывший профессиональный партийный чиновник был говорлив, достаточно образован, однако ему не

хватало личного чекистского опыта, каким обладали другие руководители в КГБ. В то же время ради справедливости надо отметить, что он прошел по времени достаточно длинную оперативную школу.

Вскоре Цинев прервал доклад подчиненного и писклявым голосом произнес:

— Вот что я вам скажу, товарищ полковник. Если мы начнем арестовывать генералов, кто воевать-то будет? Защищать Отчизну… Вы подумали об авторитете разведки Генерального штаба, кстати, и военной контрразведки тоже? У вас в материалах дела нет никаких серьезных вещественных доказательств.

— Есть, товарищ генерал, и еще будут. Мы на пути к открытию момента истины. Результаты аналитической работы, проведенной оперативниками второго отделения отдела, говорят не только о том, что перед нами матерый шпион, но и позволяют определить места вероятного хранения главных уликовых материалов — шпионской экипировки.

— Ваш анализ следователям не нужен, дайте им вещественные доказательства — и дело закрутится, — проворчал маленький генерал с большими звездами на погонах.

— Они будут, потому что есть. Разрешите действовать согласно плану оперативных мероприятий.

— Действуйте, только без третьего и четвертого пункта плана.

— Но ведь это же основные пункты, — еле успел проговорить оперативник.

— Вы свободны. Кстати, а то, что «Дипломат» тесно общался с военными атташе США в Бирме и Индии, ни о чем еще не говорит.

* * *

Прошло немало времени в тяжелейшей тяжбе с начальством, пока оперативники наконец-то убедили все инстанции — от председателя КГБ и до военного прокурора — в наличии оснований для задержания Полякова — «Дипломата».

За это время оперативный состав второго отделения основательно проработал материалы своих предшественников: поднимались архивные дела по расследованию фактов утечки секретных данных, проводился их дополнительный анализ, оценивались вновь поступавшие данные, выдвигались и перепроверялись очередные версии по вновь открывшимся обстоятельствам.

Год за годом, месяц за месяцем сужался круг подозреваемых лиц в возможной причастности офицеров ГРУ Генштаба к агентуре противника. А круг был велик — сначала в него входили более шестидесяти человек! Через год остались 31, на следующий — 25, потом — 10. И наконец, пятеро…

Последний год был самым активным, самым нервозным. Наконец-то вычислили кандидата на задержание и проведение с ним соответствующей работы. Им был генерал-майор Поляков, чья причастность к вражеской агентуре была оперативно доказана.

И вот санкция на конспиративное задержание Полякова была получена, обставленная немалым количеством письменных предупреждений страховочного плана, в том числе о наступлении тяжелых административно-правовых последствий в случае провала операции.

Риск, конечно, был: шпионскую экипировку, военные контрразведчики знали, где она хранится, предатель мог уничтожить в любое время. Но оставалась надежда, выстроенная на солидной практике работников второго отделения, что уликовые материалы никуда не денутся — они под охраной. С другой стороны, чекисты догадывались оперативным чутьем, что «Дипломат» их сохраняет для возобновления преступной деятельности. Такую уверенность могут проявлять и испытывать только профессионалы высокого класса. Серия проведенных оперативно-технических мероприятий подтвердила правильность разработки в направлении легализации уликовых материалов. Оперативным путем они были обнаружены в тайнике. Теперь у контрразведчиков были все основания заявить: перед ними — шпион.

* * *

7 июля 1986 года Поляков был задержан по поводу хранения незарегистрированного огнестрельного оружия и препровожден в Лефортово. Как и ожидалось, на поставленные вопросы контрразведывательного характера дал сразу же соответствующие пояснения.

— Я давно хотел вам все рассказать, но времени свободного не было… Хотя ждал, всегда ждал, что этот черный день для меня наступит, — проговорил шпион и стал добровольно перечислять сохранившиеся аксессуары шпионской экипировки и указывать места их хранения.

Не надо забывать, что это был агент ЦРУ с великим опытом,

длиною в двадцать с лишним лет, прекрасно понимающий, что после задержания начнутся обыски и непременно будут найдены улики, а поэтому решил сыграть на получении смягчающих обстоятельств, дескать, «чистосердечное» признание зачтется.

«Найдут ведь, все равно найдут, а может, уже знают, где эти «игрушки» находятся, и водят меня за нос. Тут есть шанс, и им надо воспользоваться, — рассуждал оборотень, загнанный в клетку, — но надо четко заявить, что работал на ЦРУ только за границей, и то из-за неприятия реформ Хрущева. Действовал как социал-демократ, чьи идеи мне всегда были ближе, чем коммунистические».

Об этой особой «любви» к социал-демократии, которая, как он посчитал, будет приветствоваться «архитекторами перестройки», он и скажет спустя некоторое время на суде. Разоблаченный шпион тонко почувствовал наступление антидержавных реформ горбачевской эпохи и хотел хоть какой-то гранью своего обвинения в чудовищном преступлении прислониться к кремлевским политиканам. Надеялся, Горбачев разделит с ним эти мысли «борьбы с тоталитаризмом социал-демократическим оружием». Но и тут ошибся.

Оперативный состав второго отделения был удовлетворен результатами своего труда — этого трудового чекистского марафона. Каждый сотрудник подразделения внес свою конкретную лепту в разоблачение матерого шпиона, поставившего своеобразный рекорд преступного долголетия.

Руководство военной контрразведки КГБ СССР особо отметило положительную работу по этому делу военных контрразведчиков. Они все были отмечены ведомственными и правительственными наградами. Н. Стороженко получил за участие в операциях по разоблачению оборотня знак «Почетный сотрудник госбезопасности». Это была высокая оценка труда армейского чекиста…

* * *

Следствие неоспоримо доказало сотрудничество Полякова с американскими спецслужбами и представило вещественные улики. Среди них — инструкция «Бурбону» по связи с американскими разведцентрами как на территории США, так и стран Запада, закамуфлированная в подложку брелока для ключей; двадцать листов тайнописной копирки, замаскированной в книге американского издания; два кадра микропленки с текстом инструкции по радиосвязи и схемой постановки

графического сигнала в районе Воробьевского шоссе, находившиеся внутри дюралевой трубки; специальное устройство для подзарядки аккумуляторов быстродействующего приемопередатчика, вмонтированного в бытовую радиотехнику.

Представило четыре контейнера для хранения и транспортировки шпионской экипировки, оборудованные в обложках книг и футляре для рыболовных принадлежностей, транзисторный приемник иностранного производства, предназначенный для приема односторонних радиопередач, и ряд других предметов шпионской экипировки.

Находясь в камере следственного изолятора КГБ, Поляков часто обращался к прошлому, анализируя свои действия. Сокамернику он говорил:

— О многом, что я делал, чекистам почему-то известно, словно из первых уст. Наверно, американцы меня заложили ради спасения более важной и молодой птицы. Где же верность долгу? Я же на них проработал столько лет, и вот такое свинское отношение. Никто из-за океана не поднял голос в мою защиту! Сволочи они все! Сколько из них на моей информации выросли, сделали себе карьеру?!

Здесь «Бурбон» был лишь частично прав. Карьеру они и ему делали за предательство. А что касается «забугорной» реакции, то она была. О нем все-таки вспомнили, но не правительственные, тем более не церэушные чиновники. Для них он был уже отработанным материалом. О Полякове вспомнил член Европарламента консерватор лорд Беттелл, который неоднократно, но безуспешно поднимал вопрос о судьбе «Топ Хэта» в Комитете по правам человека этой международной организации.

13 сентября 1990 года лорд получил письмо от советского посла в Европейском сообществе Владимира Шемлатенкова, в котором говорилось:

«Я хотел бы проинформировать Вас о том, что, согласно официальному ответу из Верховного суда СССР, Поляков был приговорен к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже и нарушении таможенного законодательства.

4.03.1988 года его просьба о помиловании была отклонена Президиумом Верховного Совета СССР.

Приговор приведен в исполнение 15 марта 1988 года».

* * *

Но это к слову о защите провалившегося ценнейшего агента его хозяевами. А пока до суда события разворачивались так…

Он в камере болтает с сокамерником о жизни, пролетевшей как один миг. Уставившись в зарешеченное окошко, он ощутил вдруг прилив воспоминаний, подобных сновидениям. Такие чувства, замешенные со сгустками галлюцинаций, появляются у человека, как читал он когда-то в одном из американских журналов, перед уходом из жизни. В красочном калейдоскопе прошедших событий вдруг возникали пронзительно четкие, живые картинки. В голографическом, трехмернообъемном измерении проплывали суровые реалии фронтового ада, веселой послевоенной службы, а затем безмятежные годы учебы. Промелькнули счастливые будни заграничной сытой жизни, растянувшиеся в совокупности цепочкой на целых пятнадцать лет…

На судебном процессе он попытался побороться за жизнь, смысл которой по мере осознания содеянного плавился, как воск на солнцепеке. На скамье подсудимых сидел постаревший сразу лет на десять и осунувшийся до неузнаваемости человек. Трудно было узнать в нем еще недавно энергичного генерала, словоохотливого на охотничьи и рыбацкие побасенки.

На вопрос государственного обвинителя — военного прокурора, — что его толкнуло на предательство, Поляков, позабыв о своих разоблачениях, заученно ответил: неприязнь к социалистическому строю и социал-демократическая ориентация. Зная, что в это время Горбачев уже заявлял о своей приверженности социал-демократии, становилось ясно, что предатель рассчитывал на снисхождение: дескать, смотрите, граждане судьи, я рассуждаю так же, как и генеральный секретарь.

Но материалы следственного дела объективно высветили совершенно иную картину: Поляков пошел на предательство в основном из-за материальных, корыстных соображений. Принимая дорогостоящие подарки, он прекрасно понимал, что это плата за проданных коллег и проданные секреты ГРУ и страны в целом.

* * *

«Бурбон» передал американцам все, что знал и что мог узнать, используя свое высокое служебное положение. Вот лишь незначительная часть шпионского товара, полученного ЦРУ от своего агента:

— об организационной структуре Генштаба, ГРУ и других управлений МО СССР;

— о личном составе разведаппаратов ГРУ в США, Бирме и Индии;

— о наших разведчиках-нелегалах в США, методах их подготовки и способах поддержания с ними связи;

— о составе агентурных сетей разведаппаратов ГРУ в странах его пребывания;

— материалы оперативной переписки за период его нахождения в Бирме и Индии;

— учебники: «Стратегическая разведка», «Оперативная разведка» с грифами «Совершенно секретно», «Особой важности», и многое другое, о чем читатель уже знает.

Оборотень в генеральских погонах выдал 19 нелегалов-разведчиков, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к советской военной и внешней разведке 1500 офицеров.

Не случайно бывший шеф ЦРУ Д. Вулси так отозвался о разоблаченном генерале:

«Из всех секретных агентов США, завербованных в ходе холодной войны, Поляков был драгоценным камнем в короне американской разведки».

Следует заметить, что в ходе следствия и судебного разбирательства то и дело возникала одна интрига. Военные контрразведчики считали, что Поляков не все выложил следователям и судьям. Они надеялись, что он сможет еще многое «вспомнить», что убережет от провалов некоторых агентов военной разведки и даст возможность с учетом показаний разоблаченного предателя организовать более продуктивную работу на каналах вероятного проникновения вражеской агентуры в подразделения ГРУ Генштаба.

Была подготовлена мотивированная записка на имя генерального секретаря ЦК КПСС с просьбой не лишать Полякова жизни. Горбачев отказал в просьбе чекистов. Подобным образом поступил и Хрущев в отношении шпиона Пеньковского.

Суд воздал оборотню по заслугам. Хоть и с большим запозданием, но справедливое возмездие наступило.

Глава шестнадцатая
Осечка вербовщика

Русский, у кого есть здравый смысл и живое сердце, до сих пор не мог и не может быть ничем иным, как патриотом.

Н. Чернышевский

Югославия. Белград. Посольство СССР. Кабинет руководителя военной разведки полковника Кобзева Григория Петровича. Хозяин любил комнатные цветы. На подоконниках, этажерках, полках, всевозможных карнизах и выступах стояли причудливых форм горшочки, увенчанные сочной листвой и яркими соцветиями. Здесь нашлось место для фикуса и кактуса, азалии и драцены, араукарии и столетника и еще каких-то цветов и растений, приобретенных любознательным натуралистом по жизни и подаренных коллегами-подчиненными.

Большинство это делали искренне, уважая слабость начальника к его, казалось бы, неестественному для суровой профессии разведчика хобби.

Однако были и такие «дарильщики», которые надеялись после этого на снисхождение в службе. Для такой породы блюдолизов разочарование наступало достаточно быстро. Служба у Григория Петровича была на первом месте — он ею жил! Он был настоящим бойцом невидимого фронта.

На столе лежали свежие газеты и журналы, которые он, пусть по диагонали и быстро, прочитывал все. Нужные сведения находил в публикациях по заголовкам и ни разу не ошибался. Кобзев умел вычислить и вычленить главное из потока газетно-журнальной информации, оценивал ее с позиций профессионала и смело, некоторые обработанные материалы отправлял в Центр. Его обобщенные справки и шифротелеграммы, сделанные на основе открытых источников, Москва читала с интересом. Это был специалист, которому периодика приносила информационные плоды, так как он мог отличить правду от дезинформации.

Однако сейчас его мысли были заняты другим делом, более важным, чем чтение прессы. Предстояло организовать и провести ответственную операцию по связи в одном из городов на побережье Адриатического моря. Готовилась встреча с ценным

агентом, который прибывал туда на короткое время по коммерческим делам. Встал вопрос: кого послать? Кандидатов и много, и мало. Подумав, выбор остановил на майоре Ветрове. Он уже второй раз в командировке в Югославии. Опытный работник, часто бывал в том городе.

Именно в это время позвонил посол и пригласил к себе в кабинет. Своему заместителю полковнику Терехову Кобзев дал команду:

— Найдите Ветрова. Он мне будет нужен после беседы с «дедом».

Так вся советская колония величала ласково посла, умудренного опытом профессионала-дипломата.

Посол знал о своей кличке и никогда не обижался, по всей видимости, опытному дипломату нравился этот почетный титул — «дед».

* * *

Майор Ветров Николай Иванович ждал очередного звания, работая под ««крышей» торгового представительства. Дело свое и «чужое» по линии Министерства внешней торговли знал великолепно. К нему как к опытному сотруднику обращались и «чистые» — торгпредовцы, и те, кому по роду служебной деятельности предстояло сражаться на невидимом фронте под флагом этой организации.

Активной работы против Югославии в то время как ГРУ ГШ, так и ПГУ КГБ не вели. Однако с учетом того, что эта балканская страна представляла собой один из стратегических перекрестов Европы, где почти все разведки мира чувствовали себя раскованней, чем в других государствах, наши резидентуры держали руку на пульсе событий.

Советское руководство прекрасно понимало, что Балканы были и будут объектом раздоров и источником локальных межнациональных конфликтов, местных войн, переходящих в мировые. Именно здесь находилась всемирная бродильня гражданских сшибок, которые могли в любой момент выплеснуться из федеративной бочки, еле сдерживаемой государственными обручами. Чего стоило Косово…

Нагло работали американцы, умело и тонко плели вербовочную паутину англичане, осторожно, но целеустремленно действовали немецкие спецслужбы.

Югославия 70-80-х годов прошлого столетия чем-то напоминала по оперативной обстановке Швейцарию

предвоенного и военного времени, кишащую резидентурами, конспиративными и явочными квартирами, почтовыми «ящиками», связниками и агентурой соперничающих между собой разведок мира.

Все это старо как мир. Так было, так есть и так будет, пока будут существовать границы, делящие планету Земля на державы, империи, республики, федерации и конфедерации.

У посла Кобзев задержался ненадолго, но характер беседы был не из приятных. Оказывается, его подчиненный подполковник Иваненко попал в автомобильную аварию. В этой истории была одна странность: советский военный дипломат якобы пытался незаметно, до приезда стражей автодвижения скрыться с места происшествия.

— Что-то непохоже на Валентина, — ответил послу полковник. — Мужик смелый, решительный, никогда не боялся говорить правду, даже горькую. Ладно, разберемся.

Подходя к кабинету, Кобзев увидел майора Ветрова, ожидавшего у двери его «зеленого» кабинета. Обменялись приветствиями. Кобзев открыл дверь, пропустил вперед Ветрова и предложил стул за приставным столом. Затем он потянулся к радиоприемнику «Филипс» и включил его. Сквозь густую черную сеточку динамика полилась веселая музыкальная мелодия, не мешающая разговору, но создающая защитный фон от подслушивания. Именно многолетний опыт заставил его сделать этот шаг.

— Ты извини, я позвоню.

Он набрал телефон полковника Терехова и дал команду разобраться в дорожно-транспортном происшествии Иваненко.

— Он у меня, — ответила трубка так громко, что Ветров успел расслышать эту фразу.

— Разберешься — доложи… Я буду в течение часа занят, так что не тревожь.

Хозяин кабинета повернулся к майору и сразу же начал почти официально, перейдя на «вы», с конкретного вопроса:

— Николай Иванович, вы, кажется, бывали в Дубровнике?

— Да, был там во время первой командировки.

— Хорошо знаете город?

— Мне пришлось там поработать почти месяц. Многие улицы знакомы. В окрестностях тоже бывал.

— Я хочу вас туда направить. — После этих слов он начал четко ставить задачу: обрисовал ситуацию и его конкретные действия, дал приметы иностранца, пароль и отзыв, время и место встречи.

— Думаю, надо поехать туда с семьей, — продолжал

полковник. — Двойная выгода: оперативная и культурная. Покажете Ларисе и детишкам город, о котором Бернард Шоу когда-то сказал, что «тот, кто ищет рая на земле, должен приехать в Дубровник». Тем более у вас там есть, как я знаю, и торгпредовские дела.

* * *

На следующий день майор Ветров с женой Ларисой, сыном Костей и дочуркой Катей выехали на автомашине в Дубровник. Белоснежный «Опель», выбравшийся из городской машинной сутолоки и многочисленных пробок, полетел навстречу ветру. При нарастании скорости он буквально прилипал к гладкому дорожному полотну автострады. Для семьи это был подарок судьбы: когда бы пришлось выбраться?!

Проплывали села и поселки, холмы и горы, шустрые речки и говорливые ручьи, несущие талую воду с вершин гор в низовье. Они наслаждались лоскутными, заботливо ухоженными полями, одинокими чистенькими, словно игрушечными хуторами, заселенными спокойными, неторопливыми людьми…

Красные черепичные крыши весело смотрелись на зелено-голубом фоне щедрой растительности и безоблачного неба.

К Дубровнику подъезжали к концу дня. С высоты хорошо была видна его подковообразная панорама. Дети спали — разморила жара.

— Лариса, разбуди кореедов, пусть посмотрят местные красоты. Кстати, ты знакома с историей появления этой жемчужины Югославии?

— Нет, не приходилось читать, — ответила супруга, не отрывая взгляда от широко раскрывшейся панорамы.

— Версий много, но мне кажется, и я в нее верю, есть одна наиболее правдоподобная. Дело в том, что, по словам местного священника — летописца Дуклянина, прототипа нашего Пимена, Дубровник был основан в седьмом веке славянским королем Павлимиром на довольно-таки узкой части берега, окруженной с трех сторон густым сосновым и дубовым лесом. Отсюда и возникло название — Дубровник. Происходит оно, очевидно, от славянского слова «дубрава».

Проснувшиеся дети тоже внимали отцовскому рассказу.

— Если посмотреть с моря на эту крепость, — продолжал Николай, — то она как бы вырастает из его глубин. Море с трех сторон то ласково плещется у стен, то обрушивает на них в непогоду огромные валы с бирюзовой и снежной пеной на

гребнях. Горы охватывают город гигантским амфитеатром, в который вплетаются разноцветным ожерельем вишневые сады, рощи из цитрусовых деревьев и виноградники.

Он продолжал говорить и говорить, но Лариса уже не слушала его, она была поглощена окоемом: белыми домами с красными чешуйками черепичных крыш, зелеными ставенками в виде жалюзи от солнца, небольшими огородиками, скорее напоминающими декоративные клумбы, и узкими полосками садов на террасах. Видно было, как, обняв полукругом старый город, лента белоснежных отелей и золоченых пляжей распласталась вдоль побережья Адриатического моря.

Остановились в отеле «Орландо», расположенном в окрестностях города. Это была бело-серая коробка с видом на море. Справа виднелись четко прорисованные из-за прозрачности воздуха, невысокие старые горы, зелень которых в низине у подножия отличалась густотой и сочностью. Вокруг, как дозорные в маскхалатах, стояли кипарисы. Роскошные пальмы качали гордыми ветвями, как на рессорах причудливые дилижансы.

* * *

На следующий день, когда утро ворвалось яркими снопами южного солнца в номер отеля, все семейство вышло на лоджию и искренне любовалось открывшимся видом с высоты многоэтажки. Казалось, небо было морем, а море было небом. Голубизна, а скорее ультрамарин, забивала все остальные краски.

Позавтракав и собрав вещи, семейство отправилось к машине. Доехали до кемпинга, потом поднялись по улочке вверх и остановились у галантерейного магазинчика. Николай припарковал «Опель» рядом с небольшим уютным сквером. Усадив жену с детьми на лавочку под разноцветным тентом и угостив всех мороженым, он велел подождать его минут сорок и никуда не отлучаться. Вернулся он через час, бледный и усталый.

— Быстро в машину, — скомандовал негромко Николай, оглядываясь по сторонам.

Жена догадалась о том, что сделал супруг, и по его веселым глазам поняла, что свое задание он выполнил успешно. Без лишних вопросов она заторопила детей:

— Хватит, погуляли, посмотрели, отдохнули, а теперь по коням.

Автомобиль рванул, как пришпоренный шенкелями рысак. Вот и центральная автострада. Ветров возвращался в Белград с удачей: у него под сиденьем лежали материалы ценного агента.

Но это не была удача, делающая глупцом того, кому она отдает свою благосклонность. Как говорил М. Пришвин, удача — это мера счастья в ширину, а неудача есть проба на счастье в глубину. Ветров получил меру счастья в ширину, а поэтому его грудь распирало чувство выполненного долга.

Передавая коробку с «шоколадом» руководителю резидентуры, Николай честно признался, что такого напряжения он еще ни разу не испытывал. Разумная активность и осторожная напористость Ветрова в работе нравились Кобзеву. Майор располагал умением быстро завязывать контакты с незнакомыми, но нужными службе людьми. Обладал прекрасными аналитическими способностями. Опыт работы в информационных подразделениях ГРУ благотворно сказывался на организации подготовки документов в Центр.

Но к нему присматривались и американцы, прекрасно понимавшие, что именно в активности этого молодого и сильного «зубра» военной разведки, приехавшего в страну повторно, заключается опасность и для них.

* * *

Посольство США в Белграде. В кабинете резидента ЦРУ Давида Брокмана чуть слышно работал кондиционер. Вокруг хозяина — заядлого курильщика — и в его апартаментах всегда стоял запах особой смеси табака фирмы «Данхилл» для специальных трубок. Включенный радиоприемник передавал последние известия местного радиоцентра. Брокман никогда не выключал «Панасоник», патологически боялся прослушек, в том числе и чекистских. Ему мерещились козни КГБ и ГРУ чуть ли не каждый день. «Русским медведем» он постоянно пугал своих подчиненных. Дамокловым мечом висел над ним страх, а, как известно, страх — это ожидание зла. Страху свойственно преувеличивать истинное значение факта, который может и не наступить, поэтому, как писал когда-то Б. Шоу, быть рабом страха — самый худший вид рабства. Но такой уж была натура у Брокмана, а против природы, как говорится, не попрешь.

Он нажал кнопку селекторной связи и хрипловатым голосом отдал команду дежурному:

— Пригласите ко мне Зенчука.

— Слушаюсь, сэр, — ответил дежурный.

Майкл Зенчук — американец украинского происхождения, дед которого еще в двадцатые годы, боясь ответственности перед новой властью за ревностное служение пану Петлюре,

эмигрировал в Америку. Его сын после окончания университета и непродолжительной работы в строительной фирме, выдержав проверку на лояльность, был приглашен на работу в ФБР, а потом перешел в «компанию» — так зашифровывали всегда ЦРУ. Внук Майкл пошел по стопам отца.

На различных курсах ЦРУ, которые прикрывались словом «фермы», ему внушили, что обязанности человека выходят за рамки его личности и распространяются на семью, общество и страну и что уважение к властям является хорошим качеством респектабельного гражданина. Он прошел также курс выживания в городе Рино, штат Невада. Недельный поход по горам в снегоступах оказался истинным мучением…

Зенчук слыл специалистом по славянским делам, хорошо разбирался в процессах «балканизации» в Югославии. Но еще глубже он знал проблемы Советского Союза. Служба в ФБР наложила отпечаток на личность Зенчука, сделала его крайне осторожным в делах столь ответственных, какими он считал вербовочные акции в разведке. Одно время он служил в Москве, но оттуда его скоро выпроводили — попался на фотографировании режимного объекта. Объявленный персоной нон грата, он был рад вернуться в США, ибо советская контрразведка работать «плодотворно» ему не давала.

Дверь брокманского кабинета после звонка приоткрылась, и во входном проеме появилась огромная треугольная голова Зенчука, напоминающая столовую свеклу, выращенную на украинском черноземе.

— Добрый день, Майкл. Присаживайся. Так что у нас есть на Ветрова? — с ходу спросил резидент.

— Сэр, я уже вам докладывал, что мой человек из органов безопасности в Белграде собрал несколько досье на активно работающих против нас советских разведчиков. Среди них, наряду с чекистами, значится и, очевидно, гэрэушник — Ветров Николай Иванович, работающий под торгпредовской «крышей», — Майкл начал перечислять известные ему установочные данные. — Это его вторая командировка в Белград. Знающий дело, физически силен, смел, обладает тонким оперативным чутьем, натура темпераментная, напорист и коммуникабелен. Располагает широкими связями среди местных граждан, имеющих отношение к бизнесу и журналистике. Пользуется успехом у женщин. Недавно выезжал в Дубровник с семьей на отдых — экскурсию. К сожалению, мы поздно узнали о его планах, поэтому не смогли как следует проконтролировать поведение россиянина на курорте.

— Плохо, очень плохо, что не сумели, — раздраженно

среагировал Брокман. — Его работу надо немедленно нейтрализовать. Продумайте план и доложите. Неделя вам срока.

— Есть, сэр, слушаюсь — будет исполнено!

* * *

В назначенное время Зенчук уже сидел в кабинете резидента. Он раскрыл красную пластиковую папку и положил на стол шефу восемь листов плана получения компрматериалов на Ветрова с целью если не выпроводить его за пределы Югославии, то хотя бы существенно сковать работу советского военного разведчика.

— Особенностью оперативной обстановки является то, что жена Ветрова с детьми несколько дней назад выехала по семейным обстоятельствам в Союз. Он остался один, часто бывает в городе. Хобби — любит мастерить. Навещает строительно-инструментальный магазин «Блэк энд Деккер». Нередко покупает там инструменты. Как вы знаете, хозяйка магазина Сюзанна Брайкович — наш человек. Вы должны ее помнить. Она участвовала в акции против поляка.

— Ну как же, прекрасно помню этого испуганного пшека. Кажется, если мне память не изменяет, его звали Болеславом, — вставил Брокман. — Он до сих пор работает на нас, боялся разоблачения его шашней с этой красавицей. Вот надо Ветрова и познакомить с нею. А затем уложить его в постель на «квартире» Сюзанны. Я считаю, она справится с такой задачей — огонь-баба!

— Именно с этим планом я и пришел к вам. Вот его подробные этапы осуществления, — он протянул папку шефу.

Прочтя документ, резидент бросил взгляд на подчиненного, внимательно наблюдавшего за мимикой и жестами своего шефа.

— Вижу, все продумано до мелочей. Я думаю, есть полные гарантии, что попадется донжуан в наши руки. Сюзанна его не выпустит чистым, — заулыбался хозяин кабинета.

* * *

Действительно, Ветров несколько раз бывал в уютном магазине инструментов. Его увлеченность и интерес к поделкам развивали вкус к уюту, но в ответ требовали практичного и качественного инструмента, которого, к сожалению, в Союзе на магазинных прилавках в те времена не было.

Недавно он приобрел шлифовальную машинку. Не мог не купить у такой очаровательной хозяйки магазина, хотя, если по-

серьезному, он давно положил глаз на этот крайне необходимый инструмент при работе с деревом. О его золотых руках знали сослуживцы как в Москве, так и в посольстве. В московской квартире многие вещи и мебель были сделаны продуманно в смысле встроенности в «габариты малогабаритной квартиры» и с фантазией руками самого мастера.

Еще Ветров давно хотел купить небольшой по размерам электрический рубанок — тоже давнишнюю мечту. Отсутствие жены ускорило решение этой задачи. Получив очередную зарплату, не подконтрольную «семейному главбуху», он после работы направился в приглянувшийся магазин. Поинтересовавшись наличием нужного инструмента и получив отрицательный ответ, он задал естественный вопрос:

— А когда он будет в продаже?

Узнав Ветрова по предъявленной Зенчуком фотографии, Сюзанна любезно предупредила «нужного» покупателя, что завоз товара ожидается завтра.

На следующий день после напряженной работы Николай неожиданно вспомнил: он же договорился в магазине!

Прихватив кожаную сумку с ремнем через плечо, он направился пешком — машина закапризничала. Благо магазин находился недалеко от советского посольства. Ветров успел войти перед самым его закрытием.

— Меня зовут Сюзанна, — отрекомендовалась хозяйка, когда последний покупатель покинул магазин.

— Очень милое имя. Меня нарекли Николем. Я пришел за электрорубанком.

— Ну, тогда, Николай, пойдемте в подсобку — сегодня привезли много товара. Я еще не разбирала. По вашей просьбе я заказала около десятка моделей, — с этими словами она приоткрыла дверь в соседнюю комнату и стала демонстрировать в красочных коробках инструмент. — Пожалуйста, выбирайте.

— Ну, Сюзанна, глаза разбегаются.

— Николай, вы смотрите, а я на минуту — дверь закрою: рабочий день окончен. Надо и отдохнуть, настоялась за день у прилавка. Жара неимоверная сегодня. «Кондишены» и те задыхаются, а человек должен выдерживать.

Она буквально выпорхнула в зал. Слышалось, как щелкнул замок-задвижка в двери, как заскрипели опускающиеся жалюзи на окнах. Вскоре она вернулась.

— Я уже выбрал. Даже не верится — 14 500 оборотов в минуту! Вот он — марка ВД-750, с такими оборотами должен чисто обрабатывать доску.

— Вижу, вы специалист по деревяшкам…

— Люблю доски, рейки и бруски. Нравится текстура разных пород — это голоса деревьев. Закончил я когда-то строительный техникум, — признался Николай.

Расплатившись за покупку, он хотел было уже покинуть магазин, как неожиданно хозяйка предложила:

— Николай, говорят, по русскому обычаю надо обмыть купленную вещь. иначе может случайно сломаться рубанок или плохо работать. Что, я неправду говорю? Или такой традиции уже нет у россиян?

— Нет, все верно, — ответил Ветров, понимая по-мужски, чем может кончиться такой обмыв.

Русским языком Сюзанна владела прекрасно. Она пояснила, что детство и юность вместе с родителями (мать — украинка, отец — серб) провела в Штатах, окруженная выходцами из России. В Югославии она трудится по контракту. Муж работает в ФРГ на военном заводе. Сейчас уехал в длительную командировку в ЮАР.

«Зачем мне все это она говорит? — обожгла мысль Ветрова. — В принципе для нужд службы по прямому предназначению совершенно неинтересная особа, хотя последний штрих интригует — муж-оборонщик, выражаясь нашим языком, да еще в Западной Германии. Если правду сказала о муже, можно и поработать, а коль нет — это уже опасно. Надо проверить, но как?»

А в это время женщина уже хлопотала за импровизированным столом своеобразного магазинного week-end, выставив плоскую бутылку виски и приготовив несколько бутербродов. Сели на небольшой диванчик. Первый тост подняли за долговечность купленного инструмента. Второй — за знакомство, а третий — за славян, которым всю жизнь не везло с вождями, бездарно правящими государствами. Обсуждалась тема враждебности Запада к славянским народам. Четвертый выпили на брудершафт.

— Заметь, Николай, все потоки европейско-азиатских столкновений проходили через славянские пространства. Войны закаляли наши народы и делали из них настоящих воинов. Югославия тому пример. Гитлеровцы никак не могли справиться с балканскими партизанами, потому что у них существовал прочный фундамент высочайшего патриотизма, — философствовала явно захмелевшая молодая женщина.

Постепенно завязалась настоящая научная дискуссия. Закончилась она духовной солидарностью, взаимными объяснениями в симпатиях, поцелуями, сначала в щечку, а затем с более глубоким содержанием. Перед молодым симпатичным мужчиной сидела интересная захмелевшая женщина. Ее

раскрасневшиеся щеки излучали такое тепло, что к ним хотелось прижаться хотя бы на мгновение. Глаза с поволокой, бросающие томные взгляды, звали к себе. Они все сильнее будоражили Николая.

Неожиданно она приблизилась к россиянину, обняла его за плечи, и они слились в едином поцелуе, страстно покусывая друг другу губы и теребя волосы. Когда господствует страсть, нет места для умеренности, потому что страсти — это облака, затемняющие солнце разума…

Они лежали на диванчике в объятиях друг друга.

— Николай, как мне хорошо с тобой. я умираю. Что ты делаешь с моим сердцем? — шептала Сюзанна. — Я никогда не была так счастлива, как сегодня. Спасибо, мой дорогой рыцарь, нежданно спустившийся с небес. Я давно ждала именно такого.

* * *

Разошлись так же быстро, как и сошлись. Правда, Сюзи, так успел ее наречь Николай, пригласила его в гости домой в субботу. Он согласился, несмотря на появившуюся смутную настороженность. Однако чувство взяло верх, потому что оно обманывает наш разум. Его можно заставить замолчать, но нельзя указать ему границ, или, как говорил великий И. Гете, — чувства не обманывают; обманывает составленное по ним суждение, а последнего не было. Он потянулся к этой миловидной женщине, сумевшей быстро и легко завоевать его сердце.

Дни до субботы тянулись медленно, несмотря на служебную загруженность. Все мысли в минуты воспоминаний о «магазинной истории» концентрировались на объекте под именем Сюзи. Он порой терял голову, но в промежутках появления трезвого рассудка, прекрасно понимал, что это всего лишь мимолетное влечение, способное снять напряжение, накопившееся за неделю.

Он оправдывал себя перед собой, считая, что действовал правильно, ибо жалость, повлекшая конкретный порыв к разбуженной женщине, — поступок благородный.

«С женой Ларисой это уже не любовь, а привычка, семейная проза, — убеждал себя дамский воздыхатель. -

С Сюзанной — это поэзия «быстротекучих дней и мимолетного влечения».

Встретились у магазина после работы. Она заранее попросила не брать автомашину, так как ехала на своем «жучке»-«Фольксвагене», и обещала угостить хорошим сухим вином, к которому Николай был неравнодушен.

«Откуда она знает о моем пристрастии к сухим винам? — настойчиво застучал вопрос в голове. — Наверное, просто так. Хотя…»

— Здравствуй, хозяйка!

— Добрый вечер, столяр! — улыбнулась женщина.

— У тебя все нормально, планы не меняются?

— Какие могут быть перемены, когда рядом такой представительный кавалер?!

Опытный взгляд Ветрова заметил в бегающих глазах и чуть уловимом дрожании в голосе дамы какое-то беспокойство. Она улыбалась, шутила, строила глазки, но, как показалось Николаю, думала о чем-то другом, очень далеком от обстановки в салоне машины, которую вела уверенно и даже лихо.

«Что это с ней, — подумал Николай, — неужели готовится провокация? Зачем же я ищу на свою голову приключений? Но не в моем характере сходить с половины дистанции. Спокойнее, Коля, не пугай себя, а то так можно и беду накликать. Если это подстава — отыграюсь!»

— У тебя какие-то неприятности? — спросил неожиданно Николай, не узнав своего осевшего от волнения голоса.

— С чего ты это взял? Просто замоталась на работе. Ничего, снимем усталость. Надо быть оптимистом, иначе в этой жизни быстренько свернешься, как подожженная береста. Хочется уже отдохнуть, — ответила женщина за рулем.

Они подъехали к небольшому отелю. Поднялись на второй этаж в номер люкс, представляющий собой двухкомнатную квартиру с большой кухней. В центре ее стоял круглый стол из мореного дуба с четырьмя табуретками, сделанными из этого же материала. Слева от стола на стене висели полки, выполненные под старину. На них стояли чашки, тарелочки, кувшинчики, бутылки и разные безделушки.

— Вот здесь я живу, коротая в одиночестве пустые вечера, — произнесла нежным голосом Сюзанна.

— Ну что ж, приличное жилище. В нем можно и нужно только отдыхать.

— Мы жить плохо просто не умеем, — засмеялась женщина.

— Лицо хозяйки показывает кухня. Порядок, уют, чистота, — заметил гость, нежно обняв подругу за талию.

— Я приготовлю что-нибудь, а ты иди в комнату. Посмотришь, пока я буду готовить застолье, неплохой фильм. Я сейчас поставлю кассету.

Она проводила «любовника» в комнату и включила видеомагнитофон. Начало фильма он пропустил за разговорами и разглядыванием интерьера комнаты. Взглянув на экран после ее

ухода, он увидел картину какой-то драки гангстеров-мафиози с итальянскими карабинерами.

За журнальным столиком стояли два небольших кресла, обшитых кожей зеленого цвета. На стене висела репродукция картины Ж.-Б. Лепренса. В темном углу стояли огромные напольные часы. Длиннющий маятник, раскачиваясь, издавал звуки, напоминающие удары метронома, которые передавались по радио в Союзе в память о павших на полях сражений в День Победы.

«Как же они должны бить, если так звонко ходят?» — подумал Николай и живо обернулся в сторону входящей Сюзанны с подносом, заставленным всякими яствами. Вторым выходом она принесла бутылку красного вина и два фужера, играющих точеными гранями дорогого хрусталя.

— Извини, пожалуйста, за задержку. А теперь можно и присесть. Может, тебе виски?

— Да нет, не стоит мешать этот шотландский самогон с таким благородным красным напитком.

— Твоя воля. Тогда давай выпьем за надежду. Ни один врач не знает такого лекарства для усталого тела и измученной души, как надежда, — украсила тост словами Стефана Цвейга счастливая Сюзанна и внимательно посмотрела на гостя.

— За такой оптимизм грех не выпить. Полностью присоединяюсь к тосту. Только разреши я добавлю: надежда сопровождает нас всю жизнь и не покидает даже на смертном одре, — поддержал Николай.

— Ты слишком приземлил это чувство. Надеяться — это верить, а вера всегда двигала человечество вперед. Так давай выпьем за локомотив прогресса…

Бутылка скоро стала пуста. Опорожнили и вторую. Потом попробовали виски. Они весело щебетали, обнимаясь, сидя в креслах, поставленных рядышком. Ее льняные волосы, накрученные крупными локонами, источали тонкий запах французских духов «Клима», точно таких, какими пользовалась Лариса. От этого на душе сделалось не по себе, но хмель и близость разгоряченного женского тела вытеснили всякие сомнения и угрызения совести.

Сюзанна то бросалась в объятия Николая, то, подобрав свои длинные ноги, садилась в кресло и умиленно смотрела на своего гостя. Ее круглые, крупные колени, выставленные вперед, слепили разум и возбуждали страсть.

— Ник, я твоя. пойдем, — стонала женщина, повиснув на кавалере. — Подожди.

Она последовала в ванную комнату и через несколько минут

вышла в легком полупрозрачном халатике.

— Можешь охладиться и ты. Свежий халат и полотенце висят на крючке. Давай, милый, мы же без комплексов.

Розовая спальня, розовое постельное белье на широкой венской кровати, красные обои, торопливые шаги к ней, уже лежащей и протягивающей руки.

* * *

Поздно вечером он добрался домой. Успокоенность и одухотворенность — с одной стороны, брезгливость и нарастающее осуждение собственного проступка — с другой, слились в ощущаемый ком где-то за грудиной. Он то пропадал, то снова поднимался и подступал к горлу.

Он лежал на диване и смотрел в потолок темной комнаты. По ее стенам изредка пробегали блики от фар проезжающих автомашин. Если на период близости с Сюзи в нем на время умолк разведчик, то сейчас он говорил языком трезвых доводов и требовал ответа на вопрос: что это — случайность или подстава?

«Неужели это то, что когда-то сделали для иностранных дипломатов Гиммлер с Гейдрихом — «Салон Китти», — подставляя им женщин из высших кругов германского общества и слушая через прослушки всякую пьяную откровенность высокопоставленных гостей. Правда, в данном случае социальный уровень дамы пониже, но красотой она могла дать фору тем жрицам любви…

Вообще-то похоже, но играть буду до конца. Надо выяснить поподробнее в отношении супруга», — решил Николай.

Зайдя как-то в магазин через неделю после той бурной вечеринки, он увидел Сюзи и поразился: она была еще краше. Договорились встретиться у нее в пятницу.

— Я буду ждать, милый. Ты дорогу знаешь, — улыбнулась красавица и как-то особенно, с грустинкой посмотрела на Николая.

Ровно в 18.00 в пятницу Ветров нажал кнопку звонка квартиры американки. Дверь моментально открылась, и в проеме показался расплывшийся в улыбке худощавый мужчина.

— Вы к Сюзанне?

— Да.

— Проходите. Я брат ее. родной брат. Приехал по ее просьбе. Она заболела. Часа два, как отвезли в больницу. Она просила вас дождаться и предупредить, — на ломаном русском языке проговорил незнакомец.

Только сейчас Николай осязаемо, вспененным от неожиданности рассудком понял, что он стоит на пороге ЧП, что надвигается провокация, а он, глупец, становится ее жертвой. Он уловил замысел режиссеров и решил свою роль в этом спектакле доиграть достойно и до победного конца. Как профессионал, он понимал, что трусость в создавшемся положении ему не советчица, а поэтому приготовился принять удар спецслужбы и по-спортивному ответить на него своеобразным волейбольным блоком, который он умел ставить и держать.

«Братец» предложил кресло, в котором еще недавно сидел Николай, целуясь с Сюзи.

— Завать миня Борисом, — представился мужчина, коверкая русские слова.

— Надеюсь, мне вам представляться не надо. «Сестричка» вам рассказала обо мне, — съязвил россиянин.

— Да, она вся во власти воспоминаний, — явно слукавил тот, кто назвался Борисом.

В дверь коротко позвонили. Вошел низенького росточка, головастый, рано начавший лысеть красномордый неизвестный. Создавалось такое впечатление, что ягодицы его из-за коротких ног доходили до уровня колен. Вспотевшее лицо незнакомца выдавало волнение или вчерашний перепой. Волосы от пота сбоку головы слиплись рыжей куделью.

— Майкл Зенчук… Посольство Соединенных Штатов Америки в Белграде, — явно наигранно и смело отрекомендовался он, почти не глядя ни на того, кто представился «братом» Сюзанны, ни на Николая. Его взор, устремленный в простенок, поначалу зародил у Ветрова мысль, что этот урод в телосложении еще и косой.

— Николай Ветров, посольство Советского Союза, — с достоинством ответил майор.

— Будем знакомы. будем знакомиться поближе, — заволновался Борис, подобострастно глядя на Зенчука, очевидно, своего шефа. «Брат» как-то извинительно посмотрел на советского гостя.

* * *

По правде, американцы не ожидали встретить такого спокойствия со стороны россиянина, попавшегося на «медовой ловушке». Смелый его ответ серьезно встревожил Майкла, считавшего, что Ветров долго не будет сопротивляться, сдастся, как когда-то это сделали Филатов и ему подобные.

Зенчук трясущими руками полез в карман кожаной папки и бросил Ветрову конверт, из которого выпали цветные фотографии, веером разлетевшиеся по лаковой поверхности стола.

Николай внешне спокойно стал рассматривать снимки, на которых он сгорал в пламени страстей. Как вспышка молнии, мозг озарила когда-то выуженная и твердо запомнившаяся мысль: человек находит для оправдания своих действий любую причину, кроме одной; для своих преступлений — любое оправдание, кроме одного; для своей безопасности — любой повод, кроме одного; а этим одним является трусость.

«Ни в коем случае нельзя дать сломать себя, надо переиграть этих кретинов, нельзя показать, что я испугался, что я струсил… И я это сделаю уже здесь», — успокаивал себя офицер.

— Ну, как качество: резкость, цветопередача, ракурсы? — съязвил Зенчук.

— Это что, Сюзанна передала мне на память?

— Что-о-о? Я вас не понял, — Майкл криво усмехнулся, — вы же у нас в кармане. Представьте такой момент: эти фото лягут на стол вашему начальству или станут достоянием супруги. Каково?

После этих жестких слов вербовщик уставился жабьими глазами на россиянина, пытаясь понять по его лицу реакцию на главный козырь в начатой игре грубой компрометации.

— Так я и не понял: вы дарите мне эти доказательства красивого времяпрепровождения с вашим агентом или пытаетесь шантажировать ими?

— У нас не один экземпляр. С пленки мы в случае надобности сможем их размножить.

— Ну тем более подарите эти мне. Могу даже заплатить за проделанную работу, химикаты и фотобумагу, — поиздевался Николай.

— Смел, очень смел, как я погляжу, — съязвил Зенчук.

— Да, я уже никого не боюсь. Ваши фотографии не компромат, а доказательство того, как американская разведка не жалеет своих дам, таких милых и нежных, толкнув их в объятия инфицированного СПИДом «русского медведя», — спокойно ответил Ветров, надеясь на соответствующую реакцию, и она пошла бурно и смешно.

— Сволочь, что-о-о? — Опять Зенчук растянул это короткое местоимение.

— А ничего. Я обречен, поэтому никого и ничего не боюсь. А теперь жду, когда начнете вербовать. Хотя после такого вашего хамского вступления я еще подумаю, как себя вести, — ответил Ветров.

После достойного ответа он взглянул сначала на «брата», а затем на Зенчука, у которого постепенно стали краснеть щеки и побледнели уши. Как показалось Николаю, у Майкла мясистые уши даже несколько отвисли, как лопухи в знойный июньский полдень.

— Что с вами, господа хорошие? У мужчин все поступки должны быть исполнены мужества, как бы судьба их ни трепала, — продолжал издеваться Николай.

— А ты знаешь, — Майкл разгорячился, — ты знаешь, что ты в капкане? Кто знает, где ты находишься, с кем проводишь время? Ты сейчас живой, а через мгновение будешь мертвым. И никто не узнает, где могилка твоя… Так, кажется, поется в одной из ваших песен?

— Так оно так, однако я помню и другие слова, слова из справедливой прозы: люди, желающие внушить ужас, тем самым показывают, что они трусы. Кое-что и у меня для вас есть, если нашла коса на камень. — И он быстрым движением руки достал зажигалку — точную копию гранаты-лимонки. — Давайте-ка лучше мирно разойдемся, а то ваши требухи могут оказаться на этой люстре. Думаю, сейчас наиболее подходящий момент у вас для моей вербовки. Господин Брокман не одобрит вашу безголовую для разведки затею. Ваша сотрудница по вашей вине стала неизлечимо больна.

* * *

Как только Николай вернулся к теме болезни, на него вновь уставились выпученные глаза горе-вербовщиков. Оба почему-то впали в ступор после упоминания о чуме двадцатого века. Они сидели отрешенные, тупо глядя в пространство.

Зенчук вдруг словно очнулся и елейно процедил сквозь зубы, перейдя на джентльменское «вы»:

— Николай, вы что, правда больны?

— Здесь у меня с вами полная откровенность.

— Чем же вы можете доказать? — последовал дурацкий вопрос.

— Последствиями и результатами анализа крови у Сюзанны и, конечно, у тех, кто тоже баловался с нею после меня. — Майор бросил цепкий и презрительный взгляд сначала на Зенчука, а потом на обезумевшего «брата». Они находились в полной прострации.

Не знал точно Ветров, но по реакции янки мог догадываться, что у Сюзи — сотрудницы или агента ЦРУ — в «гостях»

поочередно после той памятной обмывки рубанка успели побывать и ее «братик» — Боря, и главный «вербовщик» — Майкл, не однажды попадавший, как потом выяснилось, в подобные скандальные истории. Именно поэтому знаток советских проблем после СССР стал заниматься югославскими делами. Руководители ЦРУ не рискнули вновь отправлять облезлого кота к московским мадоннам, предварительно запугав его больными СПИДом путанами, которых злые чекисты якобы специально выращивают в стране «березового ситца» для подстав американцам.

«На сей раз я попал, как муха на липучку. Что я наделал?! Бедная наша Сюзанна», — досадовал про себя Майкл, бросая колючие взгляды на голубоглазого и рослого блондина-россиянина, спокойно собирающего фотокарточки и с брезгливым безразличием укладывающего их в конверт.

— Как я понял, вы их мне дарите на память о бурно проведенной ночи. Думаю, для Сюзи у вас найдется еще одна копия — или нет?

— Не трогай фотографии, оставь конверт и нас в покое, — взвыл Зенчук.

— В таком случае — «Гуд-бай, май диэ френдс».

Николай медленно поднялся с кресла и направился

полубоком к выходу, держа в руке «гранату». Такая поза давала возможность боковым зрением наблюдать за действиями американцев. Поравнявшись с дверью, он для усиления воздействия своего розыгрыша, бросил презрительно:

— Запомните, придурки, я уже никого не боюсь, бойтесь вы. Скоро страх вас достанет.

Он специально акцентировал внимание двух одураченных и посрамленных вербовщиков на неизлечимой болезни. Хлопнула дверь. Оба янки вздрогнули, как от плетки, стегнувшей их неожиданно и больно.

* * *

«Вот вляпался в историю! Начнется разбирательство, выгонят, как собаку бешеную. Я же только начал карьеру в разведке. Майкл уже сколотил капитал, что ему! Он жизнь свою уже сделал», — скулил про себя «братик» Борис.

Майкл тоже искал выход. Искал и не находил, потому что в таком идиотском положении его невозможно было найти — он понимал, что весь разговор записан на магнитофон помимо его воли.

— Джек, неужели это правда? — обратился Майкл к

напарнику, до недавнего называвшего себя Борисом.

— Я думаю, чистейшая… так смело он действовал… бедная Сюзанна.

— Сюзанна, Сюзанна — ты думай о себе.

— А что думать? Дело сделано, — заметил Джек. — Я у нее тоже был.

Майкл приложил указательный палец к губам, а голову обожгла мысль: «Теперь и у меня, и у супруги могут быть проблемы со здоровьем».

— Сволочь, подонок, русская свинья! Где он подхватил эту болезнь «зеленой обезьянки»? — неслись проклятия в сторону двери. Майкл застыл и как-то тупо уставился на конверт с компрой. Теперь этими фотографиями можно было скомпрометировать только бедную коллегу перед родственниками и друзьями.

Примерно такой диалог мог состояться на конспиративной квартире ЦРУ между Джеком и Майклом.

Как проходила воспитательная беседа Брокмана с двумя несостоявшимися вербовщиками, неизвестно. Но дней через десять в местной прессе прошло сообщение об отъезде двух американских дипломатов — Майкла Зенчука и Джека Краммера («брата» Бориса) — на родину — в Соединенные Штаты. Исчезла из временно закрытого магазина и Сюзанна, которой, наверное, пришлось походить по докторам и пережить страх за свое здоровье. За все прегрешения в жизни надо платить при посещении спектакля-драмы. У каждого человека под шляпой или шляпкой — свой театр, где часто развертываются драмы более сложные, чем те, которые созерцались на сцене жизни — эмоции усиливаются переживаниями о своем здоровье в несколько раз.

* * *

…..После совещания Кобзев задержал Ветрова и сообщил приятную новость — ему необходимо срочно выехать в Москву по делам службы.

— Это тот случай, когда сочетается полезное с приятным, служебное с личным. Решите вопросы в Центре и повидаетесь с семейством. Пора их уже возвращать сюда, — посоветовал резидент.

«Неужели догадался, а может, ему сообщили офицер безопасности посольства или коллеги из резидентуры КГБ? Не должны знать, все было на уровне профессиональной конспирации. А там, черт его знает, — подумал Николай. — А

может, все же стоит раскрыться перед начальником?»

Нет, ничего не сказал он Кобзеву, хотя уважал и доверял ему. А на следующий день он уже шагал по родной Москве.

«Идиоты, — размышлял он, — неужели они надеялись меня сломить открыточками? Свобода оплачивается очень дорого, но что поделаешь. Будут еще переживания, но я свободен от того, чтобы казнить себя за малодушие, за предательство. Провинился — да, бес попутал, но чист перед Родиной, коллегами. Эта стерва получила удовольствие, я тоже. Ох, долго они еще будут проверяться, не доверяя анализам и диагнозам».

Единственное, что его угнетало, — это вина перед женой, но он успокаивал себя тем, что повел себя не так, как предатель и шпион Филатов, поднявший когда-то руки вверх перед аналогичными материалами.

«Каждому молодому и сильному мужчине, в конце концов, должна встретиться, помимо брака, женщина, которая успокоит ноющую плоть. У женщины тоже может быть подобное. Весь смысл в тайности содеянного, — убаюкивал себя Николай не им придуманной теорией. — Хотя она и подстава, однако женщина высшего класса по многим параметрам».

И все же он решил себя в некоторой степени обезопасить.

«Надо связаться с Николаем Семеновичем. Посоветуюсь, как вести себя дальше».

Ветров позвонил Стороженко. Договорились встретиться в одном из кабинетов главка — в ГРУ.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Здравствуй, здравствуй, тезка!

Он стал рассказывать подробности… Расхохотались, когда речь пошла о немой сцене янки на инсценировку со СПИДом и «лимонкой».

— Ну, что я могу сказать? Правильно сделал, что пришел. Скрытность — прибежище слабых. Поступка твоего не одобряю, хотя по-мужски понимаю. Можно было уловить признаки «медовой ловушки», разгадать почерк церэушников — он в последнее время стал стереотипным, повторяемым. Но случилось то, что случилось, рассуждать с позиций «если бы» — это из области сослагательного наклонения. А что касается янки, то они, наверное, не хотят думать. А резиденту надо было сказать. Передай ему привет от меня. Я напишу Григорию Петровичу письмецо. Хорошо, что командировка у тебя заканчивается. Все равно сейчас в Белграде веди себя осторожнее, чем прежде. Американцы могут мстить. Будь бдителен вдвойне, — высказывался Стороженко.

Затем он стал подробно инструктировать, как себя вести в

случае нового подхода со стороны заокеанских «братков».

— Спасибо за совет и поддержку, Николай Семенович. — В эти слова Ветров вложил искренность, потому что помнил, как еще перед отъездом в первую командировку беседовал с ним оперативник Стороженко. Именно тогда к чекистам в ГРУ у него появилось доверие и уважение.

«За плечами этих работяг, — подумал Ветров, — полдесятка раскрытых за последние четыре года агентов иностранных разведок среди нашего брата.»

* * *

Через неделю Ветров с семьей улетел в Белград. Последние полгода прошли спокойно. Получил очередное звание — подполковник. Подчиненный, как и договаривались в Москве, доложил историю своего «греха» начальнику…

Кобзев и Ветров закончили службу в генеральских чинах в разное время. До сих пор, наверное, последний помнит свою оплошность, которая могла перерасти в преступление, и улыбается, когда вспоминает пресные рожи американских вербовщиков.

Самое главное в этой истории то, что люди остались людьми и не навредили стране с перепугу. И такие люди служили в ГРУ.

Глава семнадцатая
Узник потерянной совести

Жадность до денег, если она ненасытна,
гораздо тягостней нужды,
ибо чем больше растут желания,
тем большие потребности они порождают.

Демокрит

Свою судьбу человек выбирает сам, как бы ни утверждали оракулы, что от судьбы не уйти, что она, мол, пишется сверху Всевышним. Мы делаем свою судьбу (она называется — жизнь) сами: чистыми или грязными руками. Все зависит от наших душ и поступков… Почти тридцать лет он ждал ареста, потому что совершил преступление — предательство — и чувствовал себя на воле в содеянном виновным, а потому неуютно. Но стоило попасть в неволю, как тут же стал узником потерянной совести, считая себя то «невинной овечкой», то монстром, способным «развалить ГРУ». Этого узника помиловал первый президент России Ельцин, который посчитал предателя Союза за друга России. Но все по порядку.

Провалы зарубежной агентуры ГРУ в середине 60-х годов говорили о том, что открылся канал утечки важнейшей информации в Центре — в Москве. Военная контрразведка стала настойчиво искать «крота», явно имевшего доступ к обобщенным данным. Поиск шел долго и упорно. Перепроверялись ранее прекращенные сигналы и дела оперучета. Оперативники обращались к материалам литерных дел.

В списках подозреваемых тот, о ком пойдет речь в этом повествовании, значился, но всякий раз удачно выпадал, как мелкий песок через сито.

* * *

В 1960 году на должность оперативного техника советской резидентуры военной разведки в Нью-Йорк прибыл ничем не

примечательный служащий — Николай Дмитриевич Чернов.

Теперь уже не один десяток лет отделяет его от того рокового часа, когда он из рядового сотрудника советского посольства в США превратился в платного агента американских спецслужб под псевдонимом «Ник Найк». И опять деньги и корысть сыграли роковую роль в судьбе этого «человека в футляре».

Мог ли Чернов предполагать, что роковым событием в его судьбе станет признание арестованного за шпионаж в пользу Штатов бывшего генерал-майора ГРУ Генштаба Д.Ф. Полякова, послужившее основанием дополнительного интереса военных контрразведчиков к персоне Чернова.

В результате предательства этого технического служащего на длительное время открылся канал утечки информации как по резидентуре ГРУ в Нью-Йорке, так и по материалам Центра.

1963 год. Нью-Йорк.

В один из летних дней Чернов с сослуживцем приехал на оптовую базу для покупки стройматериалов — готовился ремонт помещений, занимаемых резидентурой военной разведки. Отобрав нужные материалы и уговорив хозяина торговой точки на подлог, они получили липовые документы без отражения в них торговой скидки за оптовую покупку. Прикарманенные 200 долларов поделили между собой. На следующий день, когда Чернов явился за товаром, его ждали два джентльмена — сотрудники ФБР.

Они заявили сразу же, что знают о его причастности к военной разведке СССР. В ответ на якобы возникшее возмущение советского гражданина, янки показали фотокопии платежных документов, изобличающих его в присвоении долларов.

Правда, эту версию рассказал следствию сам Чернов, разоблаченный сотрудниками военной контрразведки. Но есть и другие объяснения выхода его на тропу предательства.

В книге «Беспощадный воитель» Том Мэнгоулд пишет, что после ухода на пенсию начальника контрразведывательной службы ЦРУ Энглтона, не доверявшего перебежчикам, его преемники Каларис и Маккой «…среди ненужных бумаг в одном из сейфов обнаружили старый и неприметный документ. В нем содержались наводки на двадцать агентов ГРУ, действовавших в различных странах мира. Источником этих сведений был работавший на ФБР агент «Ник Найк»…

Из двадцати наводок «Ник Найка» американской контрразведкой были реализованы все двадцать. В конце концов шпион стал наиболее ценным источником развединформации по ГРУ, который когда-либо был у американцев».

* * *

Другим подтверждением инициативного обращения Чернова к американцам послужили показания шпиона Полякова. Осознав вину и желая помочь следствию, бывший генерал-майор поведал, что в беседе с ним в 1980 году в Индии американский разведчик Вольдемар Скатцко назвал ему Чернова как одного из завербованных агентов в Нью-Йорке.

Вот как Поляков говорил об этом эпизоде на следствии:

«Американский разведчик с виноватым видом рассказал о том, что в США вышла книга бывшего сотрудника, в которой раскрывается один крайне важный эпизод из деятельности спецслужб США. В ней говорится, что в 1962 году в ФБР инициативно с предложением услуг обратились один сотрудник ГРУ и один офицер КГБ.

Процитировав строки из книги, он тут же бросился заверять меня, что в ней речь идет не обо мне, а о совершенно другом сотруднике нашей нью-йоркской резидентуры — Чернове, являвшимся наркоманом и обратившимся к ним для получения наркотиков в обмен на информацию. Чернов передал американцам средства тайнописи и другие материалы и сведения, к которым имел доступ по роду службы…»

Так ли это было? Вероятно так, ибо следствие не могло упрекнуть Полякова в перекладывании своей вины на плечи

Чернова. У каждого из них была своя конкретная вина. Что же касается американцев, то, видимо, им тоже не хотелось чернить одного агента в глазах другого и придумывать небылицы о мотивах, в силу которых Чернов пошел на сотрудничество с ними.

Однако последний мог посчитать ниже своего достоинства иметь «славу» продажного наркомана и на следствии по своему делу расписал этот факт как коварство и изощренность американцев, не особо заботящихся об отыгравших игроках, — именно так.

Где истина? Сегодня уже трудно разобраться. Ясно одно — вербовка была, она состоялась, после чего агент начал действовать. А вербовали или принимали инициативное предложение Чернова сотрудники ФБР Мак Дугал и его босс Боб Стрейнджер. С октября 1962 по май 1963 года шпион провел с ними восемь конспиративных встреч.

* * *

Чем же заинтересовал их на первый взгляд ничем не примечательный рядовой клерк военной разведки? В функции оперативного техника входило: обработка входящей и исходящей почты, фотографирование документов, добываемых нашими разведчиками, проявление тайнописи, использовавшейся военной разведкой для связи с агентурой. Кроме того, он имел доступ к документам, проходящим через резидентуру, причем ко всем, за исключением шифро-переписки. Лучшего места для шпиона и придумать трудно!

Через две недели после вербовки Чернов в надежде на вознаграждение передал американцам специальное вещество, применяющееся сотрудниками ГРУ для тайнописи. Чернов на следствии показал:

«Американец был очень доволен полученными образцами спецвещества и спросил, сколько мне нужно денег на эти таблетки. Я ответил, что мне ничего не надо, просто я был вынужден выполнить его требование о передаче средств тайнописи для ФБР и таким образом мы квиты: он скрыл от моего руководства факт хищения 200 долларов, а я в свою очередь вынужден таким образом произвести с ним расчет».

Но опять-таки это версия Чернова.

За таблетки ему все же вручают деньги — 10 000 советских рублей. По тем временам на эту сумму можно было купить две машины «Жигули». Начало предательства, таким образом, было щедро оплачено. Дальше встречи пошли по накатанной дорожке. Он стал подписывать свои шпионские сообщения псевдонимом «Ник Найк».

На одной из последних встреч перед отъездом Чернова в Советский Союз сотрудник ФБР Боб Стрейнджер его тщательно проинструктировал. Он рассказал об его обязанностях при негласной работе в Москве, какую информацию для американцев «Ник Найк» должен собирать, как ее зашифровывать и передавать в США, как подбирать места закладки тайников и даже как себя вести в случае разоблачения органами КГБ. Из показаний Чернова на следствии:

«Шеф мне заявил, что в том случае, если я буду разоблачен, то в КГБ должен сказать, что я передавал американцам сведения в обмен на информацию об их агентах в СССР — мол, в порядке компенсации за свою деятельность против своей страны.

В разговоре он мне показал листок бумаги, на котором были напечатаны фамилии, имена, отчества и места жительства

нескольких его агентов в разных городах Советского Союза. Этот листок он мне, конечно, не дал, но сказал, что такой же имеется в двойном дне приготовленного для меня футляра фотоаппарата. Дома я обнаружил этот список и переписал его в записную книжку…»

* * *

Возможно, и задумывался Чернов тогда над тем, что не делает чести американской разведке такое варварское обращение со своей агентурой, но разве мог он допустить, что через несколько лет данные на него самого американцы также передадут другому своему работающему агенту!

В этом, наверное, и заключается хваленая американская практичность. Их прагматизм — жертвовать отработанными клиентами или не захотевшими продолжать сотрудничество ради спасения более ценного агента. Оно и правильно с позиции логики «богоизбранных» заморцев: выработался — на свалку, под пресс забвения, а то и отправка прямым ходом к праотцам в результате «автокатастрофы» или «сердечной недостаточности».

Николай Дмитриевич хорошо усвоил замашки бесцеремонных хозяев и работал осторожно, продумывая каждый шаг на тропе предательства.

Из показаний на суде:

«Приступив работать фотографом в ГРУ после возвращения из США в 1963 году, я стал постепенно накапливать на фотопленках собранные сведения для последующей их передачи американским спецслужбам…

Я решил отправить кассету «Кодак» с микрокадрами, в которых, как было заранее обговорено с сотрудниками ФБР, сообщалось им шифром о том, что благополучно прибыл в Москву и продолжаю работать на старом месте…

Согласно инструкции, полученной от сотрудников ФБР, я копировал титульные и первые листы документов, отснятых за границей агентами ГРУ или оперативными офицерами. По их атрибутам, как говорили мне в Нью-Йорке, они смогут определить места хранения этих документов и вычислить источник утечки информации.

Бывало, что в день я приносил домой пару кусков скопированной пленки. По моим подсчетам, мне удалось передать американцам свыше трех тысяч кадров с информацией разведывательного характера.

В 1972 году, когда узнал о предстоящей командировке, во время которой посещу США, я упаковал фотопленки, вывез из СССР и передал сотруднику ФБР в вагоне поезда Нью-Йорк — Вашингтон. В апреле 1972 года я от американцев вместе с тремя пачками фотобумаги получил закамуфлированные в такую же пачку 30 000 рублей и фотоаппарат «Минокс»… (Чернов с 1968 года работал в ЦК КПСС на должности младшего референта международного отдела. *— Авт.)*

Американцы тогда мне дали задание собирать в СССР любые сведения о Главном разведывательном управлении Генштаба».

Именно в эту поездку шпион передал более 3000 кадров, вместивших огромный объем различных секретных документов о деятельности ГРУ. Следует заметить, что в тот момент он уже не работал в разведке. Уволился из ГРУ он в 1968 году, однако накопленные ранее шпионские материалы активно хранил «до лучших времен».

Дождался!

В то же время в Москве с представителями иностранных спецслужб он не встречался — боялся разоблачения. При фотографировании на содержание документов не обращал внимания. Главным критерием отбора было то, чтобы документ имел гриф «совершенно секретно», а еще лучше — «особой важности».

Были мысли прийти с повинной. Обуревали сомнения, колебания, но страх за свою шкуру все же преобладал. Мысли о разоблачении, непроходившую тревогу, постоянный страх он заливал водкой. Пил каждый день дома и на работе. На почве хронического алкоголизма в 1974 году он даже попал на лечение в психоневрологическое отделение одной из престижных московских больниц. После выписки из такого знакового медучреждения он потерял место младшего референта международного отдела ЦК КПСС, где контрразведчикам было категорически запрещено работать. А ведь к тому времени в «поисковом кругу» у чекистов значилась и фамилия Чернов.

Затем он часто менял места работы. За несколько лет до ареста ушел на пенсию. Думал встретить спокойную старость, пожить на даче — порыбачить, походить за грибами, подышать свежим воздухом Подмосковья…

* * *

Однако вернемся опять к «заслугам» шпиона перед

американцами.

Военная контрразведка в 1970-х годах активно работала в направлении выявления подозрительных лиц на реальных каналах утечки важнейшей оперативной информации. Дело в том, что в 1978 году в Париже были арестованы пять глубоко законспирированных и продуктивно работавших агентов советской военной разведки. ГРУ потеряло их неожиданно всех сразу за одну ночь. Провал был страшен по последствиям и трудно восполним. Чувствовалось большое предательство, предательство человека, допущенного или имевшего кратковременный контакт с делами на этих агентов. Уже тогда в аналитических справках и обзорах замелькала фамилия Чернова.

Французов судили. После процесса один из руководителей французских спецслужб Деспирэ Парэн скажет:

«Впервые после окончания Второй мировой войны мы раскрыли агентурную сеть ГРУ, цель деятельности которой заключалась в систематическом добывании нашей технологической информации. Мы никогда ранее не вскрывали агентурной сети, подобной этой».

В фотокадрах наворованной из «альма-матер» информации были данные и на двух помощников — агентов ГРУ в Швейцарии. Один из них — крупный предприниматель, другой — бригадный генерал Жан-Луи Жанмэр, бывший командующий ПВО этой альпийской страны. Чтобы склонить чашу весов в общем-то обеспеченных людей на нашу сторону, нужны были как решительность, так и убедительная логика. И это сделали смелые офицеры-профессионалы ГРУ. Кроме вышеупомянутых иностранцев, работавших на советскую военную разведку, по наводке «Ник Найка» были также арестованы негласные помощники ГРУ в Греции, Индонезии и Японии.

По оценке американских спецов «постэнглтонской эпохи», Чернов мог бы стать агентом века, если бы Энглтон серьезно, без предубеждений отнесся к нему. Один «Ник Найк» из двух «Н» в псевдониме перещеголял бы двух «П» — Пеньковского и Полякова, вместе взятых. А он подошел к нему с рулеткой своего измерения подобных людей:

«Чем выше информация поступает от агента-перебежчи-ка, тем меньше вам следует верить ему и тем больше подозревать, что он что-то скрывает».

Что ж, предателям нигде нет веры! Во все времена и у всех народов к ним относились с неприязнью. Не случайно за подобные злодеяния везде, от племени и до цивилизованного государства, принимались самые суровые меры наказания.

В поле подозрения Энглтона попадали не только перебежчики, но и свои сотрудники. В число подозреваемых угодили более сорока высокопоставленных чиновников, и практически никому не удалось выйти целым и невредимым из этого костедробильного круга без ущерба для собственной карьеры.

Авторитет Энглтона в «конторе» позволял заводить все новые и новые дела на подозреваемых в принадлежности к агентуре КГБ и ГРУ. В ходе кропотливых поисков агентуру, естественно, не находили, однако весь советский отдел ЦРУ был надолго парализован.

* * *

Чернов этого, естественно, не знал. Он искренне доверял только авторитету денег, продавая секреты Америке. А еще он понимал, что его готовят для какой-то большой работы на территории СССР.

Как уже говорилось, за товар — таблетки для тайнописи — Чернов получил 10 000 рублей. Кроме того, на этой встрече янки вручили ему для «плодотворной работы на родине» фотоаппарат «Тессина» и русско-английский словарь с тайнописью.

Шпион Чернов сразу же после ареста стал открещиваться от того колоссального ущерба, который он нанес ГРУ.

Отвечал односложно: забыл, не помню, документы фотографировал машинально, не вникая в их суть, в обычной библиотеке, в документах не было ничего ценного и т. д. и т. п.

Факты же говорили о другом.

Вот несколько выдержек из судебного дела. В 1962 году Чернов непосредственно занимался обработкой секретного «Альбома управляемых снарядов ВМС США», полученного от ценного источника «Дрона». Вскоре, уже в июне того же года, американцы начали проводить разыскные мероприятия по установлению лица, передавшего копию этого документа советской военной разведке, а в сентябре «Дрон» был арестован и осужден на пожизненное тюремное заключение.

В марте 1964 года в Лондоне не без помощи Чернова англичане арестовали опытного агента ГРУ «Барда», которого на двадцать один год упрятали в тюрьму.

В 1977 году к восемнадцати годам лишения свободы за шпионаж в пользу СССР был осужден командующий войсками ПВО Швейцарии бригадный генерал Жан-Луи Жан-мэр. Он вместе с женой с 1962 года поддерживал тесную связь с советской

военной разведкой. «Мур» и «Мэри» — их оперативные псевдонимы — были выявлены по наводке «Ник Найка», а как сообщала зарубежная пресса того времени, «на основании информации, поступившей от агента из числа советских граждан».

Во время работы Чернова в 1963–1968 годах в фотолаборатории ГРУ обрабатывались документы со сведениями на агентуру, работающую за рубежом. Сколько поломанных судеб на совести предателя Чернова?! Много, очень много. Разоблаченный агент признал только то, что неопровержимо было доказано. На совести у него осталось много других страшных фактов предательства. Но презумпция невиновности — основа судопроизводства. За рамками недоказанного — лишь подозрения, только доказанные факты — вина.

* * *

11 сентября 1991 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Николая Чернова к лишению свободы на восемь лет за измену Родине в форме шпионажа. При назначении наказания суд руководствовался смягчающими вину обстоятельствами: состояние здоровья, возраст (64 года) и «чистосердечное» раскаяние. В результате Чернов получил срок ниже низшего предела, предусмотренного законом. Не была применена к нему и такая мера, как конфискация имущества. Чувствовалось воздействие на судей приближения смерти СССР.

«Да, восемь лет за предательство, — рассуждал Стороженко, присутствовавший на суде, — за продажу секретов, за гибель людей, за измену Родине — это ничтожно малый срок… В Штатах за это преступление его бы ждал электрический стул, а в других цивилизованных странах — он был бы повешен или расстрелян. Предателей везде судят сурово».

Но каково было его и коллег изумление, когда стало известно, что через пять месяцев «отсидки» шпион был помилован одним из главных разрушителей единой страны Борисом Ельциным!

Воодушевленный своим нелепо-досрочным освобождением Чернов решил, что уже отмылся от грязи предательства, и начал давать налево и направо интервью газетчикам, представляясь чуть ли не «борцом с тоталитарным режимом».

В интервью газете «Известия» от 6 марта 1992 года этот дилетант разведки — по существу фотограф — рассуждает о разведке:

«Это очень грязное и немножечко тонкое дело. Основной ее принцип: человеку добровольно предлагают сделаться подлецом».

Выходит, он подлец в квадрате! Бывший «политзэк» — так он себя велел величать после освобождения — сидел, развалившись в кресле, с трубкой во рту, как описывал его корреспондент Николай Бурбыга. На глазах — черные очки. Очевидно, он прятал глаза от стыда. Услышав фамилию Поляков, оживился:

— О, Поляков — это звезда. А Пеньковский — так себе. Полякова я знал хорошо: вместе работали в Нью-Йорке. Он был заместителем резидента. Свыше двадцати лет работал на американцев. Много наших нелегалов заложил. Знал, кто и куда едет… Отправлял и тут же звонил. Их встречали — и под белые ручки: или работай на нас, или садись пожизненно. Да, нелегкая у этих ребят работа. А те, кто имеет на руках дипломатический паспорт, умеют только водку пить. В этом вся их разведработа.

Говоря о переданных американцам таблетках для тайнописи, Чернов нагло уточняет, ерничая и обеляя себя:

— Они не представляют никакой ценности. Вообще у нас в стране все засекречено, а в ГРУ — даже туалетная бумага. Технику, что у них есть, можно использовать против зэков, но против американских спецслужб — извините.

На вопрос, на чем обычно проваливаются наши разведчики, последовал издевательский ответ:

— Наши — кустари, а не профессионалы. Россияне берут не умением, а числом. Все пили под одеялом. Благо по дипломатической скидке бутылка водки стоила всего 90 центов. Выписывали ящиками и везли домой.

В конце беседы с журналистами «Известий» относительно переданных 3000 фотодокументов на пленках, он замечает:

— Ничего ценного там не было. Документы были отсняты в обычной библиотеке. И вообще, если бы я захотел, то развалил бы ГРУ, но я этого не сделал.

Чего тут больше — саморекламы, цинизма или издевательства над светлой памятью сданных им противнику профессионалов, окончивших военные училища и по две-три академии, рискующих постоянно нервами, а иногда и жизнями?!

Тот, кто хорошо осведомлен о специфике работы разведки, в этих ответах усмотрит сплошную ложь и ничтожество их автора, расхрабрившегося после того, как обрел статус помилованного Ельциным.

«Любую гуманность надо приветствовать, — рассуждал Стороженко, — но от правды не уйдешь. Помилование не означает, что его простили сослуживцы. Нет прощения хотя бы раз предавшему. Его должна жечь, мучить совесть всю

оставшуюся жизнь. А тут ничего подобного — лезет в герои, в страдальцы за идею, подбадриваемый фактически президентом России. Жалость убаюкивает рассудок, деформирует процесс мышления. Человек и Родина — это лист и дерево, как много между ними общего!

Сплошные ассоциации по сходству. Пока лист на ветке дерева — он зелен. Стоит прекратить связь со стволом и корнями — и он, пожелтевший и сморщенный, полетит вниз — оторвется от дерева. Так и человек — оторвется от корней, от Родины и полетит прочь. Возвратиться на ветку здоровым листком, прирасти к ней он уже не сможет никогда.

Потерянная совесть не восстанавливается — идут «необратимые процессы».

И вот и вся история про узника потерянной совести.

Глава восемнадцатая
«Барон» на связь не вышел

Люди, считающие деньги способными все сделать, сами способны все сделать за деньги.

П. Буаст

Полковник ГРУ Генштаба ВС СССР Баранов Вячеслав Максимович в подразделении был последним разоблаченным агентом ЦРУ США подразделения, в котором служил Стороженко.

Первичные данные на Баранова оперативные работники получили еще в 1989 году. Но это были «сырые» предварительные материалы, находящиеся на уровне сигнала, но требующие глубокой проверки.

Ниточка оперативного интереса потянулась от факта непрофессиональной, а скорее грубой и бездарной работы американских разведчиков в ходе поиска места для постановки метки при операции по связи в звене «агент — разведчик». Советскому гражданину, оказавшемуся полковником ГРУ Генштаба ВС СССР, нужно было поставить сигнал в месте, которое подобрали янки…

Однако начнем все по порядку.

Баранов В.М. родился в 1949 году в Белоруссии. Прошел все ступеньки воинской лестницы: Суворовское училище, Черниговское высшее училище ВВС СССР. После окончания военного училища служил летчиком в боевых частях Советской армии.

Надо сказать, это был широко образованный офицер, думающий о перспективах военной карьеры. В свободное от службы время он расширял кругозор чтением классиков русско-советской и иностранной художественной литературы, полагая, что чтение для ума то же самое, что физические упражнения для тела. Самостоятельно изучил английский язык, что говорило не столько о хорошей памяти, сколько о целеустремленности и настойчивости человека в достижении поставленной перед собой цели.

В одной из бесед с сослуживцем, когда последний спросил, ради чего он сушит мозги, Баранов философски закрутил: «Пойми, дорогой, сколько ты знаешь языков, столько ты человек. Знание — это то, что наиболее существенным образом возвышает

одного человека над другим. Эта ноша не давит лямками на плечи — в жизни она много раз пригодится».

Командование заметило продвинутого «интеллектуала» и вскоре сделало его секретарем первичной партийной организации эскадрильи, что для многих офицеров того времени создавало некий ореол личности, способной смелее двигаться по служебным ступеням. Такие «скороспелые умники» выделялись в армейском строю. К сожалению, такие люди чаще всего становились перевертышами в жизни — они любили прислуживать власти, а не служить Отчизне. А как известно, даже самая незначительная доля власти легко кружит неразвитые для таких экспериментов головы.

* * *

Однажды после полетов дежурный по части передал офицеру Баранову приказ командира полка, чтобы тот зашел к нему в кабинет. Когда военный летчик явился к командиру, то обнаружил в кабинете незнакомца. Он оказался офицером управления кадров ГРУ…

Командование не возражало против направления Баранова на учебу в Военно-дипломатическую академию.

Так офицер — военный летчик — оказался в системе ГРУ Генштаба. Успешно сдав вступительные экзамены, он стал слушателем элитного военного вуза, поступление в который связано с глубокой проверкой личностных характеристик. Это была и есть кузница высокообразованных офицеров, владеющих не одним иностранным языком, с глубокой психологической закалкой и с высокими профессиональными знаниями. Таких положительных офицеров было большинство, но случались и ошибки. А где, в каком коллективе их не бывает?

Учеба шла успешно — офицер переходил с курса на курс, как говорится, без сучка без задоринки. Но на последнем рубеже, как раз перед выпускными экзаменами, произошло ЧП — офицер грубо нарушил правила обращения с секретными документами. Некоторое время, как нашкодивший мальчонка, надо прямо сказать, из-за трусости скрывал этот факт, оправдывался неловко, что является для любого военного безобразным поступком, тем более для будущего разведчика.

«Человек находит для оправдания своих действий любую причину, кроме одной, для своих преступлений — любое оправдание, кроме одного, для своей безопасности — любой повод, кроме одного: этим одним является его трусость, — так

говорил когда-то великий Бернард Шоу.

Эту червоточину в личности офицера-выпускника в полной мере не учла комиссия и предложила его взять на объект так называемой отсидки — для постоянно и временно невыездных — в одно из информационных подразделений центрального аппарата ГРУ. В шкуре кандидата на выезд в загранкомандировку ему пришлось проходить более пяти лет.

В 1985 году завалил страну многообещающей ложью с трагическим впоследствии для всего государства концом трусливый говорун Горбачев. Он не был ни интеллектуальным магнитом, ни обладателем личностной харизмы, так необходимой для вождя нации. Но это другая тема…

Именно весной 1985 года кадровик центрального аппарата ГРУ пригласил на беседу офицера Баранова.

— Ну как, Вячеслав Максимович, нет ли чувства у вас, что засиделись, — спросил он, внимательно вглядываясь в лицо визави.

— Если честно, то двоякое, товарищ генерал. уже привык к своему участку службы, а с другой стороны, я же учился для главного — работать за рубежом на передовой негласной войны, — с пафосом ответил Баранов.

— Это верно. С участка мне докладывали, что вы справляетесь с возложенными на вас обязанностями. Как вы смотрите, если мы вас будем рекомендовать выездной комиссии для поездки в Бангладеш?

— Постараюсь оправдать доверие руководства, — шаблонно, чеканя каждое слово, отрапортовал офицер.

Беседовавший генерал был доволен стандартной запевкой подчиненного ему офицера. Так отвечали многие в этом кабинете…

* * *

Летом 1985 года Баранов с семьей выехал в Дакку на «крышевую» должность — руководителем группы технических специалистов.

Несмотря на специфичный климат в прямом и переносном смысле, он быстро освоился с «двойной дозой» служебной нагрузки — за себя и за того парня: он тянул и работу по «крыше», и службу военного разведчика. Так это делали многие в его шкуре.

А на родине в это время очумелой тройкой неслась в никуда, а скорее к обрыву горбачевская перестройка. Комизм и трагизм ее

сразу почувствовали трезвомыслящие люди. Шквал критики в адрес партийного штаба и его руководителя ощущался повсюду. Стиль Горбачева ничем не отличался от волюнтаризма Хрущева — что хочу, то и ворочу. Последствия не просчитывались.

Причем стратегически важные вопросы решались или келейно, или самим «хозяином» Кремля. Как всякая серая посредственность в государственном строительстве, этот политик пытался выдавить из окружения сильные личности державников, беря в соратники шептунов, слабовольных и просто непорядочных типов, а порой и явных недоброжелателей Отчизны.

Генсек, как бы в насмешку над здравым смыслом, поставил руководить МИД Шеварднадзе — косноязычного человека, да к тому же с плохим знанием русского языка, прозападного дельца с лисьим характером, которому интересы страны были «по барабану». Он подставлял шею своего дешевого авторитета только для того, чтобы ее гладили западные миссионеры за «миротворческую» деятельность по раздеванию больной Державы. Его шаги были оскорбительны для страны и напоминали пародию для руководителя дипломатического ведомства.

К сожалению, Горбачев, как личность слабая, любил хамелеонов, а, как известно, самые лицемерные люди чаще других остаются в дураках. Лицемер — всегда раб, а раб — не воин. А в то время для руководства страной нужны были люди с характерами воинов. Но они оказались на обочине пути с политической клоунадой Горбачева и его присных — кремлевских свистунов, которым не было никакой веры, потому что они держались за кресла, не думая о судьбе больной страны. Они писали страшную книгу предательства. Так уж случилось, что вся книга нашей недавней истории состояла из сплошных опечаток.

* * *

Глупости, исходящие из Кремля, болезненно воспринимала наша разведка. В умах разведчиков возникали неожиданно острые вопросы: что творится со страной, куда ее ведут? Почему ответственный за идеологию А. Яковлев торопится в шельмовании всего прошлого? Ответы профессионалы находили…

Николай чувствовал, что грядут перемены, что свистуны-партократы уйдут с политического подиума и на смену им должны прийти люди, которые громогласно скажут: мы стоим перед великим возвращением в свой дом, к своему идеалу. Сейчас он загажен и замазан, заклеен лозунгами и заглушен враньем, но

существует.

Наше будущее мы должны строить из нашего прошлого, а не из наших шпаргалок и программ, утопий и демагогии, написанных за океаном и присланных для исполнения.

Но, к сожалению, он глубоко заблуждался. Ельцинизм принес народам бывшего Союза еще большие страдания, разорвал на кровоточащие куски единое тело Большой страны, сверхдержавы — Союза Советских Социалистических Республик.

В годы перестройки обозначилась тенденция утраты интереса к данным разведки и контрразведки со стороны политического руководства страны, что было неудивительно для специалистов, принимая во внимание просто болезненное самолюбование Горбачева собственными речами, — другого мнения он не признавал.

Из-за слабости советского руководства к концу 80-х годов наметился жесткий прессинг ЦРУ и других разведок мира против СССР. В это же время отмечался всплеск фактов измен со стороны некоторой части советских сотрудников спецслужб…

* * *

Резидентура ЦРУ США в Дакке не стояла в стороне от этой стратегической линии Вашингтона в борьбе против «империи зла».

Надо отметить, что в этот период как никогда шел активный поиск кандидатов на вербовку среди сотрудников советских колоний за рубежом. Заокеанский кондор почувствовал слабеющую жертву, которую, он понял, надо добивать именно сейчас, иначе она может улететь от него и подняться очень высоко. Основания же у временно больной «сверхдержавы» были.

Стол Стороженко в тот период был завален шифровальными телеграммами, справками, агентурными донесениями о подозрительном поведении отдельных офицеров военной разведки за рубежом. Фиксировались прямые подходы к ним с вербовочными предложениями сотрудников спецслужб США и стран блока НАТО, чего раньше в таких масштабах не наблюдалось.

А теперь о поведении Баранова за рубежом. Как говорится, чем меньше мы знаем, чем больше подозреваем. Именно с таких позиций отнеслись к Баранову американские разведчики в Дакке, увидев в лице руководителя технических специалистов другое лицо. По признакам поведения на службе они быстро вычислили вероятную принадлежность Баранова к военной разведке.

— Где цветок, там и медок, — рассуждал резидент ЦРУ в Дакке, беседуя со своим подчиненным Брэдом Ли Брэдфордом. — Надо активнее вести вам разработку русского. По всем признакам он может относиться к военным, то есть к ГРУ. Нельзя затягивать процесс. Мало от вас поступает информации по этому субъекту. Вы меня поняли?

— Да, сэр!

— Активнее задействуйте бытовые, спортивные, представительские мероприятия. Вам надо вытащить его на себя, а там и недолго положить русака на лопатки. Сейчас, с учетом событий в СССР, удобно работать с русскими, они голодны как никогда. Они чувствуют слабость своего руководства и государства, а потому надо прессинговать, топтать, не давать опомниться этим ослабленным подданным разрушающейся советской империи, добивать, как на ринге сильный боксер добивает слабого, — цинично откровенничал шеф со своим подчиненным.

— Мы часто играем в волейбол с командами многих посольств, в том числе и с советской командой, — вставил Брэд, чтобы подвести своего шефа к конкретной мысли.

— Вот и пригласите игрока Баранова на чашку кофе, ведь вилла ваша недалеко. Условия конспирации на ней надежные. Дом весь в зарослях, — напутствовал руководитель своего подчиненного.

— Этот план я вам уже докладывал.

— Я помню, вот по нему и действуйте! — подытожил седовласый, с большими залысинами, краснощекий янки. Он хрипло дышал, по всей вероятности, страдая одышкой, как астматик, — видно, климат ему был не по его здоровью.

Прошло несколько дней после последнего волейбольного матча, и однажды Брэдфорд пригласил Баранова на чашечку кофе. У него уже созрел вполне продуманный план действий. Однако Вячеслав неожиданно отказался от предложения иностранца, но о явном подходе американского разведчика своему руководству не доложил.

«Доложишь, начнется разбирательство, — рассуждал офицер. — Затаскают на коврик к резиденту. Начнут подозревать, а, как известно, подозрений у человека тем больше, чем меньше он знает. Не буду ничего говорить. А с другой стороны, может, что и выгорит от такой дружбы, я ему, а он мне. Что тут страшного?!»

Когда же последовало вторичное приглашение, советский офицер ответил в принципе согласием и в то же время обещал подумать.

— Он у меня в кармане, — ухмыльнулся про себя Брэд. — Я практически его уже заарканил. Чувствуется, Вячеслав голоден — он, наверно, ищет денег. На этом надо и играть. Рыбка клюнула. Теперь главное — вовремя подсечь…

* * *

24 октября 1989 года Баранов покинул служебное помещение и вышел в город. Недолго побродив улочками Дакки, он вдруг зашел в ресторан «Лиин Чин». С телефона-автомата набрал номер виллы американца. Произошел короткий телефонный контакт.

— Брэд?

— Да!

— Я готов встретиться завтра.

— Окей! — Американец сразу узнал свою жертву. Потом с улыбкой взглянул на телефонную трубку и, укладывая ее на базу, даже слегка погладил пластмассовый аппарат. Он понял: русский готов сотрудничать за деньги — это правда. Вспомнились заученные перед командировкой слова из индийского средневекового литературного памятника «Хито-падеша»:

«Алчного привлекай деньгами, гордого — честью, глупого — выполняя его желания, мудрого — правдой».

Он часто повторял, как молитву, эти слова, когда готовился к аналогичным разговорам с кандидатами на вербовку.

Баранов, как и договаривались, на следующий день, снова оставив рабочее место, теперь прямо направился на виллу Брэда. Он несколько раз проверился, нет ли «хвоста» или знакомого из посольства. Как разведчик, офицер отлично понимал, куда и зачем идет, — он шел наниматься на работу в качестве предателя.

Брэдфорд внимательно наблюдал из окна за подходами к калитке и самим входом во двор виллы. В ответ на сигнальный звонок он нажал кнопку. Наконец калитка приоткрылась, и в ее проеме показалось встревоженное и бледное, как определил Брэд, лицо Вячеслава…

За небольшим столиком с фруктами, кофе и виски сидели два разведчика: американский и советский. Говорили без обиняков — прямо, почти в лоб, стреляя знакомыми понятиями и терминами. Баранов откровенно жаловался на трудности жизни в Союзе, очереди, унижение через гуманитарную помощь, нехватку продовольственных и промышленных товаров, хотя признавался, что для тех, кто работает за рубежом, жизнь сносная, но и только.

— А вы бы хотели получать больше? — улыбнулся Брэд.

— Кто же не хочет, кто не желает. желание — это тоже мера

ценности и колыбель надежды, — образно ответил советский товарищ американцу.

На вопрос о быте Баранов стал вдруг жаловаться, что в Москве живет в малогабаритной квартире и это при серьезно больной дочери.

— Я вам помогу деньгами и лекарствами при условии, если мы будем друг друга подпитывать информацией для нашего же профессионального роста, — он сочувственно стал записывать диагноз дочери русского гостя. — Давайте встретимся через пару дней. Мне нужно время, чтобы найти наиболее эффективное лекарство.

— Спасибо, очень тронут вашей заботой, — промолвил Баранов, прекрасно понимая, какое течение подхватило ладью его дальнейшей судьбы.

Договорились встретиться через три дня — 27 октября.

Брэд понимал: в вербовочной работе надо работать, как в кузнице, — куй железо, пока оно раскаленное, пока оно красное. Именно в таком режиме работы с металлом наиболее легко достигается изменение его формы.

Когда Баранов шел на вторую встречу, он осознавал, что готовится его вербовка и он должен, просто обязан дороже себя продать.

«Я вынужден максимально использовать этот факт! — размышлял советский офицер. — Поиграю на две стороны, подою чужих и своих. А в перспективе с учетом долбаной перестройки надо в конце концов делать ноги в США. В Союзе многим, таким как я, перспектив нет, как нет будущего и у Союза. Условия выезда в США я сразу же поставлю янки на вид».

* * *

Ко второй встрече он готовился тщательно. Вячеслав прокрутил в голове все то, что он знал и что могло заинтересовать в первую очередь американцев. Вспомнил некоторые ему известные установочные данные на негласных помощников и даже номера приказов из Центра, не говоря об их содержании. Фамилии руководителей ГРУ. Для торга все сгодится!

В его мыслях не было никакой борьбы мотивов, он все уже решил — и решил окончательно, а потому все делал осознанно, никакой двусмысленности. Он верил в свою звезду, поэтому не воспринимал поступок заблуждением. Так он считал, но, как говорится, нет ничего гибельнее апофеоза наших заблуждений,

этого благоговейного отношения к призрачным химерам, которые нам предоставляются волей случая или заранее продуманного многоходового посыла «доброхотов».

Опять тот же столик с кофе и плоской, как фляжка, бутылкой виски, однако теперь было обилие фруктов. Баранову сразу же бросилось в глаза волнение Брэда, проявившееся в неестественной скованности движений и дрожи в произносимых словах.

«Волнуется американец. Неужели думает, откажусь», — мелькнуло у Вячеслава.

Но Брэд быстро взял себя в руки и провел подготовительную для вербовочной беседы работу так шаблонно, что у Баранова невольно возник вопрос, неужели так слабы американские разведчики в психологии. О такой тактике вербовки он не раз читал в специальной литературе и газетах, но никогда не предполагал, что будет скоро сам соглашаться с ахинеей вербовщика, который так, для блезира или диктофона, пробубнил слова, смысл которых был хорошо знаком.

— Я согласен сотрудничать с ЦРУ, но при одном условии: как только прибуду в СССР и поработаю год, хочу иметь гарантии, что вы меня с семьей вывезете из Союза в США.

Вот как об этой «памятной» встрече показал Баранов на следствии:

«На второй встрече с Брэдфордом в Дакке я поинтересовался, что ждет меня на Западе. Американец ответил, что после достаточно длительной и кропотливой работы со мной (имея в виду, разумеется, опрос) мне со всей семьей будет предоставлен вид на жительство, оказана помощь в устройстве на работу, подборе жилья в выбранном районе США, изменении внешности, если это потребуется.

Я спросил: «Что будет, если я откажусь от опроса?» Брэдфорд, до этого стараясь говорить мягко и доброжелательно, довольно резко и сухо ответил, сказав следующее:

«Никто вас принуждать не будет. Но в этом случае наша помощь ограничится предоставлением вам и вашей семье статуса беженцев в США или в одной из стран Европы. В остальном вы будете предоставлены сами себе».

На этой встрече договорились встретиться через пару дней. Брэд пообещал познакомить Вячеслава со своим шефом.

Американцы спешили, и уже 3 ноября 1989 года резидент ЦРУ США в Дакке Винсент Крокетт, битый советской военной контрразведкой еще в 1977 году, провел вербовку Баранова.

Несколько слов о Крокетте: это он, провалившись, как помнит читатель, при организации операции по связи с бывшим

офицером ГРУ, агентом ЦРУ майором Филатовым, с женой Бетти был захвачен с поличным. Их привезли в приемную КГБ, опросили в присутствии представителя посольства США, где Винсент жевал сопли от страха, что будут бить. Затем он был объявлен персоной нон грата и выдворен из Москвы. Кстати, Стороженко участвовал в задержании Филатова и хорошо представлял физиономию американца.

Третья встреча проходила там же. Баранов понял, что к нему у американцев особый интерес, если пришел на встречу сам шеф Брэда.

«Значит, я вам нужен так же, как и вы мне», — ухмыльнулся про себя будущий шпион.

Войдя в комнату, Вячеслав увидел сидевшего незнакомца. Это был упитанный мужчина в возрасте лет за пятьдесят, с огромной лысиной и круглым улыбающимся лицом. Его темные глаза, почему-то с расширенными зрачками, буквально впились в лицо вошедшего россиянина.

— Винсент Крокетт. — Чуть приподнявшись с кресла, резидент ЦРУ протянул вялую и пухлую ладонь советскому офицеру.

— Вячеслав Баранов…

— Наслышан о вас как о серьезном человеке, нашем коллеге, могущем и способном поработать и на себя, и на идеалы демократии в мире, — выстреливал слова панегирика янки.

Когда принципиальные вопросы вербовки решились, сразу же зашла речь об оплате за товар. Остановились на том, что агент получает 25 тысяч «зеленых» за согласие сотрудничать с ЦРУ и ежемесячно по 2 тысячи при активной работе. Вынужденный простой оценивался в 1 тысячу долларов.

Баранова эти суммы сребреников вполне удовлетворяли, но оставался еще нерешенным вопрос об условиях и времени вывоза семьи россиянина в США.

— А как и когда решится проблема вывоза меня и моей семьи в Америку? — робко спросил Вячеслав, почесав себя за ухом.

— Не беспокойтесь, дорогой друг, Америка таких, как вы, не забывала и не забудет. Все будет зависеть от нашей с вами работоспособности. В случае необходимости мы вас вывезем без проблем, если вам и вашим близким будет угрожать опасность, — как-то бесстрастно заявил Крокетт.

Вербовку советского военного разведчика закрепили избранием псевдонима «Тони» и получением опросной информации по резидентурам КГБ и ГРУ в Дакке.

На этой же встрече Баранов рассказал об изменениях в структуре и руководящем звене ГРУ, задачах резидентур КГБ и

ГРУ в Дакке, раскрыл оперативных офицеров этих двух добывающих секретную информацию служб. Подробно описал помещения, занимаемые оперативным составом резидентур, а также посольских референтур. Раскрыл систему обеспечения безопасности личного состава советского представительства в Дакке.

В конце беседы американцы передали своему агенту шифры, коды, план операции по связи в Москве и вручили ему всего 2 тысячи долларов. Остальные деньги обещали положить в один из зарубежных банков, адрес которого намеревались сообщить в ходе дальнейшей работы.

Но так и не сообщили, работая с ним в Бангладеш.

* * *

Вскоре срок командировки Баранова закончился и он убыл в Москву. Руководство ГРУ его направило снова под «крышу» — клерком в Министерство внешней торговли.

В один из вечеров, когда жена с дочерью легли отдыхать, он решил под видом чтения свежих газет детально ознакомиться с планом по связи. Усвоив детали требований по установлению контактов с иностранной разведкой, 15 июня 1990 года он поставил метку — сигнал для связи в телефонной будке, стоящей рядом со станцией метро «Кировская», сейчас — «Чистые пруды». Войдя в будку и сняв трубку, он нацарапал заранее оговоренный несуществующий номер — 345-51-15. Как показалось ему, царапал долго — пластмасса трубки оказалась более твердой, чем он предполагал.

Это был знак, что агент «Тони» устроился на службу, обладает возможностями добычи информации и готов полностью включиться в работу на ЦРУ. После этого он трижды выходил на место личной встречи, о котором договаривались в Дакке с Крокеттом и которое дублировалось в инструкции по связи. Но получился облом — никто к нему на связь не вышел.

У Баранова промелькнула мысль: «Неужели не поверили? Нет, наверное, проверяют, значит, оберегают меня».

На четвертый раз «повезло» — на личную встречу с агентом вышел заместитель резидента ЦРУ в Москве Майкл Салик.

Контакт разведчика с агентом прошел на железнодорожной платформе станции Маленковская. Проходил он относительно быстро по времени. Американец боялся засветиться, все время проверялся. Голова ходила, как на шарнире. У Баранова создалось впечатление, что церэушник пришел на встречу не для

беседы, а кого-то еще зафиксировать взглядом. Он просто был трусоват до неприличия. Его буквально трясло.

Посыпался град вопросов: проверялся ли, не привел ли «хвоста», есть ли информация? Таких встреч в Москве Майкл всегда боялся, справедливо считая советскую контрразведку, с ее подразделением грозных «топтунов», да еще в столице, всевидящей. Салик в данном случае не ошибся…

Он определял свой страх как ожидание неприятного зла. Майкл был разведчиком со стажем, а потому страх связывал с осторожностью, считая, что только глупость не ведает страха и поэтому осторожность никогда не бывает излишней.

Американец, в темпе проинструктировав своего агента, в конце беседы передал Баранову новую инструкцию по поддержанию связи, конкретное оперативное задание по центральному аппарату ГРУ и две тысячи рублей на приобретение радиоприемника, способного принимать в будущем односторонние радиопередачи на канале «центр — агент».

Мудрая русская пословица «Коготок увяз, всей птичке пропасть» не раз приходила почему-то ему на ум, пока он шел на встречу с советским агентом, а потом возвращался в посольство, — он верил, что «Тони» у них на крючке.

Завершая беседу, американец мило улыбнулся и заметил, что в австрийском банке у агента уже скопилась приличная сумма в долларах, но характерно то, что опять же не назвал ни конкретной суммы, ни названия банка. У Баранова же в «зобу дыханье сперло» от такой радости, поэтому он не стал уточнять детали, которые считал возможным выяснить на очередных встречах. По его расчетам, в банке должно было скопиться около 60 тысяч долларов.

На этом личная встреча Майкла Салика с агентом «Тони» была свернута, и они разбежались, затерявшись в густой массе входящих и выходящих из электрички пассажиров.

Согласно плану по связи, Баранов должен был заложить тайник с информацией. Собранные на службе сведения он вставил в контейнер и определил его в место, указанное американцами. Но произошла досадная осечка. Осуществляя контрнаблюдение за подходами к тайнику, агент, к своему удивлению и огорчению, переросшими в ужас, зафиксировал невероятное: строительные рабочие запрессовали асфальтом его контейнер с наворованными секретами. Перепуганный офеня поспешил предупредить об этом своих покупателей, поставив меткой сигнал «Павлин» о необходимости срочной личной встречи.

Американские разведчики, приняв сигнал, стали передавать

по радио, что не смогут скоро встретиться с ним из-за пожара, случившегося внезапно 28 марта 1991 года в посольстве США в Москве.

* * *

Центральный аппарат 3-го Главного управления КГБ СССР. В кабинете заместителя начальника оперативного отдела полковника Глухова А.П. собрались военные контрразведчики, задействованные в операции по делу оперативной разработки (ДОР) на «Барона».

— Что там новенького по «Барону», Игорь Павлович? — обратился Глухов к куратору ДОРа подполковнику Ивову.

— Зафиксирована встреча зам. резидента посольской резидентуры США господина Майкла Салика с нашим подопечным, но, к сожалению, сотрудники «наружки» из-за опасности расшифровки вынуждены были вести себя в соответствии с особенностями оперативной обстановки, — последовал витиеватый ответ.

— Что, потеряли?

— Нет, Алексей Петрович, решили оставить их в покое, считая, что все равно возьмут их на выходе в город.

— Ну и взяли?

— Взяли и довели янки до посольства, «Барона» до дома.

— Я прошу вас, Игорь Павлович, организовать теперь круглосуточное наблюдение за «Бароном». Мы должны знать всё — поведение, связи и планы разрабатываемого. Особенно обратите внимание на бытовые его контакты — контакты вне службы. Но работайте по канве имеющегося неплохого плана. Нам нужен результат. Если раз принял решение и приступил к делу, тогда уже нечего смущать себя новым передумыванием наполовину выполненного — надо действовать. Я думаю, вы меня понимаете, — философски завершил свой инструктаж полковник Глухов.

Жесткий контроль чекистов за поведением шпиона дал свои результаты. В апреле 1991 года чекисты зафиксировали очередной личный контакт «Барона» с установленным американским разведчиком, действовавшим с легальных позиций.

ДОР на «Барона» пополнилось новыми уликовыми материалами, собранными военными контрразведчиками. По данным агентурно-оперативного наблюдения по месту жительства, стал вырисовываться более емкий образ жизни подозреваемого в шпионаже.

Так, он неожиданно быстро нашел крупную сумму денег на ремонт поврежденной в дорожно-транспортном происшествии личной автомашины «Жигули».

Но самым интригующим моментом для чекистов было получение явных признаков подготовки к бегству. Так, оперативным путем были добыты данные, что на имя Баранова в одной из туристических фирм был выписан фальшивый заграничный паспорт. За документ он отдал «черным изготовителям» полторы сотни долларов. А когда после получения загранпаспорта он неожиданно взял три дня отгула, чего ранее никогда не практиковал, чекистам стало ясно, что «Барон» именно в эти дни собирается покинуть пределы страны.

* * *

Полковник Глухов снова собрал оперативное совещание.

— Руководство военной контрразведки поставило задачу, — заявил он оперативникам, — принять все меры, чтобы не допустить повторения «Бароном» исчезновения шпиона Гордиевского. Объект явно готовится покинуть пределы нашего государства.

— Видно, янки наобещали ему большие деньги где-нибудь в заграничном банке. Вот жадность фраера и губит, — заметил один из контрразведчиков.

— А может, просек нашу неаккуратную работу? — поправил хозяин кабинета.

— Не может быть, Алексей Петрович, — с чувством уверенности в невозможности прокола заявил подполковник Ивов. — Делали все филигранно. Нигде, по-моему, мы не наследили. Иначе он повел бы себя по-другому.

После этого совещания все силы чекистов были брошены на выяснение и конкретизацию планов шпиона.

А когда один из оперативных работников получил сведения о приобретении Барановым авиабилета в Вену, стало ясно — он делает ноги. К этому времени у контрразведчиков были уже легализованные уликовые материалы, хотя и добывались они оперативным путем…

11 августа 1992 года полковника Баранова Вячеслава Максимовича задержали при прохождении пограничного контроля в аэропорту Шереметьево-2. Официальный предлог имелся — фальшивый заграничный паспорт. Разбирательство от пограничников перешло к военным контрразведчикам. На первом же допросе он признался в своем намерении покинуть страну из-

за всеохватного страха за содеянное преступление перед Родиной и маячащего на горизонте ареста. Он признался в своей причастности к американской агентуре.

Сразу же нашлись ответы на многие невыясненные вопросы и, в частности, о внезапном появлении денег на ремонт личной автомашины.

Он пояснил военным контрразведчикам на первом допросе:

«Я получил 1250 рублей от американской разведки на ремонт личной автомашины «Жигули». На встрече с сотрудником ЦРУ, давшим эти деньги, я понял, что американцы не собираются вывозить меня и мою семью из СССР».

А через несколько дней на следствии он дополнительно показал:

«Ни условия, ни способы, ни сроки возможного вывоза из СССР меня и семьи с американцами не обсуждались и до меня ими не доводились. На мой вопрос о схеме вывоза в обоих случаях — и в Дакке, и в Москве — следовали заверения общего характера. Говорили, что мероприятие такого рода очень сложно и требует определенного времени и усилий для подготовки. Мол, такая схема будет доведена до меня позже…

Довольно скоро у меня возникли серьезные сомнения в том, что такая схема когда-нибудь будет мне сообщена, а теперь… мои сомнения превратились в уверенность».

Но не только магнит денег тянул шпиона в Вену, его гнало из Москвы душевное потрясение, вызванное постоянным ожиданием наказания за предательство. Разве можно жить спокойно, когда все время дрожишь от страха? Наверное, нет…

Следствие закончилось, доказав, что Баранов в силу непродолжительности сотрудничества с американской разведкой и выдачи ей сведений, уже известных ЦРУ, не нанес серьезного ущерба ГРУ. Кроме того, переданная шпионом противной стороне информация не повлекла провала известной ему нашей агентуры. Эти смягчающие обстоятельства были оценены на суде.

19 декабря 1993 года Военная коллегия Верховного суда РФ вынесла приговор, назначив Баранову наказание ниже низшего предела: шесть лет колонии строгого режима с конфискацией изъятой у него валюты и 50 % принадлежащего ему имущества и лишение звания полковника.

Судьба, как сам предатель считал, была к нему благосклонна. После освобождения из заключения он несколько лет жил в

Москве. Жена за это время нашла нового спутника жизни, а он вынужден был просить недавних хозяев, с учетом благостной поры ельцинизма, заигрывающего со Штатами, принять его на ПМЖ. Бывшего военного разведчика-оборотня янки пригласили за океан, принимая во внимание его «заслуги перед США», но приняли без «подъемных и авансов» и без предоставления гражданства. Гражданство надо еще будет зарабатывать. Как это делать, хорошо знают такие типы, как «Барон». Его будут дожимать, доить, ведь хозяева понимают: его полностью еще не выдоили…

Глава девятнадцатая
Гибель СССР. август, 1991 год

Это самая большая потеря русского народа за всю его историю. Потеря трагическая, катастрофическая.

А.А. Зиновьев

Заканчивался 1990 год. Стороженко отметил 50-летие дома с родственниками и коллегами по службе. На сердце у Николая было неспокойно, и не только потому, что скоро надо будет прощаться с погонами, которые редко когда носил, с чекистским ремеслом, с товарищами-коллегами, а потому, что со страной творилось что-то неладное. Чувствовалось приближение развала великой державы.

Умом аналитика он понимал, что его Родину загоняют в тупик две дьявольские силы: лжедемократы, алчущие свободы, равенства и братства с французским оттенком, и спецслужбы США, с одной стороны, а с другой — местные политиканы — Иваны, не помнящие родства, во главе с фрондирующим Горбачевым. Он критиковал всех и вся, даже из недалекого прошлого, и пытался на словах построить «социализм с человеческим лицом», чтобы потом наконец открыто признаться, что его настоящей целью было этот самый социализм уничтожить в Союзе, да и саму Отчизну тоже.

Забегу немного вперед. В интернете уже после развала Советского Союза была размещена речь экс-президента СССР М.С. Горбачева на семинаре в Американском университете в Турции. В ней он сказал:

«Целью моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми.

Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране.

Именно поэтому моя жена все время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране.

Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что я не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также

руководство во всех социалистических странах… Как я намеревался управлять страной? Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран».

Так что это за народ, который позволяет ставить над собой не ясным еще политикам такие эксперименты? Ответа нет до сих пор.

* * *

В холодной войне американцы сделали упор на разрушении экономики СССР путем навязывания гонки вооружений. Президент США Рональд Рейган принял директиву национальной безопасности, которая была направлена на подрыв советской экономики. Объявление доктрины «звездных войн», так называемой Стратегической оборонной инициативы (СОИ), вынуждало советское руководство поспевать за главным противником.

Эксперт по советской промышленности Г. Роуэн говорил, что «.мы должны просто держать высокий уровень вооружения, чтобы Москва постаралась догнать нас, а также прекратить поставки западных средств, необходимых им для выживания. И мы еще в этом десятилетии увидим, как развалится советская система».

Это были, надо прямо признаться, пророческие слова — он знал, что говорил.

На самом деле СОИ — величайший блеф в современной истории, тем более в тот период. Американцам, по оценкам тогдашних специалистов, для того чтобы осуществить программу «звездных войн», нужно было пойти на космические затраты, исчисляемые в районе половины триллиона долларов. Такой возможности у них тогда не было, как нет и теперь. Но наши доморощенные пораженцы так запугали Кремль, что его обитатели поверили в правдоподобность затеи янки и начали потихоньку затягивать пояс стране.

В средствах массовой информации рисовались страшные картины: наши ракеты легко перехватываются боевыми спутниками США, сбиваются электромагнитными пушками и лазерными установками. Советский обыватель глядел на эту мрачную картину «национальной отсталости» в обороне, и ему делалось страшно за будущее.

Стороженко не раз смотрел в ГРУ эти фильмы, привезенные из-за границы для «расширения кругозора» офицеров военной разведки и генералов Генштаба, о состоянии «нового» вооружения США, которое вот-вот у них появится. Многие опытные

разведчики, имеющие солидную техническую подготовку, прямо заявляли, что это туфта, блеф, что разрекламированная ярым ненавистником СССР Рейганом программа «звездных войн» с треском провалится, если это все серьезно. Основная причина фиаско — чудовищная дороговизна проекта и технологическая несостоятельность США для осуществления подобного.

В беседе с Николаем начальник одного из информационных управлений генерал-лейтенант В. Диденко пояснил, что для того, чтобы сбить только одну советскую боеголовку (а в «пенале» — головной части ракеты — их было десять), нужна установка, способная послать лазерный импульс мощностью в один мегаджоуль. В середине 1980-х годов в США действительно создали силовую установку для «лазерной пушки» мощностью в 100 килоджоулей — в десять раз меньше. Включили… и посадили всю энергосистему штата. А луч рассеялся и только чуть осветил борт низкоорбитального космического спутника. У нас же было много такого, что можно было противопоставить американской противоракетной обороне (ПРО), но возможности советского вооружения того времени — за пределами этого повествования.

* * *

Другим проблемным узлом в стране была роковая личность первого президента СССР М.С. Горбачева, не без помощи и советов Запада затеявшего перестройку в стране. Однако, хорошо начав какое-то дело, нужно еще его хорошо закончить. Последнего не получилось в силу разных причин, но главной была слабость лидера страны. И об этом недалеком прошлом люди должны знать так, как оно было, ибо, как сказал Гете, тому народу, который не пожелает знать свое прошлое, предстоит пережить его много раз. На ошибках учатся, чтобы их не повторять. Вообще основным недостатком советской политической системы было отсутствие легальной, конструктивной оппозиции. Именно в руках генсека сосредотачивалась абсолютная власть. Это понимал Запад, который сделал вывод: самый надежный способ разрушить СССР — поставить генсеком «своего человека», который будет послушно проводить политику США в первую очередь.

США и «агенты влияния» сделали свое черное дело.

«Должен сказать, я восхищаюсь, как Запад провел всю холодную войну, с блеском провел и действительно добился перевеса в интеллектуальном отношении над нашими руководящими идиотами», — писал всемирно известный философ

и глубокий исследователь периода горбачевского правления А.А.Зиновьев.

Произошла ударная возгонка.

Атака на СССР была не только внешняя через холодную войну и искусственный обвал стоимости нефти, но и внутренняя — элитарная, задумавшая реставрировать капитализм через контрреволюцию. Произошло сложение этих двух атак в одну, продолжающуюся до сих пор. Внутренние и внешние враги Советского Союза и советского народа сговорились. Эта атака продолжается до сих пор, теперь уже за расчленение России.

Но вернемся к перестройке. Горбачев пришел к власти, когда необходимость перемен, казалось, была очевидной для всех. Он получил в наследство все еще мощную державу, которую нужно было тогда трансформировать в соответствии с потребностями времени и желанием народа. Однако этот властолюбец, не упустив момента и став генеральным секретарем, смутно представлял, что и как нужно делать в ходе перестройки, контуры которой некогда начертал Андропов. Не обладая цельной и волевой натурой и не имея интеллектуального багажа, новый генсек постоянно метался от одних «мудрых» советчиков к другим, предлагавшим порой прямо противоположное, предавая по очереди то тех, то этих.

Допустив элементы демократии и гласности, Горбачев не учел, что управление страной, находящейся в состоянии кризиса, еще сильнее усложняется. А управлять огромной сверхдержавой в таком состоянии он тем более не умел. Его слабостью было слабоволие. При внешней красноречивости, а по существу, словоблудии, он был патологически беспомощен в практической политике.

* * *

Этой слабостью, как правильно подмечено в «Красноярской газете» от 22.04.2003, искусно пользовались его западные поводыри. Они подсказывали ему шаг, он делал его — и оказывался в еще более тяжелом положении. Тогда ему подсказывали новый шаг, он снова слушался, и снова его положение становилось хуже. В то же самое время те, кто ему подсказывал, получали все, чего на самом деле желали, то есть необратимое разрушение политических, экономических и военных устоев СССР.

Известный французский писатель и историк Морис Дрюон, отвечая на вопрос анкеты, составленной когда-то Марселем

Прустом, какие исторические характеры он презирает больше всего, ответил: «Глупых королей и людей, которые пришли к власти без умения управлять».

К сожалению, таких среди верховных правителей всегда почему-то было с избытком. Но хуже всего, когда они становились во главе больших стран. В России это обычно оканчивалось смутой и хаосом.

Перестройка, а затем реформы тому свидетельство.

«Но то, что стало происходить в России начиная с 1985 года, — скажет А.А. Зиновьев, выдающийся философ современности, — есть растянувшаяся во времени гибель России как целостного социального организма и гибель русского народа…»

Стороженко, как и многие его коллеги, понимал, что появление на политической арене нового генсека с его прожектерскими идеями может обернуться трагедией для страны. Беды начались сразу:

— уродливая борьба с алкоголизмом;

— жестокость в отношении несогласных с его курсом;

— разоружение армии в угоду США и НАТО;

— кровавые разборки в отдельных национальных регионах страны;

— развал Варшавского договора;

— сдача ГДР и вчерашних партийных друзей в странах соцлагеря;

— открытие доступа американцев на секретные объекты военно-промышленного комплекса;

— постепенный отказ от партийных постов и критика той партии, которую сам возглавлял, и прочее.

Многие сотрудники задавали вопрос: понимает ли Горбачев, что творит, а может, он неспособен анализировать обстановку? По стране забродил призрак страшного бедствия, выражавшегося в угрозе развала громадной страны, почти материка, сверхдержавы, созданной трудом и талантом многих поколений. Становилось все более ясным, что эта угроза породила необратимые процессы и поражает, словно опасная болезнь, метастазами союзные республики, руководители которых тоже захотели быть президентами суверенных государств. Большинство сотрудников среднего звена допускали, что Горбачев умышленно ведет страну к развалу, но руководство КГБ еще на что-то надеялось. Нет, оно скорее боялось потерять свои кресла!

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР генерал

армии Ф.Д. Бобков в книге «КГБ и власть» писал:

«Так ли Горбачев был наивен, что не понимал, какой переворот в жизни страны происходит… Нет, подобная готовность отказываться от всех постов вовсе не результат наивности. С самого начала перестройки все делалось продуманно и неторопливо.

Наши лидеры хорошо понимали: если сразу объявить свою конечную цель — заменить социалистический строй и распустить компартию, — трудно себе представить, какое это вызвало бы народное негодование.

Те, кто замышлял переворот-перестройку, учитывали это. Они решили, что прежде всего надо устранить компартию от власти, от руководства в центре и на местах и полностью скомпрометировать ее в глазах народа.

Сама идея принадлежала не им, такая задача была обозначена как первостепенная в планах западных спецслужб по ликвидации нашего строя. Они даже указывали, каким способом можно это достигнуть. Их методы постепенно становились и методами перестройки».

* * *

За все пять лет пребывания Горбачева у власти в народе накопилась усталость от его «речевой диареи», которая нисколько не сплачивала людей в государстве, а только их разобщала. Чувствовалось, что его политический капитал истрачен, что он выпустил из рук рычаги управления страной. Жизнь при брежневском застое теперь людям казалась раем. Пустые прилавки, очереди за получением гуманитарной помощи «победителям от побежденных», пятипроцентный «президентский» налог, задержки с зарплатами и другие «прелести перестройки» быстро формировали центр оппозиционных сил.

Нужен был лидер — обиженный властью, а если точнее, самим Горбачевым. Долго искать такого кандидата не пришлось, он находился под рукой у оппозиции. Им оказался чванливый, жестокий и злопамятный Б.Н. Ельцин, которого 12 июня 1991 года избрали президентом РСФСР.

Критиканство советского строя из уст самой оппозиции — вчерашних членов КПСС, а порой и высшего вчерашнего партийного чиновничества — приобретало тотальный характер, в то же время никакой конкретной созидательной программы у ней не было. Почувствовав раздрай в центре, подняли голову

руководители-самостийщики в республиках, заявляя, что Москва их все время объедала и чуть ли не грабила. Обозначились центробежные процессы. Возникла проблема создания нового государственного образования вместо Советского Союза.

Начался так называемый ново-огаревский процесс — разработка нового союзного договора. Но он никак не вписывался в итоги Всесоюзного референдума от 17 марта 1991 года, где почти 80 % голосующего населения высказались за сохранение СССР. Тогда стали говорить о создании федерации суверенных государств (ФСГ). Работа шла ни шатко ни валко…

Страна продолжала бурлить, и в этот ответственный момент глава нестабильного, больного государства неожиданно покидает столицу и улетает отдыхать с семьей на виллу в Форос (Крым), хотя на 20 августа намечалось подписание нового договора, а фактически решалась судьба страны. Если это не предательство, рожденное малодушием, то что это?

* * *

Партийно-политическая элита, у которой и так в руках была власть, во главе с вице-президентом СССР Г. Янаевым келейно, непродуманно, глупо, а порой и трусливо, дабы спасти Советский Союз от развала, вынашивает идею введения в стране чрезвычайного положения. По этому вопросу решили посоветоваться с Горбачевым, который в принципе перед поездкой на отдых не исключал такого поворота событий. Для чего 18 августа в Форос отправились О. Бакланов, В. Болдин, В. Варенников и О. Шенин.

Перепуганный президент их целый час не принимал.

Потом он в своем 72-страничном опусе напишет, что первая мысль у него была такова: коллеги приехали меня арестовывать, а может, и расстрелять.

А ведь было за что! Самоустранился от возложенных на него присягой обязанностей.

Вначале он делано не соглашался на введение чрезвычайного положения, но когда коллеги растолковали ему ситуацию, махнул рукой и нецензурно заметил, мол, делайте, что хотите. Расчет простой — погляжу со стороны. Победят товарищи — вернусь в столицу для расправы с антиподом Б. Ельциным, победит оппозиция — сделаюсь жертвой плена. К сожалению, победил руководитель России, которому было наплевать, как она собиралась и какие последствия могут ждать россиян, русскоговорящих, оказавшихся за пределами пока что

административных границ его «вотчины».

После этого у кремлевских сидельцев возникает очередная, теперь уже смертельная для них ошибка. По их указанию 19 августа в Москву вводятся войска Таманской мотострелковой и Кантемировской танковой дивизий. Горбачев отдыхает, смотрит видеофильмы, купается, нежится, принимая солнечные ванны, и не помышляет вырваться из «плена».

Так называемый спонтанно возникший путч ГКЧП так же быстро затух, как и возник, потому что он являл собой по существу «мыльный пузырь», а не «воздушный шар», могущий поднять проблему сохранения страны хотя бы на время над пылающим пространством в разгоряченной тупой толпой одураченной Москве. Ельцин торжествовал Пиррову победу — сверхдержава стала разваливаться. Начались аресты с «охотой на ведьм». Главными жертвами стали гэкачеписты, принципиальные коммунисты и сотрудники КГБ СССР.

* * *

Стороженко в это время находился в своем рабочем кабинете № 639 на Лубянке в доме № 2. Была дана команда все секретные материалы в связи с непредсказуемостью событий конспиративно перевезти в одно из помещений ГРУ Генштаба. Замелькали белые наволочки и серые мешки по коридорам 3-го Главного управления КГБ — центрального аппарата военной контрразведки. Волоком подтаскивали их к лифтам, опускали вниз и загружали в машины. Внутренний дворик Лубянки кипел, как развороченный муравейник…

Скоро по коридорам уже стали ходить «демократические комиссары» — соглядатаи. На выходе через подъезд № 4 Николая остановили четверо молодых людей.

— Прошу открыть папку, — заявил один из них в потертой и неглаженой одежонке, с рыжеватой козлиной бородкой.

— Ваш мандат на проверку? — со сталью в голосе потребовал Николай.

— Мы из группы поддержки президента Ельцина, — нагло ответил другой, явно под градусом, видно, «старшой из новоиспеченных комиссаров».

— Товарищ полковник, надо подчиниться, — спокойно заметил вахтер-прапорщик.

Стороженко приоткрыл папку. Там, естественно, не было ни оружия, ни секретных документов.

После завершения эпопеи с отправкой секретной

документации Николая пригласил в партком главка его секретарь, капитан I ранга Владимир Медведев. Из окна его кабинета хорошо просматривалась площадь Дзержинского, где у памятника «железному Феликсу» собралась орущая толпа. Среди этого народца было немало пьяных типов. Молодые люди карабкались на постамент — круглый цоколь памятника — и пытались заарканить тросом голову «грозы революции».

И вот петля накинута, десятка два вандалов стали тянуть за трос, но памятник стоял незыблем. Подогнали грузовик в надежде завалить скульптуру, сдернув ее двумя тросами. Горели шины буксовавшего ЗИЛа, но исторический памятник не поддавался пьяным варварам.

Толпа на площади разрасталась. Тогда начальник военной контрразведки вице-адмирал А.В. Жардецкий попросил Стороженко спуститься и послушать ораторов:

— Николай Семенович, вы в гражданском платье, спуститесь вниз к памятнику, чтоб уж формой не провоцировать пьяных идиотов, и выясните, чего они хотят?

Выступали сначала какие-то помятые типы, но что поразило — среди этого пьяного быдла стоял телекомментатор

В. Познер. Он рассказывал толпе какие-то страшилки о коварстве КГБ, слал проклятия в адрес Дзержинского, чекистов, советской власти, СССР. Одним словом, нес прочую, нужную именно в этот момент чушь, надеясь на легковерные головы, одураченные зеленым змием. Ему подпевали другие вожди площади…

* * *

Надо заметить, что многие крупные начальники в это время попрятались, закрывшись в своих кабинетах, и не отвечали даже на звонки. Они боялись вопросов подчиненных: «Что делать дальше, если толпа ворвется в дом № 2? Где конкретные команды для защиты секретов? Как быть с приказами и службой? Чем защищаться самим и как сберечь еще оставшиеся секреты? Кто дал команду закрыть сейфы с оружием?»

Таким образом они обезопасили себя от лишних пояснений по поводу роли ГКЧП, а затем за такое «правильное» поведение повырастали в должностях и званиях.

Многие американские публицисты тогда говорили и сейчас повторяют одно: активную роль в развале СССР сыграли спецслужбы США вкупе с «агентами влияния» из партбояр.

«Но где гарантии, что западные господа, — писал

самокритично профессионал-контрразведчик генерал-майор Р.С. Красильников в книге «Новые крестоносцы. ЦРУ и перестройка», — не присваивают себе славу нашей собственной бездарной, бестолковой и своекорыстной деятельности? Это ведь для нас позор, а для них — слава. Тем более что нужно отчитываться перед налогоплательщиками о потраченных средствах на борьбу с Советским Союзом».

Если считать, что нас в холодной войне одолели США, тогда встает вопрос: а где же было руководство госбезопасности, которое тоже виновато в развале страны?

«.Именно КГБ, — писал Игорь Бунич, — на котором лежала главная ответственность за обеспечение безопасности и целостности СССР, и пальцем не пошевелил в свое время, чтобы предотвратить развал и гибель страны, а, напротив, весьма этому способствовал».

Сказано очень жестко, если не жестоко. Но КГБ и руководство КГБ — это не одно и то же, это разные вещи в тот период.

Говоря о стоимости победы демократии в Москве в 1991 году, идеолог современных американских неоконсерваторов Майкл Ледин признался: «Мы смогли сокрушить Советский Союз, воодушевляя и поддерживая весьма малый процент его населения». Этот «малый процент» и составляли махровые ненавистники России — русофобы разных мастей.

Так и витал в голове вопрос грибоедовского Чацкого:

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты…

Народ, обманутый и обобранный гайдаровщиной до нитки, к сожалению, только потом скажет: «…эти — «новые русские», «олигархи», назвавшие самозванно себя «отечества сыны», получившие в дар от сюзерена Ельцина, а порой и просто бандитским рейдерством лакомые куски госсобственности, добили Отчизну».

* * *

А тем временем скороспелыми указами редко трезвого в то время Б. Ельцина руководство КГБ было дезорганизовано. За три дня сменились три руководителя. Вначале комитет подчинили В. Иваненко — председателю КГБ России. Затем на сутки был назначен Л. Шебаршин — начальник ПГУ (разведка КГБ), а 22

августа на Лубянку прибыл энергичный и всезнающий бывший секретарь Кемеровского обкома партии, бывший министр внутренних дел В. Бакатин. За ним по чекистским коридорам брела свора «чистильщиков», задающих строго один и тот же вопрос:

«Ну-ка скажи, как ты вел себя при ГКЧП?»

Одним из таких ревизоров, ельцинских комиссаров, был и «питерский пожарник» С. Степашин. Он вскоре возглавил комиссию по проверке лояльности оперативников-профессионалов к родившемуся режиму, а впоследствии в награду за лояльность к власти Ельцин даровал ему посты главного милиционера, главного чекиста и даже дал возможность на короткое время поруководить правительством. Приход непрофессионалов к руководству органами госбезопасности многими опытными оперативниками был воспринят как продолжение порочной большевистской практики.

Униженные и оскорбленные «грубой спецпроверкой» дилетантов, из органов стали массово уходить профессионалы, которые могли еще многое сделать для России в смысле обеспечения ее безопасности.

А в это время государственный секретарь США Бейкер мотался по республикам, уговаривая их руководителей как можно скорее «выходить из состава Союза». Время для страны было тревожное, но, несмотря на это, Горбачев ездит по «заграницам», читает лекции, участвует в диспутах, пресс-конференциях, приемах, словно не замечая агонии государства.

Американец Бейкер понимал, что горбачевская перестройка носит тотальный характер и оказывает разрушительное воздействие на все сферы жизни.

Ее порождением явился небывалый всплеск национализма, что представляло смертельную угрозу для многонационального государства. Именно национализм был избран «перестройщиками» и «реформаторами» в качестве ударной силы для преднамеренного разрушения Советского Союза.

Курс Горбачева в сторону так называемого нового мышления, с ударением второго слова в его исполнении на первом слоге, не мог не привести к национальной трагедии. Первым ее актом было принятие по инициативе Ельцина I Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

В ней речь шла о выходе России из состава суверенного огромного государства, каким являлся СССР. Сразу же вставали вопросы границ, имущества, национально-исторической справедливости и прочее. Декларация подтолкнула страну к

беловежскому сговору.

Кому это было выгодно? Прежде всего властному, амбициозному и беспощадному человеку, каким являлся Ельцин. Горбачев его взял к себе, на свою голову, в подручные, чтобы расправиться с неугодными. На должности первого секретаря МГК он продемонстрировал последнее качество в полную силу. Его самодурству и жестокости не было предела.

Но нетрудно догадаться, что наиболее заинтересованной стороной в этом процессе были силы Запада, возглавляемые США, стремившиеся разломать «империю зла» — СССР — в ходе холодной войны.

А ведь этот шаг можно было исправить, как писал А.Д. Шутов в книге «На руинах великой державы, или Агония власти», «… путем созыва Съезда народных депутатов СССР, чтобы принять на нем решение о нелегитимности ельцинской декларации. Однако Горбачев не сделал этого, а пошел, как было сказано, другим путем: если Ельцин «взрывал» СССР изнутри, то Горбачев ново-огаревским договором фактически попытался разрушить изнутри РСФСР, «империю Ельцина», вывести из ее подчинения национальные автономии и преобразовать их в союзные республики (из 15 до 35. — *Авт.)*.

В результате такой операции Россия теряла более 51 % территорий с 20 миллионами населения и почти со всем объемом стратегических ресурсов и природных богатств. То есть за событиями исторического масштаба, происходившими в стране, фактически стояли мелкие эгоистические интересы двух противоборствующих партноменклатурных кланов: российского и союзного — возглавляемых, с одной стороны, Ельциным, а с другой — Горбачевым. Они поставили на кон судьбу великой державы, превратив ее в разменную карту ради личной власти.»

Страна полыхала, а Горбачев токовал: «судьбоносные реформы набирают обороты», «процесс пошел», «перестройке нет альтернативы» и прочее.

* * *

В начале декабря 1991 года, проигнорировав подписание у президента СССР М. Горбачева нового Союзного договора, тройка заговорщиков, Б. Ельцин, Л. Кравчук и

С. Шушкевич, вылетела в Минск. Из Москвы с Ельциным в леса Беловежской Пущи направились Бурбулис, Гайдар, Козырев, Илюшин, Коржаков и Шахрай, где на государственной вилле не без страха, заливаемого спиртным, подписали незаконное с

юридической и с политической стороны Соглашение об упразднении СССР и создании СНГ.

Подписанием Беловежских соглашений были нарушены Конституция СССР, результаты референдума от 17 марта 1991 года — воля большинства граждан Союза (76,8 %), проголосовавших за сохранение единой страны, Союзный договор 1922 года, который по условиям его заключения и международному признанию этих условий денонсации не подлежал.

Вот тут-то Горбачеву даже не как президенту, а как достойному мужчине и надо было показать, кто в стране хозяин и у кого власть — арестовать заговорщиков-смутьянов. Но, как говорится, если вы чего-то не сделали, значит, не пытались. Трус есть трус, какие бы звания ни носил, даже будь Верховным главнокомандующим. А по правде, президент занимался уже решением личных вопросов…

Вскоре Верховные Советы России, Украины и Белоруссии ратифицировали документы беловежского сговора. 25 декабря Горбачев в последний раз обратился к народу. Он объявил, что снимает с себя полномочия президента СССР по «принципиальным соображениям»!!!

В тот же день над Кремлем был спущен Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик — СССР. Пьяный от счастья стать вождем и от паров зеленого змия Ельцин ходил гоголем. Его распирало от власти — наконец-то он вытурил из Кремля ненавистного ему Горбачева! Но какой ценой?! Окружение этой «болячки», этой страшной мины замедленного действия старалось не замечать. Оно подпевало ему, надеясь на развалинах Красной империи, на беде населения, на горе беспризорных детей отхватить себе кусок благополучия.

Стороженко понимал, что верхами совершено дикое, особо опасное преступление, что трещина раздела страны пройдет по каждому гражданину недавно единой страны, коснется болью каждой семьи.

Болтовню удельных князьков и самого Ельцина о «прозрачности границ» Николай считал лукавством. Он был больше чем уверен, что скоро появятся КПП с таможенниками и пограничниками, а там недалеко и пограничье с блоком НАТО, в который Россию не впустят.

Но как быть с производственными завязками, оружием и боевой техникой Советской армии? В европейской части находились самые боеспособные части, оснащенные новейшим вооружением. Россия в таком случае многого может лишиться. Ельцину было наплевать на эти «мелочи». Он праздновал личную

победу, упиваясь с собутыльниками властью.

Иногда Николаю казалось, что происходящее не связано с ним, что оно существует в иной жизни, в каком-то фантастическом зазеркалье. Меньшинство навязало свою волю большинству и прониклось чувством, что народ для них — только материал, который надо и можно использовать. Попытка народа напомнить о себе вызывала у власти негодование.

Так что зазеркалья никакого не было, а была суровая реальность с полным игнорированием всякой законности. Не мог Николай, воспитанный на порядочности в трудовой семье и на службе с профессионалами высочайшего класса, согласиться прислуживать тем, кто развалил и разорил Отчизну, Родину, Державу.

Служба в таком случае превращалась в видимость. Недаром же говорится, что для того, чтобы уничтожить человека, наказать его самым ужасным образом, достаточно придать работе характер совершенной бесполезности и бессмысленности.

— Америка теперь наш друг, — говорил один из перекрасившихся начальников. — Пора ловли шпионов кончилась. Занимайтесь охраной завоеваний демократии.

От этих слов Николая передернуло. Последний удар по планам Стороженко в отношении службы нанес В. Бакатин. Став председателем КГБ, дабы прогнуться перед новыми друзьями, он выдал святая святых любой спецслужбы — схему закладок оперативной техники. Данные места, где спрятаны «жучки» слухового контроля в новом здании посольства США в Москве, перекочевали на стол посла.

Американец был не столько рад «подарку» главного ельцинского гэбэшника, сколько поражен масштабом предательства. Со временем янки отблагодарят благодетеля — его сыну дадут возможность заниматься бизнесом в Штатах.

Полковник Стороженко понимал, что офицер может только раз давать присягу на верность Родине, как давали ее его деды и отец, носившие погоны, и написал рапорт на увольнение. Приказом № 1 по личному составу КГБ 2 февраля 1992 года Николай был уволен в запас.

Наступил новый этап жизни. Траектория службы в органах госбезопасности закончилась, но жизнь-то продолжалась. Николай был доволен чекистской тропой, по которой он прошел с гордо поднятой головой, не замарав ни рук, ни души. Он был чист и честен перед главным судьей — своей совестью.

Глава двадцатая
Октябрьское безумие

Есть дьяволу где порезвиться на русском просторе.

В. Никитин

Поиск врагов внутри России продолжался. Теперь у Ельцина и его клики были другие неприятели, обитавшие в российском парламенте, — именно они мешали проводить президенту «реформы» — бить «советские горшки»…

Стороженко ужинал на кухне. Было 21 сентября 1993 года. Когда часы пробили ровно 20.00, он включил телевизор, чтобы посмотреть новости. С экрана на него взглянуло недовольное и злое лицо президента. Он зачитал свой очередной указ за № 1400 о ликвидации парламента и разгоне избранных народом депутатов Верховного Совета.

Внезапное решение Б. Ельцина одним махом ликвидировать во многом оппозиционно настроенный парламент сразу же накалило обстановку в Москве. Провинция не почувствовала запаха крови. Трезвомыслящие же уловили в глазах кремлевского Нерона отблески большого побоища и пожара. Сразу же здание парламента опутали по периметру колючкой — спиралью Бруно. Кстати, применение этой крючковатой проволоки в подобных ситуациях запрещено одной из Женевских конвенций.

Для поддержки президента в Москву из других регионов стягивались омоновские орды, разросшиеся до неприличия. Скоро здание парламента было полностью в кольце. На такую дикость мог пойти только человек с больной фантазией, боявшийся ответственности за содеянное предательство в Беловежье.

Итак, в роли оскорбленных оказались народные депутаты. На Руси издавна общественное мнение на стороне битого властью. Сразу же стихийно возникло движение защитников парламента и Конституции. Не прекращались митинги у Белого дома. Они приобретали перманентный характер. В ответ власти Москвы ввели дополнительные отряды омоновцев. Пространство в районе станций метро «Баррикадная» и «Краснопресненская» покрылось, словно рыбьей чешуей, металлическими щитами стражей порядка.

Кольцо окружения парламента теперь не сужалось, а расширялось. Скоро образовалось уже два кольца — внутреннее и

внешнее. Граждан не стали подпускать близко к стенам Белого дома, но их не пугали дожди, холодрыга, резиновые дубинки и автоматы.

Митинговые очаги тлели практически по всему периметру осажденного Белого дома. Стержневым требованием депутатов было элементарное в правовом обществе: предоставить народным депутатам информационное окно на радио и телевидении. Власти его не давали. Продажные теле— и радиорепортеры словно не замечали другого мнения. Околопрезидентские шептуны постепенно усиливали влияние и давление на своего кумира, требуя скорейшего разгона Верховного Совета и создания «карманного» парламента из-за возможного реванша.

Отключение света, воды, телефонной связи и других коммунальных услуг еще больше накалило обстановку. Это создавало взрывоопасную ситуацию внутри осажденной территории, где круглосуточно находились депутаты и защитники парламента. Среди них были студенты, школьники, рабочие, офицеры, казаки, религиозные деятели, ветераны, москвичи, приезжие.

Митинги электризовали толпы. То, что придумала президентская власть, являло верх вандализма и правового кощунства. Даже неудачники-гэкачеписты не додумались до такого варварства — лишить людей тепла и света, воды и связи. Тем более вчерашних соратников Ельцина по развалу Союза.

* * *

Факт остается фактом: власти унизили себя очередной глупостью. Кто подсказал «всенародно избранному гаранту» такой сценарий с кровавым исходом? На этот вопрос ответит история.

Здание Белого дома охранялось департаментом охраны. Все они были сотрудниками МВД, однако в отличие от коллег, стоящих по ту сторону баррикад, выказывали лояльность долгу и приказу — охранять парламент. Разве этого не знала исполнительная власть? Знала! А если знала, то почему вела общество к нагнетанию обстановки, провоцированию беспорядков и кровавой конфронтации?

А теперь о самом главном — мятеже, путче, восстании, — называют по-всякому. Лжедемократы нарекли происшествие мятежом. Стороженко же назвал это событие восстанием против ельцинского агрессивного режима и его «семьи», в состав которой входили Березовский, Гусинский, Смоленский и другие,

обвиненные в разное время в совершении уголовных преступлений. Он считал, что в авантюре, происходившей 3 и 4 октября, повинны обе ветви власти. А в первую очередь пострадали оболваненные и одураченные москвичи и подвижники из провинций, попавшие под ливень омоновских пуль и армейских танковых снарядов.

Слушая передачи телевидения и радио, читая официальную периодику, Николай приходил к мысли о полной схожести их содержания с вещанием доперестроечного периода, когда хвалебные оды вождям и их политическому курсу являлись обязаловкой. Любая власть платит тем, кто крутит ей музыку. Оппозицию же к голубому экрану правители не подпускали.

В ответ на политическое хамство последняя вынуждена была создавать свои органы информации, которые, естественно, противостояли проправительственным «говорящим головам» и «пишущей братии».

У обывателя всегда существует недоверие к официальным источникам: слишком профессионально они врали, что вызывало у людей протест против неприкрытой лжи. Экономические промахи, рейдерская приватизация, астрономические займы и кредиты, популистские обещания, постоянно снижающийся уровень жизни, опротивевшее всем противоборство ветвей власти, опасная суверенизация по рецептам президента — все это заставляло задавать себе и близким вопрос: куда мы идем?

Ельцин абсолютно не подходил для роли государственного деятеля. «Пьяница и самодур, — напишет со временем А.Д. Шутов в упоминаемой ранее книге, — он без оглядки промотал наше достояние, накопленное трудом многих поколений, отринул от государства огромные территории в пользу других держав, растерял друзей и союзников, расстрелял законно избранный парламент, лишил страну международного влияния. Чуждый благородства и интеллекта, сострадания к Родине и народу, он отдал их на растерзание грабителям, которые выкачали и продолжали выкачивать из них все жизненные блага и энергию. Такого правителя во веки веков не было ни у одного народа в мире».

Николаю порой казалось, что М. Нострадамус имел в виду Ельцина, когда писал в своих «Центуриях»:

Из третьих рядов он продвинется в первый,
Опорой ему станет сброд, а не знать (Ц. 9)…
Он власть захватил, как поборник свободы,
Народ обольщенный его поддержал,
Но рухнули им возведенные своды,

И в прах превратился былой идеал. (Ц. 5)
Разграблен весь дом, и повсюду несчастья (Ц. 9)
Глядит Богоматерь на нас, будто мы в преисподней,
Паря над землею, похожей на стон и на крик. (Ц. 3)

Страна действительно стонала от ельцинских реформ без реформ — вселенского ограбления народа. Средства политического оболванивания: газеты, журналы, радио и телевидение — успокаивали общество скорыми подвижками. Президент к месту и не к месту хвастался всенародной поддержкой. Какой? В референдуме принимала участие одна треть населения, а если учесть подтасовки тех, кто считал голоса, то картина «всенародной избранности» сомнительна.

* * *

3 октября зажатые омоновцами с 21 сентября люди решили прорвать кольцо щитов и бронежилетов. Что же сдетонировало автоматно-пушечный огонь, большую кровь и сотни смертей ни в чем не повинных граждан?

Во-первых, многотысячный марш демонстрантов, прорвавших милицейский кордон на Крымском мосту. Во-вторых, провокационная стрельба еринских снайперов из мэрии по парламенту — искра обернулась пламенем. (Ерин возглавлял МВД РФ, получил от Ельцина за «подвиги» Героя России, звание генерала армии, а после расстрела парламента был отправлен заместителем Службы внешней разведки. Наверное, контролировать работу разведчиков? — *Авт.)* Вот она, кадровая самодурская чехарда.

А дальше москвичи и приезжие, защитники Конституции, бросились на цепи омоновцев, блокирующих здания гостиницы «Мир» и мэрии. Началась настоящая сшибка. Не надо быть опытным следователем, чтобы по следам пуль на стволах деревьев понять, кто и откуда стрелял по людям. Шквал стихии нарастал, превращаясь в вал мести и жестокости.

Вот он, пушкинский бунт! Он уже начинался разгораться.

«Освобождение Белого дома, — писал генерал-лейтенант Н.С. Леонов, — оказалось неожиданным для его сидельцев, у руководства Верховного Совета не было никакой осмысленной и продуманной программы действий».

Потому-то и сорвались с языка у А. Руцкого два лозунга: «На мэрию!» и «На «Останкино!» Здание мэрии было рядышком,

прямо через улицу, люди видели, что именно туда скрылись большинство омоновцев из разорванного оцепления. Детонатором для штурма мэрии послужили автоматные очереди, прогремевшие из ее окон и унесшие жизни первых жертв этого трагичного дня.

Распаленные демонстранты, часть из которых была вооружена захваченными автоматами, вместе с защитниками Белого дома ворвались в мэрию, где завязался бой, больше шумный, чем кровавый. Загнав омоновцев на верхние этажи, большая часть атакующих вернулись в Белый дом, а часть, повинуясь приказу идти на «Останкино», погрузились на захваченные или услужливо предоставленные грузовики и двинулись в район телецентра.

Итак, подчеркнем, сначала пала мэрия на Калининском проспекте, потом толпа двинулась на телецентр «Останкино», не дающий руководству парламента сказать свое слово от демократической оппозиции. У телестудии собрались много митингующих, просто зевак и любопытных хроникеров «эпохальных» событий. Среди моря негодующих граждан, примерно до 15 тысяч человек, находились и сторонники президента. Еще в 16.00 этого дня Ельцин своим очередным выпеченным блином-указом ввел в Москве чрезвычайное положение. Об этом знали омоновцы и спецназовцы, засевшие в телецентре, но не граждане, находившиеся на улице.

Толпа все настойчивее и злее требовала допустить представителей инакомыслия в телестудию. Вскоре прибыли на грузовиках оборонцы Белого дома во главе с генерал-полковником в отставке А. Макашовым. В момент народного напора на двери «Останкино» «сторожа» телецентра ударили со страху из автоматов и пулеметов. Охранников неожиданно огнем поддержали БТРы, предусмотрительно выставленные Ериным в районе «массовки».

Стремительно летящие трассеры, горящие легковые автомашины и душераздирающие крики раненых слились в какую-то дикую и жуткую картину столичной бойни. Стоны, проклятия и зовы о помощи были слышны везде. Люди: одни прятались за деревьями и бордюрными камнями, другие, раненые, ползли, третьи — бежали, падая, сраженные пулями.

Потом все рассредоточились, оставив на асфальте, лужайках и в кустарниках не один десяток убитых и раненых, просящих пощады у добивающих их омоновцев. Прибывшие на БТРах дополнительные силы Ельцина — подарок МО П. Грачева — довершили охоту на граждан…

* * *

А наутро начался варварский расстрел парламента. В 7 часов утра 4 октября 1993 года к Белому дому подтянулись 185 единиц армейской боевой техники в основном из двух прославленных дивизий: Кантемировской танковой и Таманской мотострелковой под командованием соответственно генерал-майоров Б. Полякова и В. Евневича. Им Ельциным была отведена роль палачей. Огонь вели из танковых орудий танков Т-80 калибра 125 мм специально подобранные офицерские экипажи за обещание крупных денежных вознаграждений, решения квартирных вопросов и гарантий дальнейшего служебного роста в МВО или центральных округах. В танковом подразделении был представитель президента, обеспечивающий идеологическую обработку военных.

И все же первую стрельбу начали «бейтаровцы», переодетые в гражданскую одежду, из отрядов Союза ветеранов Афганистана, в том числе, как говорили свидетели, «молодцы из Израиля». Именно они открыли ураганный огонь из автоматов по баррикадам защитников Белого дома — безоружного гражданского населения. Спасением от пуль были стены парламента. Люди побежали — несчастных тут же настигали пули. Их трупы видели многие москвичи утром на следующий день.

Все эти картины своими глазами видел и Николай Стороженко. Правду нельзя скрыть. Тем более телевизионщики из побоища устроили кровавое шоу. По людям, в центре столицы России, прямой наводкой стреляли из орудий, почти как в тире, с расстояния 450–500 метров. Боевые машины стояли в линию поперек Калининского моста и вдоль набережной Москвы-реки. Свои люди по своим. Дикость!!!

Николай стоял на мосту рядом с поэтом И. Ляпиным и кинорежиссером С. Говорухиным. Последний катал желваки и кричал: *«Мерзавцы, что же вы делаете?!»*

Потом Говорухин напишет:

«4 октября в 10 утра я наблюдал, как расстреливали парламент. Теперь мы знаем — в здании было много женщин и детей. Мы, зеваки, стояли на мосту, видно было как на ладони. Свидетельствую: ни один защитник Белого дома не мог стрелять в нападающих — прямо за цепью солдат, вплотную к ним, стояли толпы зевак, поэтому и не разгоняли их. А танки, бившие прямой наводкой, стояли за нашими спинами».

Молох ельцинского жестокосердия крушил стены Белого

дома. Ударила танковая пушка. Снаряд влетел в окно и разорвался внутри здания. Толпа на мосту возбужденно закричала. Стороженко подошел к двум старикам, разговорился с ними. Оказалось, фронтовики-ветераны. Один из них сказал:

— Расстреляли Россию! Можно идти домой. В России начались окаянные дни. Они будут продолжаться до тех пор, пока этот режим не обрушится…

А второй добавил:

— Вот он пример, власть снова обращается с русским народом не как с великим, а как с безответным стадом трусливых и жадных скотов, с которым можно расправиться, как ей вздумается.

К вечеру Белый дом сделался черным от копоти пожаров. Выгорели полностью несколько верхних этажей. Сгорела большая библиотека, вся правительственная документация, направленная на рассмотрение в законодательный орган. Дом стоял мертвый, глядя пустыми глазницами окон на кровавый закат.

* * *

Президент гордился вместе с силовыми министрами П. Грачевым и В. Ериным стратегическим успехом предпринятого безумия. В газетах запестрели заголовки-плагиаты: «Демократия должна быть надежно защищена!» Эти слова, говорил когда-то В. Ленин о пролетарской революции. Новый вождь не только повторил их, но и таким образом защитил свой трон от гнева народа — он же был партократом до мозга костей.

Говорят, Нерон от вида подожженного им Рима испытывал сладострастие. А что чувствовали парламентско-президентские Нероны, поджигавшие Москву и направлявшие омоновские центурионы то к «Останкино», то к Белому дому? Явно они думали не о людях, не о перемирии, не о компромиссах, а о своих интересах — корытах, тронах, баксах…

Не волновал их вопрос, что Россия недосчитается многих прекрасных парней и девушек, так нужных для будущего строительства разоренной страны, и что пострадает демократия без кавычек.

Глава государства, не обеспечивший личной безопасности подданных, способствующий расколу общества, а тем более санкционировавший орудийный расстрел граждан, должен предстать перед народным судом или застрелиться.

Американская телекомпания Си-эн-эн загодя удобно расположила телекамеры в ожидании большой крови. Ночью они

уже знали о предстоящем штурме, поэтому с разрешения городских властей заняли крыши нескольких высоких зданий напротив Белого дома.

Точно передал атмосферу тех смутных часов по свежей памяти их свидетель, известный русский поэт Георгий Зайцев в стихотворении «Я видел.», написанном 5 октября 1993 года.

Над Белым домом черные дымы,
И Си-эн-эн показывает миру,
Как танки бьют, как беззащитны мы…
И вся Москва уже — подобна тиру.

Чернеет обожженная душа,
Когда снаряды русского замеса
Взрываются, обыденность круша,
И защищают чьи-то интересы.

Душа черна (расстрелян русский Съезд!),
Как Белый дом, черна и молчалива.
И зреет, зреет яростный протест
Неслыханного русского мотива.

* * *

После побоища на следующее утро Николай побрел, как побитый, к расстрелянному дому. Белый дом стоял закопченный и безглазый. Дымились кое-где оконные проемы. Около стадиона лежали неубранные трупы молодых людей. Пройдя метров пятнадцать, он наткнулся на тело паренька лет восемнадцати в клетчатой рубашке и синей джинсовой куртке. Он лежал на боку. Два входных пулевых отверстия были чуть видны на спине. На вылете пули разорвали брюшину и часть бедра.

«Изверги, против своих, против мирного населения применяли пули со смещенным центром, или, как их называют в народе, «кувыркающие», — подумал Стороженко.

На углу дома лежал еще один мужчина лет тридцати. На левой стороне груди на сером свитере виднелось пятно запекшейся крови. Правый глаз был закрыт, а левый почему-то безразлично смотрел на стоящее рядом дерево. У книжного киоска лежали пятеро убиенных, полуприкрытых невесть откуда взятыми белыми рушниками. На груди одного стояла пластмассовая иконка св. Николая. В окоченевшую кисть руки

другого павшего старушка вставляла свечку, как в подсвечник…

Николай завернул за угол дома и в сквере наткнулся на девушку с простреленной головой. На спине тоже были видны следы от пуль. В бледных пальцах судорожно сжатой правой руки — комья коричневой земли и скомканные осенние листья. Огромное бурое пятно под ней и вокруг нее.

«На такую бойню мог пойти только двуногий упырь, а не президент — «вождь нации», каким выставляет себя вчерашний секретарь «самого большого обкома партии», как он всегда подчеркивал», — подумал Стороженко.

Кругом очевидцы апокалипсического действа и волнующие рассказы, повествования, жалобы, злость, обида, проклятия и слезы, слезы, слезы.

* * *

— Власть, допустившая такую кровь, — преступница по всем статьям, — говорила молодая женщина. — Некоторые победители призывают к мщению. Но кому мстить? Еще не похороненным, лежащим в скверах вокруг Белого дома, гробам, обугленным трупам на этажах парламента, оставшимся вдовам и сиротам? Кому, кому? Общество расколото. Создается впечатление, что власть не знает, как вывести страну из тупика…

И словно уловив всю глубину последних слов женщины, Николай продолжил про себя:

«Не знают правители выхода — это так, поэтому, нервничая, совершают ошибки и преступления. Они генераторы всяких бед. Я не доверяю президенту, ищущему везде врагов. Ему всегда кто-то мешал. Вчера мешала Компартия, Советы, а сегодня помешали депутаты парламента. Что дальше — вновь поиски скрытых врагов? Избави бог нас от таких поводырей. Сегодня нам нужны спокойствие и взвешенность, а не преследование инакомыслящих и азартная мстительность. В доме, который нам строят нынешние либералы, неуютно и страшно будет жить.

Все политики выступали и выступают от имени народа, но перед тем же народом никогда не отчитывались ни цари, ни генсеки, ни президенты, и так вниз по вертикали. Государством должны править не серые посредственные люди, а избранные, действительно великие личности, тогда и государство будет процветать, и народ раскроет свои созидательные силы. Драки в народе — от бессилия и глупости властей.

То, что произошло — преступление! Общество потеряло

Конституцию. Ее просто растоптали и расстреляли. Мы стали жить вне поля Закона, не по праву Закона, а по закону Права сильного…»

За все время октябрьского безумия Стороженко спал мало, осунулся из-за переживаний и странствий по вздыбленной недавно и взбудораженной теперь Москве. Он словно растворился в событиях. Вечерами, когда становилось не по себе от лжи «говорящих голов» с телеэкрана по поводу недавних событий, Николай включал диктофон, с которым он ходил к Белому дому, и слушал записи исповедей простых граждан, некоторые из которых могли быть и убитыми. От чего делалось жутко.

Голоса только этих людей отражали правду происшедшего.

В разное время двухнедельного спора блики законности и юридической правоты виднелись на лицах той и другой стороны, но дальнейшие действия ветвей власти грешили то великой гордыней, то большим испугом. Стороны искали своих врагов среди своих, сначала по горьковскому принципу «кто не с нами, тот против нас», а затем — «если враг не сдается, его уничтожают».

В общем, Россия стояла на пороге гражданской войны, в которую хотели ввергнуть ее народ политиканы. Но вот что удивительно: ни с той, ни с другой стороны в сшибке не погиб ни один чиновник, ни один депутат. Пали смертью праведников люди честные, верившие в незыблемость верховенства Закона над Правом, в святость слов, записанных в неотмененной народом Конституции. Пали безымянные Великие люди Великого народа. Они были действительно патриотами. Такие защищали Москву в 41-м.

Но вот в книге «Крестный путь России» генерал Н. Леонов, депутат Госдумы IV созыва, приводит слова из повести И. Бунина — «Деревня». Кстати, это одно из коренных произведений сорокалетнего в то время писателя — зрелого мастера слова, писавшего явно без юношеской запальчивости и старческого плоскомыслия:

«Какой же это великий народ, если он всю свою историю просидел в грязи, в курных избах, ходил в лаптях, ел хлеб с мякиной не каждый день, давил тараканов, спивался и терпел, терпел без конца всю бездну творимого над ним насилия. Только и было великого: терпение да подчинение».

«А ведь во многом он прав! — говорит Леонов. — Как и ему, мне жаль расставаться с иллюзией о своей принадлежности именно к великому народу. Власть в страшные 90-е годы,

безусловно, обращалась с русским народом не как с великим, а как с безответным стадом трусливых и жадных скотов».

* * *

В черные дни зловещего октября 1993 года правители были слепы и глухи, они стояли по разные стороны баррикад на своей родной, ими же истерзанной земле. Поэтому в тот миг Николай вспомнил слова:

И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас!
Нет безразличных: правда — с нами!»
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других…

Так мог сказать только Максимилиан Волошин.

Добрые люди молились, чтобы из сшибки политиканов не началась гражданская война.

Мы все обманулись, нас всех обманули. Власти дрались за место под солнцем, а пострадали простые люди. Конституции нет. Парламент разгромлен. Оппозиция притихла. Лжедемократы хотят сильной руки. Либералы заняты дележом госсобственности.

Нет, такая рука ни сейчас, ни потом не поможет обществу.

Нынче нужна не твердая рука, а умная, трезвая, думающая голова!

А еще Николай поверил в мысль, что когда-то придет время и будет правый суд над мерзавцами-политиками, допустившими столичное позорище с трупами в черных целлофановых пакетах, вывозимыми из сгоревшего парламента самосвалами.

Как не вспомнить великого Грибоедова, устами грубияна Чацкого, сказавшего:

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты…

Те, кто это затеял, не были «отечества отцы», они думали лишь о корытах!

Глава двадцать первая
Война в чечне

Война есть процесс, который разоряет тех, кто выигрывает его.

П. Буаст

Начало грозненской трагедии в Чечне Стороженко воспринял как конец ельцинизма, считая бесшабашность решения «всенародно избранного» президента миной замедленного действия, заложенной под основы российской государственности. «Режим, — рассуждал Николай, — обожжется на этой авантюре. Власть и бизнес через доллары и нефть сошлись в одном — война выгодна для собственных карманов. Эта война планировалась. Недаром Кремль дал добро на оставление в Чечне 50 % оружия гарнизонов бывшей Советской армии. А в республике его было много, очень много. Не парадокс ли?!

А еще после 1991 года из нас постепенно вытекало чувство, объединяющее людей в один народ! Нас рассорил выпеченный на ельцинской политической кухне суверенитет, которого разрешалось брать столько, сколько кто захочет проглотить».

Чеченская проблема возникала для России в моменты ее наибольшего ослабления. Стоило потерпеть поражение Российскому государству в ходе Крымской войны, как Шамиль поднял восстание, которое было подавлено, а самого предводителя пленили и поселили с семьей в Калуге, где он присягнул на верность российскому трону.

В период революции 1917 года и Гражданской войны большевики переманили горцев на свою сторону и использовали их в борьбе против терского и кубанского казачества — главных врагов в тот период для советской власти. Лозунг «За самоопределение народов!» поднял уровень национального самосознания кавказцев. Вайнахскому народу (в основном чеченцам и ингушам) власть дала возможность создать Чечено-Ингушскую АССР.

Стоило Советскому Союзу в первые месяцы войны показать свою слабость перед вермахтом, как вайнахи стали смотреть в сторону Германии. Немецкие дивизии приближались к Кавказу. Гитлеровцы, учитывая антирусские настроения чеченцев и ингушей, стали быстро готовить из их среды предателей-диверсантов, пропагандистов, формировать повстанческие

отряды, которые создавали порой серьезные трудности для подразделений и частей Красной армии. Именно в период временной оккупации Чечни с октября 1942 по январь 1943 года фашисты сформировали чечено-ингушский полк для борьбы с партизанами.

Когда же наметился поворот в войне и бандитские отряды были разбиты, по линии чекистских органов стали поступать материалы, что даже в НКВД ЧИАССР было засилье враждебных элементов. Бандиты угрожали налаживанию мирной жизни.

* * *

Существовала реальная угроза для единства и безопасности государства. За период борьбы с бандитизмом в республике было изъято 11 000 винтовок, 340 автоматов, 108 пулеметов, большое количество боеприпасов.

Под влиянием грозной опасности и было принято постановление Государственного комитета обороны (ГКО) о выселении чеченцев и ингушей из районов их исторического проживания.

В период хрущевских новоделов — разрешение в 1957 году вайнахам возвратиться на свою родину и присоединение к Чечне трех равнинных районов: Надтеречного, Наурского и Шелковского, выделенных из состава Ставропольского края, — обстановка более-менее стабилизировалась. Казацкие станицы охладили воинственный пыл аборигенов, спустившихся с гор.

Но с наступлением горбачевской перестройки и особенно ельцинских «реформ», когда страна под названием РФ, превращенная в осколок СССР, сама стала разрушаться через ослабление государственной власти, остановку производств, поношение армии, раздачу суверенитетов регионам и прочее, Чечня снова заговорила языком ультиматумов и взяла курс на полную независимость.

Ельцин в борьбе с горбачевским ставленником в ЧИАР секретарем обкома КПСС Доку Завгаевым, крепко державшим республику в рамках правового поля, отыскал в Прибалтике командира дивизии дальней авиации генерал-майора, чеченца по национальности, Джохара Дудаева и направил его в Чечню. Что из этого получилось, теперь знают многие граждане России.

Летом 1990 года Дудаев бросил военную службу, прибыл в Грозный и сплотил вокруг себя радикально настроенных националистов. На организованном его сторонниками Общенациональном конгрессе чеченского народа (ОКЧН) было

принято решение о разгоне старой власти, провозглашалось независимое от России государство — Чеченская республика Нохчичо — Ичкерия. Дудаев постепенно становился диктатором. Он делал из себя нового Шамиля, четко следуя вечному правилу: «Сила рождает власть и Конституцию, а не наоборот».

* * *

«Все, что происходило дальше, — писал Н.С. Леонов в книге «Крестный путь России», — было просто эскалацией противостояния между бессильной и безвольной Россией и мятежным сепаратистским режимом Дудаева.

8 ноября 1991 года здания силовых ведомств в Грозном были захвачены, личный состав МВД перешел на сторону Дудаева, военные городки Минобороны блокированы отрядами чеченской национальной гвардии, получившими оружие из захваченных арсеналов МВД и КГБ. Авиационные и железнодорожные перевозки через Чечню прекратились. Исполком ОКЧН призвал порвать все связи с Россией, а проживающим в Москве чеченцам приказал превратить столицу в зону бедствия.

Вот откуда корни терроризма, ставшего на долгие годы трагедией для России и для чеченского народа. Получив карт-бланш из Москвы, Дудаев стал грабить (другого слова не подберешь) сначала имущество и вооружение выводимых воинских частей, а затем эшелоны с народно-хозяйственными грузами, отказался платить налоги в казну России.

По мнению трезвых политиков, именно тогда следовало бы вести чрезвычайное положение и вмешаться в ситуацию российскому президенту, тем более Дудаев готов был вести переговоры. Но для этого Ельцину надо было освободиться от болезненных амбиций, дурных обкомовских замашек, завышенной самооценки, иметь гибкий ум и добросовестных советников. Ничего подобного в арсенале президента не оказалось.

На фоне этих событий выглядит просто жалкой попытка российских властей навести порядок силами десанта спецназа на двух самолетах. Самолеты были блокированы толпами вооруженных «гвардейцев» и под угрозой уничтожения взяли курс обратно в Москву. Это была уже полная победа. Началась нескончаемая череда захвата дудаевцами военных баз, военных городков, арсеналов теперь уже Российской армии, оказавшихся на территории Чечни».

Многие россияне тогда понять не могли, почему у чеченцев

столько оружия. Стороженко пристально следил за событиями в Чечне. Он даже написал статью «Чечня, Шамиль и современность», которая была опубликована в «Красноярской газете». В ней он писал, что опасность дудаевщины, замеченной ельцинистами слишком «поздно», заключалась в том, что через Чечню вооружался мусульманский Кавказ. Оружие Советской армии продавалось открыто любому горцу, за бесценок. Ополченцу — давалось даром. У казаков милиция забирала даже ружья и холодное оружие.

* * *

В статье Николай привел неполный список вооружения, боеприпасов и боевой техники, оставленных в Чечне по вине М. Горбачева, Б. Ельцина, Е. Шапошникова, Е. Гайдара,

П. Грачева и других дирижеров чеченской катастрофы для борьбы с федералами:

— 11 учебно-тренировочных самолетов Л-39

— 149 самолетов Л-29

— 3 истребителя МИГ-17, 2 — МИГ-15, 6 — АН-2, 2 вертолета МИ-8

— 10 зенитных комплексов «Стрела-10»

— 23 зенитные установки различных типов

— 7 переносных зенитных комплексов «Иглы»

— 42 танка Т-52 и Т-72

— 36 БМП-1 и БМП-2

— 30 ТТР-70 и БРДМ-2

— 153 единицы артиллерии и минометов, из них 18 реактивных установок БМ-21 «Град»

— 600 единиц современных противотанковых средств

— 18 882 автомата АК-74 и 9307-АКМ

— 533 снайперские винтовки Драгунова

— 138 автоматических гранатометов АГС-17 «Пламя»

— 678 танковых пулеметов и 319 крупнокалиберных

— 10 581 пистолет ПМ и ТТ

— 740 управляемых ракетных снарядов

— 1000 82-мм ракет для установки «Град»

— 24 000 снарядов для гаубиц Д-30

— 200 000 ручных гранат

— 15 000 000 патронов под стрелковое оружие разного калибра.

Разве политики не понимали, что оно, это оружие, будет направлено против сыновей и дочерей России, какой бы они

национальности ни были? Попытки депутатов Государственной думы в последующие годы установить степень виновности каждого из вышеперечисленных госчиновников успеха не имели. По указанию Ельцина процесс разбирательства был заглушен.

А тем временем против русскоговорящего населения, в основном русских и украинцев, в Чечне был организован настоящий геноцид. По заявлению местных казаков с конца 1991 года давление на христианское население приняло характер террора — массовых насилий и убийств.

Ичкерские националисты врывались в русские дома или квартиры, предлагали их «продать» за символическую цену, добиваясь этого избиениями и убийством одного из членов семьи. Участились похищения людей за выкуп или определение их в рабство, привоз «бичей» из России для «работах в семьях».

По рассказам казаков, в каждом богатом кавказском доме был русский раб. И это в конце XX века в России!

На этом фоне особенно выделялось молчание СМИ России о судьбе русских в Чечне.

В книге «Русофобия» И. Шафаревич приводит слова одной казачки и другие факты только по Шелковскому району за 1994 год:

«11 и 12 декабря я сама видела, как у женщины из нашего дома отбирали 3-летнего ребенка. Стала защищать, но ее и мальчика застрелили» (указаны фамилия и адрес). «По словам беженки из Грозного, в конце декабря в интернат, где она работала воспитателем, ворвалась группа чеченских боевиков. В интернате находились как русские, так и чеченские дети. Бандиты изнасиловали всех детей и весь персонал интерната, в том числе и рассказчицу». «Убийства русских людей происходят каждые сутки. Морги в г. Грозном переполнены трупами, многие из которых обезображены. Опознанные трупы забирают родственники, если находятся. Остальных хоронят без гробов в общих траншеях»(из письма казаков)».

К началу перестройки в Чечено-Ингушетии жили около 500 000 человек славянского населения. А в 1994 году дудаевская газета «Солдатское слово» писала о Чечне:

«Это небольшая страна на южной границе России, где живут около ста тысяч русских».

Эти оставшиеся вскоре тоже бежали в никуда.

Ельцин боялся за свой трон. Новый развал России мог лишить его должности, привилегий и авторитета «всенародно избранного» вождя. Бизнесмены же боялись потерять свои деньги — нефтедоллары, поэтому подталкивали президента к активному вмешательству. На этом фоне развивались события первой

бездарной чеченской войны, начавшейся 11 декабря 1994 года. По приказу МО РФ П. Грачева колонна из танков и бронетранспортеров 31 декабря втянулась в горловину улицы незнакомого и темного города. Войска шли практически вслепую…

К этому времени к центру города были стянуты основные силы боевиков, заранее предупрежденных о наступлении федералов. Вскоре началось светопреставление — ичкерцы с близкого расстояния, практически в упор поджигали гранатометами боевые машины и прицельно расстреливали из автоматов солдат и офицеров.

* * *

Стороженко рассуждал часто абстрактно, однако конкретность и эмоциональная окраска раздумий появились тогда, когда его сын-срочник был направлен в Чечню. У отца была возможность оставить его в Москве, пристроить в какой-нибудь местный гарнизон, но сын сразу же отверг малейшую возможность осуществления подобного.

— Я хочу служить и жить, как все простые парни, — сказал он отцу.

И только спустя несколько месяцев после призыва Николай узнал, что сын воюет в Чечне. Защемило душу, заныло за грудиной, пропал сон, все чаще «ночи мучительная повесть» диктовалась бессонницей. Появились черные раздумья и понимание того, что пуля-дура в любую минуту может оборвать жизнь сына. Он гордился поведением всегда немногословного парня, заявившего командиру перед отправкой в Чечню, что если его оставят в гарнизоне мести плац, то он перестанет уважать себя. А когда решился вопрос отправки, то попросил офицера не сообщать об этом отцу. Матери у него не было, умерла, когда ему было неполных четырнадцать.

Первую весточку от сына Николай получил спустя два месяца после ввода федеральных войск в дудаевскую Ичкерию. В письме он извинялся за столь длительное молчание и обещал писать в будущем почаще.

«Нет, не на месяцы эта бойня, — нередко говорил сам себе Стороженко. — Чепуху городит Грачев, что десантным полком может взять Грозный. Забыл министр обороны или не знал слова генерала Ермолова о том, что Кавказ — крепость, которую невозможно взять штурмом, ее можно одолеть только осадой. Совсем вылетели из головы «августовско-октябрьского

полководца» 1991 и 1993 годов соответственно знания истории. В Академии Генштаба, которую он окончил, наверное, изучали опыт уличных боев в годы минувшей войны.

Легче, конечно, приказывать стрелять по парламенту, который не мог ответить тем же. Политики не смогли договориться мирно и заварили кавказскую кашу, которую наверняка придется расхлебывать не один год простым солдатам, офицерам и генералам. На Кавказе скоротечных войн не бывало. А тем более нельзя победить до зубов вооруженный народ. В горах развернется такая партизанская война, которая будет стоить жизни не одной тысяче наших сынов и с той, и с другой стороны».

Мысли о Чечне теперь часто посещали голову полковника запаса. А тем временем маховик войны завертелся в рутинном ритме.

Первые неудачи армии в кавказской авантюре вызвали шквал негодования и возмущения по всей стране политикой Ельцина. Его вчерашние приверженцы молниеносно перепрыгнули в стан критиков президента. С. Ковалев — штатный «правозащитник» — поливал грязью армию и ее воинов из бункера Дудаева в Грозном. Его антивоенные материалы охотно перепечатывались либеральными СМИ. Любимыми телепейзажами были ужасные сцены войны: «с мясом и гарью». Показывались разбитые и сожженные танки и бронетранспортеры, изуродованные трупы, отрезанные головы наших воинов, испуганные и морально опустошенные пленные.

С другой стороны, Ковалев ни разу не выступил в защиту русского населения, стонущего под гнетом ичкерских боевиков, которые поднимались им в его рассуждениях до уровня лихих партизан. По антирусскому озлоблению дудаевские газеты 1991–1994 годов вполне догнали немецкие времен 1941–1944 годов.

* * *

А тем временем Джохар Дудаев затеял длительную игру с пленными, чтобы накалить ситуацию для антивоенных настроений в России. Политиканы-либералы предложили целую серию миротворческих вариантов, чтобы хоть как-то потрафить стаду дутых «миротворцев» в изменяющейся ситуации и нажить дополнительный политический капитал…

Однажды, сидя за столом, Николай с упоением читал книгу своего земляка Н.В. Гоголя — «Духовная проза». Художник представлял себя не той фигурой писателя-сатирика, обличителя

пороков человеческих, а мыслителем совершенно другого типа — аскета и острого публициста, великого патриота своей страны. Читающий был сражен некоторыми откровениями. В книге давалась духовная проза писателя без купюр, которые практиковались в отношении мастера до и после 1917 года. Он был поглощен чтением, наслаждаясь правдой жизни.

Вдруг зазвонил телефон. Николай нехотя взял трубку.

— Привет, Семеныч! Узнаешь?

— Ну, как не узнать тебя, Андрюха!

— Чем занят?

— Пишу в стол, читаю то, что не дочитал во время службы, на старости бренчу гитарой под свои стихи, образно говоря, ремонтируюсь духом, — ответил Стороженко.

— А как с финансами?

— Живу на пенсию.

— Хватает?

— Всех денег не заработаешь. Да и у гроба карманов нет.

— А не хотел бы поработать в Думе?

— Нет, не хочу. Служить бы мог, а прислуживаться не смогу, тем более ельцинским разрушителям Отечества. Там их еще очень много.

— Подумай, деньги, как говорится, не пахнут.

— Нет, Андрей, именно сейчас они пахнут дерьмом и кровью.

* * *

Участие сына в боевых операциях било по нервным струнам Николая и беспокоило ночными раздумьями все чаще и глубже. Он считал, что исполнительная власть вкупе с «арбатским» генералитетом во главе с «лучшим министром обороны разных времен и народов» (так его нарек Ельцин) Павлом Грачевым повинна в вооружении ичкерских бандитов, в непродуманности военных операций и безразличии к судьбам отвоевавших.

Он также был уверен, читая периодику, что отдельные чиновники кровно заинтересованы в войне, пахнущей нефтедолларами и огромными барышами при организации выкупов наших военнопленных и журналистов, чем занимались друзья «семьи» президента. Особенно усердствовали нувориши во главе с Березовским и ему подобными. А у власти на освобождение рабов не было ни желания, ни денег, ни сил.

В то же время было видно, что президент, чуждый благородства, сострадания к Родине и людям, вместо того, чтобы цементировать монолитность народов России общенациональной

идеей, стал заигрывать с региональными элитами. Так началась цепная реакция насаждения президентских постов — от глав автономных республик до руководителей всевозможных объединений.

Да, именно прогнившая советская партноменклатура вкупе с перекрасившимися новыми руководителями завела страну в тупик, порушив главное в любом цивилизованном государстве — спокойствие и труд. Именно в это время Запад хвалил Ельцина за «реформы, двигающиеся в правильном направлении».

Говорят, «демократы» развалили экономику, науку, культуру, армию и органы госбезопасности. Это все страшно и больно для многих, но главное — они уничтожили идею национального единения. Вот что опасно было для народов России. Они поссорили народы Советского Союза, украли результаты мартовского референдума 1991 года и развернули россиян друг к другу спинами по идеологическим соображениям. Правые левых называли «красно-коричневыми», левые правых — «лжедемократами», а народ для чиновничества — просто «быдло». Сам Ельцин намекал и поддерживал идею о существовании в стране русского фашизма. Он прямо об этом говорил. Приехали!!!

* * *

«Пуля-дура меня обходит, — писал сын отцу. — Может, мать с того света меня ограждает? Один раз пулька по касательной обожгла правое надбровье. Я ощутил ее горячее дыхание. Значит, батя, не судьба была мне тогда превращаться в «груз-200». А вообще, как мне кажется, мы завязли тут надолго. Не за горами партизанская война. Абреки к ней готовятся… Видел жуткую картину: отрезанной головой российского солдата местные пацаны играли в футбол. Этого даже немцы не позволяли.»

Стороженко дочитал письмо сына и был, с одной стороны, подавлен, а с другой — приятно удивлен его политическим чутьем и четким прогнозом. Он и сам понимал, что никакими «точечными» ударами мобильные отряды «российских моджахедов» не изведешь. Мирные переговоры начинаются там и тогда, где и когда стороны обоюдно желают окончания войны. В чеченском шабаше и та и другая стороны реализуют диаметрально противоположные намерения: ичкерцы — завоевать независимость, федералы — сохранить целостность страны.

Николай читал много специальной литературы, разрабатывая тему чеченского вопроса. Он перелопатил книгу Берже «Чечня и чеченцы», изданную в Тифлисе в 1859 году. Нашел интересные

материалы в статье на эту тему в «Большой энциклопедии» 1903 года под редакцией С.Н. Южакова, где давался глубокий анализ борьбы русского самодержавия против горцев.

Он видел в ельцинской авантюре на Кавказе вторую Прибалтику, которая предстала отваливающимся карнизом после горбачевско-яковлевского вмешательства. Это они заколотили окно в Европу, открытое Петром Великим. То же делает Ельцин с Кавказом. Властям надо сделать в стране так, чтобы законы исполнялись независимо от национальности. В противном случае русским не будет места не только в Чечне, но и на всем Кавказе. А мы все заигрываем с лидерами не нации, а более — воинственных тейпов, пробравшимися к властному корыту, и не только награждаем их высокими наградами, но и субсидируем, в отличие от российской захудалой глубинки.

Надо прекратить порочную практику — платить позорную дань Кавказу, иначе российский трехцветный флаг будет очень скоро похож на флаг капитуляции.

«Нет, не собиратели они Отечества, а разрушители», — часто в сердцах сокрушался Николай.

Бойня в Чечне не консолидирует общество, а разъедает его — недовольны остаются чеченцы и казаки, бандиты не в счет, они не имеют национальности. Но беда в том, что в бандиты власти пытаются записать весь народ. Ради справедливости надо признать, что начало национальным распрям положили некоторые вожди Страны Советов, искусственно нарезав границы там, где их никогда не было.

Однако после открытия «зеленого света» «стрелочником-строителем» Ельциным поезд под названием «Россия» покатился неуправляемым в сторону дурацкой суверенизации. Это не ошибка политика, не заигрывание с местными элитами, а его преступление. Последствия — огромные расходы бюджета и невинная кровь сограждан. Уже сейчас появляются признаки маленьких госграниц между краями, областями и районами, не говоря уже об автономных республиках, объявивших суверенитет. Регионы уходят от налогов. Легче стало воровать местечковым князькам.

* * *

Понятие «россиянин» в царское время и при существовании СССР имело право на жизнь, потому что оно цементировало общество великих держав — Российской империи и Советского Союза. Сегодняшняя Россия, как и другие государства СНГ, — это

выломанные с остатком прилипшей штукатурки кирпичи из стены Большой державы. Нынешние же политики и военные, наверное, никогда не читали гоголевскую «Духовную прозу». Если бы ознакомились с этим шедевром, то позора чеченского никогда бы не обрели. В главе под названием «Занимающему важное место» Николай Васильевич писал:

«Поедете вы на Кавказ — вы, прежде всего, пристально осмотритесь… Вы, как ученик, сначала будете узнавать. Вы не пропустите ни одного старого офицера, не расспросив о его собственноличных схватках с неприятелем, зная, зная, что только из знанья подробностей выводится знанье целого. Вы заставите всех рассказывать себе порознь все подвиги бранной и бивачной жизни; расспросите и цициановцев, и ермоловцев, и офицеров нынешней эпохи и, когда заберете все, что нужно, обнимете все частности, соедините все отдельные цифры и подведете им итог — выйдет в итоге сам собою план полководцу: не нужно будет и головы ломать, ясно будет как день все, что вам нужно делать. И когда весь план уже будет в голове вашей, вы и тогда не будете торопиться; христианское смирение вас к тому не допустит.

Не объявляя его никому, вы расспросите всякого замечательного офицера, как бы он поступил на вашем месте; вы не оставите неуслышанным ни одного мнения, ни даже совета от кого бы то ни было, хотя бы от стоящего на низком месте, зная, что иногда Бог может внушить и простому человеку умное мнение.

Для этого вы не станете собирать военных советов. Зная. Что не в преньях и спорах дело, но поодиночке выслушаете каждого, кто бы ни захотел с вами поговорить. Словом, вы всех выслушаете, но сделаете так, как повелит вам ваша собственная голова; а ваша собственная голова повелит вам разумно, потому что всех выслушает.»

Не хочет нынешняя власть прислушаться к разуму и правде простых людей, в друзья и поводыри она взяла глупость и ложь шептунов-царедворцев, держащихся крепко за корыто.

Как-то к Стороженко зашел друг по службе, ставший генералом, часто вылетавший в Чечню в служебные командировки.

— Знаешь, Николай, — заметил он, — я понял одно в этой авантюре: некоторое крупное чиновничество в Москве кровно заинтересовано поддерживать войну, потому что оно делит навар с нефтяными королями. Заметь, бомбили практически всю республику, а завод по переработке тюменской нефти и другие промыслы ни федералы, ни абреки не тронули.

А вот другой парадокс этой войны: идет сеча, а деньги,

большие деньги, систематически направляются на какое-то строительство. Какое восстановление!? Что и как можно строить при бойне? Вот где взрывами списываются деньги налогоплательщиков и расползаются по грязным карманам.

— Ты прав, Володя, но я вижу еще один феномен. Это первая война, которая в печати, на радио и на телевидении показывается соотечественникам глазами и голосами врага — вооруженных до зубов и геройски воюющих сепаратистов. Солдаты и офицеры — сыновья простых граждан РФ — изображаются уродами, вампирами, рохлями. СМИ их просто размазывают, тогда как об истинных инспираторах войны молчат.

— Кто платит, тот и заказывает музыку, — вставил генерал.

— Я думаю, это не просто солидарность неких изданий и телеканалов из-за финансовой зависимости их от «денежных мешков», в том числе и противной стороны. Это показатель также дикого кризиса нашего общества, а не наличия свободы слова.

* * *

Сын Николая вернулся с войны живым и без ранений, чего не скажешь о психике и нервах. Он больше молчал, жаловался на цветные сны, в большинстве случаев с кроваво-красным фоном и видения «футбола» с человеческой головой вместо мяча.

О его поведении на войне больше рассказывали сослуживцы, считая, что с ним в разведку можно было идти в любую минуту.

Такая оценка сына — высшая награда для отца!

Слово памяти о первом начальнике

Мужество — добродетель, в силу которой люди в опасностях совершают прекрасные дела.

Аристотель

Багаж почти двухлетнего опыта, наработанного во Львове после окончания Высшей школы КГБ при СМ СССР, был для Стороженко стартовой площадкой для всей последующей работы в органах госбезопасности. Если влияние его наставника майора Деева он оценивал как тактическую основу, то уроки первого оперативного начальника отдела генерал-майора Мозгова Николая Кирилловича были для него стратегической линией не только в службе, но и во всей последующей жизни.

Доклады для оперативных совещаний генерал готовил сам, толково излагая аналитическую фабулу оперативного процесса подразделения с успехами и просчетами каждого военного контрразведчика. Он никогда не устраивал разносов. Был всегда предельно корректен и конкретен в оценке работы того или иного офицера-оперработника. Брак в работе называл «лихорадкой навыворот: он начинается жаром, а кончается холодом».

Любил он образные слова. Так нерадивых сравнивал с человеком, несущим работу, как дохлую собаку. Запомнился с тех пор его афоризм о болтунах — меч и огонь менее разрушительны, чем болтливый язык.

Генерал жил в коллективе и коллективом. На физподготовку приходил раненько до работы со всеми офицерами. Бегал на равных, разминался и играл в волейбол. Однажды во время игры один из перворазрядников-волейболистов при туше попал генералу в лицо. Удар был такой силы, что еле устоял на ногах, брызнули слезы и, наверное, посыпались искры из глаз. Но он достойно отыграл игровое время и даже намека не сделал обидчику.

Как-то генерал Мозгов пригласил Николая в кабинет и, положив руку на плечо, по-отцовски тепло спросил:

— Ну как, сынок, служится? Слыхал, слыхал, что вписался в коллектив. Молодец!

А я вот не молодец — квартиры пока тебе не могу дать. А какова же служба без собственной крыши?! Трудно небось с лейтенантской зарплатой? И заначку не отложишь. Мне о твоей квартирной проблеме говорил начальник сектора полковник

Зотов. Да и кадровик напоминал наш — полковник Забродин.

— Ничего, товарищ генерал. Пока терпимо, крыша над головой есть — дождь не льет, — искренне ответил Стороженко.

— Мне нравится твой ответ. Мужской он, взрослый. Однако есть вариант — пришла разнарядка в Венгрию. Поедешь? Там чекистская практика приближена к боевой. Да и материально полегче, — продолжал разговор Николай Кириллович.

Николай дал согласие и в последующем не жалел.

Подробно эти годы описаны автором в книге «Оборотни» из военной разведки».

* * *

Прошло два десятка лет после той беседы во Львове с Николаем Кирилловичем. Николай уже работал в центральном аппарате военной контрразведки и узнал, что Мозгов недавно переехал в Москву после ухода на пенсию. В конце 1980-х они встретились на юбилейном вечере в честь очередного Дня Победы в клубе им. Дзержинского.

Стороженко сразу же узнал его по приятному прищуру все еще живых, не подернутых возрастной усталостью глаз, всегда смело глядевших на собеседника.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — привычно по-военному обратился Николай к нему.

— Здравствуйте, товарищ полковник, — заулыбался Мозгов.

— Вы меня узнали?

— Что-то есть. Осталось в памяти, не Львов ли?

— Так точно!

— Ну вот видишь, у старика нет склероза.

Николай назвал свою фамилию, приоткрыв обстоятельства отъезда в Южную группу войск, и с гордостью рассказал, где и на какой должности служит на Лубянке.

— Молодец, прикарпатцы не подводят. Я знаю, что тут служит наш воспитанник — полковник Магаляс Анатолий Федорович.

— Мы с ним в одном отделе — в первом!

Потом Николай стал встречаться с генералом чаще: то в клубе, то в совете ветеранов. Бывший подчиненный рассказывал своему наставнику об успехах своего подразделения по линии выявления вражеской агентуры, творческих планах, проблемах современного чекистского ремесла в период горбачевской перестройки.

Однажды Стороженко приехал в совет ветеранов. В комнате

Боевой Славы сидел генерал Мозгов, внимательно читавший газету.

— Здравствуйте, Николай Кириллович!

— Привет, привет, земляк! — Он привстал со стула и протянул теплую, с еще сильным рукопожатием кисть.

Говорили долго. Именно на этой встрече Николай узнал тайну, которая мучила генерала все эти годы.

* * *

…..Вот так я распрощался с флотом и стал сухопутным генералом, — заметил генерал, заканчивая захватывающее повествование об истории хрущевского мордования армии и флота. Но об этом потом.

Николай понимал, что Мозгов — обладатель огромного чекистского опыта — не мог не написать о «суровой школе воспитания» в годы войны, у которой был персональный учитель — фронтовая действительность. Был в этой школе и главный предмет, как говорил генерал, суть которого выражалась так: «Умереть за Родину — нехитрая штука. Надо жить и побеждать».

На очередной встрече Николай, зная, что Николай Кириллович участвовал в операциях по обезвреживанию войск от германской агентуры на полуострове Ханко, куда был назначен на должность заместителя начальника контрразведки стрелковой бригады, задал ему вопрос по этому этапу службы.

— Я вкратце об этом писал в статье «Тревожные дни Ханко» в сборнике «Чекисты Балтики». На книгу не хватило ни своего духу, ни интереса у коллег и издателей.

Ну, что могу сказать: было предгрозовое время. В апреле 1940 года я прибыл на полуостров Ханко на ледоколе «Ермак». Меня сразу же принял непосредственный руководитель — начальник особого отдела военно-морской базы (ВМБ) полковой комиссар Я.А. Кривошеев. Ему я доложил свой план действий. Не успел развернуться в бригаде, как в августе был назначен начальником отделения особого отдела ВМБ Ханко.

Однажды в беседе со мной Кривошеев заметил, что Центр информировал его о том, что противник осведомлен о численности личного состава базы и расположении боевых средств.

— Надо искать всем вместе канал утечки этой информации. Без «крота» тут не обошлось, — заметил начальник. Чекисты хорошо знают, что означает такой сигнал: где-то рядом скрывается и вершит свое черное дело враг в личине оборотня.

— Я сразу же собрал офицеров, — поведал Мозгов, — и поставил задачу по поиску источника утечки секретных сведений. Вскоре один из оперативных работников доложил материалы о финансисте железнодорожной батареи — неком Беркачеве. Суть их сводилась к тому, что финансист проявлял повышенный интерес к сведениям вне поля его компетенции.

В ходе дальнейшего изучения личности выяснилось, что Беркачев длительное время жил в Германии после пленения в Первую мировую войну. Потом приехал в СССР — натурализовался, получив советское гражданство. В последний предвоенный отпуск он посетил в Москве некоторых возвращенцев из Германии. Отдельные из них вели себя подозрительно и изучались чекистами столицы.

В марте 1941 года он вернулся из отпуска и стал активно заниматься сбором секретных материалов. Об этом стала сигнализировать агентура. Я принял решение провести оперативный эксперимент. Когда финансист находился на докладе у командира части, из штаба базы тому «доставили важный пакет». Хозяин кабинета вскрыл его и начал читать. Как раз в этот момент он был «срочно вызван» к начальнику штаба базы.

— Будьте любезны, подождите меня, я скоро вернусь, — сказал командир и застучал сапогами по длинному коридору.

Как только офицер вышел, Беркачев бросился к столу и стал быстро выписывать секретные данные. Зарисовал немало он тогда. На этом и поймали.

На следствии он признался, что был завербован абвером в период проживания в Германии и выведен в СССР в качестве резидента немецкой разведки. При обыске на квартире мы обнаружили массу материалов, изобличающих его как агента фашистской спецслужбы…

* * *

— А где вас застала война? — поинтересовался Николай.

— В Сочи. я там отдыхал, вернее, только что прибыл в санаторий, и тут же пришлось собирать чемодан, чтобы добраться до Ханко.

Фашисты на нашем участке фронта наступательных операций не проводили, опасаясь мощи нашей обороны, но методично вели артобстрел полуострова. Это был настоящий ад для личного состава. Ежедневно немцы выпускали от 6 до 8 тысяч снарядов и мин. Обстрел велся, как правило, ночью с соседних островов.

Поэтому командование гарнизона решило отвоевать их у гитлеровцев. В ходе десантной операции мы захватили острова Хорсет, Вальтерхольм и еще несколько.

Это были наши первые победы тяжелейшего 1941 года. Но на ханковцев усиливалось психологическое давление — начался массовый сброс листовок. А еще гитлеровцы осмелели, почувствовав, что у нас на исходе боеприпасы и продовольствие.

Вскоре пришел секретный приказ командующего Ленинградским фронтом о проведении эвакуации более чем десятитысячного гарнизона. Все нужно было делать незаметно для противника: уничтожать неподъемную технику и сооружения, перекрывать вероятные каналы утечки информации к противнику и исключить возможность пленения неприятелем наших воинов или перехода на сторону врага неустойчивых лиц.

— За этот период обороны Ханко были ли случаи разоблачения вражеской агентуры?

— Конечно, вот один из эпизодов. В начале ноября 1941 года недалеко от сухопутной границы моряками был задержан мужчина в штатском. Он представился лейтенантом Красной армии, попавшим в плен и бежавшим из лагеря, расположенного в Финляндии. В котомке, висевшей у него на плече, мы обнаружили несколько картофелин, брюкву и морковь и еще какие-то овощи. Первое, что бросилось в глаза, это его розовощекость, упитанность и подозрительная чистота рук, которые явно не свидетельствовали о рытье в земле. Под ухоженными ногтями не было видно следов грязи. Это сразу же насторожило нас, однако мы сделали вид, что полностью поверили его показаниям.

На следующий день я попросил повторить все то, что он говорил на предыдущем допросе. На сей раз, как я и предполагал, его показания существенно отличались от первых объяснений…

Подвела память шпиона, на этом он и попался.

Назвавший себя лейтенантом Ивановым оказался агентом абвера, заброшенным на полуостров с целью ведения разведки. Вскоре мы его переправили в особый отдел Ленинградского фронта.

* * *

— Вы говорили о том, что гарнизон готовился к эвакуации с полуострова Ханко путем погрузки личного состава на корабли. А что сделали с имуществом, боевой техникой, ведь всего того, что нельзя было вывезти и нельзя оставлять врагу, было много?

— На все объекты, подлежащие уничтожению, завозилась взрывчатка. Чтобы не вызвать у немцев подозрений, подрыв машин, оборудования и сооружений производился так: свозились, например, автомашины в определенное место, закладывались фугасы и горючие материалы. Когда противник начинал артобстрел, производился подрыв. Фрицы, наверное, ликовали по поводу «меткой» стрельбы. В день погрузки личного состава на корабли я увидел в гавани, как затапливали танки, паровозы, вагоны.

— Как же можно было затопить такую громаду, ну хотя бы паровоз?

— Довольно просто. Подводили рельсовое полотно к самому краю пирса или крутого берега. Паровоз сталкивал вагоны и платформы с танками и автотранспортом в воду, а потом и сам «прыгал» туда же. Уничтожали даже артиллерийские батареи. В стволы орудий засыпали песок, а затем производили выстрел…

Грустно было смотреть на все это. Вот так мы покидали ВМБ на Ханко. О том, что оборонцы ушли, фашисты узнали только на следующий день, когда наши корабли уже достигли Кронштадта.

* * *

— Николай Кириллович, что вы можете вспомнить наиболее яркого из чекистских будней вашей службы в Прибалтике? Там ведь оперативная обстановка даже после войны была не из легких, — поинтересовался Николай у прославленного оперативника.

— Осенью 1944 года наши войска освободили Таллин. За время трехлетнего пребывания в Прибалтике абвер создал широко разветвленную разведывательную сеть. Агентуры насадил, как картошки в огороде. После отступления фашистов она осталась в подполье. Для борьбы с нею в эстонскую столицу прибыла оперативная группа, состоящая из контрразведчиков Балтфлота во главе с генералом Виноградовым.

— Вы тоже находились в составе этой группы?

— И да, и нет… Дело в том, что я остался до особого распоряжения в Ленинграде с бумагами архива и картой с обозначением мест пребывания вражеских резидентур, явочных квартир, разведшкол, почтовых ящиков, донесений и прочего, что имело отношение к разведцентру абвера «Норд-Поль». Эти документы я выучил почти наизусть.

— А когда вы приехали в Таллин? Вас вызвали по конкретному делу или в общем порядке — для усиления?

— Я анализировал работу одного нашего источника, эстонца Каспера — радиста разведывательного отдела КБФ, переправленного еще в 1941 году за линию фронта. Первая радиограмма звучала от него обнадеживающе: «Приступил к исполнению.»

В ней давались оперативно значимые данные, но потом связь оборвалась. Одно время мы считали, что радист погиб, однако через некоторое время рация Каспера вновь ожила в эфире, но, к нашему удивлению, она работала на другой волне. Некто «Реннер» передавал донесение в «Норд-Поль», что сразу же насторожило армейских чекистов, так как, по данным наших оперативников, почерк работы радиста был идентичен с почерком работы бывшего нашего источника.

С целью установления Каспера мы размножили его фотографию, срочно сообщили одному из наших зафронто-вых агентов в Таллине адреса вероятного проживания разыскиваемого и попросили в случае установления объекта выяснить его поведение.

Вскоре агент уже докладывал, что Каспер после приземления на парашюте со всей экипировкой явился в немецкую полицию и рассказал, кто он и что собирался делать на оккупированной немцами территории, то есть предал нас с потрохами, как говорится.

Через некоторое время пришло второе сообщение, в котором говорилось, что Каспер находится в Кенигсбергской разведшколе и изменил Родине. Все стало на свои места…

В Таллин я приехал по вызову генерала Виноградова. Он встретил меня словами: «Обстановка тут сейчас сложная. Паутину абвер свил основательную — Канарис постарался. Командующий флотом торопит нас активнее действовать. Бери в подчинение две оперативные группы и действуй».

— А как же с материалами на Каспера?

— Досье на предателя я привез с собой и доложил Виноградову. Но он меня ошарашил — его сотрудники задержали какого-то эстонца по имени Каспер, и поэтому надо было срочно сверить мои материалы с теми, что были у тамошних сотрудников.

— А кто он был по специальности?

— Высокообразованный юрист, хорошо знавший психологию. На встречах с чекистами юлил, умело, обходя «подводные камни» перекрестных допросов. Спасала его на первых порах великолепная память, но память — это медная доска, как говорится, покрытая буквами, которые время постепенно стирает и сглаживает.

Через оперативные возможности мы вскоре вышли на конспиративную квартиру Ханса Каспера. Провели обыск и обнаружили необходимые улики: оружие, нашу рацию, деньги, фиктивные документы с фотографиями Каспера в советской форме, инструкции по организации диверсий на военно-морских объектах. После этого Каспер замолчал. Пришлось выложить последний козырь — на допрос вызвали младшего брата.

— А что за козырь, кроме перечисленных улик, был у вас? Разве не козырь — обнаруженная наша радиостанция?

— Дело в том, что в одном, в спешке покинутом особняке мы обнаружили… картотеку таллинской тайной полиции. Среди завербованных значился и младший брат предателя. Но он не стал выполнять преступные поручения. Старший брат — изменник — об этом не знал.

Допрос Касперов я провел в форме общей беседы. Говорили долго — до полуночи. В конце концов Ханс сознался.

* * *

— А как же решилась судьба младшего брата?

— Тут целая история вышла. Многие мои коллеги требовали суда и над ним, но я добился освобождения его по закону. У нас ведь не было никаких материалов о его преступной деятельности. Прокуратура с моими доводами согласилась, а что касается старшего, то было вскрыто следующее…

Появился он в Таллине весной 1944 года после окончания немецкой разведшколы с задачей — с приходом советских войск в Эстонию снова внедриться в ряды агентуры военной контрразведки КБФ. Ему вменялось в обязанность работать на немцев силой резидентуры из четырнадцати агентов по сбору шпионской информации и совершению террористических актов и диверсий.

Получив от Каспера адреса явочных квартир, я направил на одну из них двух оперативников. Засада дала свои результаты. Были задержаны три агента с собранными материалами для передачи абверу.

Всего по делу Каспера мы арестовали 25 агентов фашистской разведки и 24 объявили в розыск. При задержании, кроме радиостанций, у них изъяли 2 ручных пулемета, 19 автоматов, 17 винтовок, 170 гранат, несколько десятков пистолетов разных систем, советские ордена и медали, фиктивные документы и другую шпионско-бандитскую экипировку.

Среди агентов абвера попался даже пастор из местечка

Раквере. Его выдал нам Каспер. Начали, как говорится, «колоть» — задавать «неуютные» для него вопросы. Он мне, помню до сих пор, елейным голоском тоже задал вопрос: «Сын мой, зачем вы похитили меня, от моей паствы забрали?» Пришлось ему выложить карты своей осведомленности о его неблагородных делишках перед государством и паствой: агент абвера и элементарный вор, обворовавший свою кирху перед приходом наших войск.

Он все серебро собора похитил. Конечно, арест «святого человека» без объяснений мог вызвать недовольство населения. И вот тогда с санкции начальства мы привезли пастора в Раквере. В присутствии прихожан, собранных с помощью местных властей, пастор показал место в своем огороде, где зарыл похищенную серебряную утварь кирхи.

Паства, естественно, начала возмущаться, так как недавно с этим же пастором искала похищенное имущество кирхи. Простые граждане после этого стали охотнее рассказывать о конкретных фактах сотрудничества духовного наставника с гитлеровцами. Помню, одна пожилая эстонка плюнула под ноги пастору и бросила с вызовом: за грех он ответит перед Богом, а за предательство пусть его покарает народная власть.

Шпион получил по заслугам. Нельзя забывать, что это был уже 1945 год — год нашей Светлой Победы!

* * *

На этом беседа и закончилась. Но Николаю хотелось из первых уст услышать повествование о борьбе этого честного и мужественного чекиста за отстаивание истины в ошибочном решении, принятом хрущевскими головотяпами в отношении Балтфлота. Стороженко знал эту историю в разных интерпретациях из других источников.

Кстати, Кремль тогда приказал резать корабли и самолеты без оценки последствий для состояния боеготовности этого водного форпоста, стоящего на западных рубежах страны.

Мозгов Н.К. не убоялся ни непосредственного начальства с Лубянки, ни высших руководителей Министерства обороны СССР, ни самого Хрущева и на заседании Политбюро КПСС доложил то, что было на самом деле на флоте, и о тех последствиях, которые могли наступить, если была бы выполнена «дурь сверху». Перед нею спасовали многие флотоводцы, а он добился своего…

Николай несколько раз в беседах при встречах подводил генерала к этой теме, но тот всякий раз отнекивался, называя

свой поступок не геройством, а элементарным рядовым действием чекиста, противостоящего трусости и разгильдяйству.

Но однажды, это было тоже в совете ветеранов военной контрразведки в конце 90-х годов, накануне своей кончины он вдруг разговорился.

— А начиналось все так, — пояснил генерал. — Я был начальником контрразведки Балтфлота. Когда на мое имя стали сыпаться, как снег на голову, аналитические справки, рапорты, докладные записки от оперсостава и моряков о резком снижении боеготовности флотской инфраструктуры в результате непродуманных сокращений, я стал задумываться над «разумным процессом». И через несколько недель, когда «созрел», решил подготовить обобщенную справку на имя председателя КГБ Шелепина.

— А как же ваш непосредственный начальник военной контрразведки, что, он, остался в стороне, в неведении? — спросил недоуменно Николай.

— Генералу Гуськову я не решился посылать документ. Он мне несколько раз намекал, что плетью обуха не перешибешь. Поэтому я не уверен был в его смелости, хотя нужно признать, что такой шаг был рискованным — как-никак я шагал через голову московского непосредственного начальства.

Но прежде чем отсылать документ в Москву, я его показал командующему Балтийским флотом и первому секретарю Калининградского обкома партии — члену Военного совета. Они внимательно прочли мою докладную записку и пожелали успеха в нужном начинании: не отговаривали и не выказывали поддержки в случае потребности. К сожалению, эти люди были слепыми рабами навязанных сверху директив — боялись за свои высокие должности.

— Документ вы отправили в Москву сразу после этого разговора или еще накапливали материал?

— Сразу, так как там было полно доводов в нашу защиту наше-го флота, — он умышленно растянул слово, словно подчеркивая гордость и справедливость того, что им было сделано несколько десятилетий назад.

— А потом? — поторопил Стороженко его с ответом.

— А потом включился счетчик времени и я стал считать дни в ожидании звонка из столицы.

— И все же непонятна трусливая позиция командующего Балтфлотом — вам пожелал успеха, а сам в кусты.

— Если честно, я не сильно и переубеждал двоих. Никакие рассуждения не в состоянии указать человеку путь, по которому он не хочет идти. Люди не хотят думать, перестают размышлять,

когда за них кто-то делает эту работу. Я же был раскован в своих раздумьях, потому что их базой были объективные материалы широкого круга оперативного состава, прекрасно знающего обстановку в курируемых им частях. По-моему, а я такого мнения придерживался всегда, мы истинно свободны тогда, когда сохраняем способность рассуждать самостоятельно…

* * *

Время бежало быстро, потому что Николай Кириллович рассказывал настолько интересно, что хотелось его слушать и слушать. Помогал диктофон.

Со слов Мозгова через неделю раздался звонок по «ВЧ».

— Я поднял трубку и услышал голос Шелепина, сообщившего, что получил докладную записку. Он поинтересовался, все ли правильно в ней. Ответ мой был краток: я лично отвечаю за каждую букву, за каждый факт, потому что любой из них выверен через несколько источников.

Председатель КГБ тут же сообщил, что в таком случае он направляет документ в Политбюро, а мне приказал быть готовым по вызову прибыть в Москву.

Через неделю по звонку я и командующий флотом А.Е. Орел вылетели в столицу.

Поселились в престижной гостинице «Метрополь». Не успели еще разместиться, как последовал телефонный звонок от начальника Главного морского штаба, приказавшего нам с командующим прибыть к нему. Я понял задумку — ожидается психологический накат, моральная торпедная атака. Так оно и вышло.

В штаб с Орлом шли молча. Командующий совсем не соответствовал своей фамилии. Он скорее походил на мокрую курицу или проштрафившегося пацана, который разбил мячом соседское окно.

— Зачем ты затеял всю эту возню? Зачем? Сколько драгоценного времени она отняла у нас, я не говорю уже о нервах, вообще о потерянном здоровье. Тебе легко… а с меня три шкуры сдерут, — бубнил под нос потеющий командующий флотом, тяжело переставляя налитые, словно свинцом, ноги.

— Мне тоже неприятно докладывать вашему непосредственному начальнику, — ответил я ему. — Давайте вместе переубеждать начштаба, чего бояться?

Нет, не проронил Орел ни слова в защиту разумных посылок докладной записки. Больше того, в беседе со вторым лицом в

ВМФ СССР, он свернулся ежиком, вобрав голову в плечи. Мне пришлось одному отстаивать точку зрения о снижении боеготовности флота.

Начштаба упирался рогом, не соглашался с доводами, а потом рявкнул: ну, что товарищ Мозгов, выходит, контрразведчики лучше знают обстановку на флоте, чем флотоводцы? Вы много на себя берете! Вы что, подвергаете сомнению правильность решения инстанции и самого Никиты Сергеевича?!

Я ему ответил так: первый секретарь не мог дойти до такой глупости, чтобы отдать распоряжение на уничтожение тех средств, которые могут не один год послужить Родине и флоту.

И тут хозяин кабинета взорвался:

«Значит, вы считаете, что главком и я растиражировали эту глупость?»

Я спокойно заметил, что вот с этой глупостью на Политбюро и разберемся.

Начштаба после моих слов резко поднялся с кресла и, сделав вид, что говорить уже не о чем, практически мне указал на дверь, а Орлу приказал остаться.

* * *

У меня было свободное время, и я отправился в морской отдел военной контрразведки на Лубянку. Встретил меня его начальник капитан I ранга Шилин, который своего курирующего поддерживал в этом начинании. Увиделся я и с генералом Гуськовым — начальником военной контрразведки. Беседы не получилось, а потому она была недолгой.

Он с первых слов открыто дистанцировался от возникшей ситуации и заявил мне, что в период заседания Политбюро его не будет в Москве, так как запланировал выехать на подведение итогов работы в один из военных округов. Мне стало ясно, что Гуськов оберегает свое реноме, оставляя за собой право и свободу сделать соответствующие оргвыводы…

На следующий день меня ждала, как я предполагал, чиновничья голгофа. Я пораньше отправился на Старую площадь. Заседание проходило в кабинете члена партийного ареопага Фрола Романовича Козлова. Пройдя через КПП, я вскоре оказался в просторном кабинете члена Политбюро.

Умостившись в кресле, я решил понаблюдать за небожителями. Скоро стали прибывать министры, начальники главков, крупные военные деятели, среди которых я увидел

маршала Советского Союза министра обороны СССР Малиновского и главкома ВМФ адмирала флота Горшкова.

Министр обороны прошел в зал заседания с гордо поднятой головой, ни на кого не глядя и ни с кем не поздоровавшись. Главком скользнул по мне безразличным, даже, я бы сказал, колючим взглядом, и, тоже не поздоровавшись, хотя мы друг друга знали, проследовал за своим начальником. Как только большое начальство расселось, Козлов обратился ко мне и предложил место за общим столом, а затем объявил повестку заседания и дал мне всего десять минут на доклад.

Я встал, волнение сразу же подавил и принялся излагать основные тезисы докладной записки.

Малиновский глядел на меня сурово. Сдвинутые к переносице густые черные брови делали лицо маршала неподвижным. Создавалось впечатление, что он специально надувается, а потому краснеет. Как только я задевал за «живое», он бросал подбородок вниз и колючим, холодным взглядом прыгал по неприятным доводам копии ненавистной ему записки, лежащей прямо перед ним на столе.

Прошло несколько минут, и Малиновский, пользуясь своим положением, бестактно оборвал меня:

«Я считаю, что товарищ Мозгов взялся за дело, о котором имеет весьма смутное представление. Какой из него моряк? Он флота-то не знает, а рассуждает тут, понимаешь, как флотоводец».

Козлов сделал замечание маршалу и жестом руки осадил нарушителя регламента. Тогда и я пошел в наступление и заявил министру, что Балтфлоту я отдал более двадцати лет службы в разных ипостасях, правда, не строевых, а контрразведывательных.

Оберегая государственные секреты флота и оказывая командованию повседневную помощь в деле повышения боеготовности, дисциплины и уставного порядка, военные чекисты досконально знают флот, его техническое состояние, вооружение и боевую выучку личного состава.

— Неужели вы считаете, что я бы пришел сюда с сырой информацией и забивал бы вам голову чепухой? Эти данные не один раз перепроверены не только оперативниками, но и в первую очередь флотскими офицерами, по-серьезному относящимися к результатам оргмероприятий (так называлась затея Кремля).

Малиновский бросил недовольный взгляд на Горшкова, который по-черепашьи тут же втянул крупную голову на короткой шее в плечи, отчего сделался, как мне тогда показалось, каким-то жалким и не соответствующим такой высокой должности.

А я продолжил доклад. Помнится, говорил, что если не остановить эти варварские оргмероприятия, не принять неотложные меры к скорейшей модернизации флота, к оснащению его новейшими классами надводных и подводных кораблей, к укреплению, а не уничтожению береговой обороны — флот как могучий и надежный страж наших западных морских границ погибнет!..

* * *

Слушая его воспоминания, Николай подумал, какие пророчества говорил контрразведчик на том далеком заседании Политбюро и к чему головотяпы пришли сегодня, практически развалив все и вся на Балтфлоте, лишив его основных мест базирования и заколотив петровское «окно в Европу».

Ельцинские амбиции обернулись катастрофой для флота с большей масштабностью, чем хрущевский волюнтаризм. Не нашлось, к сожалению, ни в КГБ, ни в армии, ни в среде кремлевских функционеров Мозговых или ему подобных…

— Я закончил свое выступление, — продолжал Николай Кириллович, — ровно через десять минут. Некоторое время в кабинете повисла предгрозовая тишина. Первым взорвал ее Горшков. Он заявил, что я якобы в рядовой бумаге раскрыл секретнейшие сведения о флоте, что является уже даже не военной тайной, а государственной.

Тогда я ему ответил, что записку писал я лично. Ее печатала машинистка отдела в моем присутствии, член партии с 1920 года. Конвертировал документ тоже я. А что касается адресата, то, согласитесь, что председатель КГБ имеет право на знание секретов, которые охраняют его подчиненные.

Горшков побледнел от услышанного отпора, скривился в недовольной усмешке, засуетился и стал нервно перелистывать копию докладной записки.

Затем член Политбюро Ф.Р. Козлов дал слово командующему Балтфлотом адмиралу Орлу. Флотоводец начал говорить о сложном положении вверенного ему флота, о тревоге за его безопасность, о бытовой неустроенности моряков в некоторых гарнизонах, о необходимости большего внимания учениям и т. п.

Фрол Романович прервал его словами:

«Александр Евстафьевич, об этих проблемах я впервые слышу от вас. Почему вы прятались за спину контрразведчика? Почему заняли позицию стороннего наблюдателя? Почему вовремя не поставили меня в известность и не приехали ко мне? Даже звонка

от вас я не слышал!»

Командующий молчал, понурив голову. Затем Козлов недовольно буркнул Орлу: «Продолжайте». Выступление его было бледным.

После выступления комфлотом слово взял министр обороны СССР Малиновский.

Начал он примерно такими словами:

«Я считаю, что приведенные Мозговым факты надуманы. Он, видите ли, печется о боеготовности флота. А по существу, его требования тормозят дело, а порой и прямо направлены на срыв планового выполнения указаний Никиты Сергеевича Хрущева о сокращении существенно не влияющих на боеготовность флота частей…»

Говорил он в нервно-лающей манере, отчего его предложения сбивались в хаотичный ком и трудно было слушающим уловить даже контуры контраргументации. Он терял реноме маршала-фронтовика.

* * *

После Малиновского выступил председатель КГБ А.Н.Шелепин. Говорил он спокойно, уверенно, аргументи-рованно доказывая несостоятельность принятых руководителями Министерства обороны решений. В конце своей ремарки он резко прошелся по замечаниям Малиновского и Горшкова и отдельным моментам их неглубоких выступлений.

Начавшуюся сразу же полемику между Шелепиным и Малиновским с трудом погасил Козлов.

Когда закончилось заседание Политбюро и я, уставший от полудневного стресса, отправился в гостиницу, в мой номер позвонил первый заместитель председателя КГБ СССР генерал Петр Иванович Ивашутин. Он сообщил, что Фрол Романович высоко оценил мое выступление.

— А военные пусть покрутятся, — заявил он, — если мужества не хватило доложить как есть. Правда, точно горькое питье, неприятное на вкус, но зато восстанавливает здоровье.

Козлов от имени Политбюро сделал внушение Малиновскому и Горшкову и потребовал немедленно приостановить расформирование важных частей и соединений флота и в недельный срок дать подробные письменные объяснения по целому ряду позиций твоего доклада.

В тот же день я вернулся в Калининград и приступил к своим служебным обязанностям. Как же легко работалось после этого

военным контрразведчикам флота! Что же касается проблемы, то, согласно постановлению ЦК КПСС, Балтфлот в короткие сроки стал наращивать свою мощь: началась модернизация, появились новейшая техника, современные классы надводных и подводных кораблей.

— А дальше как и где служилось? — дежурно спросил Николай интересного рассказчика.

— Потом… потом пришлось послужить на Тихоокеанском флоте, в Каспийской флотилии и Прикарпатском военном округе, где меня сделали «сухопутчиком». Там мы с вами и познакомились, чтобы, как видите, через двадцать лет встретиться здесь.

* * *

Последняя встреча с Николаем Кирилловичем состоялась 17 декабря 1998 года в центральном клубе им. Ф.Э. Дзержинского.

В этот день состоялся торжественный вечер, посвященный 80-летию со дня образования органов военной контрразведки. В холле было много ветеранов. Среди них Николай увидел бледноватого и несколько осунувшегося генерала Мозгова, почему-то одиноко стоявшего среди островков «говорящих голов».

Он прислонился к первой правой колонне от входа в клуб. Стороженко подошел к нему.

— Здравствуйте! С праздником вас, Николай Кириллович!

— Здравствуй, здравствуй, дорогой. тебя тоже с праздником, — быстро говорил он, улыбаясь, с явным напрягом на лице. — Дожили до восьмидесятилетия. Как много прошло времени. Какими мы стали старыми.

— Теперь надо взять еще один рубеж — девяносто, — искренне пожелал Николай ему.

— Э, брат, нет, мне этот рубеж уже не вытянуть. Годочки промелькнули, как деревья мимо летящих вагонов.

Разве думал тогда Стороженко, что видит его в последний раз?!

В глазах генерала читалась плохо спрятанная жизненная усталость, хотя он и пытался ее не выказывать. Однако болезнь явно демонстрировала свое обличье, не стесняясь и никого не пугаясь. Он бросал взгляды из стороны в сторону, словно кого-то искал и не находил. Казалось, что Мозгов был чем-то встревожен, и эта волнующая озабоченность передавалась и Николаю.

Уже потом, вспоминая эту встречу, Стороженко пришел к выводу: таким образом генерал прощался с обстановкой родного

клуба и сослуживцами. А в тот вечер к нему подходили и подходили ветераны. Он их обнимал и скупо по-мужски целовал. Генерал тут же выходил из окружения одной компании и шел к другой группке седовласых коллег по чекистскому ремеслу. Говорил и слушал, слушал и говорил…

Вообще он был скуп на слова, не любил разглагольствований, но щедро умел слушать и слышать собеседника, проявляя исключительное внимание к человеку, с которым разговаривал. Он это делал естественно, правдиво, без фальши. Ветеран обладал божественной способностью излучать теплоту той вовсе не авторитетной истины, а просто живущей в открытой душе отведенного ему судьбой времени.

Его авторитет не давил на собеседника, он давал последнему раскрепоститься в поднятом вопросе и получить удовольствие сказать все свое без «перебивов» и выслушать мнение чужое. Он не мямлил, говорил четко и ясно, хотя и быстро.

А еще Николай вспомнил его последние слова, произнесенные внутренней, душевной болью за развеленное Отечество с повальной общественной деморализацией и поруганную армию, в защитниках которой он находился не один десяток лет. Он возмущался разрушенным образом жизни граждан разломанной страны, еще недавно ходившей в славе сверхдержавы.

Негодовал из-за появления «бациллы» морального разложения» людей в погонах, расцветом военной мафии, строящей себе не дачи, а царские хоромы на фоне хижин большинства честных офицеров и генералов. Он глубоко переживал за разлом цельной системы органов госбезопасности и их главного штаба — Комитета государственной безопасности.

И тогда Николаю в который раз подумалось: ах, если бы такие, как Мозгов, были у руководства органами госбезопасности или военной контрразведки в тот трагический для страны август 1991 года, они бы не струсили, как сделали это их отдельные высокопоставленные коллеги, смотрящие в рот болезненно амбициозным политиканам. Они держали нос по ветру, а потому и росли, росли, росли. Но, увы, прошедшие события не терпят сослагательного наклонения.

Честные и чистые граждане не в почете, когда бандитски захватывается власть, как не в почете был и Мозгов после того заседания Политбюро, где он спас флот, но ущемил себя.

Генерала казнили, таская по периферим, и долго не замечали, а если правильней, не хотели замечать сильного и умного, смелого и честного те, кто шел на руководящие посты не из профессионалов снизу, а прыгал с партийно-политических

трамплинов Старой площади на должностные пьедесталы Лубянки.

И все же он никогда не бросал дрожжей в помойку прошлой вакханалии. А еще он умел в службе требовать, но не унижать, а тем более не пользоваться услугами разносов и казней на эшафотах служебных гильотин.

Он был великодушен, как всякий сильный человек в своем деле.

31 декабря 1998 года Николая Кирилловича Мозгова не стало.

Он отошел в Вечность, которая нетленна! Отошел как герой нашего времени!

Тень абвера

Смиряясь в покаянии,
душа получает свою высоту.

А. Августин

Несколько лет назад Николаю пришлось пройти речным круизом на теплоходе «Молдавия» по голубой дороге Европы, Дунаю, от Будапешта (Венгрия) до Пассау (Германия) и обратно.

Для Стороженко Венгрия осталась в памяти страной лейтенантской юности, где в гарнизонах он нарабатывал опыт живого контрразведывательного ремесла. Венгерскую столицу он любил и знал хорошо, поэтому прилет в Будапешт освежил приятные воспоминания более чем тридцатилетней давности.

Аэропорт, автобус, размещение на теплоходе, обзорная экскурсия по городу, и «Молдавия» после протяжного гудка тронулась в путь в сторону Австрии. Прошли Словакию и наконец оказались в Германии, в городе Пассау.

Кстати, в этом городке, стоящем на границе с Австрией, служил таможенником отец бесноватого фюрера, а сам юный Адольф здесь же чуть ли не закончил свое земное пребывание. Он тонул в местной реке Инн, и его спас сверстник, которого Гитлер потом, со слов гида, сгноил в концлагере как оппозиционера, а значит, врага Третьего рейха.

Стороженко знал, что недалеко от Пассау расположена столица Баварии Мюнхен, где зарождалось нацистское движение и где будущими фашистами в ноябре 1923 года был организован «пивной путч» с целью сбросить баварское правительство, а затем пойти на Берлин и ликвидировать ненавистную, как им казалось, позорную Веймарскую республику. Тогда у них ничего не получилось, а самого фюрера власти упекли в темницу, сделав его узником камеры № 7 Ландсбергской тюрьмы.

Николаю хотелось побывать в этом городе и взглянуть на приснопамятный пивной подвал, откуда капитан Эрнст Рэм призывал к действиям и где он, в конце концов, пал от руки своих же сподвижников, убоявшихся силы его «штурмовиков».

Экскурсия в Мюнхен состоялась…

Подвал предстал во всем великолепии: играл небольшой духовой оркестр, заводилой конечно же был трубач-виртуоз. За дубовыми длинными столами сидели с литровыми кружками пива краснощекие баварцы в традиционных костюмах — кожаных бриджах и зеленых жилетках под темно-зеленым сукном курток.

Они гоготали с неподдельной искренностью, живо обсуждая какие-то, вероятно, смешные истории. Сновали молчаливые официанты.

* * *

Николай с женой тоже присели на свободные места за соседним столом. Заказали по кружке знатного золотистого местного — «Баварского» — напитка.

Вдруг к ним подошел старик-незнакомец и на ломаном, но достаточно понятном русском языке спросил:

— Вы ест рузкий?

— Да! — ответил Николай.

— Я немец. Звать миня Курт. Услышаль рузскую речь — захотель говорить с вам. Меня восемьдесят пять. Я старый человек. Я билль в Россия.

Выглядел он гораздо моложе своих лет — румянец на щеках, прямая походка, моложавое лицо, густая копна белых с ржавыми прядями волос, какие бывают у некоторых людей в ходе природного мелирования при глубокой старости.

Курт рассказал, что воевал в России, был пленен и возвратился в Германию только в 1953 году.

— Когда и где вам пришлось воевать? — поинтересовался Николай, готовый услышать банальную историю о насильно мобилизованном на фронт рабочем.

— Много воевать. Тяжело было везде — Орша… под Москвой — Крюково, Сталинград. Я билль в абвере — это нет, нет, не гестапо. разведка, Канарис. Понималь? Билль офицер — капитан.

И вот здесь Николаю снова вспомнился майор Деев, воевавший с абвером. Может, они и сходились где-то в незримом клинче? Вот как жизнь устроена: советский контрразведчик и абверовец разговаривают в пивной, где Гитлер и Гиммлер разражались азартными речами, создавая Третий рейх.

Николай заинтересовался подробностями его участия в битве под Москвой, так как готовил статью на эту тему для газеты. И вот что он рассказал.

— Зимой мы ворвались в Крюково, что на севере Москвы. Поселок запомнился лютым холодом, пронизывающим ветром и. моим дурным поступком. Я отобрал у девочки шерстяное одеяло и снял с ног валенки — большие, не по росту. Она так перепугалась, что даже не заплакала. В одеяле я тут же вырезал посередине отверстие — получилось своеобразное «пончо». А девочка мышонком шмыгнула в подворотню. Бежала в одних

носках. О, как мне помогли эти вещи, они мне спасли жизнь! Я с ними не расставался до самого Сталинграда, где и попал в плен.

Николай сразу же связал участие отца-паровозника в Сталинградской битве, где он доставлял эшелоны с вооружением и боеприпасами на передовую, а оттуда вывозил военнопленных, в числе которых мог оказаться и Курт.

«Действительно, может, и этого абверовца он вывез из пекла», — подумал он.

Времени оставалось мало, ждал автобус, чтобы ехать дальше по Мюнхену, поэтому Николай взял инициативу в свои руки. Его, естественно, интересовали впечатления бывшего врага о боях на подступах к столице.

— Сколько вы были в Крюкове?

— Неделю, а может, дней десять, не больше. Нас выбили ваши «катюши». Страшное оружие, земля горела вместе со снегом.

— Ваши газеты пишут, русским помогал «генерал Мороз».

— О, да, да, так пишут. Но мы жили в доме сбежавших хозяев. Обогревались печкой, топили дровами, углем, книгами и мебелью. Спали на полу возле очага. В Крюково был комфорт по сравнению с другими местами.

— Сожалеете, что раздели девочку?

— Да, потому и подошел к вам. Сейчас под конец жизни я стал чаще вспоминать свои грехи, чаще каяться, исповедуясь у священника. Честное слово, сегодня я бы встал на колени перед тем обиженным существом. Теперь, если не погибла, — мы перед уходом понаставили столько мин, что страшно даже подумать, — если жива, то это уже, наверное, пожилая дама… Русоволосая крюковская девочка в последнее время стала часто сниться, приходит ко мне в снах. Я испугался и потому через вас прошу прощения у нее.

После этих слов он как-то скукожился, сделался меньше и старше. По его морщинистым щекам покатились крупные горошины слез, какие бывают при глубоких переживаниях. Он повернулся и пошел в глубину прокуренного подвала.

Ах, как Николаю хотелось договорить с ним на эту тему, но времени было в обрез — слышалось, как сигналил автобус, собирающий туристов для дальнейшей поездки. Стороженко на выходе повернулся в сторону Курта. Тот смотрел на него, вытирая платком мокрые глаза.

* * *

Мог ли Николай предполагать, что, закончив службу в контрразведке, он встретится уже на гражданке с бывшим офицером абвера? И еще не предполагал, что эта встреча свяжет его событиями рокового 1941 года. и со второй интересной встречей в Крюково.

Позвал Николая в дорогу из Москвы в Крюково телефонный звонок давней знакомой — вдовы покойного командира полка по службе в Венгрии полковника Василия Викторовича Ванюшкина. Вдова его Лидия Андреевна поведала, что сестра мужа Анна Викторовна нашла часть дневника военного времени и готова поделиться с ним воспоминаниями о периоде гитлеровской оккупации поселка Крюково.

И вот Николай сидит в уютной комнате бывшей учительницы. Бросилось в глаза обилие книг. Основу личной библиотеки составляла классика. И немудрено, она была преподавателем русского языка и литературы. В самодельной рамочке в простенке между окнами висел портрет Сергея Есенина, по всей вероятности, вырезанный из журнала. На трельяже стоял подсвечник, в котором покоилась витая с бежевым оттенком стеариновая свеча, похожая на рог горного козла. Ее, видно, никогда никто не зажигал, так, для красы стояла. А может, и с практической целью, на всякий «пожарный случай» — веерного отключения боялась и Анна Викторовна.

— Чайку я согрею. А то с дороги небось промерзли. Вон какой морозище, — сердечно и сочувственно предложила хозяйка.

Николай удивился ее не по возрасту энергичной походке, рациональным движениям и красивому лицу славянской лепки с живыми карими глазами. В них не проглядывала возрастная усталость.

После чая Анна Викторовна рассказала, что она была маленькая росточком во время оккупации немцами Крюково, хотя ей и было неполных пятнадцать лет. Она вела дневник, любила хронометрировать время — события же были интересные. Потом его потеряла, а вот когда родительский дом стали ломать, он нашелся на чердаке. Она достала старые ученические тетрадки, сшитые черными нитками с объеденными, очевидно, сарайным гнусом — мышами или крысами, — уголками…

На титульном листе было выведено чернилами крупными буквами — «Дневник Ани Рудиной».

Она разрешила перелистать его, а потом так увлекла разговором, что уже было не до дневника. Николай включил с ее разрешения диктофон, записывая по ходу беседы интересные места. Женщина говорила четко, ладно строя предложения, украшенные удачными образами и сравнениями, поясняя

отдельные короткие записи.

«22.06.41 г. Сегодня в 11.00 утром по радио было объявлено о начале войны с фашистской Германией…»

— Чем были отмечены первые месяцы войны в поселке? — спросил Николай.

— О, это целая эпопея. В Крюково сразу же стали создавать народное ополчение и команды местной ПВО. Дежурили на крышах домов, так как налеты на Москву были практически ежедневными. Помогали взрослым строить оборонительные сооружения на Ленинградском шоссе: рыли противотанковые рвы, ставили проволочные заграждения, металлические ежи.

«3.07.41 г. Нас, учащихся с 7-го по 9-й класс, пригласили на Крюковский спортивный аэродром для эвакуации самолетов…»

— Как же вы их демонтировали?

— Самолеты разбирали специалисты, а мы помогали авиатехникам грузить части летательных аппаратов на военные грузовики. Работали быстро, слаженно и с задачей управились в три дня.

«26.08.41 г. Целыми днями роем окопы и противотанковые рвы на Ленинградском шоссе…»

— Не по руке, наверное, лопата была?

— Да! Тяжел труд, земля была плотно спрессована, высушенная за лето — дожди не баловали. Лопаты с трудом врезались в сухой глинозем. Нелегко было девочкам, но помогало сознание того, что мы роемся в земле для нашей же безопасности.

«10.09.41 г. Ученики двух местных школ работали на Жилинской фабрике елочных игрушек…»

— ???

— Вы удивились? Дело в том, что с первых дней войны на фабрике развернули производство легковоспламеняющейся горючей смеси. Жидкость эту заливали в бутылки, закупоривали и отправляли на фронт и в партизанские отряды. Потом я узнала, что это оружие еще называли почему-то «коктейль Молотова». Работа была вредной для здоровья. Если капелька смеси попадала на одежду, то мгновенно прожигала ткань, а на теле появлялся ожог. Одежда тлела и становилась ветхой даже от паров. За работу нам давали обед, а после обеда — чай, чему мы были очень рады.

«15.10.41 г. Сталин отдал приказ об эвакуации фабрик и

заводов, а также населения на восток страны…»

— Как она проходила?

— В Москве началась паника. Поездов для эвакуации недоставало. Ехали с детьми даже в товарных вагонах и на платформах. Некоторые шли пешком, оставив квартиры и имущество в столице. Рабочим и служащим выдали двухнедельное пособие и по пуду муки, так как пекарни и магазины не работали.

«17.10.41 г. Мы стояли за хлебом в очереди с 4 утра, а отпустили только на следующий день в 11.00…»

— Вдруг услышали сигнал воздушной тревоги. В небе появились два немецких самолета. Они сбросили бомбы на стоявший товарный состав. Паровоз тут же окутало клубами дыма и пара — осколками пробило котел. Мы побежали к месту взрывов. Из паровозной будки вынесли и положили на землю машиниста лет пятидесяти, у которого лицо и руки были ошпарены. Вокруг валялись фрагменты человеческих тел. Было ужасно страшно…

«2.11.41 г. По радио сообщили о прекращении эвакуации из-за частых бомбежек железнодорожных составов. Чувствовалось, немец приближается. Занятия прекратились. В школу привезли первых раненых. Жители поселка стали строить из подсобных средств укрытия в земле на случай бомбежек…»

— Мы каждую ночь уходили из дома в землянку-яму, выкопанную во дворе на глубину полтора метра. Сверху положили бруски и доски, жесть, фанеру и все это присыпали комьями замерзшей земли. На дне такого убежища стояла вода. Воздушные тревоги участились: по 4–5 раз днем и 3–4 ночью.

«24.11.41 г. Вчера немцы заняли Солнечногорск, а сегодня фашисты обстреляли поезд, шедший на Москву…»

— Состав остановился на станции Крюково и тут же был подвергнут авиационному налету. Сгорел полностью детский вагон. Пахло жженой костью и паленым мясом. Обгоревший состав долго стоял на станции. Он напоминал скелет какого-то чудовищного ящера…

«28.11.41 г. Продолжается активное отступление наших войск к Москве…»

— Солдаты шли по улице Ленина, по шоссе, по тротуарам. Многие советовали жителям покинуть поселок и идти в сторону столицы. Мы с мамой вырыли под террасой яму и спрятали

некоторые вещи. Сверху положили клеенку и засыпали землей. Спрятанное имущество замаскировали дровами, а сами ушли к соседям. У них была довольно просторная землянка.

Наши воины получили приказ: отступая, уничтожить все, что могло быть использовано немцами. В течение дня взорвали вокзал, железнодорожный мост, два кирпичных завода, сожгли школу, многие магазины, пекарню и другие объекты. Кругом все горело и гремело. Вечером взорвали часть полотна на перегоне Крюково — Сходня.

«1.12.41 г. В ночь с 30 ноября на 1 декабря немцы ворвались в Крюково. По поселку грохочут танки, сшибая деревья, заборы, строения и подминая изгороди из декоративного кустарника…»

— После танков в поселок въехал большой отряд мотоциклистов. Они сразу же стали выгонять мирных жителей из домов и обжитых землянок и занимать их. Мы сидели в яме-подвале без воды, еды и ждали смерти. Жажду утоляли снегом. Крюково вначале несколько раз переходило из рук в руки. Слышилась то родная русская речь, то вражий немецкий лай.

«2.12.41 г. Со вчерашнего дня началась оккупация. Сегодня расстреляли учительницу русского языка Полякову и ученика 9-го класса Диму Ярцева. Моя подружка Лида Теньковская была тяжело ранена. Ей оторвало снарядом обе ноги…»

— Немцы свирепствовали. Расстреливали за малейшую провинность… Из-за мокрого пола в яме и обездвиженности мы перемерзли. Вечером по крыше нашего подвальчика прошел какой-то немец и развалил ее. Приходилось на плечах держать потолок, пока взрослые искали подпорки.

«3.12.41 г. Я вышла из ямы, чтобы набрать чистого снега. Стала сгребать его в ведерко. Вдруг на меня сзади кто-то набросился. Я обернулась и увидела рыжего немца. Он снял с меня одеяло и отцовские валенки. Тут же в центре одеяла прорезал ножом отверстие и просунул туда голову. Валенки взял под мышку и пошел в сторону дома…»

И вот тут-то Николая словно током ударило. Он вспомнил все подробности беседы с Куртом в Мюнхене несколько месяцев назад.

— Извините, как он выглядел?

— Для меня тогда — зрелым мужиком, долговязым, рыжим. Других подробностей не могу вспомнить, вон сколько времени прошло! Да и с перепугу я его не очень-то и запомнила.

У Николая учащенно забилось сердце. «Мистика какая-то, и

только, — подумал он. — Надо же завязаться такому кольцу!»

— А вы знаете, Анна Викторовна, мне довелось случайно встретиться с вашим обидчиком, вернее, грабителем.

— Неужели? Ведь прошло столько лет.

— Да, да, не удивляйтесь. Он жив и выглядит довольно бодро.

Выслушав рассказ о беседе с бывшим абверовцем, собеседница задумалась под впечатлением от услышанного. Чувствовалось, что ее взволновало покаяние баварца. Она некоторое время молчала, глядя отрешенно куда-то в угол.

— А вы бы простили ему тот поступок? — спросил Николай, понимая, что в этом вопросе есть что-то бестактное и преждевременное.

— Дело в том, что кающиеся иногда бывают довольно-таки забавными субъектами. А отдельные типы готовы даже себя высечь, если бы это не было больно. Но, судя по слезам — хотя, как говорится, не только Москва, но и Крюково им не верит из-за обилия зла, которое они принесли на нашу землю, — я склонна поверить в искренность поступка моего злодея. Очищение души — великое дело. Он обрел покаяние в разговоре с вами.

— Выходит, я тогда посредник между Куртом и Аней по 1941 году? — заметил Николай.

— Я так и воспринимаю. Дай бог, чтобы в будущем за подобные грехи не приходилось каяться. Вот и зло Курта начало беспокоить его. Получается почти по Толстому — лучше терпеть зло, чем причинять его. Я уже забыла тот грабеж, а он, видите, вспомнил, — Анна Викторовна тяжело вздохнула и виновато смахнула слезу.

Видно, память вернула ее в то страшное время, когда она бежала в испуге без одеяла, служившего платком, и валенок, в одних носочках по колкому, горячему снегу к сырой яме, где пряталась от оккупантов ее мама с соседями.

Николай все же продолжил читать дневник, в котором дальше говорилось, что в ночь с 6 на 7 декабря разразился ожесточенный бой. Ударили «катюши», загудели самолеты. Под утро наступило затишье. Через некоторое время появились в поселке красноармейцы-саперы. Они обезвредили неразорвавшийся снаряд, лежавший у входа в яму, в которой пряталась Аня.

Последняя запись об оккупации датирована 8 декабря 1941 года.

«8.12.41 г. Немцы выбиты из поселка. Мы вышли из ямы. Наш дом был разграблен за неделю — немцы похозяйничали крепко…

Мебель всю сожгли… Привезли на грузовике хлеб. Мама отправила меня за пайком. Выдавали бесплатно по 300 граммов ржаного хлеба, 25 граммов подсолнечного масла и 25 граммов конфет-леденцов «Рябинка». По всему поселку валялись неубранные трупы…»

— Мы чудом выжили. Бог, наверное, помог. Дело в том, что с нами в яме-землянке сидела монахиня Андреевской церкви Анна Максимовна Галахова. Она все время читала молитвы и просила Бога и ангелов о спасении наших душ.

— Большие потери были у наших солдат в боях за освобождение Крюково?

— Очень много погибло красноармейцев, молодых и старых. Хоронили солдат и офицеров в общей могиле. Клали сначала еловый лапник на дно, а потом штабелями укладывали тела павших воинов. От крови, трупов, стонов раненых не могла неделю уснуть. Запомнился случай: на белом коне мимо нашего дома проехал очень красивый молодой солдат. Я его проводила взглядом и вдруг… оглушительный взрыв. Побежала вместе с другими соседями к месту происшествия. На снегу — кровь, куски мяса, шкуры и кожи. Это была, очевидно, противотанковая мина. Вообще на минах, расставленных фашистами, подрывалось много жителей.

Оккупация закончилась. Впереди были тяжелые бои для наших солдат и такие же будни для мирных граждан на пути к далекой еще победе.

Дневник дочитан. Гость тепло раскланялся с хозяйкой. По дороге в Москву, в полупустой электричке, мысли Николая снова вернулись к дневнику и незримой ниточке Анна — Курт. Их отношение к событиям прошлого ему показалось знаковым. Немецкий народ осудил фашизм и покаялся перед всем миром за беды, причиненные в годы Второй мировой войны. Не эта ли сопричастность к покаянию толкнула баварца подойти к русскому туристу? А может, религиозность и старческая сентиментальность? Кто знает.

Во всяком случае, Николай почувствовал удовлетворение от того, что выполнил совершенно случайно просьбу бывшего абверовца, а русская женщина великодушно простила, как она назвала его, «своего злодея».

Послесловие

Рассказывая о шпионах, разоблаченных моими коллегами, оболганными нынче четвертой властью, хотелось этим самым не только показать их самоотверженный труд, но и напомнить о том, что, пока существуют государства, независимо от взаимоотношений их глав между собой, будут активно действовать разведки, использующие в ходе противоборства самые передовые технологии и достижения человеческого разума. Тешить себя иллюзиями о паритетном сокращении усилий «больше знать о партнере» — величайшее заблуждение. Помешать же противной стороне добывать государственные секреты — важнейшая задача контрразведывательных органов.

Проходили века, сменялись политические режимы, распадались государства, однако во все времена предательство Родины, где родился и вырос человек, считалось тягчайшим преступлением. Совершивший его может быть прощен каким-нибудь временным режимом (постоянных не бывает), однако родимой землей — н и к о г д а!

А разве потомки прощают предательства предков?! Нет и нет — они судятся историей!

Самые страшные предательства — это предательства военных, давших присягу на верность Родине, а среди них самые подлые — это предатели на поле боя или в разведке, ибо разведка — это всегда поле боя незримого.

Эти преступления совершают только законченные подлецы, о которых когда-то говорил Ф.М. Достоевский: «Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убежденные, что их подлость есть высочайшее благородство, подлецы, стыдящиеся собственной подлости при непременном намерении все-таки ее докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы».

Шпионаж и его верный спутник — предательство — вряд ли исчезнут скоро, хотя они — не самое большое достижение человечества.

Тем более сурова история к тем, кто предал свое Отечество. Как уже было сказано, у любого гражданина нашей страны имелся свободный выбор и никто не мог запретить ему, рискуя собственной жизнью и свободой, гласно отстаивать свои убеждения. Те, кто стал перебежчиком и предателем, также имели такую возможность, но предпочли иной выбор и вошли в историю с позорным клеймом изменника.

В данном повествовании раскрыта третья категория подлецов Ф.М. Достоевского, которых величают в армейской среде

«кротами» или «оборотнями», из-за денег продавших душу дьяволу. Именно с ними вели бои военные чекисты, защищавшие ГРУ от проникновения вражеской агентуры. Это именно они разоблачали и обезвреживали настоящих врагов Отчизны. В то же время намеренно не показаны нюансы «технологии» выхода на шпионов, поскольку опыт, наработанный поколением советских чекистов, еще пригодится сотрудникам департамента военной контрразведки ФСБ России, которая, я больше чем уверен, еще возродится и возвратит себе былую славу и мощь.

Верю, что новое поколение профессионалов контршпионажа приумножит лучшие традиции офицеров госбезопасности и им будет сопутствовать оперативно-чекистское счастье.

А еще верю в возрождение великой России, которая станет такой непременно при условии единства: умного поводыря, трудолюбивого народа и вызревшей национальной идеи!